ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

№4 (9) • 2011

ВЕЛИКИЙ БОЛГАР

ОСТРОВ-ГРАД СВИЯЖСК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

№ 4(9) • 2011

Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с приятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка.

М. В. ЛОМОНОСОВ

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь правления Союза российских писателей;
Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — председатель правления Союза писателей Республики Татарстан;
Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);
Муратов Марат Яшарович — руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;
Переверзин Иван Иванович — председатель правления Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков *(Набережные Челны)*
Николай Беляев *(Владимирская область)*
Наталья Вердеревская *(Елабуга)*
Александр Воронин *(Казань)*
Лилия Газизова *(Казань)*
Владимир Гофман *(Нижний Новгород)*
Владимир Ермаков *(Орёл)*
Диана Кан *(Новокуйбышевск)*
Сергей Кузнечихин *(Красноярск)*
Николай Рачков *(Санкт-Петербург)*
Рамиль Сарчин *(Казань)*
Виктор Суворов *(Набережные Челны)*
Михаил Чванов *(Уфа)*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Главный редактор Николай Алешков
Заместители главного редактора Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Вера Хамидуллина
Редактор-корректор Алла Орехова
Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов
Офис-менеджер Александр Маркин
Художник Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке Михаил Медведев

ISBN 978–5–85247–517–6

Михайло Ломоносов

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чёрна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублён
Теряюсь, мысльми утомлён!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчётны солнца там горят,
Народы там и круг веков:

Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встаёт заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мёрзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

БОРИС ТАРАСОВ,
ректор Литературного института
им. А.М. Горького, д. ф. н., профессор

Марбургский период в творческом становлении универсалистского гения М. В. Ломоносова

Мемориальная доска, установленная в Марбургском университете в 1984 г. благодаря стараниям госпожи Барбары Кархофф, гласит:

«Михаил Васильевич Ломоносов
1711–1765
Студент Марбургского университета
1736–1739
Великий русский учёный и писатель
В 1755 году основал Московский университет,
который носит его имя».

И далее следуют строчки из его стихов, звучащие как вечно актуальный призыв и девиз:

«Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего ещё не видел свет».

Сам великий учёный и писатель, заложивший в Марбурге в первой трети XVIII века основы русско-немецких отношений в области науки и культуры, с младых ногтей и до смертного часа неукоснительно следовал этому, исходящему из глубины его личности, призыву и прославил своё имя в самых разных сферах творческой деятельности. По характеристике А. С. Пушкина, «соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения... Историк, ритор, химик, минеролог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник» [1]. Если добавить свершения Ломоносова в области физики, металлургии, астрономии, географии, этнографии, языкознания, ораторского искусства, народного просвещения, организации науки, то перед нами предстанет универсальный мировой гений со все-

[1] Пушкин А.С. Полн. собр. соч.М., 1949. Т. XI.С. 32.

объемлющими энциклопедическими познаниями, органично воплотивший ипостаси как писателя и поэта, так и учёного и исследователя. В разное время акцентировались то естественнонаучная, то гуманитарная составляющие творчества одного из самых выдающихся представителей исторической России. В ответ академик С. И. Вавилов в XX веке подчёркивал, что Ломоносов воплотил «неразрывную связь всех видов человеческой деятельности и культуры», и полемически заключал: «Обе крайности, несомненно, ошибочны. Великий русский энциклопедист был в действительности очень цельной и монолитной натурой. Не следует забывать, что поэзия Ломоносова пронизана естественнонаучными мотивами, мыслями и догадками... и в некоторых случаях даёт замечательные научно-дидактические образцы. С другой стороны — научная проза Ломоносова и особенно его «Слова» являются иногда такими же классическими примерами художественной прозы, как Saggiatore Галилея. Химические изыскания Ломоносова в области цветного стекла доведены до художественного конца мозаичных картин. Самый выбор химико-технологической темы — цветного стекла свидетельствует о Ломоносове как художнике. Поэтому часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гёте правильно и оправдывается не механическим многообразием культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков» [1].

Следует добавить также, что поэт и учёный в самом широком смысле столь же органично соединились в Ломоносове с гражданином. Он прекрасно знал свою страну и потребности её хозяйственного и культурного развития, ратовал за процветание общества и государства для «возведения народа на высочайшую степень величия, могущества и славы». Для Пушкина Ломоносов «один является самобытным сподвижником просвещения», стоящим по своему значению и величию между Петром I и Екатериной II: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [2].

Значительное место в становлении универсалистского гения Ломоносова занимают годы, проведённые в Марбургском университете. Университет был основан ландграфом Филиппом Великодушным в 1527 году и стал первым протестантским университетом в Германии. С 1723 по 1740 год там преподавал философ и учёный Христиан Вольф, имя которого стало европейской знаменитостью. В Марбург ехали из разных стран, чтобы послушать «мирового мудреца», как называли его в XVIII веке. Вольф читал лекции по всеобщей математике, алгебре, астрономии, оптике, механике, военной и гражданской архитектуре, логике, метафизике, нравственной политике, естественному и международному праву, географии, хронологии и являл для Ломоносова, видимо, первый и важный пример того самого универсализма и энциклопедизма во всечасном исследовании ещё непознанного великого и прекрасного, который станет отличительной чертой его собственной деятельности.

Слушая лекции Вольфа по философии и точным наукам, молодой Ломоносов не только вникал в конкретное содержание их предмета, но и уяснял общие понятия об их задачах и методах. «Мировой мудрец» выступал не только как преподаватель, но и как наставник русского студента, сообщая в Академию наук об его успехах. Особо он выделял его достижения в области математики, физики, философии, рисования, немецкого языка, и в одной из депеш докладывал: «Молодой человек, преимущественного остроумия, Михайло Ломоносов, с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто мои математические и физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простирать-

[1] Ломоносов. М.— Л., 194-. С. 3

[2] Пушкин А.С.. Полн. собр. соч.М., 1949. Т. XI.С. 32

ся будет, то не сомневаюсь, чтобы возвратяся в отечество, не принёс пользы, чего от сердца желаю» [1].

Ломоносовские страсть и усердие к «всечасному» познанию проявились в Марбурге и в частых покупках разнообразных книг. Только за пять месяцев 1738 года он приобрёл около семидесяти сочинений на латинском, немецком и французском языках по химии и физике, анатомии и географии, математике и медицине, философии и логике, гидравлике и горному делу, пособия по изучению латинского, немецкого, французского, итальянского языков.

Впечатляет и перечень художественных сочинений, купленных Ломоносовым в Марбурге в столь короткий срок. Здесь и древнегреческие, и древнеримские авторы: Анакреон, Сафо, Вергилий, Овидий, Марциал. Из произведений Нового времени представлены «Разговоры» и «Похвала глупости» голландца Эразма Роттердамского, «Похождения Телемака» француза Фенелона, «Путешествие Гулливера» англичанина Свифта, стихотворения немца Гюнтера. Если добавить сюда «Избранные речи» Цицерона, «Письма» и «Панегирик» Плиния Младшего, «Избранные и лучшие письма французских писателей, переведённые на немецкий язык», «Вновь расширенное поэтическое руководство, то есть кратко изложенное введение в немецкую поэзию» и другие сочинения философского, исторического, литературного, литературоведческого, лингвистического профиля, то можно представить себе, насколько Ломоносов, посланный Академией наук для получения и углубления новых знаний в теории и практике естественных наук, целеустремлённо и последовательно расширял в Марбурге свой культурный кругозор, живя безумной любовью, если воспользоваться словами Вольфа, к «основательному учению».

Неудивительно, что именно в Марбурге, штудируя «Подробное руководство к красноречию» ученика Вольфа Иоганна Готшеда, «О духовном и светском красноречии» Н. Коссена и другие подобные сочинения, задумывался над созданием единой нормы русского литературного языка. В конце 1739 года он отправил в Академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства», которое определило развитие отечественного стихосложения на два столетия вперёд. В Марбурге же Ломоносов стал переводить стихи иностранных авторов на русский язык, после некоторого перерыва возобновил собственное стихотворство, вылившееся опять-таки в конце 1739 года одним из его поэтических шедевров — «Ода Блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина». Можно предположить, что в этом сочинении он использовал художественный опыт Иоганна Христиана Гюнтера в «Оде по случаю победы принца Евгения Савойского над турками». Позднее поэтическое выражение идей Вольфа проявилось в стихах его ученика, этой «светлой головы», по словам наставника, — в «Утреннем размышлении о Божием величестве» и в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния».

Пребывание Ломоносова в Марбургском университете не могло не отразиться на том великом начинании, которое обессмертило его имя в истории русского просветительства. Речь идёт о его проекте создания Московского университета, который был осуществлён в 1755 году с помощью И.И. Шувалова. Размышления над устройством будущего первого российского университета, «по примеру иностранных ... что весьма справедливо», Ломоносов принимал во внимание и особенности организации образования в университете, в котором сам учился. В письме И.И. Шувалову он замечал: «... тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине представляются» [2].

---

[1] Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.— Л., 1961. С. 72

[2] Цит. по: Лебедев Е. Ломоносов.М., 1990. С. 330

Опыт знакомства Ломоносова с Марбургским университетом сказался не только на построении факультетов и структуре кафедр в Московском. В его проекте предполагалось создание гимназии, которая готовила бы будущих студентов. Он сам составляет ежедневное расписание для гимназистов, включая в круг первостепенных предметов арифметику, географию и «философии первые основания».

Большое значение изучению философии придавал, как известно, наставник Ломоносова Вольф, считая её «наукой всех возможных вещей, как и для чего они возможны суть». Немецкий учёный настаивал на необходимости излагать философские мысли на своём языке, а на латыни, и первым в Германии стал писать философские сочинения на живом родном языке. Этот шаг Вольфа в XIX веке высоко оценит Гегель в третьем томе «Истории философии» и отметит, что именно тогда любой народ обретает настоящее просвещение и культуру.

Изучение философии ещё в юном возрасте Ломоносов полагал важным элементом полноценного образования и ещё в Марбурге размышлял вслед за Вольфом о необходимости её преподавания на русском языке. Как подчёркивает Барбара Кархофф, «Вольф читал лекции не на латыни, как было принято в те времена, а на немецком языке, что подтолкнуло Ломоносова к выводу: и в России преподавание надо вести на родном языке»[6]. В год кончины Ломоносова в Санкт-Петербурге был издан труд Вольфа, подготовленный к публикации при участии прославившего своё имя его русского ученика «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании оной...», где в специальных главах говорилось о правильном построении языковых конструкций и должном словоупотреблении.

Как бы опираясь на теорию и практику Вольфа в области языка, Ломоносов в упомянутом выше «Письме о правилах российского стихотворства» заключает, что российские стихи, так же «красно и свойственно сочетаваться могут», как и немецкие. По его убеждению, необходимо развивать и углублять природные свойства русского языка, не заимствовать ничего не соответствующего этим свойствам из других языков, но и не отвергать лучшего в них. Подобные выводы на различном материале посвоему варьируются и в более поздних работах Ломоносова («О качестве стихотворца рассуждение», «О пользе книг церковных в российском языке»).

Детально продумывая план обучения в гимназии при Московском университете, Ломоносов включил для латинских классов многие произведения тех античных авторов, сочинения которых приобрёл и прочитал в Марбурге. Из немецких писателей тоже рекомендовал Готшеда, Мосгейма, Конница, Гюнтера и др., из французских — Фенелона, Мольера, Расина. Для преподавания «первых оснований нужнейших наук» он предлагал перевести и адаптировать «Арифметику» и «Геометрию» Вольфа. Логику, метафизику, физику планировалось преподавать по другому труду Вольфа: «Вольфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращённая, с которого на российский язык перевёл Михайло Ломоносов, Императорской Академии наук член и химии профессор, 1746».

Этим переводом, соучастием в переводах других трудов Вольфа и их популяризации Ломоносов, помимо интересов отечественного просвещения, словно отдавал дань благодарности своему немецкому учителю, по его словам, «выше простых смертных поставленному», а также признавал важное значение марбургского периода в своём творческом становлении.

События минувшей осени

«СИЯНИЕ РОССИИ», ОЧИЩАЮЩЕЕ И ПРОСВЕТЛЯЮЩЕЕ

В эту осень Иркутск собрал славный урожай замечательных дат. Это — 350-летие города, Вампиловский фестиваль, музыкальный фестиваль «Звёзды на Байкале», первый детский областной фестиваль «Солнечный круг», Дни Москвы в Иркутской области. А также Дни русской духовности и культуры «Сияние России», начало которых ознаменовалось 25 сентября звоном колоколов Собора Богоявления.

День на радость солнечный. Небо ясное. Лица просветлённые. И листья золотом горят, как купола. Праздничное богослужение. Крестный ход. Молебен «Во славу земли Иркутской».

И ещё целую неделю город дышит вдохновением.

Газеты пестрят заметками, в которых то и дело в глаза бросается: «праздник», «фестиваль». И с первым определением происходящего можно согласиться. Ведь где душа поёт, там и праздник. А по поводу второго: Валентин Григорьевич Распутин — один из основателей «Сияния России» (наряду с Владыкой Иркутским и Ангарским Вадимом и поэтом Марком Сергеевым) — считает неправильным называть эти Дни фестивалем. Так как сама идея имеет более широкий смысл, нежели просто массовое празднование. И поэтому всё то, что поднимает нашу русскую православную душу на высоту подлинную, очищающую и просветляющую — это и есть «Дни русской духовности и культуры «Сияние России».

«Сияние» призвано раскрыть силу духовной и культурной жизни иркутян, а также россиян, живущих за пределами земли иркутской. Именно поэтому вот уже восемнадцать лет подряд на празднование сюда съезжаются поэты, писатели, актёры, певцы, музыканты со всей России. И это своего рода рукопожатие, обмен творческими дарами и духовным богатством.

А гостей перебывало здесь немало.

Писатели: Валерий Ганичев, Геннадий Иванов, Владимир Личутин, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Владимир Крупин, Леонид Бородин, Андрей Воронцов, Александр Сегень, Николай Дорошенко, Александр Бобров, Валерий Хайрюзов, Мария Аввакумова, Нина Карташёва (Москва), Василий Белов (Вологда), Виктор Лихоносов и Николай Зиновьев (Краснодар), Диана Кан и Евгений Семичев (Новокуйбышевск), Виктор Потанин (Курган), Пётр Краснов (Оренбург), Михаил Чванов (Уфа), Анатолий Гребнев (Пермь), Николай Рачков (г. Тосно Ленинградской области), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Владимир Молчанов (Белгород), Надежда Мирошниченко (Сыктывкар), Валерий Михайлов (Казахстан), Аркадий Елфимов (Тобольск), Юрий Перминов (Омск), Александр Щербаков (Красноярск), Елизавета Фомина (Улан-Удэ), Вячеслав Сукачёв (Хабаровск). Критики и публицисты: Игорь Шафаревич, Александр Панарин, Владимир Бондаренко, Владимир Данилович Попов, Капитолина Кокшенёва, Ирина Стрелкова (Москва), Юрий Павлов (Армавир). Актёры, кинорежиссёры и кинооператоры: Анатолий Заболоцкий, Георгий Жжёнов, Николай Ряполов, Никита Михалков, Александр Абдулов, Василий Лановой, Николай Бурляев, Александр Михайлов, Владимир Заманский, Николай Олялин. Певицы и певцы: Татьяна Петрова, Евгения Смольянинова, Леонид Харитонов (Москва), Александр Шахматов (Австралия). Певческие, музыкальные и танцевальные коллективы: Кубанский казачий хор, мужской Праздничный Патриарший хор Свято-Данилова монастыря, Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга под управлением Владислава Чернушенко, московский мужской хор «Пересвет», хор Сретенского монастыря, ансамбль народного танца «Гжель». Вот неполный список

творческих коллективов и выдающихся имён, которым посчастливилось быть в числе приглашённых на «Сияние России» прошлых лет.

В нынешнем году в Иркутск Валентин Григорьевич пригласил создателей самого многотиражного российского журнала «Наш современник»: заместителя главного редактора, критика и публициста Александра Ивановича Казинцева и заведующего отделом прозы, члена Союза писателей России, лауреата многочисленных литературных премий, в том числе — им. Василия Шукшина и Андрея Платонова — Евгения Васильевича Шишкина. Отозвались на приглашение: пермский поэт, лауреат премии Союза писателей России «Традиция» и других премий Игорь Николаевич Тюленев, а также заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Родная Ладога» (г. Санкт-Петербург), поэт, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской поэтической премии им. Николая Гумилева Валентина Валентиновна Ефимовская. Приехал из Благовещенска член Союза писателей России, член правления благовещенской писательской организации Владимир Алексеевич Куприенко, автор многих сборников рассказов и повестей, в том числе уникальной книги «Православие на Амуре».

Каждый из них провёл встречу (и не одну!) с читателями и почитателями.

В отношении Дней русской духовности и культуры гости единодушны — нет ничего подобного ни в Перми, ни в Питере, ни даже в столице. И Распутина ни у кого нет! И Байкала! Потому с особым восторгом были приняты поездки на малую родину Валентина Григорьевича в Усть-Уду и родные места святителя Иннокентия Вениаминова в с. Анга. Ну, и, конечно же, на «славное море».

Неизгладимое впечатление произвёл на приезжих и город. Все отметили, что у Иркутска есть своя индивидуальность, своё лицо, не опошленное наплывом рекламных щитов и баннеров.

Безусловно, заслуживают благодарности усилия организаторов, в частности Министерства культуры и архивов Иркутской области, Правления Иркутского регионального отделения Союза писателей России, лично Владимира Скифа, Сергея Ступина, Юрия Баранова, Любови Васильевой, Валентины Семёновой, Василия Забелло.

Художественные выставки, концерты, конкурсы, литературные встречи, презентации книг, выступления не только взрослых, но и детских коллективов наполнили «Сияние».

Всколыхнули Иркутск выступления заслуженной артистки Российской Федерации Евгении Смольяниновой и Государственного академического русского народного хора им. М. Е. Пятницкого, который открыл Дни Москвы в Иркутске.

Надо отметить, что накануне правительство Москвы и Иркутской области подписали соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве.

Замечательный подарок москвичи преподнесли иркутянам, передав библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского три тысячи экземпляров редких, изданных в столице малым тиражом, книг. В Москву же уехали книги писателей и поэтов Иркутска.

Завершились праздники презентацией проекта «Славлю Россию, Иркутск и Байкал», включившего в себя антологию стихов о России, Иркутске и Байкале и юбилейный диск песен иркутских поэтов и композиторов к 350-летию Иркутска, а также литературным вечером, посвящённым творчеству Валентина Григорьевича Распутина с участием артистов Иркутского театра юного зрителя им. А. В. Вампилова и писателей Ю. Баранова, В. Скифа, В. Забелло, В. Семёновой.

Светлана АНИНА,
г. Северобайкальск

АКСАКОВСКИЙ ЛИСТОПАД

Но мы с тобою, брат мой милый,
Мы любим осени приход,
И самый вид её унылый,
Для нас исполненный красот,
Какую-то имеет сладость!
С. Т. Аксаков

Вот уже двадцать первая осень в Уфе начинается с именем Сергея Тимофеевича Аксакова, в двадцать первый раз гости праздника ступают по старинным памятным местам Башкирии, связанным с ним. В этом году на его родине в приход торжественно-печального времени года отмечали 220-летие русского классика.

Знаменитый автор трилогии «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника», «Воспоминания», и конечно, сказки «Аленький цветочек» родился в Уфе, на берегу реки Белой, в Голубиной слободке.

Сегодня в столице Башкирии много мест, связанных с именем земляка. Это и улица Аксакова, и Аксаковский народный дом (сегодня носящий имя Башкирского государственного Театра оперы и балета); и живописный сад им. С. Т. Аксакова с лебедями на пруду, на территории его места рождения; и дом, где прошли детские годы будущего писателя, в котором в 200-летие со дня его рождения был открыт Мемориальный дом-музей.

Международный Аксаковский праздник в Башкортостане — это уже мощная традиция со своей историей, своими узнаваемыми, ставшими родными лицами. Он стал за эти двадцать лет праздником русского Слова, культуры, православной семьи, духовности, исконных традиций. Праздником, в котором участвуют всем миром — от ученика Аксаковской гимназии до Президента Международного фонда славянской письменности и культуры.

Гости праздника на три коротких и насыщенных дня сливаются с упоительной природой и жителями аксаковского вдохновенного края, местами, описания которых стали украшением русской прозы.

В разное время гостями праздника становились и потомки Аксаковых из России и других стран: Кузнецовы из Челябинска, Ю. Матвеев из Санкт-Петербурга, Аксаковы и Кулешовы из Москвы, З. Гудкова и Соколовы из Уфы.

Главным достижением, стержнем аксаковского движения бесспорно является присуждение Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова выдающимся литераторам, которым небезразлична судьба России. Первым лауреатом премии в 1996 году на VI Аксаковском празднике стал Василий Белов, в 2000 году на X Международном Аксаковском празднике наградили Валерия Ганичева, в 2002 году премии был удостоен Михаил Чванов, в 2005 — Валентин Распутин, в 2008 году на XVIII Международном Аксаковском празднике лауреатами стали Станислав Куняев и Анатолий Генатуллин, последним лауреатом на сегодняшний день является Константин Скворцов, премированный в прошлом году.

Открытием нынешнего XXI Международного Аксаковского праздника в Уфе стал приезд народного артиста России Александра Михайлова. Как сказал директор Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, Председатель Аксаковского фонда, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры, секретарь Правления Союза писателей России Михаил Чванов, «он и прибыл в Уфу с прице-

лом попасть на праздник». Особенно сближала двух давних знакомых дружба с ещё одним близким по духу человеком — Вячеславом Клыковым, память о котором им обоим одинаково дорога. Вспомним о нём и мы. Вячеслав Михайлович Клыков был известным русским скульптором и общественным деятелем, заслуженным деятелем искусств РФ, лауреатом Государственной премии СССР, академиком, главой всероссийского соборного движения, генерал-лейтенантом казачьих войск. Невозможно отделить Клыкова-художника от Клыкова-гражданина. Помним первую встречу с ним: мужественный, немногословный, излучающий мощную, небесную энергетику. Говорил он лаконично, рубя фразы, но удивительно ёмко, смело и глубоко. О таких говорят: «духовный пастырь». Некоторым из нас повезло: диплом Международного фонда славянской письменности и культуры мы храним с его подписью.

Александр Михайлов торжественно открыл выставку живописи из фондов Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова «Родина Аксакова» в АФ-Банке, а вечером в Голубой гостиной прошла творческая встреча Народного артиста с Аксаковским фондом. А в доме-музее писателя в честь юбилейного праздника состоялось открытие выставки «Навеяно Аксаковым» из собрания картин мецената и члена Попечительского совета Аксаковского фонда Вячеслава Аброщенко.

Не с пустыми руками приехали на праздник ребятишки из города Трёхгорного, что в Челябинской области, — коллектив театра «Открытая книга» Центральной детской библиотеки им. С. Т. Аксакова. Спектакль «Аленький цветочек» был показан в Аксаковской гимназии г. Уфы. У Аксаковского фонда с этим маленьким мужественным городом давно сложились добрые отношения.

По традиции у памятного знака родственникам С. Т. Аксакова в Касимово (Шакша, имение деда писателя) закружился хоровод юбок национальных костюмов. Парад детских вокальных и танцевальных коллективов вызывал не только восторг у гостей, но и споры о костюмах, движениях, стилизации и национальных орнаментах.

Главный редактор альманаха «Аргамак», поэт Николай Алешков и автор-исполнитель Александр Тарасов из Набережных Челнов уже второй раз на празднике. А их земляк, заслуженный строитель Республики Татарстан, президент общественной организации «Челнинское землячество» Альберт Петров — в первый. А. Тарасов привёз новый диск под названием «Аксаковская осень». Именно здесь и состоялась его презентация.

Ещё в прошлом году непревзойдённым даром Аксаковской земле стал памятник у входа в музей в селе Надеждино (Белебеевский район). Патриарх русской словесности изображён восседающим в кресле и взирающим окрест себя, своего имения и своей родины, а у ног его — преданная собака, конечно, охотничья. Автор монумента — скульптор, народный художник Республики Беларусь Иван Миско. Именно таким — на страже непреходящих ценностей — Сергей Тимофеевич увиден автором памятника, отлитого из бронзы в братской Казани.

Ещё один гость праздника, не впервые оказавшийся на родине Аксакова — дипломат Вячеслав Новиков из Женевы. Он рассказал о том, как влился в Аксаковское движение: «Я, чтоб не разорвалась связь с Россией и русским словом, живя в Швейцарии, выписываю уже много лет журнал «Наш современник». Именно из него я и узнал о добрых делах Аксаковского фонда, о возрождении храмов, в частности, мне запомнился материал о возрождении Дмитриевского храма, и я на него откликнулся. Вот тогда-то меня и пригласили на Международный Аксаковский праздник».

Полной неожиданностью было появление на ступеньках Аксаковского сада самого «купца первой гильдии» и мецената уфимского Василия Ильича Видинеева, встречавшего гостей на пороге непосредственного места рождения знаменитого писателя-земляка. Актёр, исполнявший его роль, рассказал о Летнем театре, «шедевре деревянного зодчества с многоярусным залом, большой сценой и великолепной акустикой, признанном одним из лучших театральных зданий 19 века». Простояв более ста лет, этот театр был вдруг снесён в лихие девяностые. Наконец-то история старой Уфы, которая, как известно, старше Петербурга, превращается из пыльной забытой кладовой в сокровищницу, из которой по одному достаются реликты. Гости поинтересовались персоной уфимского купца и настойчиво потребовали рассказать о нём. И нам пришлось напрячь память и прогуляться по саду, вспомнив добрым словом Видинеевский театр и недобрым тех, кто его снёс. В самом саду, воссозданном в духе эпохи, прошёл литературно-музыкальный вечер, унёсший всех в эпоху салонов, гостиных с романсами, стихами, пением под фортепиано... И вновь звучали стихотворения С. Т. Аксакова:

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!..
Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса, и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!

Есть у Михаила Чванова книга «Загадка гибели шхуны «Святая Анна», своего рода расследование. В 1912 году Северным морским путём отправилась парусно-паровая шхуна «Святая Анна». Возглавил эту экспедицию лейтенант флота Георгий Брусилов. Отплыв летом из Санкт-Петербурга, уже в октябре судно попало в ледовый плен у берегов Ямала и начало дрейф на север. На Большую землю вернулись только два человека — штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад. Их четырёхсоткилометровый переход по дрейфующим льдам к Земле Франца-Иосифа вошёл в историю полярных исследований. Для писателя Вениамина Каверина Альбанов стал прототипом штурмана Климова в романе «Два капитана».

Особой группой среди приглашённых стали герои-полярники, отправившиеся по следам «Двух капитанов» и повести М. А. Чванова о прославленном уфимце Валериане Альбанове — один из организаторов и участников Поисковой полярной экспедиции, состоявшейся спустя аж 96 лет (!) после арктической трагедии и сделавшей сенсационные находки: останки, вещи и дневники одного из членов группы Альбанова, заслуженный военный лётчик, Герой России, генерал-лейтенант Николай Гаврилов и начальник этой экспедиции, Олег Продан. О своём захватывающем и путешествии

они и поведали ученикам Аксаковской гимназии (в которой учился и сам Альбанов) на уроке мужества, рассказав о находках, об условиях жизни и труда на полюсе. И раньше у ребят — учеников гимназии была уникальная возможность провести 45 минут с выдающимися людьми — гостями праздника (их уже проводили и поэт К. Скворцов, и научный сотрудник Эрмитажа Ю. Матвеев, и известные русские писатели С. Куняев и В. Ганичев). Но настоящие герои Арктики, будто сошедшие из книг о приключениях и путешествиях — такое в школьном возрасте, наверное, запоминается вдвойне.

Каждый год мероприятием, венчающим праздник, является торжественный вечер в Аксаковском Народном доме (Театре оперы и балета РБ). К приходу гостей здесь звучала музыка, сверкали огнями люстры, отражаясь в больших зеркалах, дамы в бальных нарядах с замиранием сердца ждали момента объявления первого танца долгожданного Аксаковского бала. Кавалеры и дамы создали живой коридор, пропустив вперёд хозяина вечера — 1-го Гражданского губернатора Уфимской губернии, сына С. Т. Аксакова Григория Сергеевича Аксакова. Как и купец Видинеев, он решил лично предстать перед гостями праздника.

На торжественном вечере были вручены дипломы Международного фонда славянской письменности и культуры солистке ансамбля русской песни «Сударушки» Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино» Валентине Ушаковой — за многолетнюю педагогическую, общественную и творческую деятельность; генеральному директору ИКЦ «Лигас» Виктору Петрову — за двадцатилетнее служение Аксаковскому фонду; генеральному директору АНСО «Полярный мир», почётному полярнику Олегу Продану — за руководство поисковой полярной экспедицией по следам пропавшей без вести экспедиции Валериана Альбанова.

Аксаковская студенческая премия, учреждённая Советом городского округа г. Уфа — поощрение студентов, представивших наиболее яркие работы на аксаковскую тему. Вот, например, научно-популярный видеофильм «Провинциальная усадьба в 1812 году: Аксаковы и культурная среда дворянства Уфимского уезда» снимался в течение нескольких месяцев в интерьерах Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, как раз представляющих данную эпоху. Фильм, составленный по рукописным родословным реальных исторических лиц и другим документам, стал полезным приобретением уфимского краеведения. Работа проводилась студентами-историками. Ещё одна творческая конкурсная работа, оставшаяся в экспозиции музея, — «Домашний кукольный театрик». Авторы работы не просто «оживили» мини-театр, долго лет стоявший в забытье среди музейных вещей, но и показали любимый студентом Сергеем Аксаковым спектакль «Ненависть к людям и раскаяние». Стипендию получила и аксаковская экскурсия в историко-культурный центр «Надеждино» под названием «Музейный туризм в Республике Башкортостан».

Были вручены дипломы и Третьего межрегионального интернет-конкурса «Аксаковский «Аленький цветочек». Юные поклонники творчества С. Т. Аксакова присылали свои работы из разных уголков Башкортостана, Татарстана, Свердловской, Омской, Оренбургской, Воронежской областей, Украины, Белоруссии.

Гимн Международного Аксаковского праздника «В Надеждино звонят колокола» на стихи К. Скворцова всегда звучит на сцене театра. Первым и бессменным исполнителем его уже много лет является заслуженная артистка России, народная артистка РБ Татьяна Петрова.

Международный Аксаковский праздник в этом году проходил одновременно с ещё одним значимым событием русской культуры на башкирской земле — II Конгрессом русских Башкортостана. Поэтому программы и события их были органично совмещены: делегаты Конгресса возложила цветы к памятнику С. Т. Аксакова

в Уфе и вместе с гостями отправились в Аксаковский Народный дом (Театр оперы и балета). Председатель Собора русских Башкортостана Владимир Самородов в своём выступлении порадовал вниманием к городу, к его культурному облику, к памяти, которую мы обязаны запечатлеть. Он вновь поднял проблемы, которые беспокоят сегодня городскую общественность. Давно уже ставший злободневным вопрос о воздвижении в Уфе памятника её основателю воеводе Ивану Нагому прозвучал на высоком официальном уровне. Так же, как и выдающемуся музыканту и пианистке Вере Тимановой, исследователю и одному из первых краеведов Петру Рычкову, художнику Михаилу Нестерову, что особенно актуально накануне 150-летнего юбилея М. Нестерова. Далее В. Н. Самородов затронул серьёзную проблему недофинансирования русских историко-культурных центров республики, без чего невозможно ждать от них полноценной работы. Не секрет, что сегодня не только в нашем регионе, но и в стране в целом, наблюдается общая тенденция сокращения русского населения. Активное участие в работе «Собора русских Башкортостана» принял секретарь правления Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова, неизменный гость Аксаковского праздника Константин Скворцов.

Международный Аксаковский праздник становится ярким народным фестивалем, мощным мероприятием, как на республиканском, так и на федеральном уровне. Здесь не только славословят, но и подводят итоги, задают новые вопросы, произносят достаточно жёсткие речи... Год от года происходит повышение уровня значимости праздника. К сожалению, 220-летие С. Т. Аксакова отмечалось лишь провинцией: в Башкортостане, Оренбурге, Бугуруслане, Ульяновске прошли III Аксаковские чтения, в библиотеке его имени в Новосибирске, но не в столице России.

С окончанием XXI Международного праздника юбилейные события на родине писателя не закончились. Члены Аксаковского фонда решили в целях пропаганды творчества великого земляка расширить традиционный маршрут по аксаковским местам и прямо по тексту книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» посетить все упоминающиеся уголки бывшей Оренбургской губернии. Отправной точкой стал Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе. Организаторы автопробега — Аксаковский фонд и спортивный клуб охотников «Рада».

С уходом каждого праздника осень окончательно вступает в свои права, отсчитывая последние тёплые деньки. Вихрь опадающих листьев, будто страницы закрывающейся книги, свидетельствует о завершении. А в голове неумолчно стоит говор Аксаковских колоколов Дмитриевского храма...

Элеонора ФАЙЗУЛЛИНА,
кандидат филологических наук, член Союза журналистов РФ и РБ,
научный сотрудник администрации г. Уфы,
Юлия АБДУЛЛИНА,
научный сотрудник Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова

«Я ПОСЕТИЛ РОДИМЫЕ МЕСТА...»

2 октября в Рязанской области состоялся Всероссийский праздник есенинской поэзии «И душа моя — поле безбрежное».

В день празднования 116-летия Сергея Есенина село Константиново вновь принимало гостей, съехавшихся на торжество из разных регионов страны. Посчастливилось и мне в составе московской делегации российских писателей, в числе которой

были и мой учитель по Высшим литературным курсам Валентин Васильевич Сорокин, и литинститутовские однокашники Антонина Спиридонова и Владислав Цылёв, побывать на родине поэта.

Несмотря на пронизывающий ледяной ветер Оки, атмосфера праздника была насыщена теплом общения почитателей поэзии великого лирика России. Каждый смог прикоснуться к истокам его жизни и творчества, к природе, его взрастившей и воспетой им в стихах.

Константиновский базар, раскинувшийся на площади при въезде в село, пестревший разноцветными торговыми палатками, встречал гостей сувенирами народных умельцев. А скоморохи и ряженые задорно зазывали смельчаков — и взрослых, и детей — принять участие в народных потешных играх. Согревали душу не только устроенные забавы, но и горячий чай вприкуску с пряниками и сушками. Чай разливался из настоящих дымящихся самоваров, бока которых, может быть, помнят руки сельчан — ровесников Сергея Есенина.

Повсюду, где только ни скапливался народ, звучали стихи поэта и песни на них. На веранде дома Л.И Кашиной молодые артисты показали отрывок из спектакля «Анна Снегина». На одной из праздничных площадок прозвучали духовные песнопения, исполненные хоровым ансамблем Рязанского государственного университета им. С. Есенина. Особой популярностью среди гостей пользовалось литературное кафе «Стойло Пегаса».

Началось торжество с посещения дома родителей поэта и возложения цветов к памятнику С. А. Есенина, где юные таланты ассоциации «Одарённые дети России» читали есенинские строки и свои стихи. Главным же аккордом дня стал концерт, развернувшийся на центральной летней эстраде села. Музыка, песни, поздравления и стихи разносились ветром по всей округе. Публика грелась щедрыми аплодисментами и танцами, периодически заполонявшими сцену и площадку у её подножия. Прозвучали со сцены и наши стихи. А когда мы, выстроившись в торжественную ли-

нейку, терзаемые нещадным сквозняком, стояли на эстраде и слушали друг друга, произносили, даруя зрителям, заветные строки, то чувствовали, что с большого полотна, сбоку от эстрады, на нас смотрел и нас слушал сам Сергей Есенин. Мне постоянно казалось, что он присутствовал на празднике и сопровождал нас повсюду. Будто он в очередной раз приехал домой и, узнавая и не узнавая родимые места, радовался встрече с друзьями.

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с берёзовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам<...>

С 3 по 7 октября в Рязани прошёл большой фестиваль «Межрегиональная книга России», в котором приняли участие представители Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Орла, Смоленска, Тамбова, Калуги, Липецка и других регионов. И куда я и Владимир Фомичёв — поэт, лауреат литературных премий Н. Некрасова, А. Чехова и других — поехали по окончании праздника в Константинове.

Рязань тоже нас встретила непогодой.

Дрогнули листочки, закачались клёны,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зелёный,
Зашептался с эхом высохший ковыль...

Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись вётлы к мутному стеклу,
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу.

Однако встречи с интересными людьми, приверженными литературе, насыщенная программа фестиваля, святые рязанские места, которые мы посетили в один из экскурсионных дней, не только согревали нас, но и полнили сердца оптимизмом. Несмотря на смутные кризисные времена, в России живёт любовь к чтению, электронная книга и Интернет лишь расширяют литературное пространство. А изданная книга в печатном варианте не утрачивает своей привлекательности, становится особой ценностью, позволяющей во время чтения слышать шелест страниц, ощущать их своеобразный запах, наслаждаться красками, осязать материальность слова. И народная мудрость «что написано пером, то не вырубишь топором» приобретает в современном мире новое звучание...

3 октября мы участвовали в акции «Читающий троллейбус «Осень в городе поэтов». Утром, от площади Соборной, около Рязанского областного государственного театра для детей и молодёжи, стартовал маршрут № 3, который на целый день превратился в музыкально-поэтическую площадку. Перед отправкой троллейбуса Владимир Фомичёв прочитал стихи, а я, прямо на остановке, спела под гитару есенинские песни.

Затем троллейбус, украшенный яркими кленовыми листьями, бесплатно развозил людей по поэтическим улицам города, а молодые библиотекари, студенты и пассажиры читали любимые стихи разных поэтов. Конечно же, в день рождения Сергея Есенина предпочтение отдавалось его творчеству. Примечательно то, что акция «Читающий троллейбус», подготовленная Рязанской областной универсальной научной библиотекой им. Горького и областным советом молодых библиотекарей при поддержке комитета по делам молодёжи и комитета по культуре и туризму Рязанской области, стала уже традиционной и пользуется популярностью среди жителей города.

4 октября состоялось открытие нового корпуса Рязанской областной универсальной библиотеки им. Горького, где директор заведения Н. Н. Гришина отметила, что отныне библиотека приобретает новые возможности, превращаясь в современный информационно-образовательный, просветительский и досуговый центр Рязани.

Меня потрясло размером и убранством новое здание, больше похожее не на библиотеку в привычном нашем представлении, а на просторный дворец. Его особенностью является и то, что, как в давние дворцовые времена, новый корпус соединён со старым зданием библиотеки светлым коридором-переходом. Но есть и другие ходы — для персонала, соединяющие оба здания. На мой взгляд, это символично: сохраняется связь времён. И Рязань в этом смысле — город особенный. Силами энтузиастов, людей, влюблённых в родной край, сохраняются добрые традиции и даже строятся новые здания библиотек, когда в других уголках России «читальни» просто вымирают, закрываются.

В этот же день в библиотеке состоялось несколько круглых столов: «Поддержка и развитие чтения в системе региональной культурной политики: книга и молодёжь», «Взаимодействие издателей, библиотек, книготорговых компаний: опыт регионов», «Региональные СМИ: проблемы и перспективы». В первом мы приняли участие. Затем состоялись творческие встречи писателей с читателями. На предоставленной нам площадке в огромном фойе библиотеки, которую с нами разделил известный писатель из Санкт-Петербурга Александр Лемихов, вновь звучали стихи, а я, наряду с есенинскими романсами, исполнила авторские песни.

Писатели и поэты, участники праздника, дарили библиотеке свои книги. Также на фестивале была широко представлена полиграфия региональных издательств.

Разъезжаясь, гости фестиваля высказывали пожелания, чтобы рязанский опыт сохранения и приумножения традиций, связанных с библиотечным делом, популяризацией литературы, развитием читательского интереса, привитием детям и молодёжи любви к книге, с возрождением российского книгопечатания, ширился и выходил за рамки региона. Это послужит залогом того, что художественное, поэтическое слово в России будет жить.

Ольга КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

ОБ АЛЬМАНАХЕ «ГОСТИНЫЙ ДВОР»

Альманах «Гостиный двор» издаётся при поддержке правительства Оренбургской области четыре раза в год тиражом три тысячи экземпляров. А редакция альманаха находится «под крылом» оренбургской главной областной газеты «Оренбуржье». За последние несколько лет альманах вышел на новый уровень, расширив круг авторов и публикуя наиболее интересные новинки поэзии и прозы, созданные авторами всех регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Показательно и то, что альманах «Гостиный двор» исповедует жанровое разнообразие, печатая материалы, касающиеся краеведения, этнографии. С недавнего времени главным редактором альманаха стала талантливая поэтесса, член Союза писателей России Наталья Юрьевна Кожевникова. Она, образно говоря, вывела издание из тихой региональной гавани навстречу всероссийским литературным ветрам, привлекла к сотрудничеству ведущих поэтов и писателей России. Расширился и укрепился состав редакционного совета «Гостиного двора». Несколько лет назад в редсовет альманаха был включён министр культуры Оренбургского региона Шориков. А в августе 2011 года состав редсовета пополнился ещё двумя членами. Одним из них стал председатель Комитета по культуре Государственной Думы Российской Федерации Григорий Петрович Ивлиев (кстати, член Союза писателей России). А другим членом редсовета стала я, автор этих строк: приятно, что мои оренбургские коллеги-земляки помнят о том, что мой путь в литературу начался с Оренбурга, фактически поставившего меня когда-то на крыло. На презентации альманаха выступили известные оренбургские учёные-филологи, поэты, писатели... Член Союза писателей России Валерий Николаевич Кузнецов представил собравшимся свою новую книгу избранных стихов, за которую буквально на днях был удостоен Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка». Порадовала своим высоким вокальным искусством Наталья Георгиевна Попова, урождённая оренбурженка, вот уже почти четверть века живущая в Санкт-Петербурге и являющаяся солисткой знаменитого Мариинского театра. Она исполняла не только оперные арии, но и казачьи песни, поскольку имеет в роду казачьи корни. Председатель правления Оренбургской областной писательской организации, член Союза писателей России, прозаик Александр Филиппов тоже сказал своё слово. В частности, о том, что большинство писателей Оренбургского края радуются тому, что альманах сделал своей концепцией политику открытости наиболее талантливым авторам не только региона, но и всей страны.

От себя хочу добавить к сказанному Александром Филипповым — в каждом регионе с преизбытком своей графомании, и чтобы литературный процесс, как говорится, не заиливался, просто необходимы притоки свежей воды в виде лучшего, создаваемого русскими словотворцами. И тут региональный критерий не может быть определяющим фактором, ибо определяющий фактор для серьёзного издания — только

талант автора! В принципе, большинство литературно-художественных журналов, издаваемых в разных регионах, прекрасно уже поняли это и отошли от политики печатания «только своих». Широка география авторов, широк и возрастной диапазон тех, кто печатается в альманахе, где нередки авторы школьного возраста. Это наглядно продемонстрировала выступившая на презентации с чтением авторских стихов 16-летняя Анастасия Устинова, чьё эссе о поездке в Лермонтово-Тарханы принято и одобрено к публикации в «Гостином дворе» в нынешний «лермонтовский» год.

Презентация нового альманаха «Гостиный двор» прошла в Оренбургском казачьем музее. Это уникальный музей, девизом которого являются слова «Слава Господу-Богу за то, что мы казаки!..». В казачьем музее с любовью и тщанием собраны раритеты, сделавшие бы честь любому музею федерального уровня. В частности, в музее имеется автомобиль Юрия Гагарина, подаренный оренбургским казакам вдовой первого космонавта России. К слову сказать, Юрий Гагарин всегда подчёркивал, что именно Оренбург подарил ему крылья, поскольку Гагарин учился в знаменитой Оренбургской «лётке», лётном военном училище. Есть ещё один уникальный экспонат — военная гимнастёрка цвета хаки актрисы Елены Драпеко (ныне депутата Госдумы), в этой гимнастёрке актриса снималась в знаменитом фильме «А зори здесь тихие», играя героически погибшую Лизу Бричкину... В музее большая экспозиция виртуозно исполненных с таксидермической точки зрения чучел животных и птиц, что водятся на территории Оренбуржья и России. Впечатляет собрание холодного оружия — как отечественного, так и немецкого (времён Третьего рейха). Великолепна экспозиция казачьего оружия, одеяния, амуниции, предметов старинного казачьего быта. И, конечно, много в музее старинных икон. Главной иконой оренбургских-яицких казаков является Табынская Икона Божией Матери, которую в своё время казачий атаман Александр Дутов хотел увезти в Китай, когда его армия отступала во времена Гражданской войны от отрядов красных казаков. Попутно поясню, что Яик — это старинное название реки, которая ныне известна как Урал. Уралом Яик стал после восстания

Емельяна Пугачёва в бытность Екатерины Великой, которая хотела стереть из народной памяти само напоминание о мятежном яицком казачестве. Ныне Табынская Икона Божией Матери — особо почитаемая святыня Русского Православия, которая сближает верующих не только на территории России, Сибири, но и в Китае, Австралии и во всех странах, где есть русскоязычные православные диаспоры.

В рамках презентации альманаха «Гостиный двор» произошло ещё одно приятное для меня событие — я была принята в Оренбургское-Яицкое казачье войско в младшем офицерском чине хорунжего. Для меня это событие, не побоюсь пафоса, судьбоносное, ведь многие поколения моих казачьих предков по материнской линии Струковых-Ляпиных-Ваньковых веками охраняли оренбургское русское порубежье... К сожалению, как женщина, я не сподобилась участвовать в старинном обряде посвящения в казаки, когда вновь посвящённый пьёт заздравную чару с лезвия клинка. Зато я смогла увидеть, как это лихо сделал генерал, руководитель Оренбургской таможенной службы, который тоже в этот день получил казачий билет. Ему, как мужчине, атаманом Юрием Петровичем Бельковым была налита чара привезённого в Кавказа коллекционного коньяка, которую генерал лихо выпил с обнажённого лезвия казачьей шашки, не пролив ни капли, хотя как сам признался, подобного опыта у него доселе не было. Но, видимо, сказались казачьи корневые навыки предков. Хотя понятное дело, что главный казачий навык — охранять свою Родину от врагов, молиться Богу и почитать отца с матерью... И ещё подумалось, какое хорошее название у альманаха — «Гостиный двор», двор, который радушно предоставляет свои страницы всему лучшему из современной русской литературы. Двор, который и в будние дни, и в праздники-презентации гостеприимно открыт для гостей — писателей и читателей. А ещё местом встречи с талантливыми оренбургскими художниками, чьё творчество представлено на цветных вкладках.

Диана КАН, поэтесса, член Союза писателей России,
хорунжий Оренбургского-Яицкого
казачьего войска

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ ТРАМПЛИН

Под перезвон золотых осенних листьев в подмосковном Переделкине с 13 по 16 октября прошло первое Международное совещание молодых писателей. Организационное руководство совещания в лице Александра Петровича Торопцева, писателя, преподавателя Литературного института, разместило под сенью Дома творчества около ста молодых литераторов. Не скрою, мне было интересно знакомиться с поэтами и прозаиками из Германии, Франции, Афганистана, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и ряда национальных регионов России, что приехали на совещание, потому что все эти авторы пишут на русском языке. Не каждый день случаются подобные встречи!

На торжественном открытии в актовом зале Дома творчества молодых словотворцев приветствовали руководители ведущих писательских организаций: председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, председатель Исполкома МСПС Иван Переверзин, первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко. Запомнились слова Ивана Ивановича Переверзина: «*... Ваши произведения, присланные на конкурс, говорят, прежде всего, о том, что русской литературе — жить и развиваться...*».

После того, как совещание официально отворило двери, были оглашены списки участников каждого семинара. Всего их было шесть: поэзии, прозы, критики, перево-

да, детской и военной литературы. А руководили ими такие известные писатели, как Станислав Куняев, Лариса Баранова-Гонченко, Валентин Устинов, Владимир Силкин, Татьяна Брыксина, Николай Переяслов, Владимир Бояринов и другие. Столь значимые имена в литературе не могли не радовать молодых писателей! Каждый руководитель показал свой подход к молодым талантам. Так главный редактор журнала «Наш современник», кроме разбора поэтических текстов, подсказывал тому или иному автору, как не сбиться с дороги и не потерять собственную самобытность. По просьбе семинаристов Станислав Юрьевич рассказал о встречах с классиками русской литературы — Рубцовым и Ахматовой. Семинар получился плодотворным не только в плане разбора творчества, но и в плане просветительства!

Не менее интересно было и на семинаре Владимира Александровича Силкина и Ларисы Георгиевны Барановой-Гонченко. От Ларисы Георгиевны, известного критика и статс-секретаря Союза писателей России, не ускользнуло ни одной талантливой строчки того или иного автора. И за это, мне кажется, ей будут благодарны её семинаристы! К сожалению, на других семинарах мне не довелось побывать...

В свободное время молодые писатели посетили дома-музеи Корнея Чуковского, Булата Окуджавы и Бориса Пастернака. Были организованы творческие вечера, где презентовались журналы, участники семинара-совещания читали свои произведения, либо руководители читали лекции по проблемам современной литературы. Одна из них — о системном мышлении в литературе, которую читал уже упоминаемый мною выше Александр Петрович Торопцев — мне показалась очень интересной. Он же увлекательно рассказывал о достопримечательностях Первопрестольной в ходе экскурсионной поездки по вечерней Москве. Многие из зарубежных участников Переделкинского совещания не только смогли впервые увидеть Кремль, Красную площадь, Дом Герцена, ЦДЛ, но и ощутить неповторимую атмосферу русской древней столицы. Благодаря подобным мероприятиям налаживаются утраченные литературно-культурные связи между регионами, возрождаются традиции художественного перевода, некогда процветавшие в нашей стране... Не говоря уже о том, что

завязываются плодотворные дружеские отношения между авторами самых разных регионов не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Четыре золотых дня в Переделкино пролетели на одном дыхании. На торжественном закрытии руководители семинаров огласили списки наиболее интересных авторов. Кто-то из них получил рекомендательные письма, направленные в региональные писательские союзы на предмет издания книги, а кто-то был рекомендован в Союз писателей России или Союз российских писателей. Приятно, что мой коллега из Самары, прозаик Алексей Сыромятников, с которым мы представляли Самарскую губернию на совещании, и я получили такие рекомендательные письма и теперь надеемся увидеть свои произведения изданными авторскими книгами. Приятной неожиданностью стало и то, что я оказался одним из тех, кто был рекомендован в Союз писателей России... Совещание закончилось, но остались хорошие впечатления. Хочется, чтобы такие творческие семинары-совещания стали доброй традицией современной литературы, возрождающейся после многих лет литературного безвременья... А в завершении хотелось бы вспомнить слова выдающегося русского поэта Станислава Куняева, сказанные им на открытии совещания: «*...Сейчас для России трудное время, происходит слом национальной идеи, в спорте, кино, науке появляются иностранные кадры, но лишь в литературе сохраняется национальная сущность народа, и молодые прозаики и поэты, приехавшие в Дом творчества — будущая смена русской литературы...*»

Хочется верить, что мы окажемся достойной сменой. И Переделкино станет для нас трамплином творческого взлёта.

Сергей БУДАРИН

P.S. Подборку стихотворений Сергея Бударина читайте на стр.182 этого номера нашего альманаха.

«ОСЕНИНЫ» В ДОМЕ АКСЁНОВА

В Доме-музее Василия Аксёнова в Казани прошёл литературный праздник.

«Осенины» — добрый народный праздник. Вот и казанские литераторы решили ежегодно отмечать своего рода праздник урожая, на котором будут представлять новые книги. В этом году праздник удался. Будем надеяться, зачин членов Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей станет доброй традицией. И первым блином стала совместная презентация новых книг Лилии Газизовой и Александра Воронина. Вступительное слово произнесла директор Дома-музея Василия Аксёнова Ирина Александровна Аксенова, которой идея «аксёновских осенин» пришлась по душе.

Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей Александр Воронин поздравил всех присутствующих с Международным днём переводчика и рассказал про книгу верлибров Лилии Газизовой «Канафер», где свободные стихи известной казанской поэтессы представлены в переводах на турецкий и английский языки. О своей работе над книгой рассказал переводчик Айрат Галимзянов. Ряд стихотворений вслед за автором, читавшей свои стихи на русском, он прочёл в переводе на турецкий — очень певучий, поэтичный язык. К сожалению, Ольга Карасик, автор английских переводов, на вечер 30 сентября прийти не смогла, возможно, отмечала профессиональный праздник. Добавим, книгу «Канафер» выпустило издательство «Познание» Института экономики, управления и права.

Руководитель секции русской литературы и художественного перевода СП Татарстана, лауреат Державинской премии и Всероссийского конкурса имени Артё-

ма Боровика, заслуженный деятель искусств РТ Лилия Газизова, в свою очередь, рассказала о книге Александра Воронина «Ясновидящая», вышедшей в Татарском книжном издательстве. Заведующий кафедрой философии Казанского научно-исследовательского технологического университета, доктор философских наук Владимир Курашов признался, что редко теперь читает современную прозу, но «Ясновидящая» заставила его размышлять над главным вопросом философии, сформулированным ещё Сократом, — познай самого себя. По мнению учёного, современная литература пытается познать человека, погружённого в новые реалии жизни, в сложные обстоятельства, которых просто не было во времена Толстого и Достоевского.

19 октября в музее Василия Аксёнова отметили 200-летие Царскосельского лицея. В историю России этот день вошёл в первую очередь благодаря «солнцу русской поэзии» Александру Сергеевичу Пушкину. В Казани его ежегодно отмечают Общество любителей словесности «19-е октября» при газете «Казанские ведомости» и Лицей имени Н. Лобаческого при КФУ. Но в этом году в лицее сменился директор, поэтому традиционный бал в Казанской Ратуше не состоялся. И только Аксёновский дом откликнулся на знаменательную дату замечательным литературным вечером — в 19 часов здесь читал свою поэму «Маяковский» известный казанский поэт Айрат Бик-Булатов. Поэму значительную во всех смыслах — по объёму, по форме, по содержанию. И пусть Владимир Маяковский призывал сто лет назад «сбросить Пушкина с парохода современности», но вот прошёл век, и в новом тысячелетии новый «ниспровергатель старых форм» Айрат Бик-Булатов связывает эпохи воедино, доказывая, что не прервалась серебряная нить...

27 октября в уютном зале музея Аксёнова вновь собрались члены Казанской городской организации Союза российских писателей и любители поэзии, чтобы послушать стихи из новой книги Михаила Тузова «Грачи в ночи». И не только стихи, но и песни на них. «Лирику Михаила Тузова язык не повернётся назвать ГРАЖДАНСКОЙ, — пишет в предисловии лауреат литературной премии имени Г. Державина Рустем Сабиров. — Здесь нет звонкого пафоса «шестидесятников» и зубоскальной, но бездушной иронии диссидентов. Это во многом просто горечь немало прожившего и немало повидавшего и пережившего человека. Даже не горечь, а боль, кричащая, обнажённая боль. Его оценки того, что происходит сейчас с нами, с нашей страной, предельно жёстки, даже, порой, жестоки. Но нет в них того глумливого, циничного смешка, присущего нынешней поэтической струе, а обличительные ноты «уравновешены» спасительной долей самоиронии. Язык Тузова точен, образы его достоверны. Склонность к «бытовушным вульгаризмам» лично меня не коробит. Равно как мне вполне симпатичны его словообразования, вроде «подбронзье» или «забессонница». В конце концов, именно неологизмы и творят язык. А когда читаешь его венки сонетов, даже не задумываешься, что созданы они явно вне классических рамок этого капризного и многомудрого жанра. Однако несмотря на изобилие того, что нынче именуется «чернуха», книга не вызывает ощущение безнадёжности и тоски. Ибо грачи, они и в ночи — грачи. И весна, она и в слякоти — весна». В книге Михаил Тузов впервые представил полную подборку своих сонетных вариаций, состоящих из четырёх венков и одной цепочки сонетов. В сборник также вошли его переводы произведений классиков татарской поэзии, а также современных татарских поэтов, которые ранее публиковались в периодической печати и в различных сборниках. Но что до собственных стихов — Михаил Тузов никогда не повторяется из сборника в сборник, и «Грачи в ночи» представляют только новые его произведения. Напомним, предыдущие пять сборников Михаила Тузова можно видеть на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkzn.ru.

11.11.11 — эту знаковую дату в музее Василия Аксёнова также решили отметить большим литературным вечером «Мы жили по соседству» члены Казанской городской организации СРП. Ведь именно в этот день ровно 75 лет назад в соседнем доме (ныне ул.Муштари, 33) у классика татарской литературы Аделя Кутуя родился сын. К юбилею Рустема Кутуя Татарстанское отделение Союза российских писателей выпускает в издательстве «Отечество» книгу Александра Воронина «Невидимки» — своеобразное путешествие по кутуевской прозе, по Казани военного времени, по литературной жизни тех лет.

Пока книга готовится к выходу, документальная повесть Александра Воронина публикуется в литературном альманахе «Аргамак. Татарстан», в номере, который вы держите в руках. В вечере приняли участие вдова писателя Светлана Григорьевна Хозина, главный редактор журнала «Казань» Юрий Анатольевич Балашов, известная телеведущая Лия Михайловна Загидуллина.

Александр ВОРОНИН

ГОД БЕЗ ДИАСА ВАЛЕЕВА

В Литературно-мемориальном музее А.М. Горького 31 октября состоялся вечер памяти, посвящённый творчеству известного казанского писателя, драматурга, публициста, мыслителя и общественного деятеля, лауреата Государственной премии РТ имени Г. Тукая и Республиканской премии имени М. Джалиля Диаса Валеева.

Вдова писателя, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук РТ, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РТ Дина Каримовна Валеева стала автором-составителем сборника «Либертус или Люцифер? (К анализу творчества Диаса Валеева)», который помог издать в твёрдом переплёте (том на 575 страниц!) племянник писателя, давно живущий в Москве, Фарид Радикович Валеев. Книгу ещё при жизни собирал сам Диас Назихович. С вёрсткой ему помогал чистопольский поэт Евгений Сизов. На вечере выступили народный поэт РТ, лауреат Государственной премии РФ Ренат Харис и председатель СП Татарстана, лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая Илфак Ибрагимов, а также авторы сборника, такие как Роберт Копосов, известный казанский журналист и киновед, который работал с Диасом Валеевым в газете «Комсомолец Татарии» и написал первую рецензию на его пьесу, и заведующий кафедрой философии Казанского технического университета имени А. Туполева, доктор философских наук Натан Солодухо. Подготовил и провёл вечер председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей драматург Александр Воронин — один из учеников писателя по «Литературной мастерской», которую Диас Валеев создал при том же «Комсомольце», автор книги «Драма диасизма».

Не обошлось и без музыкальных выступлений — заслуженного артиста РФ Мнира Соколова и народной артистки РТ Ларисы Масловой. А ведущий актёр тюза, народный артист РТ Александр Купцов исполнил отрывок из трагедии Диаса Валеева «1887».

Светлана КОЛИНА, г. Казань

Читательская почта

КОМУ НА ПОЛЬЗУ СОЗДАНИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ?

Русский — это не племенная и не этническая, а государственная категория, поскольку русские в философском и межгосударственном понимании — это все, кто живёт в России, любит Россию и служит ей.

Создание национально-культурной автономии — это сворачивание русской государственной идентичности абсолютного большинства народа (82%) к этнической (племенной).

Кому на пользу разобщение русских — на русских и не русских?

«Сероглазому, русоволосому «русаку» даже в голову не придёт отказать в русской принадлежности темноглазому и черноволосому парню. У нас это культурная норма, сложившаяся веками» (Кушнир А. М. «Победа — неприкосновенный запас души». Журнал «Народное образование». 2010. № 4). Попытка сформировать национально-культурную автономию русских, то есть подчеркнуть тем самым не русскую, а, возможно, и не российскую государственную идентичность — это, на мой взгляд, стратегическая ошибка, ослабляющая патриотические и другие духовно-нравственные инстинкты нашего народа. Уверен, что стратегию народа нельзя строить на уничтожении того, что складывалось тысячу лет. Это мина с тлеющим фитилём.

В любой стране мира (если она хочет быть сильной и независимой, чистой от грязных современных пороков) двигателем культурных и социально-экономических преобразований является нация, составляющая большинство населения и достигающая необходимых результатов на основе совместной

деятельности со всеми остальными национально-культурными этносами. Историей доказано, что и эти меньшинства успешно развиваются как раз тогда, когда являют крепкий союз с государствообразующим народом, который является гарантом многонационального государства и поликультурной идентичности. И как бы тактически заманчиво не было, что русская национально-культурная автономия может получить «... льготы, финансы,.. возможность входить во власть,.. снимет груз тягот и повинностей,.. позволит сознавать себя русским на русской земле...» — это будет не просто шагом назад, а быстрым размыванием русской государственной идентичности, складывающейся веками.

Статья 7 Федерального закона под названием «О национально-культурных автономиях» гласит, что интересы находящихся в национально-культурной автономии, будет «... представлять и защищать в органах государственной власти Консультативный совет по делам национально-культурной автономии, который является совещательным органом и действует на общественных началах». Как говорится, — дожили! Не исполнительная, не законодательная власть, а аж общественный совет будет пытаться лоббировать интересы национально-культурной автономии русских в России! То есть, надо понимать, что мы неожиданно вымерли, а теперь вот чуть-чуть появились и надо попытаться войти в национально-культурную автономию, чтобы претендовать не на историю, конечно, а хотя бы на что-нибудь сегодня. Заметили, смахивает на рекламно-блевотную продукцию: «Живите сегодняшним днём!..»?

Перевод русской государственной идентичности на этническую, что умело подбрасывается инженерами межэтнических конфликтов, приведёт нас к небывалым противоречиям и исчезновению русской, как государственной, самоидентификации.

Перейти в национально-культурную автономию — это стратегически забыть, что русские дали миру, что создали, кого освободили и спасли; это забыть о духовности, православии, патриотизме, культуре, науке (и т. д.) русского народа, без чего не создаётся идеология и без чего не бывает государства.

И если у кого-то миропонимание сужается в рамки десятилетних событий, если кто-то забыл о многовековой истории русского народа, — тем, конечно, надо создавать русскую национально-культурную автономию. Но надеюсь, что таких будет мало.

Наша норма — вековая традиция взаимоуважения, и нам нет нужды заимствовать формы цивилизационной отчуждённости у народов, не успевших ещё забыть скамейки с надписями «только для белых».

В. С. Суворов, ректор Набережночелнинского государственного торгово-технологического института, д. п.н., профессор, Набережные Челны

БУДУТ ЛИ РУССКИЕ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ?

КОММЕНТАРИЙ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Целиком и полностью соглашаясь со статьёй доктора педагогических наук В. С. Суворова, хочу сказать, что она возникла в связи с публикацией в набережночелнинской газете «Челны ЛТД» в течение одного месяца (октября) двух заметок: «Русские объединяются» и «Русские не объединились». Дело в том, что в первой заметке, подписанной Ольгой Колесниковой, упоминаются мои имя и фамилия, как, впрочем, и другие имена и фамилии, обозначенные как «инициативная группа» по созданию в Набережных Челнах русской национально-культурной автономии. Я считаю эту публикацию провокационной. Лично я никому не давал согласия на вхождение в какую-либо «инициативную группу». Как и большинство других, упомянутых в газете. В первой заметке также было указано, что 4 ноября, в День народного единства, во Дворце культуры «Энергетик» соберутся люди, претендующие на создание этой

самой автономии. О дате и месте сбора я также узнал из публикации. Но 4 ноября ни в ДК «Энергетик», ни в другом месте города никто так и не собрался. Правда, я слышал, что накануне там были кем-то (возможно, ТОЦ) выставлены пикеты с лозунгами «Нет — русскому фашизму». Это — следствие той же провокации, задуманной, как я полагаю, не только газетой «Челны ЛТД». Слава Богу, межнационального конфликта не получилось вопреки желанию тех, кто пытался его затеять. Самое же главное — я, например, не вижу никакой необходимости в создании «русской автономии», потому что не хочу, чтобы русский народ, к которому имею честь принадлежать, считался автономным в России. Он всегда был государствообразующим.

Так будут ли русские объединяться? В Башкортостане в самом конце сентября прошёл уже второй по счёту Собор русских, живущих в этой национальной республике. Это мероприятие, как известно из прессы, приветствовалось и федеральным руководством, и нынешним президентом Башкортостана, поскольку оно не идёт вразрез с существующим законодательством. Кроме того, в Москве регулярно проводится Русский народный собор под покровительством патриарха всея Руси отца Кирилла. Может быть, и нам, челнинцам, считающим себя русскими, есть смысл влиться в это общенациональное движение. Как, в какой форме — стоит подумать.

Мой уфимский друг, писатель Михаил Чванов неоднократно утверждал и утверждает: «Русский — не понятие крови. Русский тот, кто любит Россию». И с Чвановым я стопроцентно согласен.

Николай Алешков

ФИЛЬМ «БРИГАДА»: НЕ ПОЯВИТСЯ ЛИ ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКИХ СВОДКАХ?

Наконец-то родной российский телеканал вновь делает нам этот подарок — опять показывает ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ культового фильма «Бригада»!.. Вновь, отодвинув «на потом» все дела, любуемся мы этими замечательными парнями, восхищаемся тем, какие они смелые, благородные, как верно умеют дружить, как размашисто и красиво живут. Какие редкие, романтичные женщины их обнимают, в каких шикарных машинах они ездят, какие изысканные спектакли посещают, как метко стреляют, как ладно сидят на их крутых плечах костюмы, пошитые у лучших кутюрье. Плюс ко всему этому они ещё и подлинные патриоты горячо любимой страны — принципиально не торгуют на её территории своим опасным «товаром», а используют её до боли родные берёзовые просторы лишь для переброски этого самого товара (т. е. героина) за «бугор», где им станут ширяться уже не наши соотечественники, а какие-то чужие всем нам, далёкие иностранные люди...

И вновь с замиранием сердца следим мы за тем, как строят всяческие козни этим прекрасным молодым героям отвратительные, продажные, лишённые всяческих нравственных принципов, жестокие менты... И вполне понятно, на чьей стороне опять наши зрительские симпатии, — актёр Андрей Панин, играющий главного «отрицательного» героя, своё дело знает...

В прошлом году во всю интернетную ширь обсуждались леденящие кровь события в кубанской станице Кущёвской, где во время бандитской разборки убили 12 человек, не пожалели не только взрослых, но и четверых детей, в том числе — грудного ребёнка. Тогда у одного из участников этого обсуждения вырвалось: «Наигрались в «Бригаду» вдоволь. Трагедия в Кущёвской — тому неоспоримое доказательство. Воспитали из молодёжи кровожадных отморозков. Господа Дюжевы, Безруковы и прочие — это и на вашей совести. Гореть вам в аду!» (сайт «Российское кино»).

Да уж, ничего не скажешь — размашисто шагала по нашей стране, да и по всему бывшему СССР, эта пятнадцатисерийная гангстерская киносага. К широкому её показу прибавилась книжная версия — шикарное издание под названием «Жизнь после смерти» (московское издательство «Олма — Пресс Экслибрис», небывалый в наше «малотиражное» время тираж — 40000). Появилась затем и компьютерная игра «Бригада». Вездесущий Интернет сообщил, что одна восторженная молодая мамаша (проживающая по иронии судьбы именно на Кубани) поменяла сынишке обычное имя на другое — Космос (так, кто не помнит, зовут одного из главных героев, роль которого как раз и исполняет уже упоминавшийся чуть выше господин Дюжев).

Совсем другую информацию давали милицейские сводки. Министр внутренних дел Украины Юрий Луценко в прошлом году сообщал, что его подчинённые задержали четырёх преступников, которые грабили ювелирные магазины, используя схемы, подобные тем, что демонстрируются в этом «всенародном» телепроизведении. Аналогичные преступления были зарегистрированы в Крыму, в Виннице, в Брянской области (город Стародуб), в наших сибирских палестинах... Может быть, под влиянием подобных фактов Сергей Безруков категорически отказался сниматься в «Бригаде-2». Пишу «может быть», т. к. какого-либо более или менее внятного объяснения этого отказа актёр не сделал, во всяком случае, — в том источнике, который я читал («Комсомольская правда» за 18 июня прошлого года).

Не нужно быть большим провидцем, чтобы догадаться: «Бригада-2» доснята, и «апробированные» пятнадцать серий о похождениях элегантных бандитов вновь впаривают нам не просто так, а перед её показом. Готовят, так сказать, освежают в памяти. Набираю в поисковике «Бригада-2» — ну, точно!

— **«Бригада-2», продолжение. Наследник бригады...**

— **Екатерина Гусева на последних сроках беременности снялась в полнометражном фильме...**

— **«Бригада-2», скачать бесплатно...**

— **«Бригада-2» первоначально показанную идею «Бригады» решает уже другими методами и уже в другой России...**

— **Безрукова не будет, но Саша Белый заявлен. Интервью с Иваном Макаревичем...**

— **Фильм является идейным продолжением жизни героев телесериала «Бригада». Однако акцент смещён в историю сына Александра Белова — Ивана. Это кино о современной России... О новом поколении, которое, узнав о нечистом бизнесе родителей, не идёт по их стопам...**

— **Безруков отказался даже за $ 1 000 000!..**

— **С. Безруков: «Я скучаю по «Бригаде»...**

— **Новая «Бригада» будет светлым фильмом...** И т. д., и т. п.

Ладно, посмотрим «светлый» фильм.

Не так давно прошла полная версия старого испытанного телесериала. И сидит где-то на Кубани перед телеприёмником подросший паренёк Космос, а одновременно с ним — миллионы таких же подростков — в Крыму, в Виннице, в Брянске, Омске... С замиранием сердца следят они за этими замечательными парнями, восхищаются тем ... (читайте начало)...

Следят профессиональным глазом за всей этой фантасмагорией и люди в милицейских (теперь уже полицейских) погонах. И ждут — не появится ли где криминальное «продолжение» этого всероссийского показа — очередное жуткое продолжение, зафиксированное в сводках происшествий за минувшие сутки, ложащихся по утрам на их рабочие столы...

Александр ЛЕЙФЕР, Омск

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ!

«Всё живое отвращается от страдания, всё живое дорожит своей жизнью; пойми же самого себя в каждом живом существе — не убивай и не причиняй смерти»! Это высказывание Будды всегда было основной жизненной позицией всех нормальных людей во всём мире. В любом нормальном обществе всегда особой ценностью считалась человеческая жизнь. Наша страна в этом отношении никогда не была исключением. В Советском Союзе, например, убийство человека считалось самым тяжким преступлением и почти всегда каралось смертью. Вообще, надо сказать, что за всю историю существования Советского Союза в стране, начиная с Василия Комарова, было не больше трёх десятков так называемых серийных маньяков-убийц. Все они, за исключением тех, кого врачи признали психически больными и отправили на принудительное лечение, были приговорены к смертной казни и расстреляны. В нашей стране в то время сам факт убийства человека считался событием, из ряда вон выходящим. Я помню, как в шестидесятых годах в Уфе, где в то время жили мы с матерью, несколько подростков изнасиловали и убили девушку, возвращавшуюся вечером из института. Случай для того времени вопиющий! Малолетних подонков нашли по горячим следам. Весь город, что называется, «стоял на ушах». Люди требовали самого строгого наказания преступникам. Самого старшего, которому на момент совершения преступления исполнилось 18 лет, расстреляли, а остальных, несмотря на юный возраст, приговорили к длительным годам лишения свободы в детских исправительных колониях.

Во времена горбачёвской перестройки, когда одурманенные обещаниями люди, подчиняясь условному рефлексу, аплодировали пустым речам тогдашнего лидера, ещё не понимая тайный смысл «перестройки», ведущей к развалу огромной страны, на наше многострадальное государство обрушились социально-экономические потрясения, и, как следствие этого, число серийных убийц резко увеличилось, как и количество их жертв. Можно предположить ещё, что на увеличение числа преступлений, совершённых серийными маньяками-убийцами, в неменьшей степени повлияло принятие в 1996 году так называемого «моратория» на смертную казнь в России, который подписал Борис Ельцин в угоду Совету Европы, так как одним из главных условий вступления в оный являлась отмена смертной казни в стране. Однако, в обществе мнения по поводу отмены смертной казни разделились, и множество людей, уставших от беспредела убийц и от их безнаказанности, требуют возвращения смертной казни.

Новоиспечённые правозащитники всех мастей, заламывая руки, с пеной у рта, вопят о гуманизме и человеколюбии, приводя в качестве примера Европу. Однако, во всех европейских странах перед отменой смертной казни проводились опросы, и большинство населения было против отмены. А вот Китаю, например, совершенно наплевать на мнение Европы. В этой стране применяется смертная казнь, и уровень преступности там гораздо ниже, чем в Европе. Несколько лет назад в Китае казнили одну банду угонщиков автомобилей, затем ещё одну (оба раза всех угонщиков, включая женщин), и с тех пор там не зафиксировано ни одного случая угонов автомобилей. Надо сказать, что в Китае не совершают преступлений не только из-за жестокости наказания, но и из-за его неотвратимости, поскольку за коррупцию в правоохранительных органах там тоже расстреливают. У нас же преступники уверены в своей безнаказанности и творят страшные вещи! Преступник в нашей стране знает, сколько бы человек он ни лишил жизни, его не расстреляют, а дадут пожизненный срок и отправят в «Белый лебедь» либо в «Чёрный дельфин».

Некоторые правозащитники, считая смертную казнь негуманным наказанием, встают на сторону убийцы, пытаясь доказать, что «нелюдь», изнасиловавший

и убивший более десяти детей и отбывающий сейчас пожизненный срок в «Чёрном дельфине» в городе Соль-Илецке в камере, лицемерно обвешанной иконами, тоже, оказывается, человек и имеет какие-то права. Но убийца, начав убивать, ставит себя вне общества, а как сказал Аристотель: «Человек вне общества — или бог, или зверь». Я считаю это утверждение крайне несправедливым — несправедливым по отношению и к богу, и к зверям. И, слушая призывы того или иного правозащитника к человеколюбию и гуманизму по отношению к убийце, хочется взять его за ухо, приволочь в морг и, откинув окровавленные простыни, показать то, что сотворило с детьми это чудовище в образе человека. Я считаю, что у «нелюдя» есть только одно право — быть казнённым публично! К великому сожалению, это всего лишь моё личное мнение.

Я думаю, и многие со мной согласятся, что необходимо отменить мораторий на смертную казнь для пяти категорий преступников: террористов, серийных убийц-маньяков, педофилов, коррупционеров и высокопоставленных воров, совершивших кражу в особо крупном размере. Один небольшой, но довольно весомый и парадоксальный аргумент — все вышеперечисленные преступники, сидящие в тюрьмах и зонах, содержатся на деньги простых налогоплательщиков, то есть на деньги родственников своих жертв, которых они убили. Вот такой получается чёрный юмор!

Я специально не поставил запятую в названии статьи, поскольку тема действительно животрепещущая и наболевшая, и каждый может иметь своё собственное мнение по этому вопросу. Своё мнение я высказал и спорить об этом не собираюсь, поскольку спор — один из способов утвердить оппонентов в их заблуждениях, а теперь просто предлагаю подумать об этом вам. Ну а тем, кто не хочет утруждать себя процессом мышления, скажу словами Лютера Бербанка: «Людям, не умеющим мыслить, полезно хотя бы время от времени приводить в порядок свои предрассудки». А запятую в названии статьи пусть каждый из вас поставит сам.

Виталий СПЕРАНСКИЙ, село Костенеево Елабужского района (Татарстан)

ЗАПИСКИ ПРОХОДИВШЕЙ МИМО

О фестивале филологов и журналистов «Живое слово» в Нижнем Новгороде

На фестиваль меня никто не приглашал, а я припёрлась. И удовольствие получила и от мастер-классов, и от экскурсии по музейному комплексу, и от разговоров и споров, и от увиденных спектаклей. Прошла предложенный участникам тест на знание литературы, написала диктант от знатоков русского языка и убедилась лишний раз, что моё физкультурное образование умещается в последних пяти буквах этого слова. Значит — учиться, учиться и учиться, как завещал великий... Один завещал, другой запрещал, писатели продолжают писать, классика давно перечитана, читатели ушли в интернет. Культурное и литературное состояние в стране (тоже, кстати, комбинация из пяти букв присутствует!) беспокоят, как оказалось, не только меня.

День третий — заключительный. Вот он, момент истины: обсуждается парадоксально звучащий вопрос: «Устарела ли классика и что с этим делать?» Приглашённые расселись в партере, а в президиуме, где собрались знатоки филологии, носители языка, кипели нешуточные страсти. По данным рейтинга одного из телеканалов лишь 40 процентов ответило утвердительно на вопрос: «Читают ли они классику?». Из них, по мнению специалистов, слукавила, дабы не прослыть невеждами, примерно половина. По числу зрителей канал «Культура» набрал всего-навсего 2 процента от общей аудитории. С этим нужно что-то делать.

Мнения высказывались разные:

— учитель литературы должен изначально привить любовь к классике, а для этого он должен быть не массовым учителем как минимум;

— ввиду того, что устаревшие слова мешают образному восприятию современного ребёнка, хорошо бы классические произведения подавать в некой обработке;

— надо провести ревизию списка рекомендуемой литературы для школы, включив в этот список современные образцы и отказаться от устаревших имён;

— на радио и телевидении чаще использовать в речи дикторов цитаты из классики, пытаясь тем самым заинтересовать слушателей и подтолкнуть их к самостоятельному чтению...

В какой-то момент мне начало казаться, что я присутствую на тайной вечере, и вот именно сейчас созревает новая реформа, обсуждается план культурной революции в России. Бедная Россия! Совсем недавно считающаяся самой культурной нацией, за последние несколько лет утратившая былую славу надолго, если не навсегда. Реформы, одна за другой камнепадом обрушиваются на головы, увернуться не удаётся, каски не раздали. Наше дело телячье, за нас есть кому думать и принимать решения. Что наделали — на том и стоим! Только внутри что-то сопротивляется...

Почему за меня пытаются решить, что я должна читать? Почему за меня пытаются решить, какую музыку я должна слушать (в ходе диспута выяснилось, что симфоническая устарела и её никто уже не слушает)? Почему за меня решают, какие фильмы сейчас нужно снимать и, главное, показывать, не говоря уже — во сколько «по Москве» выпускать в эфир старые и добрые, а во сколько современные криминально-эротические фантазии? Почему за меня решают, какие предметы в школе оставить, а какие перевести в разряд самоокупаемых?

Неужели после нескольких лет методичного вытравливания при помощи экрана добра, милосердия, сострадания, порядочности из наших душ и из неокрепших душ подрастающего поколения создалось впечатление, что сформирована новая раса уборщиков коттеджей на Рублёвке, которым не нужны астрономия и литература, балет и скрипка? Нет, пожалуй, скрипка пригодится — ею можно в подземных переходах деньги зашибать. Недавно своими глазами видела передачу, в которой, принародно на камеру зафиксировав, посчитали дневную выручку просящего милостыню. У меня даже была мысль бросить свой бестолковый туристический бизнес с его «Булгариями», доставаниями билетов «на юга» в пик сезона, вечными турецкими отравлениями, египетскими переворачиваниями автобусов и пойти в ближайший переход. Раздумала. Переход-то есть, но денег у граждан моего города ровно столько, чтобы самим не рвануть в первопрестольную и не встать рядом с тем бомжем.

Я возвращаюсь, резюмируя: в каждом из нас сидит цензор, фильтрующий информацию; каждый из нас выбирает крупицы истины, созвучные мироощущению; каждый составляет свой список почитаемого из читаемого. То, что для одних шедевр, для других — так себе. Ничего плохого я в этом не нахожу. И мне самой не стыдно признаться, что есть вещи, которые мой организм отвергает, как когда-то в детстве отвергал рыбий жир: я с удовольствием читаю Стругацких, Фейхтвангера, Пушкина, Чехова, но не мои Булгаков, Достоевский, Сервантес, Гашек. Список не раздуваю, так как он гораздо длиннее. Не стоит даже пытаться мне доказывать, какой весёлый солдат Швейк. Юмор Светлова, Филатова, Высоцкого мне родней. «Мастер и Маргарита» — шедевр? Но я столько не выкурю! Умственные пытки Раскольниковых меня также мало трогают. Вы желаете поспорить? А зачем? У нас с вами черты лица не похожи, отпечатки пальцев разные, значит, и макраме из извилин отличается. Стоит ли брать на себя роль санитара со смирительной рубашкой наперевес и пытаться своим безменом взвесить чужой интеллект?

Самым несуразным я всегда считала вопрос: кто ваш любимый автор. Вопрошающий в таких случаях ждёт фамилий. Я могу сделать из ответа свалку, но лезу в карман, и выскакивают на ладошку избранные любимые произведения, герои, цитаты, строчки стихов. Пища, какой бы она ни была — столовская или духовная, — делится на съедобную и несъедобную, любимую и нелюбимую, постную и деликатессную. Кушайте на здоровье!

Нормально поесть не дадут! Носители языка желают преподнести мне блюдо с классикой от не важно какого, но современного, знающего толк, модного шеф-повара. А что! Это идея! Современное прочтение...

Представляю, насколько узнаваем будет вид рокера — Гамлета, мчащего на мотоцикле по просторам России и озирающегося с лёгкой ухмылкой: «Быть или не быть...»

Почему бы не сделать новую экранизацию «А зори здесь тихие...», и сцену, где героини изображают лесорубов, пытаясь заставить врага изменить маршрут, довести до полноценного стриптиза — даже детям будет понятно, что враг не пройдёт!..

Ещё можно развить тему: почему глухонемой Герасим приглянулся барыне? Во-первых, глухонемой, но работящий мужик — мечта любой женщины; во-вторых, даже если он гонит, то гонит му-му...

Очень актуально зазвучит сказка Пушкина «О мёртвой царевне...», если голос за кадром пояснит, что нитратов в наливном яблочке было в 15 раз больше нормы, для убедительности выскочит Антон Привольнов и проведёт независимое расследование с непременным взятием анализов у этого самого яблочка, и в конце лидер партии «Яблоко» призовёт отдать потерявших дар речи зрителей свой голос за него и ни за кого больше...

Не улыбайтесь! Идём дальше! Дети, между прочим, как сказала одна из участниц конференции, не понимают очень многие слова, и скрепила беспокойство наглядным примером: «Ямщик сидит на облучке...». Что такое облучок — дети знать не знают и чем его заменить не ведают... Зря взрослые наивно полагают, что современный ребёнок не в состоянии оценить классику без объяснений. Вот пример с тем самым ямщиком... байка, гуляющая в интернете не один год:

«Однажды первоклашкам предложили на уроке чтения нарисовать иллюстрацию к стихотворению Пушкина:

Бразды пушистые взрывая
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе теплом, в кушачке.

И вот, что получилось у детишек.

Начнём с того, что самыми понятными словами этого четверостишия оказались «тулуп» и «кушачок».

Кибитка была изображена в виде летательного объекта. Почему? Ну, как же, русским ведь языком сказано — «летит». Причём у некоторых детей аппарат этот имел кубическую форму. Видимо из-за созвучия слов «кибитка» и «куб». И вот летит по небу эдакая ки(ку)битка и что делает? Правильно — взрывает. Кого? Бразды пушистые. Что же такое бразды? Видимо, если пушистые, следовательно, звери такие. Однако, что за название непонятное «бразды», что за звери? А нормальные такие звери. Инопланетные. Нечто среднее по внешнему виду между бобрами и дроздами.

И вот вполне уже логичная картина получается — летит кубической формы серьёзный такой космический летательный аппарат, из которого на бедных пушистых мутантов — браздов — сыплются градом снаряды и бомбы, разнося инопланетную живность в клочья.

А рядом, неподалёку от этого безобразия, сидит некая загадочная личность и спокойно так за всем этим геноцидом наблюдает. Это ямщик. Причём изображён он сидя на обруче (облучок — обручок, почти совсем одно и то же), в кожухе и с лопатой в руках. Почему с лопатой? Ну как же — он же ямщик, чем ему ямы копать. Сидит он на обруче, значит, с лопатой, на краю огромной ямы, которую успел уже благополучно выкопать. Спросите, зачем выкопал? Понятно зачем — браздов хоронить. Логично? Логично. Да.»

У классиков частенько встречаются подобные словечки, которые хочется прокомментировать и перевести. Не умеет ребёнок читать — а мама на что? Умеет — словарь в руки! Эти два рецепта звучат, как активированный уголь для лечения расстройства желудка. Я боюсь огорчить желающих улучшить классику — она на то и классика, что лечению такого рода, как модифицирование, не поддаётся. Всё равно захочется взять в руки оригинал...

...Счастливый конец этой истории ожидал меня в Казани. Дочь, которой 29, вернулась из Питера, сидела передо мной уставшая и рассказывала, как в поезде около неё присела учительница литературы на пенсии и, плача настоящими слезами умиления, причитала: «Господи, слава тебе, что есть ещё молодёжь, которая читает «Анну Каренину»! Можно спокойно умирать!»

— С чего это ты в поезд Каренину прихватила? Специально бабку порадовать?

— Просто Джамиля её как раз прочитала! А что ещё в поезде делать?

— И что вычитала?

— В школе нам её жертвой представляли, а для меня Каренина дура и проститутка! У неё такой ребёнок классный! Ма, а где тот список? Помнишь, ты рассказывала, что в школе вам кто-то диктовал список книг, которые каждый уважающий себя должен прочитать...

Вера ХАМИДУЛЛИНА, Набережные Челны

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

* * *

Здравствуйте, уважаемый Николай Петрович. Пишу Вам по совету Александра Николаевича Бочкарёва, с которым давно общаюсь. Как-то сошлись с ним характерами, с удовольствием беседуем на окололитературные темы, прямо «критическая» компания по анализу журналов «Казань», «Идель», «Казанский альманах» и Вашего «Аргамака», который (спасибо Вам!) поступает в нашу сельскую библиотеку.

Я 33 года служила литературе в качестве её проводника. Школьные рамки мне были всегда узки. Всё прочитанное «разумное, доброе, вечное» я стараюсь довести до своих деток. Вот уже год, как я на пенсии. Все номера «Аргамака», попадающие мне в руки, читаю от корки до корки. Обычно начинаю со стихов, а этот номер 1 (6) читала подряд. Дифирамбы я не люблю петь, а искренне восторгаться умею. Принимаю Вашу сторону в споре с А. Лейфером. О вкусах не спорят, но я предпочитаю классику (нынче перечитывала с восторгом Салтыкова-Щедрина). Современная литература не всегда радует (какое-то зло, как и сама наша жизнь). Да и библиотеки наши так бедны! Хочешь прочитать или перечитать что-то, но — «этого у нас нет» в районом центре.

Среди Ваших авторов (хорошо, что Вы даёте о них справку в каждом номере) нашла коллег — педагогов, которые пошли в «писатели». Я на такое не решусь — лучше уж буду хорошим читателем.

Ваши переводы стихов татарских поэтов очень понравились. Особенно «Ожидание» и «Старики подметают кладбище» (Газиз Кашапов и Ханиф Хуснуллин). Мы

с Вами, наверное последнее поколение, чувствующее так. Мой отец ушёл на войну в 18 лет (1923 года рождения, из которых, по Ю. Друниной, выжило три процента), чудом остался жив: пуля прошла навылет в 2 миллиметрах от сердца и «добила» отца в 50 лет. Орден Славы II степени нашёл его только в 1992 году, почти через 20 лет после смерти. О подвигах своих он ничего не рассказывал. Уже и не узнаешь, и не спросишь... Потому мне дороги стихи военных лет: рядом со смертью люди не лгали; поэтому моя душа не принимает современные киноверсии о войне со всеми спецэффектами. Права опять же Ю. Друнина: «Подождите, пока мы умрём, а потом пишите о войне».

Трудно и с болью читался очерк М. Чванова «Закрытый город с открытой душой». Как легко рушится то, что создавалось годами! Как говорят ветераны: «никак не можете разрушить то, что мы создавали». Но разрушается и растаскивается различными временщиками. А узнавать об этом «через года, через века» будут из книг. В том числе, из Вашего «Аргамака».

Спасибо Вам, Николай Петрович, за Ваше подвижничество! «Словом можно убить, словом можно можно спасти, словом можно людей за собой повести» (Вадим Шефнер, если не ошибаюсь).

Будьте здоровы и творите на радость хоть и редких в нынешнее время читателей-почитателей.

С глубоким уважением,
Зинаида Васильевна ЛОБАНОВА (КОТКОВА),
Муслюмовский район РТ, село Русский Шуган

* * *

Дорогой Николай! Огромное спасибо за альманах «Аргамак». С удовольствием прочитал № 3 (8). Многое понравилось, многое по-настоящему задело сердце. Очерк М. Чванова, рассказ Александра Унтила «Нога», поэма Михаила Сопина «Агония триумфа»... Какие яркие, самобытные таланты! Если бы ты их не открыл — даже страшно думать об этом — сколько бы мы потеряли в своём духовном развитии... Спасибо! Да и женская поэзия на высоте. Стихи Н. Вердеревской, Е. Бурундуковской. Как всегда и публицистика хороша. Байки и вернисаж художника В. Акимова. Кисть его — это поющая кисть. Порадовал и ты, Николай, своей новой подборкой. «Пророк», «Воспоминание о Соколках», «Скрип шагов за спиной не люблю...», другие стихи — это всё отсвет высокой поэзии. Отдельное спасибо Н. Первовой за рецензии. Сейчас только у вас и можно узнать, что издаётся доброго в России. Это не панегирик — это действительно так. Жму крепко руку!

Николай КРАСИЛЬНИКОВ, г. Москва

* * *

Добрый день, Николай Петрович! До сих пор радуюсь Вашему журналу — он великолепен, это настоящее литературное издание, высокопрофессиональное и очень интересное. Поэтому спешу предоставить Вам новый материал для очередного номера.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. г. Москва

Болгар и Свияжск — наши святыни

Интервью с исполнительным директором республиканского фонда «Возрождение» Т. П. Ларионовой

— Уважаемая Татьяна Петровна! Буквально из «травы забвения» к народам Татарстана, России, да и всего мира возвращаются две исторические святыни: Болгарский государственный музей-заповедник, являющийся родиной ислама, и остров-град Свияжск — оплот православия. Вы причастны к этому грандиозному проекту как исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение». В конце года принято подводить итоги. Расскажите, пожалуйста, о том, что уже сделано в Болгаре и Свияжске с тех пор, как фонд начал свою деятельность, отметьте наиболее значительные события.

— Комплексный проект — «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», цель которого сохранить, возродить и передать будущим поколениям ценнейшие памятники истории, уникального зодчества и духовности, реализуется в Республике Татарстан с мая 2010 года.

Идея возрождения Болгара и Свияжска получила поддержку Президента России Д. А. Медведева и Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина.

В целях координации работ по восстановлению этих исторических памятников Указом Президента Республики Татарстан от 17.02.2010 УП-71 специально был создан Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Республиканский Фонд «Возрождение» не ограничивает свою деятельность только сбором и аккумулированием финансов, хотя эта сторона деятельности

является немаловажной. Фонд координирует все работы по возрождению древнего города Болгар и острова-града Свияжск.

В 2011 году проводятся реконструкция и строительство 26 объектов г. Болгар и 31 объекта г. Свияжск. Ремонтно-строительные работы осуществляются силами инвесторов — крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий за счёт благотворительных пожертвований от физических и юридических лиц при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации и Республики Татарстан.

Ряд объектов на острове Свияжск после реконструкции приспособлены под нужды Свияжского музея. Это сданные в мае и июле 2011 года комплекс зданий казённых сооружений, здания казармы инженерного корпуса, богадельня.

В восстановленном доме купца Каменева открыт торгово-гостиничный комплекс.

В результате проведённых ремонтно-строительных работ меняется облик монастырей на острове Свияжск. В сентябре текущего года открылись Братский и Архимандричий корпуса Богородице-Успенского монастыря, Монастырское училище, Троицкая церковь.

Кроме того, на острове Свияжск открыто движение по мосту через реку Секерка и построено новое здание речного вокзала, соответствующее стилистике архитектуры XIX века.

К началу учебного года в отремонтированном общественном здании начала XX в. распахнула двери школа. Заработала детская площадка.

Проводится работа и по восстановлению исторических памятников Болгарского городища XIII–XIV веков Соборной мечети, Северного мавзолея, Восточного мавзолея, Успенской церкви, Чёрной палаты, Малого минарета, Ханской усыпальницы, Белой палаты, Малого городка и Ханского дворца.

Наряду с восстановлением объектов исторического и культурного наследия в г. Болгар ведётся строительство:

— речного вокзала, рассчитанного на единовременный приём 700 человек, где будет размещён музей Болгарского городища;

— комплекса мечети Болгар с медресе;

— памятного знака в честь принятия волжскими булгарами в 922 году ислама в качестве государственной религии;

— музея хлеба — интерактивного музея для воссоздания всего земледельческого цикла от выращивания зерна до выпекания хлеба с демонстрацией этнографических особенностей быта и хозяйствования казанских татар и булгар.

Все новые объекты вынесены за границу территории Болгарского историко-археологического заповедника, что полностью соответствует международным и национальным правовым нормам охраны культурного наследия.

В Болгаре в июне текущего года введён в эксплуатацию палаточный лагерь и открыт мемориальный памятный знак на месте захоронения сахабов.

В ходе реализации проекта большое внимание уделяется решению вопросов жизнеобеспечения жителей, в первую очередь, улучшению их жилищных условий. Проводится переселение в новые благоустроенные квартиры и дома жителей Свияжска, проживающих в аварийных домах, и жителей Болгара, проживающих в музейной зоне.

Неотложными и первоочередными на обеих территориях памятников определены работы по созданию практически отсутствовавших инфраструктуры и коммуникаций — дорог, газификации, очистных сооружений, устойчивого тепло- и энергоснабжения. Эти работы выполняются на территориях Болгара и Свияжска, в основном, за счёт предприятий-инвесторов.

Нет сомнений в том, что этот масштабный социальный проект по возрождению исторических и культурных памятников Татарстана, имеющий сегодня общероссийское значение, будет успешно реализован.

— Успех дела в значительной степени зависит от личности руководителя. Авторитет Минтимера Шариповича Шаймиева непререкаем не только в родном Татарстане, но и в России, и в мире. Какова его роль в деятельности фонда? Как ему удалось найти согласие между мусульманством и православием? Ведь наверняка были и противники — известно, что в пятнадцатом веке в Свияжске создавался форпост для последующего взятия Казани Иваном Грозным.

— Хочется продолжить мысль о том, что проект по возрождению исторических и культурных памятников Татарстана успешно реализуется, в первую очередь, именно потому, что его возглавляет Первый Президент Республики Татарстан, Государственный Советник Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев. Благодаря Минтимеру Шариповичу работа проводится основательно, продуманно, последовательно, с большой ответственностью и душевной щедростью.

Как я уже сказала, Минтимер Шарипович является председателем Попечительского Совета Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан.

Что касается согласия между мусульманством и православием, то древняя и прекрасная земля Татарстана всегда славилась особым духом созидания и сотрудничества, всесторонним и органичным диалогом культур и цивилизаций, стремлением к достижению межнационального и межконфессионального согласия. Мы гордимся замечательными традициями бережного и уважительного отношения к вечным нравственным ценностям, уникальному духовному наследию народов республики.

Согласие между мусульманами и православными всегда было ключевой идеологией в деятельности Минтимера Шариповича как Президента Татарстана. Он очень много для этого сделал и делает сейчас.

Ярким образом толерантности в области исторического и культурного наследия можно назвать Казанский Кремль. Именно на примере Казанского Кремля в мирном сосуществовании и взаимодействии христианской и исламской цивилизации — залог создания многих уникальных ценностей, входящих в золотой фонд российской и мировой культуры.

Особое место среди них, конечно, занимают расположенные на территории Казанского Кремля выдающийся памятник архитектуры XVI века федерального значения — Благовещенский собор и воссозданная легендарная мечеть Кул Шариф. Со-

седство двух храмов наглядно символизирует мирное сосуществование и взаимопонимание основных религий республики.

Интерес к Казанскому Кремлю подтолкнул Минтимера Шариповича к мысли вынести этот зримый образ толерантности, мира и согласия в Татарстане на просторы великой русской реки Волги, на древние города Болгар и Свияжск.

Расположенный на одном из самых важных в стратегическом и торговом отношении мест в Восточной Европе, у слияния Камы и Волги, Болгар играл существенную роль в истории народов Поволжья и всей Восточной Европы. Именно здесь в 922 году волжскими болгарами, предками казанских татар, ислам был официально принят в качестве государственной религии.

Волжская Булгария стала известна в мире как страна городов, блиставших своей архитектурой, торговлей, производственной деятельностью, наукой и литературой. Высокий уровень мусульманской городской культуры способствовал активной деятельности просветителей, педагогов, учёных. История сохранила имена таких выдающихся людей, как поэт Кул Гали и философ Хамид аль-Булгари.

По прошествии многих веков древние памятники привлекали сюда многочисленных паломников, деятелей мусульманской культуры, справедливо считавших Болгар священным городом, давшим начало распространению ислама на российской земле.

Относительно Свияжска. Может быть, у отдельной части населения восстановление этого города вызывает некоторые негативные чувства. Да, он был основан как военная крепость, форпост для покорения Казанского ханства. И это история, которую тоже нужно помнить и уважать. К тому же такую роль Свияжск играл лишь первые полтора года своего существования. Потом всё больше и больше выходило на первый план его новое значение — духовного центра огромного края.

Мы признаём уникальность этого острова-града, являющегося историко-культурным памятником, национальным достоянием всей России, донёсшим через четыре с половиной столетия до наших дней общекультурное наследие. Свияжск — первый православный город в Среднем Поволжье, сыгравший одну из ключевых ролей в исторических процессах формирования Российского государства и оказавший значительное влияние на распространение духовной и материальной культуры в Среднем Поволжье.

Архитектура острова Свияжск — беспрецедентный в мировой практике пример единовременной закладки и заселения города-крепости. В своё время в г. Свияжск побывали императоры Павел I, Александр I, Николай I, писатели Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Герцен и Радищев, поэт А. С. Пушкин. Побывали здесь и Лев Троцкий с Демьяном Бедным, и другие.

У нашего народа очень непростая история. И мы её должны сохранить такой, какая она есть. Думаю, потомки оценят в будущем значимость проекта возрождения исторического и культурного наследия Татарстана.

Священная земля древнего Болгара, величественные храмы острова-града Свияжск поражают и восхищают многочисленных гостей, приезжающих к нам из разных уголков мира. Именно в этом многообразии и разноцветии культур народов Татарстана, сочетании национальных традиций и заключается особая привлекательность нашего региона.

— Замечателен, на наш взгляд, этот баланс между русским национальным миром и татарским национальным миром. Он служит объединению всех народов, живущих в нашей республике. Чувствуется ли эта цементирующая сила уникального Болгаро-

Свияжского проекта во время ваших многочисленных поездок по родной республике? Что говорят люди?

— Действительно, достигнутый в нашей республике баланс между русским и татарским национальным миром объединяет все народы, живущие в Татарстане. Немало этому способствует и наш комплексный проект. Это я поняла, когда проводила презентацию комплексного проекта в муниципальных образованиях республики. В буквальном смысле объездила всю республику, встречалась с общественностью. Везде выступления слушали с неподдельным интересом. Идея о необходимости возрождения этих двух святынь была поддержана всеми слоями населения, перед какой бы аудиторией ни выступала. Тогда в очередной раз убедилась в верности выбранных объектов.

В ходе многочисленных поездок и встреч я с каждым разом всё больше убеждаюсь в правоте намеченных целей — восстановить и передать будущим поколениям наши исторические святыни.

Ещё на один момент хочется обратить внимание. В числе руководителей предприятий-инвесторов, восстанавливающих памятники Свияжска, немало людей коренной национальности Татарстана. Это Шигабутдинов Альберт Кашапович (генеральный директор ОАО «ТАИФ»), Латыпова Муслима Хабриевна (генеральный директор ООО «Бахетле»), Хисамеев Ибрагим Габдулхакович (генеральный директор ОАО «Казанькомпрессормаш»), Каримуллин Дамир Заудатович (генеральный директор ОАО «Казанское моторостроительное производственное объединение»), Каюмов Васил Кадымович (генеральный директор ОАО «КАПО им. С. П. Горбунова»). А ключевые новые объекты Болгара — Памятный знак в честь принятия волжскими булгарами ислама и Мечеть — строятся ООО «Грань», руководителем которого является православный Анисимов Леонид Витальевич. Это очередной раз свидетельствует о толерантности в нашей республике, о проживании в мире и согласии народов разных национальной. Так было всегда в Татарстане. Наш проект подтверждение того, что эта традиция продолжается.

— А что говорят гости из субъектов Российской Федерации, из стран СНГ, из дальнего зарубежья? Вздыхают с сожалением: дескать, у нас такого нет?

— Было бы лукавством согласиться с мыслью, что за рубежом такого нет. Думаю, в вопросах сохранения исторического наследия нам надо многому учиться. Однако, приятно, что о наших делах уже знают не только в России, но и далеко за её пределами.

Чтобы все работы выполнялись на высочайшем уровне и в соответствии с международными Конвенциями об охране культурного наследия, в ноябре 2010 года был учреждён экспертный совет Фонда «Возрождение». Его состав, без преувеличения, можно назвать поистине «звёздным», так как в него вошли историки, культурологи, архитекторы, инженеры-строители и реставраторы, чей профессионализм признан не только на российском, но и на мировом уровне.

В состав Совета входит Ответственный Секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Григорий Эдуардович Орджоникидзе, наш старый друг, при непосредственном участии которого национальное достояние и гордость республики — Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» — был признан объектом Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Он неоднократно посещал остров-град Свияжск и древний город Болгар с миссией привлечения к данным объектам общественного внимания и позициони-

рования Татарстана как передового региона в деле воплощения приоритетных направлений развития ЮНЕСКО.

Среди наших экспертов и Президент Российского национального комитета ИКОМОС (Международный совет по охране памятников и исторических мест), Президент Российской национальной комиссии Всемирного наследия, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников Игорь Иванович Маковецкий. При его активном содействии подготавливаются два формата номинаций «Болгарский историко-археологический комплекс» и «Историко-архитектурный и природно-ландшафтный ансамбль Свияжска».

Всегда очень конструктивно проходит участие директора Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCROM) Мунира Бушенаки, который с удовольствием в своё время принял предложение войти в состав Экспертного совета Республиканского Фонда «Возрождение». Впервые господин Бушенаки приехал в Казань ещё в 2001 году. Тогда он в качестве заместителя Генерального директора ЮНЕСКО вручил первому Президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву сертификат о признании Казанского Кремля памятником культурного наследия. Тогда же он в первый раз побывал в Болгаре и острове-граде Свияжск и теперь у него есть возможность видеть, какие существенные изменения претерпевают наши святые места. В мае и октябре этого года он принял участие в заседаниях экспертного совета в Болгаре и Свияжске, дал положительную оценку проводимой работе и ценные указания по дальнейшим нашим действиям.

— В возрождении Болгара и Свияжска участвуют добровольцы-благотворители. Кого из них и за что Вы хотели бы поблагодарить накануне Нового года?

— Успешная реализация проекта по сохранению и возрождению исторического наследия Татарстана стала возможной благодаря всеобщей поддержке.

Хочется отметить огромный вклад в реализацию проекта инвесторов в лице крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, которые приняли на себя обязательства по восстановлению и строительству объектов «под ключ». В результате проведённой инвесторами восстановительной работы меняется облик исторических объектов Болгарского городища и острова-града Свияжск.

Проект поддержали граждане республики, большие и малые компании, бизнес-структуры, территориальные, федеральные службы, республиканские органы власти, крупные предприятия и организации различных форм собственности, фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели.

В «копилку» Фонда «Возрождение» вкладываются все города и районы республики. В числе лидеров Альметьевский, Актанышский, Кукморский, Спасский, Пестречинский, Зеленодольский, Нижнекамский, Лаишевский районы, города Казань и Набережные Челны. Хочется отметить особые помыслы актанышцев. Они решили, что нужно вложиться так, чтобы средств хватило на восстановление Ханской усыпальницы в Болгаре.

Среди участников проекта и стар, и млад. Если самому старшему участнику проекта Хайрутдиновой Бибивасиме из Спасского района было 103 года, то за самого младшего участника проекта средства на счёт фонда были перечислены в день выписки его из роддома.

Участие в реализации проекта принимают различные категории населения:

— ветераны (г. Набережные Челны, Алексеевский, Заинский, Мамадышский, Кукморский, Сармановский районы) и молодёжь (Набережные Челны, Казань, Апастовский, Заинский, Черемшанский, Тукаевский районы);

— приёмные семьи и многодетные семьи (Новошешминский, Спасский, Кайбицкий, Камско-Устьинский, Чистопольский районы и Казань);

— дети из Лаишевского дома-интерната;

— жители целыми поселениями (село Туенбаш Кукморского района — 545 человек).

Во всех районах и городах проект поддержали религиозные конфессии, мечети и православные приходы.

Вклады различные — от 10 рублей до нескольких тысяч. Важнее — отношение, желание быть полезным.

Мы признательны всем, кто нас поддерживает.

— Как известно, руководители Татарстана также горячо поддерживают ваш проект. В каких конкретных делах и акциях это выражается?

— Прежде всего хочу отметить поддержку Президента Татарстана Рустама Нургалиевича Минниханова.

Неоднократно при непосредственном участии Рустама Нургалиевича проводились совещания, в том числе и с выездом в Свияжск и Болгар, где рассматривались и принимались конкретные решения по вопросам строительства и реставрации объектов острова-града Свияжск и древнего города Болгар.

Премьер-министр нашей республики Ильдар Шавкатович Халиков лично курирует вопрос восстановления Конного двора Свияжского Успенского монастыря.

В июле 2011 года Президиум Государственного Совета Республики Татарстан во главе с Председателем Государственного Совета Республики Татарстан Ф. Х. Мухаметшиным провёл выездное заседание в городе Болгар по вопросу, посвящённому ходу реализации комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: остров-град Свияжск и древний город Болгар».

Отрадно, что в торжественных мероприятиях по случаю сдачи и открытия восстановленных объектов участвует всё руководство республики. В этом кроме того, что ощущается поддержка проекта, мы видим положительную оценку нашей работы.

— Программа возрождения и развития Болгара и Свияжска настолько обширна, что её, наверное, трудно уложить во временные рамки. Но что и как Вам видится в перспективе? Какими станут наши исторические и духовные святыни? Каковы планы на ближайшее будущее?

— Мы взяли хороший старт. В настоящее время выполняются основные ремонтно-строительные работы и работы по устройству инженерных сетей в Болгаре и в Свияжске, которые планируется завершить к концу 2012 года.

Одновременно мы понимаем, что и перечень объектов для восстановления и строительства будет и дальше увеличиваться. Во многом этому способствуют и проводимые археологические исследования. Благодаря комплексному проекту у наших учёных появились дополнительные немалые возможности для более детального изучения объектов.

До того, как приступить к восстановительным работам, в первую очередь, мы проводим полное археологическое исследование этих исторических земель. Строительные работы ведутся только на тех местах, где археологические раскопки закончены. И это правило мы соблюдаем неукоснительно.

Размер исследованной площади на острове Свияжск десятикратно превысил размер общей площади раскопок за предыдущие тридцать лет. В ходе исследований был выявлен ряд ранних объектов, которые были до этого неизвестны.

В Болгаре за всю 160-летнюю историю археологического изучения древнего города было исследовано всего 2 гектара, в среднем по одной сотке в год, а в ходе реализации комплексного проекта исследования проведены на площади более 0,7 гектара. Эти археологические исследования также дали возможность узнать новые страницы истории Волжской Булгарии.

Археологические исследования во многом способствовали тому, что был пересмотрен перечень объектов для восстановления. Было принято решение, к примеру, — в дополнение к ранее намеченному — возродить в Болгаре Ханский дворец, который выполнял представительскую функцию Бату-хана и последующих правителей Золотой Орды, воссоздать Дом лекаря на месте, где выявлен дом алхимика с остатками лабораторного оборудования.

Мы планируем провести архитектурно-археологические исследования с целью дальнейшего музеефицирования, реставрационные работы и на других более разрушенных объектах Болгарского городища — в Красной палате и Белой палате.

Хочу сказать, что чем больше мы занимаемся изучением и восстановлением объектов истории и культуры, тем больше понимаем, за какую важную работу взялись, ощущаем значимость этой работы. В то же время осознаём, что можно сделать ещё больше в этом направлении.

Меняя облик этих городов, меняемся мы сами: мы становимся другими, становимся лучше. Это самое важное. Реализуя проект по восстановлению Свияжска и Болгара, мы идём по пути обретения духовности. В будущем, видя, как люди со всего мира восхищаются обновлёнными Болгаром и Свияжском, мы всегда будем гордиться содеянным.

Конечно, деятельность Республиканского Фонда «Возрождение» направлена на содействие не только возрождению и развитию Болгара и Свияжска, но в дальнейшем и других памятников истории и культуры, а также сохранению и развитию исторических, культурных и духовных традиций многонационального народа Татарстана, национально-культурной самобытности народов, проживающих в Татарстане.

Безусловно, деятельность Фонда будет продолжена и после того, как завершатся основные работы в Болгаре и Свияжске, и они примут первых паломников и туристов в новом облике. А какие конкретно исторические памятники будут восстанавливаться далее — покажет время.

— Наш литературный альманах «Аргамак.Татарстан», увидевший свет благодаря личной поддержке Первого Президента республики М. Ш. Шаймиева, из номера в номер публикует материалы, связанные с деятельностью фонда «Возрождение». Как вы оцениваете наше творческое содружество?

— Мы признательны, что ваш журнал освещает деятельность Республиканского Фонда «Возрождение» с первых дней становления. Должна отметить разнообразие публикуемых материалов. Это и хроника событий, связанных с работой Фонда, и интервью М. Ш. Шаймиева, и информационно-познавательный материал об отдельных объектах и инвесторах. Полагаю, для читателей журнала были интересны исторические материалы о древнем Болгаре и острове Свияжск.

Благодаря совместным усилиям мы смогли познакомить читателей «Аргамака» с участниками реализации комплексного проекта — инвесторами, восстанавливающими объекты реставрации. Это ОАО «Казанский вертолётный завод» (Успенский собор в Свияжске), Актанышский муниципальный район (Ханская усыпальница в Болгаре), ООО «Акульчев» (Троицкая церковь в Свияжске, Чёрная палата в Болгаре). Надеюсь, такие публикации будут продолжены и в следующих номерах журнала.

Думаю, в будущем наше сотрудничество, безусловно, должно продолжаться.

— Ваши новогодние поздравления и пожелания читателям «Аргамака».

— Через ваш журнал хочу обратиться ко всем, кто принимает непосредственное участие в реализации комплексного проекта — «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», и тем, кто жертвует свои средства в Республиканский Фонд «Возрождение». Хочу выразить слова благодарности и искренней признательности за поддержку, доброту и щедрость. Ваш пример пробуждает в людях самые прекрасные качества и учит испытывать радость от участия в добрых делах.

Пусть ваши благие дела приносят вам удовлетворение и наполняют ваши сердца радостью. Праздничного настроения, крепкого здоровья, душевного тепла, счастья, мира, добра и всех вам благ!

— Татьяна Петровна, спасибо за интервью. Желаем и Вам всего наилучшего в Новом году. Успехов в деятельности уникального фонда «Возрождение».

Вопросы задавал главный редактор литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» Николай АЛЕШКОВ

ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ...

В Набережных Челнах на базе больницы скорой медицинской помощи открылся третий в Татарстане Центр высоких медицинских технологий. Он создавался в рамках модернизации системы здравоохранения России и Татарстана. Какую помощь населению оказывает этот центр? Изменились ли цели и задачи, которые стоят перед врачами клиники? Об этом мы попросили рассказать главного врача БСМП Ильдара Индусовича Хайруллина, врача высшей категории, заведующую отделением неотложной кардиологии Наилю Саидахметовну Станиченко, врача высшей категории, кардиохирурга, на счёту которого около полутора тысяч операций, заведующего кардиохирургическим отделением Сергея Михайловича Корнея.

И. И. Хайруллин:

— Начну с того, что наше развитие идёт не само по себе, а в общероссийском русле. Преобразования в БСМП благословил мэтр отечественной медицины, известный кардиохирург, академик РАМН, руководитель государственной программы развития медицины высоких технологий Ренат Сулейманович Акчурин. Он побывал в БСМП ещё в прошлом году во время своего визита в Республику Татарстан. Ему очень понравился принцип нашей реконструкции, идеология нашего учреждения. Он согласился, что здесь возможно внедрение кардиохирургических методов лечения. И пообещал помочь найти сотрудника, который будет внедрять эти методы. Впоследствии по его рекомендации кардиохирургическое отделение в БСМП возглавил Сергей Михайлович Корней, ученик Акчурина. В течение нынешнего года мы с Акчуриным неоднократно встречались в Москве, обсуждали необходимый перечень оборудования и инструментарий, который нужен для внедрения этой методики. Его советы и рекомендации очень нам помогли. Затем он согласился провести в Набережных Челнах мастер-класс. Ренат Сулейманович приехал к нам в июле и за два дня провёл три операции, в которых приняли участие и наши специалисты. Кстати сказать, одним из его пациентов был и редактор вашего журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков. Подготовка к высокотехнологичным операциям оказалась долгой и сложной. Нужно было привлечь немалое количество

оборудования, расходных материалов и грамотно подготовленных специалистов разного медицинского профиля. Ассистировал Акчурину Сергей Михайлович с нашими сотрудниками. Таким образом, Ренат Акчурин сделал первые в нашем городе операции по аортокоронарному шунтированию, а эстафету от него принял уже Корней. Надо сказать, что все операции и Рената Сулеймановича, и Сергея Михайловича прошли успешно. С Акчуриным у нас сложилось очень конструктивное деловое сотрудничество. Он приглашает наших сотрудников на конференции, которые проходят в кардиологическом центре в Москве. Мы с ним определяем дальнейшее развитие кардиохирургической помощи в Челнах, потому что планируем внедрить и операции на клапанах сердца, и другие гибридные операции. Это целое направление кардиохирургии, которое тоже очень важно. Акчурин является руководителем программы развития кардиохирургии на всей территории России. Сотрудничество с ним помогает БСМП соответствовать основному общенациональному направлению, российским и международным стандартам.

— Вы упомянули про идеологию вашего учреждения. В чем она заключается?

— Одна из глобальных задач модернизации здравоохранения — это увеличение продолжительности жизни россиян. Как вы знаете, смертность населения в первую очередь связана с сердечно-сосудистыми заболеваниями, травмами и онкологией. При инфарктах, инсультах, дорожном травматизме существует правило «золотого часа». Если пациент в течение короткого времени поступает в клинику, оснащённую самым современным оборудованием, где есть современные технологии, то летальность при тяжёлых состояниях резко снижается. Чем обеспечивается принцип «золотого часа»? Прежде всего, так называемым транспортным плечом. Татарстан поделён на три зоны. Западная, с центром в Казани, охватывает около 2 млн. населения, северо-восток с населением около 1,2 млн. — Набережные Челны, юго-восток (600 тысяч населения)– Альметьевск. У нас до самого дальнего района, например, до Агрыза или Актаныша, 150 км. Это полтора-два часа езды на машине. Оказывая помощь при тяжёлых травмах, инфарктах и инсультах, случившихся в самых отдалённых населённых пунктах региона, мы можем обеспечить выполнение этого «золотого часа». Больные начинают получать помощь уже по дороге к нам. А здесь на помощь приходят высокие технологии. Сейчас 20 % наших больных — люди из северо-восточных районов Татарстана. Уже первый год деятельности показывает эффективность работы Центра высоких медицинских технологий. К примеру, если летальность от инфаркта в прошлом году в БСМП составляла 12,6 %, то за 9 месяцев 2011 года она снизилась до 7,1 %. В целом по году хотели выйти на 7,5 %. Показатель по Европе 7 %. Так что мы вплотную приблизились к европейскому уровню. Мы спасаем реальные жизни благодаря высоким технологиям!

— Что входит в понятие медицины высоких технологий?

— Согласно постановлению Кабинета Министров РФ — это виды медицинской помощи, требующие использования дорогостоящего оборудования и расходных материалов. На создание нашего Закамского центра за два года было выделено 2,5 млрд. рублей. Это уникальный случай в Российской Федерации по объёмам выделенных средств и по срокам их освоения. Масштабную реконструкцию БСМП всего за два года провело ОАО «Камгэсэнергострой», легендарная организация со времён строительства КамАЗа и города. Такого опыта в России больше ни у кого нет. При этом больница продолжала работать, лечить людей. Такой опыт заслуживает уважения, и все это признают. На оснащение центра современным оборудованием было по-

REGIONAL EMERGENCY MEDICAL CENTER
БСМП
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СКОРОЙ ПОМОЩИ

БСМП

БСМП
БСМП

Technik

трачено свыше одного миллиарда рублей! У нас два компьютерных томографа, два ангиографа, магнитно-резонансный томограф, современное дыхательное, реанимационное, лечебно-диагностическое, лабораторное оборудование, эндоскопия, УЗИ.

Но оборудование и стены сами по себе не работают. Нужны люди, специалисты. Тут было три пути решения проблемы. Первое — учить наших людей на новом оборудовании. Второе — приглашать специалистов со стороны. К примеру, из Уфы приехали кандидаты медицинских наук Булат Загидуллин и Радик Шарипов. А также Сергей Михайлович Корней. Он встаёт за операционный стол каждый день! Уже состоявшихся специалистов удалось привлечь благодаря тому, что город предоставил им служебные квартиры, которые они смогут приватизировать через пять лет. Во-вторых, у нас они стали заведующими отделениями, что повышает их профессиональный и карьерный рост. Работают они по контракту, перед ними поставлены конкретные задачи. Третий путь — привлечь выпускников медвузов. В этом году мы приняли на работу 11 ординаторов. Как видите, мы работаем по всем направлениям.

— Я знаю, что многие врачи БСМП учились за границей. Удалось ли вам что-то внедрить из зарубежного опыта?

— Зарубежное обучение в Израиле и в Германии прошли более 30 врачей. На основе зарубежного опыта было предложено 53 проекта. 35 из них уже внедрено, остальные на стадии внедрения. По медицинским технологиям мы универсальны. И за рубежом, и у нас применяются единые международные стандарты по оказанию медицинской помощи. Травматологи, анестезиологи, кардиологи, реаниматологи, сосудистые хирурги работают по одной технологии. Есть отдельные нюансы только по организационным работам.

— А что изменилось для больных?

— Можно сказать, БСМП стала первым медучреждением Татарстана, где палаты для больных оснастили по новым стандартам. Это функциональные кровати, прикроватные консоли с подводкой кислорода и электричества, жалюзи, холодильник, телевизор, шкаф для одежды, соответственно оборудованный туалет.

— С каким настроением Вы приходите утром на работу, о чём думаете?

— Прихожу в больницу рано утром, когда ещё нет семи. Первым делом иду в реанимацию. Мне теперь не стыдно перед больными и своими сотрудниками. Больница преобразилась до неузнаваемости. Она стала комфортной как для больных, так и для медиков. Есть всё необходимое оборудование. Сейчас главное для меня — доказать, что огромные деньги вложены не зря, что проект оказался успешным, что смертность от ключевых заболеваний неуклонно снижается. Поэтому я веду мониторинг всех отделений. Нам нужен конечный результат — спасённые жизни! Мы сейчас должны дать реальное качество лечебного процесса, соответствующего международным стандартам качества ИСО 9000. С первого января 2012 года начнём подготовку, чтобы пройти аттестацию. Мы надеемся получить сертификат соответствия международным стандартам качества в течение полутора лет. Таких медучреждений в России пока единицы. Но мы к этому должны стремиться. Это повысит наш престиж, конкурентоспособность. Коллектив поверил в свои силы. Впереди много нового и интересного! Наши врачи, например, начали освоение английского языка. Круглые столы, где делаются выступления на английском, проходят у нас еженедельно. Проект по реконструкции БСМП, превращение его в Центр высоких медицинских технологий позволил Набережным Челнам выйти на современный уровень. Врачи удовлетворены, что

работают в таких условиях. Они спасают людей, которых вчера могли бы потерять. Они получили возможность самореализации, что очень значимо для человека. Это позволило десяткам врачей почувствовать себя уверенными и удовлетворёнными. Удовлетворён и я. Внедрить новые технологии, построить новую современную медицинскую службу — это очень важные вещи. Значит, и я что-то в этой жизни успел сделать. Так думает сегодня каждый врач нашей БСМП.

Н. С. Станиченко:

— Известно, что сердечно-сосудистые заболевания стали одной из главных проблем современной медицины, они являются основной из причин смертности населения нашей страны. Много людей, особенно пожилого возраста, страдают заболеваниями сердца и сосудов. Растёт количество инфарктов миокарда, и, к сожалению, учащаются случаи этого заболевания в молодом и трудоспособном возрасте. Кардиологическая служба нашего стационара оказывает неотложную помощь пациентам с заболеваниями сердца. Основная группа наших пациентов — это больные, страдающие ишемической болезнью сердца, больные с нестабильными формами стенокардии и инфарктом миокарда. Наша задача — оказать им адекватную помощь на высоком уровне. В своей работе мы придерживаемся современных зарубежных и российских рекомендаций.

Лечение инфаркта миокарда особо эффективно, если оно оказывается в первые 6 часов от начала заболевания. Причина инфаркта миокарда — это образование тромба, поэтому цель терапии — наиболее раннее разрушение тромба и восстановление коронарного кровотока. Разрушить тромб можно двумя способами. Химический (тромболизис) — это введение специальных лекарственных препаратов, механический — ангиохирургическим вмешательством, когда для расширения просвета сосуда вводится баллон, затем устанавливается стент. Эти два способа взаимодействуют и часто дополняют друг друга.

Доказано; если медицинская помощь оказывается в первые 3 часа, то в 40 % случаев возможно прервать течение инфаркта миокарда. Рентгеноангиохирургическое отделение было организованно в ноябре 2010 года после реконструкции БСМП и её оснащения современным оборудованием. У нас сейчас две ангиохирургические лаборатории, где работают квалифицированные опытные специалисты. Руководит ангиохирургической службой Булат Искандерович Загидуллин. Кардиологическая служба оказывается командой. Это кардиореанимационное отделение, принимающее самых тяжёлых пациентов, два кардиологических отделения. Помощь в диагностике оказывают отделение функциональной диагностики, лаборатория, рентгенотделение. Мы тесно сотрудничаем с врачами скорой помощи. Служба скорой помощи провела очень важную работу — закупила препараты, разрушающие тромб, обучила персонал. И с мая этого года тромболизис проводится уже на дому, т. е. кардиологические больные начинают получать специализированную помощь ещё до доставки в больницу.

Мы оказываем помощь и больным с нарушением ритма сердца. Устанавливаются постоянные кардиостимуляторы, которые посылают импульсы с определённой частотой к мышцам сердца, заставляя их сокращаться. До нынешнего года больным для установки этих приборов приходилось ездить в клиники Казани. В сентябре мы стали проводить операции радиочастотной аблации. Мы помогаем больным, у кото-

рых возникают приступы внезапного сердцебиения. У нас развёрнута современная аритмологическая операционная.

Первые операции сделаны специалистами из Москвы и Казани, сейчас челнинские врачи проводят эти сложные операции самостоятельно. Первыми пациентами были мать и дочь, болезнь носила наследственный характер. Теперь у них есть возможность полноценной жизни.

Только в этом году мы должны установить 60 кардиостимуляторов, провести 27 операций радиочастотной аблации, провести около 800 коронарографий, около 300 стентирований сосудов сердца. Думаю, что на следующий год количество вмешательств возрастёт, мы сможем реально помочь большему количеству людей.

С. М. Корней:

— Поехать в Набережные Челны и создать на базе БСМП кардиохирургическую службу мне предложил мой учитель Ренат Сулейманович Акчурин. Он здесь уже бывал и одобрил проект реконструкции больницы. А мне, как профессионалу, всегда интересно начинать новое дело. Наши цели достаточно чётки — поставить службу кардиохирургии на ноги в Набережных Челнах. Это коронарное шунтирование, коррекция клапанной патологии, операции по сердечной недостаточности. Мы начали достаточно активно, провели уже около 40 операций. Все они прошли успешно.

Технологии — это хорошо, но полный комфорт получается, когда твой отдел включён в соответствующую структуру больницы. Но всё сразу не перестроишь. Наша работа командная. Должны быть и оперирующие опытные хирурги, и сертифицированные анестезиологи, ревматологи, и должна быть соответствующая аппаратура. Без современного оборудования не обойтись никак, тем более в кардиохирургии. На одной операции работает примерно 8–9 человек.

В среднем операция длится 4–5 часов. Права на ошибку нет — мы имеем дело с тканями сердца. Я сразу заметил, что у моих челнинских коллег руки и мозги наработаны, что у них большой потенциал для роста. Их легко было увлечь заняться кардиохирургией. Мы достаточно быстро и хорошо прошли этап становления. Я доволен своей командой. Очень хорошо, когда у тебя обученная операционная медсестра, обученный качественный ассистент, анестезиолог. В таком случае операция проходит молча, как по нотам прекрасной музыки. Это как хороший оркестр, когда каждый музыкант хорошо знает свою партию и знает, когда вступить. И слышишь только музыку и шум инструментов. Мы запланировали до конца года 50 операций, а к октябрю уже сделали 40. Я не рассчитывал на такое быстрое развитие.

Илиса ГАНЕЕВА

РЕНАТ ХАРИС

ТЯЖЕСТЬ СВЕТА

В СЕМЬЮ ВСЕЛЕННОЙ

«Скажи, зачем в семью Вселенной чужаком меня ввела?..»
Габдула Тукай

Творенья глину с рук не соскребя,
на башмаках неся пыль большака,
в семью Вселенной жизнь ввела тебя,
как вводят в дом с дороги чужака.

Тёк свет созвездий, как вода из гнёзд,
когда ты бездной Космоса шагал,
и Дикий Гусь[1], набитый дробью звёзд,
тебя своею кровью обжигал.

Ты пятна с солнца вытирал рукой,
аж проступала на халате соль.
Ты отдал звёздам свой земной покой,
а взял взамен — самой Вселенной боль.

Словно родня, на лунный каравай
сошлись кометы, звёзды и планеты.
Вот Шар Земной, в котором Ад и Рай
переплелись, смешав свои приметы.

Ужель для нас грозит померкнуть свет
за то, что мы не ведаем морали,
и данный нам Создателем завет
давным-давно забыли и попрали?

Ты эту тайну — в горний мир унёс,
как метеор, сгорев на фоне неба...
Тукай, ты нам — не заданный вопрос.
И пусть один в пустыне слов ты рос,
в семье Вселенной — чужаком ты не был!

[1] Татарское наименование Млечного Пути.

* * *

Какая во всём ненадёжность! И бренность какая!
Рассыпались камни дорог, что носили Тукая.
Урал обмелел. И увязла в скоплении ила
та лодка, что прежде Тукая по водам носила.

С чего ж Земной шар, что обязан вкруг солнца кружиться,
под весом Тукая, как будто сухарь, стал крошиться?
Ведь в мире подлунном не может быть лёгких поэтов,
поскольку поэты — несут на себе тяжесть света.

На Волгу родную Тукай попытался вернуться,
надеясь, что камни Казани под ним не прогнутся.
Там поднял на плечи Вселенную, и — в то же время
земля расступилась под ним, не сдержав это бремя…

Но, бросить не в силах просторы, что так хороши,
осталась летать над землёй его *птица души*,
которая, к счастью, отныне сиротства не знает
и, встретив горячее сердце, гнездо в нём свивает.

НА УЛИЦАХ КАЗАНИ

Я столько раз гулял родной Казанью,
пройдя её из края в край пешком,
читая зданья, будто лет сказанья,
и говор улиц слушая тайком.

Ночной порою, в шорохи вникая,
я часто слышал: камни мостовых —
мне шепчут что-то голосом Тукая,
словно читая им рождённый стих.

На кружевах чугунных ограждений
цветут цветы. И из былых эпох —
как из домов — ко мне выходят тени
тех, кто для всех когда-то был, как Бог.

Гул сотен лет витает над садами,
и в грудь мою вплывает жизни суть:
чтоб слить себя с великих дел следами —
борись за край свой, патриотом будь!..

Я вновь и вновь иду родной Казанью —
вот площадь, спуск, знакомый поворот…
Проходит всё. Но никогда, я знаю,
моя любовь к Казани не пройдёт.

В САДУ ТУКАЯ

В саду Тукая — снежная пороша
так невесома, сказочна, легка.
Земля — на двор на мельничный похожа,
в котором всё усыпала мука.

Снежинки тают прямо на ресницах
(знать, родились с горячею душой).
Снег над землёй так радостно кружится,
он, как Тукай, для Космоса — чужой.

Здесь мной давно исхожены тропинки.
Но как же сильно изменился сад,
если на мир смотреть через снежинки,
что, словно слёзы, на глазах висят...

Перевёл с татарского Николай ПЕРЕЯСЛОВ

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ПРЕОДОЛЕНЬЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

О книге стихотворений Ивана Переверзина «Грозовые крылья»

Книга избранных стихотворений Ивана Переверзина «Грозовые крылья» (Москва: ЗАО «Слово», 2010) одновременно и пугает, и притягивает читателя своей весьма внушительной для нынешних непоэтических времён, почти семисотстраничной, объёмностью. Точно так же притягивает и пугает путника своими необъятными просторами мир бескрайней якутской тайги с её тотальным бездорожьем и кажущейся скудостью жизни. Да что там скудостью! Видя с трудом цепляющиеся за промёрзшую более чем на километр почву кусты и деревья, кажется, что жизнь здесь невозможна в принципе, настолько непригодна для человека земля, в течение более 600 тысяч лет сковывавшаяся ледяным дыханием вечного холода.

Но человек способен освоить любые участки планеты, какими бы суровыми и непригодными они ни казались, в том числе, и жизнь в условиях вечной якутской мерзлоты. При этом речь идёт не только о постройке традиционных для якутов бревенчатых зимних юрт или заменяющих их летом на пастбищах-аласах лёгких конусных вариантов из обтянутых шкурами жердей, но также и о возведении современных многоэтажных домов, которые сегодня можно видеть в столице Республики Саха городе Якутске. Чтобы такие дома были устойчивыми, их ставят не на фундаментах, а на прочных железобетонных сваях, которые вбиваются в толщу вечного льда на глубину от 8 до 12 (а иногда и более) метров. Это гарантирует, что исходящее от домов тепло не будет прогревать находящуюся под ними почву, и дом не поплывёт однажды в подтаявшей и превратившейся в кисель мерзлоте.

Примерно такой же творческий метод обнаруживает себя и в технологии освоения поэтических территорий Иваном Переверзиным. Не случайно 600 с лишним страниц его книги перекликаются с 600 тысячами лет образования вечной мерзлоты и достигающей 600-метровой глубины отметки промерзания грунта. Говоря образным языком, вся наша жизнь — это, по сути, такая же «промороженная» человеческой чёрствостью,

цинизмом и бездушием земля, как и Якутия, и только островки поэзии, словно располагающиеся вокруг небольших озёр поляны-аласы, дают душе возможность для более-менее спокойного и уверенного существования.

Но, чтобы обеспечить жизни достаточную степень надёжности и сделать свою судьбу прочной, как выстроенный на века дом, мало просто выбрать понравившееся тебе место, надо для всего в жизни отыскать такую же крепкую опору, какую искал для себя герой стихотворения Переверзина «Прадед», который «через мхи, осоку, клевер,— марь не легче, чем тайга! — продолжал свой путь на север, злым морозам на рога», не боясь ни сновавших вокруг него стаями хищных волков (а их и сегодня шастает вокруг нас не меньше!), ни гонящегося за ним кандального звона, ни возможной гибели в чужедальней стороне от тоски и болезни. Что бы ему ни грозило в дороге, он не сворачивал со своего пути, упрямо шёл к избранной цели, и, помогая ему на этом пути, заряжая его силой и верой, вновь и вновь «вставал пред горьким взором образ с именем святым — и опять в судьбе опору он искал, чтоб быть живым».

Ради поиска такой вот жизненной опоры и пишет свои стихи Иван Переверзин. Причём не просто пишет, но вбивает найденные истины, точно мощные железобетонные сваи, чтобы возводимое им поэтическое здание не рухнуло однажды, как карточный домик, а осталось стоять на века, сконцентрировав в себе вечные человеческие ценности.

На каких же сваях созидается поэтическая вотчина Переверзина, и насколько надёжны для жизни возводимые им при помощи рифм и образов строения? Первая из вбитых им в мерзлоту нашего века опорных свай — это чувство божественной нежности, которое поэт ставит даже выше сжигающей его страсти. Именно на ней базируется его поэтическое творчество:

Не огненная страсть в пустыне строит город,
не ревность в небесах молчать велит громам,
а нежность, что в любви, сгорающей, как порох,
божественный приют даёт моим словам.

Казалось бы, нет более ненадёжного, хрупкого и нуждающегося в осторожности вещества, чем нежность, однако то ли дыхание близкой мерзлоты, то ли волшебное воздействие поэзии придают ей такую силу и прочность, что она не просто становится пригодной для строительства дома судьбы, но приобретает качество опорного строительного материала, способного превратить возводимое здание в нерушимую и несокрушимую крепость:

Дом встанет. И пускай с холмов
за громом налетает снежность –
прочней зарубов и шкантов
его скрепят любовь и нежность.

Отношение к женщине, любовь и все многочисленные грани оттенков, составляющие это чувство, является для Переверзина одной из основополагающих, почти фундаментальных тем его поэзии, и подавляющая часть вбиваемых им своими стихами лирических свай-опор берётся именно из этой категории: женская красота, надежда, стремление к счастью, страсть (хотя в приводимом выше примере поэт, вроде бы, и пытался от неё откреститься), тоска и боль разлуки, ревность, страдания, а также непосредственно сама любовь, любовь и ещё раз любовь. Которая, по словам поэта, «огромней вечности самой», и уже одна только память о ней наполняет человека предощущением бессмертия…

Почему столько значения уделяется этому тысячекратно и миллионнострочно воспетому и описанному поэтами всех столетий чувству? Да потому что любовь — это универсальное средство для наполнения своей жизни чудом, это спасение не только от одиночества, но также и от самой невыносимой душевной боли: «И боли больше нет! И никогда не будет, покамест любим мы, и в нас горит заря...» А ещё это спасение от горя и кручины: «Но внезапно, как свет небесный, ты мелькнула в моей судьбе, и, висевший вчера над бездной, я сегодня спешу к тебе...» И даже — от столь пугающей всех и, казалось бы, всесильной смерти: «Нам любовь как спасенье даже в смерти самой, и — навеки — прозренье в темноте грозовой!..» А ещё любовь столь значима в нашей жизни потому, что с её приходом всё вокруг нас неузнаваемо меняется, мир становится иным, наполненным волшебными красками и звуками. Любовь относится к категории тех духовных опор, на которых, словно якутские дома на сваях, держатся и вся наша земная жизнь, и наша тяга к творчеству: «Из многих чувств, что люди знают, с одним лишь время побеждают: любовь — основа всех основ. Неважно, в счастье или в несчастье, но важно, что с открытой настежь душою для бессмертных слов...»

Поэзия — это тоже одна из несущих основную нагрузку свай в «архитектуре» Ивана Переверзина, которая придаёт надёжность и устойчивость всему зданию его судьбы. Стихи — не забава, они восполняют культурную энергетику человека, наполняют его душу стремлением к прекрасному, помогают ей оторваться от материальности мира и взлететь в высоту: «Если кончатся силы — вспомним песни свои, и опять, как на крыльях,— в даль и в небо любви!» Как видим, мотив поэтического творчества опять пересекается с темой любви, свидетельствуя о том, что поэзия для Переверзина является как бы органическим продолжением любви, которая выступает в качестве главной темы едва ли не подавляющего большинства его стихов: «Стынут лунные дорожки, но не молкнут соловьи... От обложки до обложки исписал тетрадь любви...» Любовь и творчество оказываются настолько близкими и даже родственными между собой категориями, что порою их просто невозможно рассматривать по отдельности: тронешь одну — тут же зазвенит и отзовётся другая, позовёшь любовь — отзовётся поэзия, покличешь поэзию — сердце, словно малиновым колокольным перезвоном, до краёв наполнится любовью. И уж если бетонной крепостью в стихах Переверзина обладает даже такое хрупкое вещество как нежность, то поэтическое слово должно быть не просто мощным, а сверхнадёжным, потому что ему в судьбе поэта уготована необычайно важная миссия:

Только выбора нету иного...
Через кровь, через боль, через пот –
я пройду и спасу своё слово,
и оно меня — в смерти — спасёт.

Так на «строительной площадке» рукотворного (а точней сказать — словотворного) переверзинского мира, создаваемого на корке многосотметрового ледяного панциря, появляется очередная вбиваемая им свая с именем — вера. Вера — это не только отношения человека с Богом, хотя в стихах русского православного поэта имя Божье упоминается довольно часто. Вера — это всё, на что опирается в своём странствии по миру и времени душа, чему она с трепетом поклоняется, к чему обращается в своих мыслях за помощью и поддержкой, перед чем (или кем) испытывает угрызения совести или раскаяния. Вера — это внутренний источник энергетической подпитки человека, внутренний — даже, если то, во что человек верит, находится невообразимо далеко от его реального местонахождения. И речь в данном случае идёт не только о Творце мира или других явлениях и сущностях мистического порядка — душа поэта находит опору

во множестве обыденных земных вещей, таких, как любовь, родина, природа, красота, бессмертие, человеческая порядочность. Ему не обязательно идти каждый день в храм, чтобы укрепить свою веру, его душа сама — «горящая лампада», высвечивающая во мраке жизни дорогие для него святыни. Причём, место таких святынь могут занимать не обязательно какие-то сверхвыдающиеся явления и предметы, иной раз это самые обычные дела и поступки, за которыми, между тем, встают такие важные духовные категории как честь, совесть, человечность:

Когда и ты пойдёшь к закату,
то не забудь вернуть долги,
отдать аванс, отдать зарплату,
отдать штаны и сапоги...

Среди объектов поклонения Переверзина можно назвать такие «культовые» для него вещи как родной якутский Север, где «сердцем в сердце вмёрзли мы», а также Москву, которая стала для поэта уже настолько близкой, что жить дальше он в состоянии только с её именем. Кому-то для того, чтобы укрепить себя в вере, надо открывать перед сном молитвослов или Евангелие, а кому-то — достаточно всего лишь посмотреть за окно, где ему открываются такие же вечные истины, как в Библии:

Поднялся, выглянул в окно –
там, Боже мой, уже давно
луна взошла и осветила
распадок, озеро, тайгу –
всё, без чего я не смогу,
и этим — душу утолила...

Среди того, без чего поэт не смог бы жить на свете, можно назвать и «гроздевые ягоды рябин», и «каждую хвоинку» в тайге, и «каждый лист, слетающий с высот», и «музыку горных созвучий», и память о том, как «солнечно пылает плоть» любимой «и тает, тает от любви, как снег», и всплывающий в воспоминаниях «тот край, та деревня, где я вырастал, где в лес пацаном уходил за грибами», а также огромное множество других мелких и, на первый взгляд, весьма незначительных, но очень дорогих сердцу деталей окружающего бытия и мира, каждая из которых — тоже маленькая свая, вколоченная в мерзлоту беспамятства. Как говорит в одном из стихотворений сам поэт: «Всё на земле достойно Слова: и ночи непроглядный мрак, и леса стройный березняк, и с рыбой озеро-подкова». По сути дела, творческий процесс — это как бы и есть некая прогулка по аллеям памяти, своего рода пересчитывание таких вот вбитых в мерзлоту свай, несущих на себе каркас мировоззрения поэта. Так монахи пересчитывают чётки, вспоминая под каждую перебираемую бусинку определённую молитву. Вот и каждое стихотворение поэта похоже на всплываемую в его памяти картину-молитву, соответствующую той или иной метафорической свае-опоре:

В морозы волны умирают,
бессильно падают к ногам...
Стою и хлебушко бросаю
снующим в голоде малькам.

И, может быть, на этом свете
моя судьба в закатный час –
рыбёшек маленьких вот этих
спасёт от голода сейчас.

А что? Помог по-человечьи,
всем поделился, что имел, —
и, смотришь, будет им полегче
преодолеть речную мель.

Так появляется ещё одна вбитая в мерзлоту нашего очерствевшего века спасительная свая под именем — доброта. Трудно сказать, должно ли добро быть с кулаками, как у Валуева, но то, что вера в добро должна быть непоколебимой — это однозначно. Иначе как на нём строить прочное счастье в условиях мерзлоты?..

Читая книгу Ивана Переверзина, нельзя не обратить внимания на возникающие на всём её протяжении строчки о бессмертии, в которое поэт, кажется, верит намного сильнее и страстнее всего остального. «Уйдут все пустые заботы — две жизни друг друга нашли, и крылья любви для полёта — в бессмертье — навек обрели»; «Но пусть ревёт над бездной ветер, но пусть гремит тяжёлый гром,— я буду жить на этом свете, я буду жить на свете том»; «И очнусь в глубокой думе, моря гул не заглушить,— и пойму, что я не умер,— что без смерти буду жить»; «В лучах вселенского заката снег заискрится золотой,— и жизнь продлится без возврата не в этой жизни, так в другой»; «Ах, какое ж это счастье,— знать, что смерти в мире нет! И — рождает в одночасье строчки звёздные поэт»; «Вот и смотри теперь без суеты на этот мир, где мира вовсе нету, а есть одни лишь светлые мечты, с которыми в бессмертье жить поэту»,— то и дело произносит он, словно бы призывая судьбу и высшие силы услышать эти его заклинания и дать им возможность распрограммироваться в реальной жизни.

Впрочем, в какой-то определённой мере это ему уже удалось, так как рукописи, как сказано в знаменитом романе Булгакова, не умирают, а тем более не умирают изданные книги. Да и просто созданные поэтом художественные образы уже всё равно будут жить в чьей-то сохраняющей их памяти. Легко ли, к примеру, выбросить из своего подсознания такую вот нежную и тёплую строчку: «Твою ладошку, как воробушка, в своих руках держу, любя»?.. А их в книге Ивана Переверзина более чем достаточно. Например: «Всю ночь горел в печи огонь, малиново светилась дверца. Под утро умер рыжий конь — и выгреб я золу из сердца». Или: «Мороз разбуженным медведем идёт по лесу, треск стоит. Червлёным серебром на меди звезда Полярная горит». Или, к примеру: «Жизнь взаправду — хороша, коль несчастье снова снилось. Сжатая в кулак душа, словно ветка, распрямилась»; «Мелькают золотые спицы, глаза озёрный блеск слепит, и сердце — синяя синица — за Божью пазуху летит»; «Каждый вечер добавляет снега в шапки мономаховые гнёзд»,— и так далее. Как сказал однажды известный псковский критик Валентин Курбатов, стихи могут быть стопроцентно христианскими, даже если в них нет ни одного упоминания о Христе — уже только потому, что в поэтических метафорах заключена красота. Ведь красота — это и есть та форма, в которой Господь может являть нам себя в этом материальном мире.

Вместе с тем, в книге «Грозовые крылья» встречается достаточно много так называемых «фоновых» стихов, которые откровенно дублируют друг друга схожими между собой темами и образами, повторяясь, точно однотипные кустарники на широкой равнине-мари. Но если их сократить, как того требует первый порыв редакторского

рвения, то вместе с ними исчезнет и панорама освоенного поэтом жизненного пространства, изменится масштаб пережитых им чувств, потеряется ощущение значительности пройденного пути…

Конечно, пейзаж с однообразной растительностью менее красив, чем дендропарк с экзотическими пальмами, но только ли для подмеченной выше красоты пишутся стихи? Красота, возможно, и спасёт собой когда-нибудь мир, но живущим сегодня требуется более конкретное участие. В Сибири, к примеру, существует веками установившийся обычай: покидая глухое таёжное зимовье, охотник оставляет на полке, где не достанут мыши, не пачку цветных фотографий с видами Парижа или репродукциями Гогена, а соль, чай, спички, наколотые дрова у печи — всё, что может пригодиться тем, кто окажется в этом зимовье после него. И хотя Переверзин, как мы видели выше, умеет создавать прекрасные поэтические образы, которым позавидовали бы десятки стихотворцев, его новая книга — это, скорее, такие же соль и спички в охотничьем зимовье, которые призваны спасти заблудившегося в дебрях нынешней масскультуры путника.

В IX–XII веках — до того, как на Руси сформировались первые принципы национальной идеи,— в народе имело распространение (устно и в рукописных списках) дошедшее до наших дней стихотворение «Голубиная книга», в поэтической форме закреплявшее мировоззренческие основы русского народа — его отношение к Богу и власти, миру и Отечеству, жизни и смерти, чести и предательству. Книга Ивана Переверзина выполняет сегодня практически такую же задачу, отвечая читателю на вопрос, является ли поэзия развлечением или выполняет почти государственную задачу по формированию и формулированию современной национальной идеи. По сути, однотомник «Грозовые крылья» — это духовно-нравственный и культурный Катехизис наследников Древней Руси, закрепляющий с помощью содержащихся в нём стихотворений главные духовные ценности современного человека, его отношение к добру и злу, Богу и Родине, людям и природе. Думается, это очень немало для того, чтобы помочь нам преодолеть свистящее дыхание вечной мерзлоты, всё сильнее и сильнее сковывающей духовные просторы нашего всё ещё великого Отечества…

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ВСЁ НА ЗЕМЛЕ ДОСТОЙНО СЛОВА

* * *

Вставало солнце осторожно,
как бы страшась чего: лучом
куст осветило придорожный
и — покатилось калачом!

Лучи мелькают, будто спицы,
глаза озёрный блеск слепит,
и сердце — синяя синица –
за Божью пазуху летит...

ПРАДЕД

У ручья, в лесной сторожке,
где тревожна тишина,
собирал по чайной ложке
норму каторжного сна.

Волки стаями бродили,
филин ухал тяжело,
и глухарь не без усилий
ставил тело на крыло.

И вставал он по команде:
«Жизнь проспишь, ядрёна вошь!»
Горькую хлебал баланду –
и на чёрта был похож!..

Через мхи, осоку, клевер
(марь — не легче, чем тайга)
продолжал он путь на север,
злым морозам на рога!

Звон кандальный, стон печальный
рвали сердце на куски,
чтобы в дали чужедальней
сгинул прадед от тоски.

Но вставал пред горьким взором
образ с именем святым –
и опять в судьбе опору
он искал, чтоб быть живым.

ЗИМНЕЕ ЭХО

Мороз разбуженным медведем
идёт по лесу — треск стоит!
Червлёным серебром на меди
звезда Полярная горит.

Снега сверкают, как алмазы.
Густа, как ртуть, течёт река.
В седые дедовские сказы
туман окутал берега.

Я встану посреди опушки,
счастливо крикну: о-го-го!
И даль ответит, как из пушки,
звенящим эхом глубоко.

И, как по щучьему веленью,
земному голосу в ответ
наполнится волшебным пеньем
и зимний лес, и белый свет.

* * *

Пришёл с полей, развёл огонь,
поставил чай, нарезал сала.
И прыгал в печке рыжий конь,
и сыпал искры в поддувало.

Сорвался ветер с высоты,
завыл-заплакал неотложкой.
И поздний луч сверкнул, как ты,
своей серебряной серёжкой.

Я прыгнул к двери — заходи!
Ну что же ты, входи, не мешкай!..
Но снег растаял на груди
обыкновенною насмешкой.

Всю ночь горел в печи огонь,
малиново светилась дверца...
Под утро умер рыжий конь
и выгреб я золу — из сердца.

* * *

Туман лохматый и седой
над чёрным днём завис...
Ты забрала любовь с собой,
как забирают жизнь.

«Верни! — тебе кричу я вслед. –
Моя любовь — моя!»
Но лишь молчание в ответ,
как сон небытия.

Запрусь в избе — и не зови.
Налью стакан вина
и выпью за помин любви,
как в горе пьют — до дна...

* * *

Зима и осень разминулись:
снегам бы впору замести,
а вдоль разбитых сельских улиц,
как стадо, тянутся дожди.

Но небеса не беспросветны,
в разрывах туч то тут, то там,
едва подуют с юга ветры,
синь открывается глазам.

Жизнь тянется, как будто песня,
когда она давно звенит –
слова ушли, но поднебесно
в душе их музыка звучит.

* * *

Предзимье... Человек бредёт
через поля, как через годы:
и тащит груз своих забот,
как скот, не знающий свободы.

О, сердце русское, скажи:
когда цепей порвутся звенья,

в какие бросишь мятежи
своё великое терпенье?

Но сердце бедное молчит,
и человек меня не слышит.
Плывёт шуга, мороз трещит,
да оголтело ветер свищет...

* * *

Ничего я вспомнить не успел,
как, простившись с веком, постарел.

И не важно, что в руках пока
столько силы, что свалю быка.

Главное — души высокий свет
потускнел, сошёл, как снег, на нет.

А коптить, как треснутая печь,—
так постыло... Но о том ли речь?

ПТИЦЫ ВЕЧНОСТИ

Птицы вечности реют повсюду
и в небесные трубы трубят.
Молча слушаю, мою посуду,
ты — не слышишь, ты моешь ребят.

Мы оглохли от хриплых и разных
свистунов на руинах основ,
от пророков ленивых и праздных,
извращающих истинность слов.

Жить и жить бы спокойно и тихо
в мирозданье, где есть тополя,
где цветёт-доцветает гречиха,
дышат свежестью мёда поля.

Мельник с неба просыплет мучицы –
мы и сыты, и с хлебом живём...
Птицы вечности, вечные птицы,
я не знаю, что в сердце моём.

Только ходики слышатся в доме,
только тени мерцают хитро.
И всю ночь я держу на ладони
прядь волос — золотое перо.

* * *

Поднялся, выглянул в окно –
там, Боже мой, уже давно
луна взошла и осветила
распадок, озеро, тайгу –
всё, без чего я не смогу,
и этим — душу утолила.

И тишина — словно хрусталь:
лишь крикнешь, как лесная даль
дробящимся ответит эхом.
Стрижи, синицы, снегири
до самой будут до зари
свистеть-насвистывать по стрехам.

И ты — один, перед тобой –
всё небо звёздное с луной,
весь лес с деревьями, зверями.
Внимай их голосу, поэт,
и от волненья вспыхнет свет –
то сердце запоёт стихами.

Но, чувством обжигая грудь,
ты ни о чём не позабудь,
всё на земле достойно Слова:
и ночи непроглядный мрак,
и леса стройный березняк,
и с рыбой — озеро-подкова.

* * *

Ударят в ранний час морозы,
и потекут от счастья слёзы,
искрясь в оранжевых лучах...
Зима, зима! С хрустящим снегом,
с неповторимым лыжным бегом
и вьюгой-змейкой на лугах.

И всё-таки мне ближе осень,
когда меж туч сияет просинь,
когда, устав от дел и слов,
шагаю по листве опавшей
с печалью, может, запоздавшей,
но ясной, как сама любовь.

А, впрочем, думаю, с годами,
Неважно, штилем иль цунами,
жизнь обернётся для меня –
живу себе, и слава Богу,

торю во тьме свою дорогу,
во тьме средь дыма и огня...

РОДИНА

Там корни мои, там Карна и Жля,
там всё, что зовётся родимым –
могилы в полыни, в плешинах земля,
и с привкусом хлеб неследимым.

Пусть я пересажен в другие края,
и с прошлым подорваны связи,
два метра в запасе — и это моя
земля, что вернёт восвояси.

Живым недоступны без края пути,
но мёртвому в мире не тесно –
как хочешь иди и как хочешь лети,
захочешь — и падай отвесно.

Незримого времени князь или дож,
фантом или некая странность –
блуждая, как ветер, слетая, как дождь,
приду, успокоюсь, останусь...

ВЛАДИМИР ГОФМАН

Вовка Терёшкин и другие

Повесть

ВОВКИНА ЁЛКА

Детский дом «Василёк» — как корабль посреди белого моря. Особенно ночью — или звёзды висят мохнатые, крупные, или вьюга заметает, а он плывёт, сверкая окнами, неведомо куда посреди снежного поля, которому нет, кажется, ни конца, ни края. Плывёт-то плывёт, да из Заветлужья куда выплывешь?

Команда на корабле весёлая — мальчишки и девчонки от пяти до семнадцати лет. Живут дружно, одной семьёй — на то и команда, без дружбы в море нельзя. Так капитан говорит — завхоз дядя Женя. Ну, бывает, конечно, и девчонки поплачут, и мальчишки подерутся, но и без этого тоже нельзя — жизнь, она и на борту жизнь.

Если капитаном на корабле дядя Женя, то штурманом, без всякого сомнения, Вовка Терёшкин. Правда, пока он только сам так считает, но старается и другим доказать, кто первый помощник у капитана. Потому Вовка, благо, в школу ему пока ходить не надо, всегда рядом с дядей Женей. И тот его привечает, сдружились они — большой да маленький.

Вовке шесть лет. Он низкорослый, крепенький, юркий, лицо круглое, всегда краснощёкий и неунывающий, как и положено быть штурману. Вовке, что ни скажут воспитатели, а особенно дядя Женя, он всё и всегда выполняет

с охотой и добросовестно, будто ему и труда никакого не составляет. Другие из команды, бывает, артачатся — то не так, да это не эдак, а Вовка нет — надо, значит, надо — и делает. Мальчишки постарше, конечно, такой его чертой пользовались частенько — многое он за них делал, но как-то без обиды, будто и не замечая, что это не его работа.

Новый год подкатил незаметно — казалось, недавно в школу пошли, а тут — бац! — и уж декабрь на исходе. Это значит, пора о главной мачте для корабля позаботиться. Вовка так и сказал капитану:

— Дядь Жень, надо за ёлкой ехать.

Дядя Женя даже руками всплеснул:

— Точно, Вовка, а у меня из головы вон! Ладно, ты подсказал вовремя, а то бы остались без ёлки.

Вовка гордо задрал подбородок:

— То-то. Помнить надо, Новый год никак!

Бедняга Вовка, он совсем забыл, что малышей в лес за ёлкой никогда не брали, с дядей Женей ездили ребята постарше. Когда дошло дело до сборов в лес, и двое мальчишек уже хвастали, что поедут за ёлкой с завхозом, Вовка приуныл. Но ненадолго. Придя с улицы, где он отчаянно катался с ледяной горы на санках, Вовка обмёл веником снег на валенках, сбросил пальто и шапку, потёр свои красные щёки и твёрдой поступью отправился к дяде Жене.

Капитан что-то строгал в столярной мастерской.

— Это как же, — сказал с порога Вовка, — это как же получается?

Дядя Женя посмотрел на него из-под очков:

— Что?

— Как что, дядь Жень! Я про ёлку вспомнил, а в лес, значит, без меня?

— Ну-у, Владимир, — дядя Женя положил рубанок на верстак, — я от тебя не ожидал!

— Чего? — захлопал глазами Вовка.

— Ты же знаешь порядок, за ёлкой со мной всегда ездят старшеклассники.

— Ну так что, пусть ездят. И меня возьмите. Если бы не я, вы все бы без ёлки остались!

Кто-то заглянул в мастерскую, но дядя Женя махнул рукой. Посмотрел на Вовку, усмехнулся:

— Непременно бы остались.

— Ну вот. Значит надо мне ехать... А то ещё и ёлку без меня неправильную выберете, кривую какую-нибудь.

— Погляди-ка тут за инструментом, — сказал дядя Женя и пошёл к директору.

Вовка уселся на стул рядом с верстаком и стал ждать. Ждать пришлось долго, Вовка даже задремал маленько, но тут вернулся дядя Женя.

— Ну вот, — сказал он, — поедешь, моряк, с нами за ёлкой. Собирайся.

Громко сопя от радости, Вовка пошёл к старшеклассникам и гордо заявил:

— Вот так вот, пацаны, я с вами в лес еду!

Старшеклассники презрительно посмотрели на штурмана:

— Мелкота! Смотри не потеряйся в лесу-то. Там волков видимо-невидимо.

Волки, действительно, в лесу были. Говорят, они приходили даже в соседнюю деревню и разорвали собаку. Но Вовке сегодня всё было нипочём, тем более, он знал, что видимо-невидимо в лесу зайцев, а не волков. А с дядей Женей вообще не страшно, потому что дядя Женя был сначала моряком, а потом охотником, для него что море, что лес, как своя ладонь. Он вообще ничего не боится, и Вовка, сколько себя пом-

нил, а помнил он себя давно, всегда хотел быть похожим на него.

— Если вам страшно, — сказал он с достоинством старшеклассникам, — то оставайтесь дома, ёлку мы с дядей Женей и без вас выберем.

Сборы были недолгими, и вскоре вся команда во главе с капитаном отправилась на детдомовской «газели» в путь.

За декабрь снегу навалило много. Вдоль расчищенной трактором дороги высились высоченные скаты, и Вовка мечтал, глядя в окно, как хорошо было бы полазить по этим снежным горам. Пока он мечтал, дорога пошла лесом, вдоль неё стояли островерхие ели, так густо заснеженные, что и зелени-то почти не было видно.

— Вот тут и будем выбирать, — сказал дядя Женя и заглушил мотор.

Было тихо и солнечно. Где-то вдалеке стучал по стволу дятел. По обочинам дороги с обеих сторон петляли заячьи следы.

Выскочив из машины, Вовка зажмурился от яркого солнца и даже прижал к глазам руки. Дядя Женя сунул за ремень топор и закурил:

— Давайте, братцы, выбирайте ёлочку.

Все трое мальчишек стали бегать вдоль дороги и высматривать подходящее дерево. Предлагали разные, но дядя Женя отрицательно качал головой.

Повезло, конечно, Вовке. Забежав по дороге дальше всех, он увидел по правую руку ёлку, всю в снегу и в солнце. Вовка сразу понял, что это — она.

— Вон, — крикнул он, — вон смотрите! Дядя Женя, вон какая ёлка! Как раз что нам надо.

И все почему-то сразу согласились. Даже старшеклассники не спорили.

Теперь предстояло пробраться к ёлке. Снегу было дяде Жене по пояс, а Вовке и вовсе по макушку. Пока решали, как идти, Вовка, недолго думая, прыгнул в сугроб и... поплыл. Он и впрямь плыл, снег держал его лёгкое тело, а Вовка, загребая руками и толкаясь ногами, быстро продвигался к намеченной цели.

Лесная тишина огласилась хохотом наблюдавших.

— Ведь плывёт, гляди-ка, плывёт! — сквозь смех говорил дядя Женя, указывая рукавицей на Вовку. — Ну, точно, быть тебе, парень, моряком!

Потом все пробрались к ёлке, обтоптали вокруг неё снег, и дядя Женя аккуратно и умело срубил её почти под корень. Так же аккуратно, чтобы не поломать сучья, ёлку затащили в грузовой отсек машины. И поехали обратно.

У ворот детского дома их встречала гурьба мальчишек и девчонок — все ждали ёлку с нетерпением.

— Привезли? Привезли? — кричали все наперебой.

— Привезли, а то как же, — солидно ответил Вовка, спускаясь не спеша из кабины на землю.

Ёлка была вся в снегу, большая и кудрявая. Мальчишки подхватили её за нижние крепкие ветви и потащили к дому.

— В дверях аккуратней, — крикнул им вслед дядя Женя, — не поломайте ветки!

Вовка побежал следом. Но пока он бежал, ёлку старшие уже затащили в дом. Крыльцо всё было засыпано снегом, иголками и мелкими обломками веток. Не успел Вовка ухватиться за высоко прибитую дверную ручку, как дверь открылась и в проёме показалась голова одного из старшеклассников.

— Вовка, — хитро улыбаясь, сказал он, — тебе поручили убирать крыльцо!

— Кто это поручил? — обиженно ответил Вовка, которому страх как хотелось вместе со всеми устанавливать ёлку на крестовину.

— Кто поручил, тот знает! Так что, давай, драй палубу! — хихикнул старшеклассник и закрыл дверь.

Ну уж нет, подумал Вовка, не может такого быть, кто это поручил так скоро? Но тут перед ним вырос дядя Женя.

— Ладно, моряк, — мирно сказал он, — подмети крыльцо и приходи.

Приказ капитана для штурмана закон. Дядя Женя вынес Вовке швабру и сказал:

— Ты успеешь. Отдрай, сынок, эту палубу как следует.

Чуть не плача, впервые без всякой охоты Вовка взял швабру, которая была выше его на голову, и стал выметать морозные доски крыльца. Ему представлялось, как там, в доме, все крутятся вокруг ёлки, как дядя Женя устанавливает крестовину, а в зале пахнет хвоей, и снег, оттаивая, стекает с веток на пол холодными лужицами.

Вовка, как обычно, сделал всё добросовестно — вымел крыльцо, убрал в мусорный бак иголки, ещё раз подмёл. Потом он поставил в угол швабру, посмотрел на неё и громко сказал в сердцах, ни к кому не обращаясь:

— Вот погодите, вырасту выше швабры, покажу вам, вы у меня палубу подраите!

Из-за тучки выглянул узкий месяц, но Вовка его уже не видел, он мчался, забыв обиды, в зал к своей ёлке.

ВАСИЛЬКИ ВО РЖИ НА КРАЮ ПОЛЯ

— Ну что, — сказал дядя Женя, положив свою тяжёлую руку на Вовкино плечо, — на рыбалку поедем?

Вовка задохнулся от радости.

— А Витька возьмём?

— Возьмём твоего Витька, — ответил дядя Женя и легонько стукнул Вовку по затылку. — Собирайтесь, после обеда — вперёд и с песней.

— На озеро?

— Нет. Ко мне домой, на реку. С вечера всё приготовим, а на зорьке и отправимся. Лады?

— Лады! — крикнул уже на бегу Вовка и понёсся на поиски дружка.

На улице светило неяркое сентябрьское солнце. Лишь кое-где на деревьях проблескивали жёлтые листья — осень в этом году явно не торопилась, радовала «васильков» хорошей погодой. На площадке, где были устроены клумбы, копошились дев-

чонки, пересаживая цветы. Вовка на ходу успел дёрнуть за косичку Алёнку, пользуясь тем, что руки у неё были заняты большим букетом только что нарезанных георгинов, и она не могла дать ему сдачи.

— Вовка — дурак! — моментально среагировала Алёнка и показала Вовке язык. Но он даже не остановился, на всех парах бежал к мастерским, где, по его разумению, должен был находиться Витёк.

Витёк обрадовался сообщению не меньше приятеля, но как человек практичный сразу задал резонный вопрос:

— А нас отпустят?

— Ну! С дядей Женей-то! А то не отпустят!

— Так. А удочки?

— Что — удочки?

— Удочек-то у нас своих нету. Сам знаешь, пацаны не дадут общие-то, и так от зависти позеленеют, когда узнают, что мы с дядей Женей едем.

Вовка пригорюнился.

— Это точно, — сказал задумчиво он. — Ладно. Пойду у дяди Жени спрошу.

И он снова умчался, припрыгивая и умудряясь на бегу почесать левой рукой правую лопатку.

— Дядю Женю не видали? — крикнул он девчонкам на клумбе.

— Нет, — ответила одна из них, а злопамятная Алёнка опять обозвала Вовку дураком и высунула свой длинный язык.

— Погоди у меня! — мстительно сказал Вовка и погрозил ей кулаком.

— На кухню он пошёл, Володя, — разгибаясь и держась за спину, проговорила воспитательница Нина Васильевна. — Погляди там.

«За прикормкой, наверно — подумал Вовка. Мальчишки, собираясь на рыбалку, всегда выпрашивали остатки пищи у поварихи Валентины Петровны. Та ворчала, что рыбы у них едят больше, чем поросята, и вообще вся детдомовская живность вместе взятая, но всё же отваливала рыбакам с полведёрка каши или макарон.

— Чай, не оголодают поросята, а? — смеялась она. — Но, чур, уговор — ловите много рыбы, чтобы на всех хватило, а не одним кошкам!

Много мальчишки никогда не ловили, оно и понятно — какая рыба на озере, так — карасишки с пятачок да ротаны, пожиратели всего живого. Поэтому уловом их кормились, действительно, три детдомовских кошки да ещё доставалось любимцу всех псу Шарику. Зато дядя Женя, тот да, притаскивал рыбы на весь «Василёк». Особенно по осени — и крупных пятнистых щук с хищными челюстями, куда только сунь палец — и мёртвая так ухватит, что без крови не вытащишь, и серо-зеленых судаков, застывших и похожих на осиновые чурки, а, бывало, и красавца белочешуйного жереха принесёт. Правда, повариха Валентина Петровна всё равно как бы недовольно ворчала, дескать, кто этих чудищ чистить будет? Но это уж она так, для порядка. Еду же готовила из рыбы наивкуснейшую, а на большие праздники под настроение щук даже фаршировала. Это было объедение! А заливное из судака? А уха тройная?.. Да, ничего не скажешь, умела Валентина Петровна порадовать детдомовцев — и больших, и маленьких — своим кулинарным искусством.

И дяде Жене, видно было по выражению его лица, доставляло удовольствие приносить свой улов «василькам».

— Куда мне одному-то? — говорил он, вываливая на пол кухни из мешка рыбу, словно поленья.

— Ты, чай, сетки, Евгений, ставишь? — спрашивал завхоза шофёр Сергей Сергеич, сам большой любитель порыбачить.

— Вот уж нет, — обижался дядя Женя. — Никогда сетями не ловил и не буду. На мой век рыбы в реке хватит, чтобы её нормальной снастью брать. Удочка ведь она что — сноровки требует да терпения. С удочкой рыбу победить надо, понимаешь? Сначала хитростью взять, а потом умением.

— Ну и сетка не для дураков придумана, — возражал Сергей Сергеич.

— Не спорю, тоже снасть. Но это больше промысел, а не охота.

Мальчишки слушали такие разговоры, затаив дыхание. Конечно, они держали сторону дяди Жени, хотя повыбирать из сетки запутавшихся рыб не отказались бы ни за что. Вон бредешком, например, — пройдёшь вдоль песчаной отмели на озере — карасей-то! Только успевай выпутывать из ячеи. А попробуй-ка поймай их на удочку? Держи карман шире! И не клюнет даже. Был у «васильков», что постарше, бредешок невеликий припрятан, так что хаживали они с ним по озеру в летние вечера. И не только мелочь попадалась, залетали экземпляры и покрупней — этак грамм на семьсот.

— И где же ты ловишь? — продолжал пытать завхоза Сергей Сергеич, которому, как все знали, на рыбалке не очень-то везло.

— В реке, — отвечал тот, хитро улыбаясь.

— Ладно, в реке! Что-то я там таких судаков не видывал.

— Э-э, друг сердечный, тут ведь слово надо заветное знать.

— И что это за слово?

— Ну, слово не слово, а заговор рыбацкий.

Сергей Сергеич придвинулся поближе.

— Скажешь мне? — всерьёз спросил он.

— Скажу по дружбе, — в тон ему, понизив голос, ответил дядя Женя.

— Ну?

— Вот слушай да на ус мотай. Как поймаешь первую рыбину — не важно, большую или маленькую, маленькую даже лучше — зажми её вот этаким макаром в руку и говори такие слова: ловись, рыбка, не переловись... Запомнил? А сам в глаза смотри...

— Кому?

— Как кому — рыбе! Потом не жалей, брось её в воду и скажи: ключ-замок Нептуну под бок! И плюнь подальше.

Шофёр подозрительно посмотрел на дядю Женю.

— При чём тут Нептун?

— Царь морской, не знаешь, что ли? — не выдержав, завхоз расхохотался, а за ним и все собравшиеся.

— Тьфу, придурок! — обиделся Сергей Сергеич. — Я было поверил.

— Ага, тебе ещё и рецепт прикормки дай, раскатил губу!..

Дядя Женя, действительно, был на кухне. Его голос раздавался из-за двери, когда Вовка подошёл ближе.

— А что я не знаю-то, что? Скажи, если ты знаешь! — горячо говорил завхоз, и глуховатый голос поварихи отвечал:

— Да вот хотя бы — родители-то кто у него?

— А мне какое дело? Нету никаких родителей, и всё тут! Бросили они мальчишку.

Вовка замер и навострил уши.

— Ну-у, милай, — протяжно сказала Валентина Петровна, — тут, поди, все брошенные. Не в том дело.

— А в чём?

— А в том, что алкаши были у него родители — и мать, и батька. Я их знала...

— Так что?

— А знаешь что ли, каким они его наследством наградили? Мальчонка вон хилый и не растёт, вроде.

— Ничего он не хилый, — возразил дядя Женя. — Парень как парень. Я тоже в его возрасте метр с кепкой был.

— Ты и сейчас немного больше, — сказала насмешливо повариха.

— Ну-ну! У меня ведь найдётся, что ответить.

— Ладно, шучу я. А знаешь, как он родился-то? — вернулась к теме Валентина Петровна.

— Уж как дети рождаются я, надеюсь, знаю.

— Знаешь, да не всё. Мать его пьяная родила. И не просто пьяная, а вдребезги. Без памяти валялась на полу и родила, не заметила даже.

— Неужто так бывает? — удивлённый голос дяди Жени почему-то резанул Вовку по сердцу.

— Бывает, значит. Ладно, соседка зашла в дом, тоже, между прочим, лыка не вязала, но увидела всё-таки, что роды случились, людей позвала.

— Эх, водка-водка, всю Россию губит!

Слышно было, как дядя Женя вздохнул.

— Чаю налить? — спросила Валентина Петровна.

Дядя Женя ничего не ответил, и на какое-то время наступило молчание. Вовке стало стыдно, что он подслушивает под дверью, и он пошёл на цыпочках к выходу, когда снова раздался голос завхоза:

— Ладно, Валентина. Чего только не бывает на свете. Мне вон в городе детский врач рассказывала случай. Родители оба спортсмены-пловцы, а ребёнок у них родился — сплошной букет болезней, начиная с двойного порока сердца. С чего бы это, а?

— Божья воля, — ответила Валентина Петровна.

— Оно, конечно, воля Божья. Так ведь что ещё — смотрит эта мама на врача и говорит: «И что я с «этим» буду делать»? А сама на младенца показывает.

— Не взяла? — охнула повариха.

— Во время операции умер, — ответил дядя Женя. — А если бы и не умер, я думаю, не взяла бы. Вот тебе и не пьяница, в достатке, небось, живёт. Так-то. А врачиха мне тогда ещё одну историю рассказала. Совсем другого плана. Там родила женщина, что называется «ни мышонка, ни лягушку, а неведому зверушку». Мальчик ли, девочка — и то не могли определить. И что ты думаешь? Повезла по специалистам, продала квартиру, операции там, лечение всякое, молитва материнская да забота — и выходили малыша, растёт себе человек человеком. А всё — мать. Без её сердца — куда? Никуда. Нет человека.

— Так и я тебе про то же говорю, — загремела посудой Валентина Петровна.

— Ну и ладно, поговорили, значит. — Дядя Женя закашлялся. — Жизнь-то, Валентина, продолжается. Так, что ли? Поживём ещё, посмотрим да порадуемся. Ну-ка, насыпь нам прикормочки... Да не жалей, не жалей. Не отощают твои поросята!

Вовка открыл дверь и, будто ничего не слышал, спросил:

— Дядь Жень, а удочек-то у нас с Витьком своих нету, чё делать?

— Найду я вам удочки, не беспокойся, моряк.

После обеда на стареньком дяди Женином «Уазике» они выехали за ворота «Василька».

— Собственно дело такое, — говорил дядя Женя, держа одной рукой баранку, а другой ловко прикуривая, — прикормка нам не очень-то и нужна. Смотря, конечно,

что ловить настроимся, — если леща с язём, то без неё не обойтись, а если хищника — окуня, судака или щуку, — так не надо и кормить его.

— Хищника лучше, — сказал Вовка, вспоминая дяди Женины уловы.

Витёк молча кивнул.

Дядя Женя выдул дым за окно кабины. В машине вкусно пахло табаком и немного бензином.

— Хищника-то оно, конечно, заманчивей. Но снастей у меня на троих не будет. Давайте так: завтра идём на леща, а к следующему разу я ещё пару спиннингов налажу. Принимается?

Вовка с Витьком всему были рады — на леща так на леща, тоже рыба не слабая. На том и порешили.

Дом завхоза стоял так, точно его специально для рыбака строили: с одной стороны озерцо, с другой — за нешироким пустырём, поросшим низкорослым кустарником — длинный извилистый залив, по обоим берегам берёзы прямо к воде клонятся да ольха серёжками сорит, а если пройти чуть вперёд на восток, так прямо на Ветлуге окажешься. За домом жёлтое, как блин, лежало поле. Летом тут рожь росла, а теперь её сжали, и только с краю, по меже, оставались редкие высохшие стебли, среди которых то тут, то там синели головки васильков.

Дядя Женя провёл мальчишек вдоль запущенного огорода к бане.

— Как, моряки, баньку истопим?

— А как же, — солидно ответил Вовка и сорвал с ветки запоздалую совсем уже чёрную вишню, обклёванную с одной стороны птицами.

— Тогда таскайте дрова, — сказал дядя Женя, — а я воды наношу.

— Васильков-то сколько! — кивнул головой на поле Витёк. — Можно букеты нарвать и продавать у большой дороги.

— Да... — задумчиво проговорил дядя Женя. — Васильки... Я люблю васильки. Крепкий цветок.

— Учительница говорила, что василёк — сорняк, — заметил Витёк.

— Ну, так что? — дядя Женя пожал плечами. — Мало ли что наука определит, у неё задача такая. Сорняк, значит, сорняк. Зато красота вон — кругом желтизна, а он — синий!..Я на могилу жене всегда васильки рву... Она тоже любила. А тебе не нравится?

Витёк не ответил, а Вовка сказал:

— В природе всё нужно — и сорняки, и всякие там мыши и лягушки. Даже змеи... Вот только для чего?

— Для равновесия, — засмеялся дядя Женя и пошёл вдоль грядок, погромыхивая вёдрами.

Когда из трубы бани заструился дымок, Вовка с Витьком пошли копать червей, а дядя Женя готовил ужин — макароны по-флотски. После ужина они мылись в бане, где было так жарко, что Вовке казалось — сейчас уши бантиком завернутся. Но уши выдерживали, а дядя Женя хлестал мальчишек берёзовым веником и обливал холодной водой.

— Закаляйтесь! Моряки вы или салаги? — прикрикивал он.

— М-моряки! — придушенно говорил Вовка, а Витёк уже ничего не говорил, он только лежал на полке и тихонько постанывал.

Потом они пили чай со смородиновым листом и перебирали удочки. Дядя Женя дал мальчишкам по настоящему «телескопу» — пятиметровка с кольцами и катушкой! Таких, конечно, в детдоме не было. Он ещё научил их вязать крючки узлом «в петлю», самый прочный для крючка узел.

— Хоть с ушком крючок будет, хоть с лопаточкой — этот узел не подведёт! — говорил дядя Женя, ловко прихватывая в петле свободный конец лески зубами. — Вот так!

Чуть начало светать, как дядя Женя разбудил друзей, сладко спящих на одной широкой кровати. Они наскоро собрались, выпили по стакану чая и, прихватив снасти, пошли по узкой тропинке к заливу. Было тихо и холодно, ладно ещё мальчишки послушались дядю Женю и надели резиновые сапоги, а то насквозь бы промокли от густой росы, выпавшей за ночь на кусты и высокую, ещё не по-осеннему сочную и упругую траву.

Вода в заливе была чёрной и неподвижной. Над ней местами висели лохмотья тумана. «Холодно, наверно, рыбам-то», — подумал Вовка и зябко передёрнул плечами. Вдоль берега по глинистой отмели торчали рогульки.

— Вот оно, моё местечко заветное, — тихо сказал дядя Женя, раскладывая на траве удочки, прикормку в полиэтиленовом пакете и ведёрко с червями. — Только не шуметь. Ходить зря не надо и болтать тоже.

— Кто тут водится? — деловито спросил Витёк.

— Молчи, сказали! — прошептал Вовка и засопел, разматывая свою снасть. Витёк стерпел и ничего не ответил.

Закинули удочки. Красные поплавки солдатиками встали на спокойной воде. Дядя Женя налепил из прикормки с десяток шаров величиной с яблоко и разбросал их около поплавков. Шары с плюханьем падали в воду и тонули, оставляя за собой струйку белой мути.

— А сам говоришь — не шуметь! — сказал Вовка, внимательно наблюдая за действиями завхоза.

Дядя Женя поднял указательный палец:

— Вот теперь — ждём!

Он уселся на торчащей из земли коряге и закурил.

Клёв начался минут через пятнадцать. Один из поплавков на дяди Жениных удочках вдруг приподнялся и утонул. Вовке показалось, что поплавка нет уже целую вечность.

— Подсекай! — прошептал он и тут краем глаза заметил, как его поплавок пополз в сторону и тоже скрылся под водой.

Руки сами ухватились за удилище и рванули его вверх. Но тяжести на крючке не оказалось — вся снасть по инерции полетела в небо. А дядя Женя тем временем выводил рыбину на отмель.

— Сошла! — огорчённо сказал Вовка Витьку. — Ты видел, как взяла-то, видел?

— А ты не спеши, — дядя Женя медленно вытащил на берег глотнувшую воздуха, замёршую рыбину. — На рыбалке спешить никогда не надо... Язь, — определил он, опуская рыбу в садок. Но мальчишки уже не слышали, потому что тащил Витёк — удилище его согнулось в дугу, а натянувшаяся леска издавала не то свист, не то звон, готовая вот-вот лопнуть.

— Тихо, тихо, — шёпотом говорил подошедший с подсачком в руках дядя Женя. — Не торопись, его утомить надо... Хорошего, видать, зацепил.

Наконец, рыбина показалась на поверхности, блеснула белым боком и с новой силой устремилась в глубину. Удилище Витька неумолимо стало выпрямляться.

— Не удержу! — выдохнул он.

Вовкино сердце билось где-то уже выше горла.

— Слабины не давай! — дядя Женя бросил подсачёк и перехватил удилище из рук Витька. — Ну-ка, я сам!..

Держа удилище вертикально в правой руке, дядя Женя подхватил левой подсачёк и потащил рыбину к берегу. Она, видимо, сразу почувствовала более сильного противника и послушно пошла навстречу. Ещё одна попытка уйти в сторону, к траве —

но уже поздно, крупный тёмноспинный язь замер, прогнувшись на подъёме под своей тяжестью, в кольце подсачка.

— Вот это да! — восхищённо прошептал Витёк. — Вот это язище!

— Солидный экземпляр, — ответил дядя Женя и ухватил язя под жабры. — Такие тут водятся — килограмма полтора потянет.

— Больше, — сказал Вовка. — Килограмма три!

— Истинный рыбак! — усмехнулся завхоз и пошёл к своим удочкам, унося в садок побеждённого язя.

Потом они поймали ещё несколько хороших рыбин, варили уху здесь же на берегу и хлебали её, обжигаясь, прямо из котелка деревянными ложками.

Всё самое интересное всегда быстро кончается, и пора уже было возвращаться в детский дом.

— Обещали в обед, значит, будем в обед — слово держать надо, — сказал дядя Женя. Мальчишкам страшно не хотелось уезжать, но они не возражали, знали, что для моряка слово — закон, а дядя Женя был моряком на все сто, и сами они мечтали стать морскими волками.

Пока дядя Женя складывал вещи в машину, Вовка с Витьком подбирали опавшие яблоки в большую корзину — гостинец «василькам». По небу тянулись низкие тяжёлые облака, но дождя не было. Вдруг над полем появился журавлиный клин. Молча и сосредоточенно птицы летели на юг, за Ветлугу, в дальние страны. Задрав головы, мальчишки стояли и смотрели в небо. Наконец раздалось печальное курлыканье.

— Неохота улетать-то, — сказал Витёк.

— Тут у них дом, — ответил Вовка. — Журавлёнки, небось, вывелись.

— Они вместе летят, — сказал подошедший сзади дядя Женя. — За лето взрослые птенцов летать выучили, теперь за море повели. Всему научат, пока вместе.

Все замолчали. Журавлиный клин скрылся из виду.

— Ну, по коням, пора! — дядя Женя взял корзину с яблоками.

Вовка стоял, поджав губы, глядел в поле.

— Чего ты, пошли, — окликнул его дядя Женя.

— Васильки вон... тоже... одинокие, — ни с того, ни с сего проговорил Вовка.

Дядя Женя поставил корзину на землю. Помолчав, сказал:

— А ты букет нарви. Это они по одному одинокие, а вместе — красота!

Вовка шмыгнул носом и, ничего не ответив, пошёл рвать букет.

— Здорово, — поддержал завхоза Витёк и тоже стал рвать васильки, — их, как ландыши, продать у дороги можно!

А Вовка подумал, что хорошо бы подарить такой букет Алёнке, может, язык показывать перестанет. А что — ей бы пошло, глаза-то у неё такие же синие, как эти васильки! Но он, конечно, вслух этого не сказал.

ШАРИК

Повсюду весна разгулялась, а здесь, в Заветлужье, ещё только-только стало подтаивать. Но солнце уже по-весеннему ярко рассыпалось в снегах, на сугробах лежали длинные фиолетовые тени от деревьев, а в полдень на припёке стала позванивать капель. Длинные сосульки, что свешивались с крыши на южной стороне, держались ещё крепко, но детдомовцы сбивали их палками, ломали на куски и, конечно же, совали за щеку вместо леденцов, — зря, что ли они так называются — сосульки.

Весной всё оживает. Порой сразу и не заметишь — вроде, белым-бело кругом, а невидимый ключик уже точит снежный покров, где-то под этим, ещё твёрдым, панцирем проклюнулся и так же невидимо пробивается к солнцу подснежник. Хрупкий, вроде, нежный росток, а сколько в нём жизненной силы!

Вот и в детском доме «Василёк» всё, кажется, по-старому, а на самом деле нет, стоит приглядеться, как увидишь, что обитатели переменились. Всё те же валенки да шапки, всё те же уроки да работа, а что-то едва ощутимое витает в воздухе и заставляет улыбаться даже всегда строгого директора Анну Сергеевну. Что уж говорить об остальных. Мальчишки чаще толкают девчонок, а девчонки вспомнили про спрятанные губные помады и краски для ресниц. На улице полетели снежки, и всё задорнее становился девчоночий смех и заливистей лай Шарика.

Вот с Шариком-то как раз и произошла трагедия. Любимец всего детдома, пёс Шарик отвечал своим маленьким хозяевам такой же любовью и преданностью. Он уже полтора года проживал в «Васильке», да и от роду ему было те же полтора года. Как-то раз в осенние холода Вовка Терёшкин, пришёл к завхозу дяде Жене. Осторожно расстегнув куртку, он вытащил из-за пазухи крохотного щенка и сказал:

— Дядь Жень, я кутёнка нашёл, наверно, породистый, погляди-ка.

Дядя Женя поглядел на чёрный бархатистый комочек, шевелящийся на Вовкиных ладонях, и улыбнулся:

— Порода знаменитая, сразу видно — дворянин.

— Это как? — спросил Вовка.

— Дворняга, значит.

Вовка не сдавался.

— Ну и что? — упрямо поджав губы, сказал он. — Смотри, какой... ласковый. У дороги нашёл... Никому он не нужен,.. — Вовкин голос предательски дрогнул. — Дворняги тоже разные бывают.

— А я разве спорю? — сказал дядя Женя. — У меня однажды была дворняга, Пальмой звали, так она лучше любой лайки белку гоняла. Да. И на птицу брал, утку из любого болота, бывало, достанет.

Щенок задвигался на руках у Вовки и тоненько заскулил.

— Есть, наверно, хочет, — определил Вовка и прижал кутёнка к груди, — надо его покормить.

Он вопросительно поглядел на дядю Женю. Тот вздохнул.

— Ты, как я понимаю, Владимир, оставить в доме щенка хочешь?

Пошмыгав носом, Вовка сказал твёрдо:

— Да.

Так щенок остался в детдоме. Его назвали Шариком, потому что он был круглый, весёлый, а когда бегал, звонко лая, по двору за ребятнёй, казалось, что вот-вот взлетит на воздух. Дядя Женя сделал ему около гаража тёплую будку, там Шарик стал жить, туда таскали ему мальчишки еду, а девчонки делали красивые подстилки из старых одеял.

Прошёл год. Вторая зима была на исходе. Шарик подрос, но характер у него остался такой же жизнерадостный и задорный. Сам чёрный, а на мордочке две белые отметины, нос, будто кожаная заплата на футбольном мяче, уши обвислые, а хвост кренделем. Бывало, ухватит кого-нибудь из девчонок за щиколотку и ну рычать, головой своей лобастой мотает, вроде как злится. За мальчишками носился по детдомовской территории, ловил на лету бабочек, охотился в поле за мышами, а беднягу Мурку, пушистую любимицу поварихи Валентины Петровны, загонял на тополь каждый Божий день.

Особенно Шарик любил провожать детвору в школу, а школа была в селе за два километра от детского дома. Дети выходили после завтрака за ворота, а тут их уже поджидал Шарик. Он бежал впереди по дороге, лаял на птиц, иногда возвращался к толпе детдомовцев и кого-нибудь пытался ухватить за ногу или потрепать портфель. Когда последний ученик исчезал за дверью школы, Шарик, посидев немного у калитки, возвращался назад, бродил по двору за дядей Женей, или сидел у кухни, ожидая, когда Валентина Петровна вынесет ему что-нибудь вкусненького. А после обеда бежал, не спеша, в село встречать своих друзей.

В сентябре Вовка Терёшкин впервые пошёл в школу. К учёбе, как и ко всякому делу, он отнёсся всерьёз и получал до самой весны одни пятёрки. Весной, правда, сидеть за уроками ему стало скучновато. Солнце светило в окно так притягательно, что Вовка, едва сдерживался, чтобы не вытащить из портфеля карманное зеркальце и не пустить по рядам парт солнечных зайцев. Отсидев в школе положенные часы, он мчался на улицу, и воспитателю тёте Нине стоило большого труда усадить его за стол делать домашнее задание. Тут снежки, там сосульки, а ещё и о скворечниках надо позаботиться, а то дядя Женя забудет — короче говоря, забот у Вовки было полон рот, не до книжек и тетрадок.

И вот как-то после весенних каникул мальчишки возвращались после школы домой. Вовка первый увидел Шарика. Тот лежал посреди дороги весь в крови, но ещё живой. Вовка рванулся вперёд, бросил портфель и, подбежав к собаке, упал возле неё на колени.

— Шарик, Шарик, ты что?.. — шептал он, боясь притронуться к окровавленной шерсти своего друга. — Как же это, Шарик?..

Машина раздавила заднюю часть тела пса, он не скулил, чуть приподнимал голову и тут же ронял её, загребая передними лапами розовый от крови снег.

Мальчишки стояли молча, поражённые страшным зрелищем. Вдруг Вовка поднялся на ноги и бросился бежать по дороге к детдому, только крикнул на бегу:

— К дяде Жене надо! Я сейчас...

Завхоз выслушал сбивчивую речь запыхавшегося мальчишки, ничего не говоря, вытащил из-под верстака кусок мешковины, бросил в стоящие у крыльца плетёные санки и крупным шагом пошёл за бежавшим впереди Вовкой.

Как ни торопились Вовка с дядей Женей, всё же они опоздали. Шарик уже не поднимал головы и не сучил лапами. Он вытянулся и застыл. Глаза были открыты, и на мордочке не таял снег.

Дядя Женя потрогал пса за шею и сказал:

— Умер, братцы, Шарик.

Никто не сказал ни слова. В молчании погрузили сразу ставшую тяжёлой собаку в санки и отправились домой. На другой день, в воскресенье, Шарика похоронили.

За северной стеной гаража детдомовцы давно уже устроили кладбище животных. Сейчас под снегом не были видны аккуратные холмики, под которыми вечным сном спали любимцы мальчишек и девчонок — скворец Рома, кошки Муська и Пушок, хомячок Тишка и волнистый попугайчик Кузя, который мог говорить: «Кузя хор-р-роший, хор-р-роший!» и ещё что-то неразборчивое.

Никто не видел, когда дядя Женя выдолбил в мёрзлой земле для Шарика неглубокую могилу, но утром она уже была готова. Шарик лежал зашитый в мешковину возле дверей в дяди Женину мастерскую. Ещё до завтрака сюда пришёл Вовка Терёшкин.

— Дядь Жень, — сказал он, — а Шарику-то, наверно, надо крест на могиле поставить.

— Нет, дружок, кресты только людям ставят, да и то не всем — крещёным.

Дядя Женя вытащил из-за уха папиросу, закурил.

— Да-а, — согласился Вовка. — А как же Шарик?

— Не знаю. Так уж, значит.

— Нет, дядь Жень, так нельзя. Давай вот что сделаем: напишем на дощечке его имя и поставим на могилу. Все будут знать, что тут Шарик похоронен.

— Да ведь и так все будут знать.

— Это сейчас все будут знать, а потом — нет. Мы вырастем, уедем в город, а другие «васильки» увидят нашу надпись, и тоже знать будут.

— Что ж, — согласился дядя Женя. — Резонно. Так и сделаем.

Хоронить Шарика собрались все детдомовцы, даже старшеклассник Виталик, который всегда обижал пса, стегал его хворостиной и злил, — и тот пришёл. Тут были и воспитатели, и даже директор Анна Сергеевна, не говоря уж о поварихе Валентине Петровне.

Комья жёлтой глины ярко выделялись на белом снегу. Было очень тихо, только откуда-то издалека доносилось потенькивание синицы. Когда дядя Женя опускал Шарика в яму, девчонки одна за другой стали всхлипывать. Вовка держался. На улице было тепло, но он почему-то сильно замёрз, и его колотила крупная дрожь. Наконец всё было закончено. На свежем холмике дядя Женя установил столбик с табличкой: «Шарик. Погиб 16 апреля 2003 года».

Понемногу собравшиеся стали расходиться. Вскоре около холмика остались Вовка и дядя Женя. Вовка вытирал варежкой глаза.

— Ветер сегодня какой-то, — сказал он.

— Тепло, значит, будет, — ответил дядя Женя. — К перемене погоды всегда ветер поднимается.

Не было, конечно, никакого ветра, но завхоз сделал вид, будто не замечает Вовкиных слёз.

— Ладно, — сказал он и положил руку мальчику на плечо, — пойдём к дому ближе.

Вовка поднял голову.

— Дядь Жень, а Шарик сейчас где?

— Как где? В земле. Ты же видел, как я его закопал.

— А душа его где? — допытывался Вовка.

Дядя Женя сдвинул на затылок шапку.

— Этого я, моряк, не знаю.

— Ну где-то же есть?

— Есть, наверно, — неуверенно сказал дядя Женя. — Вот в южном полушарии, а мне там плавать доводилось, есть созвездие Гончих Псов, может, там?

— Правда?

— Шучу я, конечно, Володя. Шучу. Никто этого не знает. Да ты не задумывайся об этом, так уж устроено — все на свете умирают.

— Все? — Вовка посмотрел на дядю Женю. Видно было, что мысль о смерти впервые проникла в его сознание.

— Все.

— И... ты умрёшь?

Дядя Женя усмехнулся.

— Умру в своё время.

Вовка долго молчал, потом спросил:

— Значит, и я умру?

— Вон тебя куда занесло! — сказал дядя Женя. — Твоя смерть ещё очень далеко, не видать её совсем. — Он закурил, потом обнял Вовку. — Пойдём, философ.

И они пошли по натоптанной тропинке мимо гаража — большой и маленький — и рука большого лежала у маленького на плече.

NO PASARAN, МОРЯК!

Директор детского дома «Василёк» Анна Сергеевна положила телефонную трубку, вздохнула и посмотрела в окно. По дворовой площадке ветер гонял последние сорванные с тополя листья, уже не жёлтые, а бурые и сухие. Даже через стекло было слышно, как они шуршат по асфальту. В кабинете горела настольная лампа но, несмотря на полумрак, большой свет зажигать почему-то не хотелось. В углу на диване сидела воспитатель Нина Васильевна и что-то вязала.

— Ну, что? — спросила она.

— Часа через два-три, сказали, подъедут, — ответила Анна Сергеевна и посмотрела на телефон. — Пора собирать девочек, напрощались уж, наверно.

— Я посмотрю, как на кухне, — поднялась с дивана Нина Васильевна и отложила вязание. — Может, хоть чаю попьют, Валентина пирожков фирменных напекла, васильковских.

— Не знаю. Едут на такси, видно, торопятся. Но ты всё же проверь, на всякий случай.

Анна Сергеевна пошла по коридору к комнате сестрёнок. Во всех помещениях стояла непривычная тишина. Большинство детей ещё не вернулись из школы, а те, что вернулись, жались, притихшие, по углам. Расставаться всегда грустно. Уж кто-кто, а директор детдома знала это не понаслышке — сколько мальчишек и девчонок, ставших уже родными, провожала она в этих стенах. Одни из них подрастали и уходили в мир жить и работать самостоятельно, других, как сегодня сестрёнок Юлю и Наташу, брали в семьи чужие люди, усыновляли или удочеряли их, увозили далеко от родного гнезда. Впрочем, их гнёзда были теперь уже там, с новыми папами и мамами. Радоваться надо, а вот почему-то грустно... Ни к кому нельзя привязываться. Это точно. Если бы ещё удавалось!

Из игрового зала навстречу директору вышел вихрастый Вовка Терёшкин. Вечно улыбающийся, сегодня и он имел печальный вид.

— Ты что это, Володя, не в школе? — спросила Анна Сергеевна и сама заметила, как устало звучит её голос. — Или уже занятия кончились?

Вовка смешался, но ненадолго.

— Нет, я... это... вот, — он протянул директору забинтованную руку.

— Что случилось?

— Палец я вчера порезал в мастерской, — ответил Вовка и сразу перевёл разговор на другую тему. — Анна Сергеевна, там Юлька ревёт.

— Ну, не Юлька, наверно, а Юля, всё-таки! — поправила Анна Сергеевна.

— Да, Юля. Она ревёт на всю округу.

— Кто её обидел?

— Да никто! Уезжать не хочет. Дурочка, я бы на её месте...

Анна Сергеевна взяла здоровую Вовкину руку в свою.

— Пойдём-ка, поглядим.

В комнате сестрёнок, которых сегодня детдом провожал в далёкую Испанию, яблоку негде было упасть. И воспитанники, и воспитатели собрались здесь — кто сидел, кто стоял, а младшая из сестёр шестилетняя Юля стояла посреди комнаты и ревела в голос, прижимая к груди рыжего котёнка по кличке Маус.

Анна Сергеевна погладила девочку по голове, пытаясь успокоить.

— Что ты, что ты, Юленька? — говорила она, а у самой замирало сердце. — Ты же хотела ехать? У тебя теперь будут папа и мама...

Плач не утихал.

— Да она не потому ревёт, — подал голос кто-то из ребят.

— А почему?

— Ей котёнка жалко!

Плач усилился.

— Котёнка? — Анна Сергеевна улыбнулась и потрепала за ухо притихшего Мауса. — Вот так беда! Возьмёшь его с собой, да и всё.

— Правда? — Юля подняла мокрое лицо на директора.

Анна Сергеевна обвела взглядом лица мальчишек и девчонок.

— Как, ребята, отправим Мауса с девочками в Испанию?

— Отправим! — дружно отозвалась комната.

Тут подал голос Вовка Терёшкин:

— Ничего не выйдет, у Мауса документов нет.

— Зачем котёнку документы? — пожала плечами Анна Сергеевна.

— Как это зачем? Через границу без документов ездить нельзя.

— У него, как у кота Матроскина — хвост и усы вместо документов! — защитил котёнка Вовкин приятель Витёк.

Вовка не сдавался.

— Маус там скучать будет по нам...

— Так и скажи, что тебе жалко! — крикнул Витёк.

— Мне? — возмутился Вовка. — Мне? Ничего мне не жалко. Я, если хочешь знать, этих кошек... терпеть не могу. Вот собаки — другое дело... Пускай едет, так и быть. Только пограничники его не пропустят, вот увидишь!

— Ладно-ладно, — прервал спорщиков сидящий за столом на фоне плаката с изображением ансамбля «Король и шут» завхоз дядя Женя. — Хотите, я вам историю про кошек расскажу?

Дяди Женины рассказы все любили и потому дружно ответили:

— Хотим!

— Гости скоро будут здесь, — возразила Анна Сергеевна.

— Это недлинная история, — сказал завхоз, устраиваясь поудобней на стуле.

Анну Сергеевну девочки взяли за руки и усадили на кровать рядом с сёстрами. Все замолчали, и стало слышно, как где-то из крана звонко капает вода. Дядя Женя, поддёрнув рукава тельняшки, приступил к рассказу.

— Такие дела, значит. Было это в брежневские времена. Сам Леонид Ильич любил охоту и...

— Это кто — Леонид Ильич? — спросил неугомонный Витёк.

— Это... — дядя Женя помолчал. — Как вам сказать? Генеральный секретарь партии, главный был в стране.

— Как сейчас Путин?

— Ну, можно и так сказать.

— Ладно. Рассказывай, дядь Жень, а то не успеешь, — сказал устроившийся на маленьком стульчике рядом с завхозом Вовка.

— И то. Слушайте лучше. Так вот, любил Леонид Ильич поохотиться. И всех гостей, которые к нему приезжали, приглашал на охоту. Те и рады из ружья-то попалить по живым мишеням. Бывали новички, но встречались и опытные, кто умел зверя или птицу на мушку взять. К таким относился Луис Корвалан. Был в те времена такой деятель, вождь чилийского народа. Он к нам нередко наведывался. К приезду высоких гостей, а особенно друга Луиса, егеря готовили охоту. Ну, сами понимаете, где набрать столько дичи, чтобы на всех хватило? В лесах подмосковных, в заповедниках даже, её изрядно повывели — в друзьях-то у нас в ту пору недостатка не было. И вот егеря заранее отлавливали зайцев, привозили к месту охоты и в нужный момент по сигналу главного выпускали ушастых под ружья охотников. Те давай палить. Бах! Бах! Никто без трофея не оставался. Вот, поди, думали, какая богатая страна Россия — сколько в ней дичи и зверья!

— Приезжали бы к нам, — перебил Витёк, — у нас не надо заранее никого ловить, вон зайцы-то чуть в дом не забегают!

— Ага. И волки, — поддержал кто-то от двери.

— Дядь Жень, ты чего их слушаешь? — подал голос Вовка. — Продолжай!

Дядя Женя откашлялся.

— Да... Приехал однажды Луис в очередной раз после тюрьмы (он там у них, в Чили, значит, частенько в кутузку попадал за политику) и, ясное дело, просится на охоту, душа отдыха просит, настрадался на родине-то. Брежнев — пожалуйста, мол, кого пожелаешь, заокеанский дорогой друг, стрелять? Друг пожелал стрелять зайца. Как раз начало декабря, морозы ещё некрепкие, снежок выпал мягкий, свежий, первая пороша, можно сказать. Отдал Леонид Ильич все распоряжения, и пока егеря готовились, он с Корваланом решал задачи международного коммунистического движения. Делу время, потехе час, как положено. Наконец этот час наступил, и вожди со свитой двинулись на потеху.

А егеря между тем ломали головы — где взять зайца? Ну ни одного нету! Что делать? Тут один из них, головастый такой, возьми да и предложи: давайте, дескать, на кошку шкуру заячью наденем и пустим по снегу. Кто там разберёт, чай, выпьют да закусят — не до того будет. Туда-сюда, а делать-то нечего, сейчас уж и начальство подъедет, надо решаться. И решились: будь что будет, нарядим кота Барсика в зайца, пожертвуем им ради дружбы с чилийским народом! Так и сделали. Пошла охота. Стоят вожди на позиции с тульскими ружьями-вертикалками в руках, вокруг генералы, переводчики — свита, одним словом.

Нет и нет зайца. Собаки бегают, лают, а косого выгнать не могут. Брежнев уж на главного егеря строго поглядывает, мол, что такое, почему непорядок? И вдруг, глядь, — заяц! Только странный какой-то — не прыжками идёт, а крадётся по снегу да всё оглядывается. Луис на друга Леонида Ильича смотрит. Тот кивает, дескать, пали! Чилийский вождь вскинул ружьё, прицелился — бах! Промах. А заяц вскинулся да ни с того ни с сего неожиданно шасть на берёзу и застыл, к стволу прижавшись. Заморский гость обомлел, ничего не поймёт. А потом заговорил взволнованно. Переводчик объясняет, мол, товарищ Корвалан много охотился в разных странах мира, но чтобы зайцы по деревьям лазили — такое в первый раз видит! Брежнев посмотрел на генералов, те в папахи уткнулись, молчат. Генсек брови насупил и подозвал главного егеря. Тот смекнул, что двум смертям не бывать, а одной не миновать — надо говорить всё как есть. Вытянулся по стойке смирно и рапортует:

— Товарищ Леонид Ильич, за неимением зайцев пришлось...

Брежнев его остановил, пожевал губами и сказал:

— Переведите товарищу Луису Корвалану, что он видит очень редкую породу сибирского зайца.

Переводчики, значит, залопотали по-чилийски, а Барсик на берёзе — натерпелся бедняга — как заорёт:

— Мяу-у!

Тут дядя Женя ещё и Вовку за живот ухватил. И все засмеялись, включая учителей.

— А Барсик? — спросил Вовка.

— Что — Барсик?

— Барсик-то живой остался?

— Конечно, живой. Хоть и не получилась из него жертва дружбы народов, зато прославился. Егеря его потом берегли и всем показывали, как особый экспонат.

— Да, кошки — они живучие, — неожиданно заключил Витёк.

— А ты-то, Евгений, откуда всё это знаешь? — спросила Анна Сергеевна, вытирая платком слезу в уголке глаза.

Дядя Женя хитро усмехнулся.

— Так я и предложил кота в зайца переодеть!

Комната так и заходила от смеха.

— Выдумал ты всё, баламут! — махнула рукой повариха Валентина Петровна.

— Не любо — не слушай, а врать не мешай, — ответил завхоз и насторожённо поднял вверх указательный палец. — Тихо! — чутким слухом охотника он уловил звук работающего двигателя.

Все замолчали. На дворе раздался сигнал машины.

— Приехали! — выдохнула Анна Сергеевна.

Толпясь и переговариваясь, все потянулись к выходу. Вовка Терёшкин выглянул в окно. На площадке стояли две машины: УАЗик заведующей роно и зелёная «Волга» с шашечками.

— Вот это да! — восхищённо произнёс Вовка, прижимаясь к стеклу носом. — Они, что, из Испании на такси ехали?

— А чё им не ехать-то, — сказал стоявший за Вовкиной спиной Витёк. — У них денег, поди, куры не клюют. Наташка с Юлькой теперь хорошо заживут. Апельсины будут прямо с деревьев рвать. Меня бы туда!

— Нужен ты им! Они за девчонками приехали.

— Как всегда. За девчонками почему-то чаще приезжают. Непонятно, мужики им не нужны, что ли?

— Выходит, так, — ответил Вовка по-философски многозначительно.

А в это время в зале детдомовцы знакомились с гостями из испанского города Алькантарилья Мигелем и Розой Фернандес. Муж и жена были очень похожи друг на друга — оба худые, стройные, темнокожие, одеты по-спортивному — ну, настоящие испанцы! Широко улыбаясь, они пожимали всем руки, громко повторяя на чужом языке:

— Buenos dias! Buenos dias! Buenos dias! [1]

Испанцев сопровождала молодая переводчица Вера в голубых джинсах и яркой оранжевой куртке. Она молча стояла в стороне, ожидая, когда начнётся разговор.

Потом Роза Фернандес с расстановкой, коверкая, как все иностранцы, звуки, произнесла:

— Здрав-ствуй-те!

— Здрасте! — нестройно ответили детдомовцы.

---

[1] Здравствуйте! (*исп.*)

Тут сквозь толпу пробился Вовка. Он подошёл к Мигелю, протянул ему руку и сказал, сурово сдвинув белёсые брови:

— Добрый вечер! Вы, значит, из Испании?

Мигель осторожно пожал Вовкину руку и потрепал его по голове. Он ничего не успел ответить, потому что дядя Женя отвёл Вовку в сторону.

— Давайте знакомиться, — сказала Анна Сергеевна. Вовка видел, что она волнуется, побледнела даже. — Вас мы теперь знаем...

Переводчица в оранжевой куртке перевела слова директора. Испанцы кивали головами, потом мужчина назвал имена Наташи и Юли.

— Вот они. Вот они наши, а теперь ваши девочки, — представила Анна Сергеевна обомлевших сестёр.

Роза Фернандес обняла обеих и прижала к груди, опустившись перед сёстрами на колени. Она гладила девочек по голове и что-то тихонько лопотала по-своему. В зале стало очень тихо.

— Anda, querida! [1] — сказал испанец жене и положил руку ей на плечо.

Женщина поднялась с колен и быстро заговорила, обращаясь к Анне Сергеевне. Переводчица перевела:

— Роза говорит, что они очень торопятся. Их ждёт такси, потому что нужно успеть к поезду. Девочки должны быть переодеты.

— Мы одели их во всё новое, — возразила Анна Сергеевна.

Переводчица Вера кивнула головой и перевела. Мигель стоял молча, разглядывал обступивших его ребят, улыбался, а его жена быстро-быстро говорила.

— Нет, — перевела Вера. — Они хотят одеть девочек в одежду, которую привезли с собой.

— Хорошо, — пожала плечами Анна Сергеевна. — Если вы так хотите... Пройдём ко мне в кабинет. Там они смогут переодеться.

Госпожа Фернандес взяла сестрёнок за руки и пошла за Анной Сергеевной. С ними отправились переводчица Вера, заведующая роно и воспитательница Нина Васильевна. Анна Сергеевна по-прежнему не зажгла большой свет в кабинете, включила настольную лампу. Безропотно девочки стали раздеваться. Испанка с помощью переводчицы доставала из сумки и раскладывала по дивану новую одежду.

Посмотрев на часы, переводчица сказала, что нужно поторопиться. Анна Сергеевна пожала плечами и отошла к своему столу, стала перекладывать на нём какие-то бумаги. Она видела боковым зрением, как Роза стала помогать девочкам снимать одежду. На пол падали кофточки, платьица, поспешно сдёрнутые новой мамой сестрёнок. У Анны Сергеевны защемило сердце.

Наконец, переодевание было закончено, и все пошли в зал, где уже нетерпеливо прохаживался Мигель. Он что-то сказал жене, увидев девочек.

— Мигелю нравится, — перевела переводчица. — Он благодарит руководство детского дома и всех присутствующих, а также просит поторопиться.

— Gracias! — улыбался испанец. — Gracias! [2]

Он говорил быстро, но с паузами, а переводчица переводила:

— Мигель сказал, что их городок Алькантарилья очень красив, в нём живёт много хороших людей, и девочкам там понравится. У него есть друг, его зовут Филипп Лаго. Очень добрый человек. Он и его жена Мария хотят взять в России мальчика. Возможно, они приедут к вам, в детский дом «Василёк». Здесь хорошие дети.

---

[1] Поторопись, дорогая! (*исп.*)

[2] Спасибо! (*исп.*)

Мигель кивал, слушая переводчицу, а когда она замолчала, указал пальцем на стоящего рядом с сестрёнками Вовку и засмеялся:

— Por ejemplo, este muchacho.[1]

Переводчица перевела слова Мигеля:

— Вот этот мальчик, например.

Вовка сделал шаг вперёд. Но тут в наступившей тишине раздался голос завхоза:

— Да что вы, господа хорошие, этот парень не может к вашему Филиппу поехать. У него тут родители... И вообще нельзя ему в Испанию. У него... документов нету!

— Перестань, Евгений, — прервала дядю Женю Анна Сергеевна. — Мигель пошутил.

Тут все заторопились и пошли на улицу, к машинам.

А Вовка так и остался стоять посреди зала. Не ожидал он такого от дяди Жени, вот уж никак не ожидал! Почему это, скажите на милость, ему нельзя в Испанию? Какие-такие родители? Откуда бы им взяться? При чём тут документы? Нет, Вовка решительно ничего не понимал.

Сумерки осенью в Заветлужье короткие — не успеешь оглянуться, как уже темно. Около крыльца под фонарём толпились возле машины детдомовцы, прощаясь с сестрёнками. Мигель и Роза, уложив в багажник нехитрые пожитки сестёр, стали торопливо прощаться со всеми, повторяя:

— Gracias! Adios! Gracias! Adios! Adios![2]

Переводчица Вера, докурив длинную сигарету, оглянулась, ища, куда бы бросить окурок и, не найдя урны, бросила его на газон. Таксист включил зажигание, и машина довольно заурчала. С трудом оттаскивая сестёр от плачущих подружек, Анна Сергеевна с вымученной улыбкой кивала испанцам:

— Да-да, до свидания! Счастливого пути!

Наконец, Юлю и Наташу затолкали в машину. Все махали на прощанье руками, взрослые понимали, конечно, что сестёр, которых сейчас увозили за тридевять земель, в неизвестную Алькантарилью (вот названьице, попробуй выговори — язык сломаешь!), никто из них больше не увидит. Никогда. А дети, они всегда живут в настоящем времени, плакали, звали подружек в гости и обещали приехать к ним сами.

Машина развернулась и, набирая скорость, покатила к воротам «Василька». Из приоткрытого окна высунулась Роза Фернандес, и ветер донёс её прощальное:

— Hasta la vista![3]

Сигнальные огни «Волги» рубиново светились где-то далеко в поле. И всем, стоящим возле крыльца, стало холодно.

— Домой, домой, быстро домой! — подгоняла детей Анна Сергеевна. — Вон ветер-то какой холодный. Не хватало ещё простудиться кому-нибудь.

Вовка три дня не подходил к дяде Жене, даже в мастерскую не заглядывал. На четвёртый день они встретились в коридоре.

— Ты куда это пропал, Владимир? — как ни в чём не бывало спросил завхоз.

Вовка насупился, не зная, что отвечать.

— Ну что молчишь? Случилось что?

«Будто не знает, — подумал Вовка, — притворщик, а ещё взрослый!» Обида перехватывала ему горло, но он всё же выговорил:

— А зачем ты... меня... в Испанию... Может, я там...

— Вон что! — засмеялся дядя Женя. — Так бы и сказал!

— Вот я и говорю...

---

1 Например, этот мальчик (*исп.*)

2 Спасибо! До свидания! Спасибо! До свидания! До свидания! (*исп.*)

3 Пока! (*исп., разг.*)

— Да ладно тебе, Вовка, или ты не моряк? Чего в этой Испании делать? Никого там наших нет, рыбалки нет, Шарика, и того нету!

— Зато апельсины и... — Вовка шмыгнул носом и замолчал, не зная, что же ещё есть в этой Испании. — А ты зачем так сказал?.. Не знаю я никаких родителей! С Луны они, что ли, свалятся?

Дядя Женя опустил голову.

— Ну, прости, брат, это я так, сгоряча, что ли. Ладно, мир? — он протянул Вовке свою большую тёмную руку.

Не мог Вовка долго помнить обиды, не умел. Сердце его радостно стучало, когда жёсткая ладонь дяди Жени легонько сжала пальцы.

— Мир, — серьёзно сказал он и посмотрел на дядю Женю. Тот молчал, плотно сжав губы. Вовка вдруг почувствовал тёплую волну, исходящую от этого человека, захотелось прижаться к нему и сказать что-то такое хорошее, но он не знал, что.

— Давай, беги, — дядя Женя разжал ладонь. — Делом занимайся.

Вовка пошёл по коридору, возле двери директорского кабинета оглянулся. Завхоз стоял и глядел ему вслед. Вовка улыбнулся и помахал рукой. В ответ дядя Женя поднял свою руку со сжатым кулаком и громко, на весь коридор, сказал:

— Но пасаран, моряк!

Вовка не знал, что значат эти слова, но знал, что они — правильные.

ПРОРУБЬ

В ноябре в последний день каникул детский дом «Василёк» в полном составе провожал двух сестрёнок Катю и Алёнку — их удочерила семья из Подмосковья. Событие и радостное, и в то же время печальное. Редкий детдомовец не хотел бы обрести настоящую семью, жить в городской квартире, ходить в школу, где тебя не дразнят сиротой, не чувствовать спиной жалеющие взгляды взрослых, произносить удивительные слова «папа» и «мама». Сёстры, а за ними и все девчонки расплакались, мальчишки стояли возле машины, насупившись, и молчали.

Такое случалось нередко. Время от времени кого-то из детдомовцев забирали к себе сердобольные дяди и тёти. И не только из российских городов и весей. Весной, например, увезли маленькую Алесю за тридевять земель, в далёкую Испанию. Прощались с ней и знали — больше никогда не увидятся. Те, кто оставался, испытывали горькое чувство — почему не меня, чем я хуже? И каждый всё-таки надеялся, что в следующий раз счастливый жребий выпадет именно ему. На этот раз удача улыбнулась Кате с Аленкой, сестрёнкам-двойняшкам, которых шесть лет назад пьяная до бесчувствия мать родила в грязной деревенской избе. А теперь у крыльца детдома девочек ждала большая красивая машина, готовая увезти их в такую желанную, счастливую жизнь. По крайней мере, все верили в это. Вечная сказка про Золушку... Только между сказкой и жизнью дистанция, как говаривал незабвенный Николай Васильевич Гоголь, огромного размера.

Отъезжающие расселись в автомобиле по местам. Новый папа сестрёнок пожимал руки директору, завучу и заведующей роно, когда Алёнка неожиданно выскочила из машины и, подбежав к Вовке Терёшкину, сунула ему в руку завёрнутую в цветную тряпочку маленькую куклу. Вовка открыл рот, чтобы что-то сказать, но ничего не сказал, так и стоял, глядя то на куклу, то на Алёнку, с которой он дружил, несмотря на обидное прозвище жениха. И Алёнка, так же ничего не говоря, юркнула в машину и захлопнула за собой дверцу.

Никто не произнёс ни слова. Машина, погудев на прощанье, медленно тронулась. Приунывшие мальчишки и девчонки разошлись по комнатам, и до вечера в детдоме стояла непривычная тишина. Потом жизнь потекла по своему руслу.

Вскоре наступили холода, и озеро, лежащее невдалеке от детского дома, под горкой, затянулось первым гладким, пружинящим льдом. Мальчишки тут же, не успел лёд окрепнуть, исчертили его своими коньками. Лёд потрескивал, прогибался, но держал отчаянных конькобежцев.

Но — потехе час, а делу, как говорится, время. Вовка Терёшкин эту истину усвоил твёрдо. Как-то раз после обеда он пришёл к завхозу и, деловито потирая руки, сказал:

— Что, дядь Жень, хорошо в тепле-то сидеть, а пора уже прорубь рубить.

Завхоз посмотрел на Вовку из-под очков:

— Лёд, пожалуй, тонковат, Владимир.

— В самый раз. Мы на коньках всё озеро изъездили. Только у ключа промоины, а так — крепкий.

— Ну, я завтра погляжу, — согласился дядя Женя.

Прорубь он вырубал на озере ежегодно. Детдомовская прачка Марья Васильевна не любила полоскать белье в домашних условиях. «Нет уж, — говорила она, — я по старинке, в живой воде полоскать привыкла. Как выполощешь в пролуби-то да на морозе развесишь — совсем другое дело. Холодом пахнет, чистотой».

Дядя Женя не возражал, рубил по первому льду прорубь, ставил от ветра щит, а потом ходил и чистил её всю зиму, до оттепели. Свежевыстиранное бельё мальчишки отвозили на санках к озеру, дожидались, когда Марья Васильевна выполощет и уложит задубевшие на морозе простыни, наволочки и пододеяльники в санки, и везли их обратно домой.

Через день дядя Женя, Вовка и его приятель Витёк отправились на озеро. Мальчишки взяли с собой коньки, чтобы, пока дядя Женя рубит прорубь, побегать по ещё чистому, не занесённому снегом льду.

Яркое солнце слепило глаза, и лёгкий морозец с ветерком пощипывал за уши. В больших санках дядя Женя вёз пешню, топор, большой железный ковш на длинном черенке с дырявым дном для очистки проруби от мелких льдин, моток толстой верёвки и фанеру, чтобы устроить защиту от ветра.

Лёд уже окреп. Он не трещал даже под тяжестью дяди Жени, шедшего впереди и постукивающего перед собой пешнёй.

Обозначив место для проруби, дядя Женя присел на санки покурить.

— Мы тебе помогать будем, — сказал Вовка, устроившись рядом.

— Сделаем так, — ответил ему завхоз, выпуская через нос белые струйки дыма, — лёд колоть я буду один, вы пока покатайтесь на коньках, а вот фанеру примораживать будем вместе. Договорились?

— Договорились.

Мальчишки надели коньки и покатили по гладкой ледяной поверхности, едва припорошенной снежком, к дальнему концу озера. Прокатились вдоль заиндевевшего камыша, сбегали к мосткам, вмёрзшим в лёд, и повернули назад, когда Витёк предложил посмотреть на промоину, где с берега бил ключ. Вовка кивнул головой в знак согласия и поспешил за катившим впереди товарищем.

Полынью уже было видно, и ребята немного сбавили скорость. Витёк оглянулся и крикнул Вовке:

— Только глянем — и назад.

Не успел тот ответить, как Витёк, взмахнув руками, как-то неожиданно быстро стал погружаться в откуда ни возьмись взявшуюся промоину. Вовка резко повернул

в сторону, правая нога его подвернулась, и он упал плашмя на лёд. В глазах полыхнуло. Из носа потекла тёплая розовая струйка крови. Поднявшись на четвереньки, Вовка отполз подальше и оглянулся. Витёк барахтался в полынье, цеплялся за лёд, который с треском обламывался под его локтями.

— Помоги мне, дай руку! — шептал он. И Вовка заметил, что губы у Витька совсем белые, а глаза большие-пребольшие. Вовкины зубы предательски стукнули, ему очень захотелось убежать подальше, но он пополз к промоине, вытирая рукавом сочившуюся на губы и подбородок солоноватую кровь. Лёд затрещал, из полыньи на него накатила вода. Вовка попятился и, оглянувшись, закричал, что есть мочи:

— Дядя Женя! Сюда! Дядя Жень...

Вытащив из кармана куртки нож, он попытался воткнуть его в лёд, но тот крошился, и нож соскальзывал, не находя точки опоры.

— Щас, Витёк, щас, — выдыхал Вовка и всё ударял остриём ножа в ледяной панцирь. — Держись только...

— А ну, назад! — прогремел голос дяди Жени.

Вовка оглянулся. Завхоз был рядом. Тяжело дыша, он сбрасывал на бегу рукавицы, полушубок и шапку, потом лёг на лёд и швырнул Витьку конец верёвки. Витёк потянулся за ней, но не достал. Закраина полыньи хрупнула, и Витёк с головой ушёл под воду.

— Отползай дальше! — не оглядываясь, прохрипел дядя Женя. Он смотал на локоть верёвку и, широко размахнувшись, бросил её вынырнувшему Витьку. Верёвка шлёпнулась у самого края промоины, и Витёк на этот раз ухватился за неё.

— Держись крепче, моряк! — спокойным голосом сказал дядя Женя и стал вытягивать отяжелевшего Витька на лёд.

Над озером совсем низко пролетела с громким криком ворона. Вовка лежал на льду и смотрел в небо. В груди его громко стучало сердце, казалось, оно вот-вот выпрыгнет через горло.

— Дура! — почему-то сказал Вовка, глядя на ворону и прикладывая к носу горсть снега.

Мокрый Витёк стоял, опустив голову и тоненько поскуливал. С его одежды стекала струями вода, но куртку на плечах уже прихватило морозом.

— Ша-а-пку утопил, — наконец выговорил он.

— Новую дадут, — дядя Женя строго смотрел на мальчишек. — А теперь бегом домой. Без разговоров, марш! — И надел свою шапку Витьку на голову.

Кое-как стянув коньки, приятели бросились бежать по озеру к дороге. Выбравшись на пригорок, Вовка оглянулся: дядя Женя укладывал инструменты в санки и не глядел на них. Вовка набрал в грудь воздуху и изо всех сил рванулся следом за убегавшим Витьком.

В детском доме Витька раздели, растёрли махровым полотенцем, повариха Валентина Петровна напоила его чаем с малиной и уложила под тёплое одеяло. Витёк только стучал зубами, громко икал и ничего не говорил. Всё пришлось рассказывать Вовке.

— Никто без моего разрешения с этого дня на озеро не ходит! — вынесла вердикт директор Анна Сергеевна.

— А как же... — начал было кто-то из старшеклассников, но Анна Сергеевна даже слушать не стала, отрезала:

— Никак!

Через неделю происшествие на озере стало забываться, но дядя Женя ходил какой-то хмурый и неразговорчивый. Однажды видели, как он зашёл в кабинет к директору и долго оттуда не выходил.

— Женить его надо, — шептались на кухне работницы.

— Тебя, что ль, в невесты-то? — сказала Валентина Петровна посудомойке бабушке Галине.

— Скинуть бы годков этак тридцать пять, — подбоченилась та, — уж я бы его окрутила.

Жена дяди Жени умерла три года назад при родах, умер и младенец. Бывший моряк жил один в большом пятистенном доме с высоким крыльцом, единственным живым существом в котором, кроме хозяина, была охотничья собака по кличке Верный. После смерти жены дядя Женя всё реже ходил на охоту и рыбалку, всё чаще проводил время в детдоме — за делом, среди детворы ему было хорошо. И дети его любили.

Наконец, Вовка не выдержал. В субботу, посмотрев кино по телевизору, он отправился в мастерскую к дяде Жене. Тут было тепло, пахло сосновыми стружками и лаком. Вовка стоял у двери и молчал.

— Проходи, моряк, что застыл? — не оглядываясь, сказал дядя Женя. Он что-то писал, сидя за маленьким столом у окна.

Ничего не говоря, Вовка прошёл в мастерскую, выдвинул из-под верстака табурет и уселся на него. На столе свистнул закипевший чайник.

— Ну вот, будем сейчас чай пить, — обернулся дядя Женя и снял очки. — Ты как, не против?

— Дядь Жень, ты чего какой-то не такой? — прямо спросил Вовка.

Завхоз развёл руками.

— С чего ты взял?

— Да уж вижу.

Разливая чай, дядя Женя молчал, глядел в бокалы, потом поставил чайник и сказал:

— Знаешь, моряк, что я тебе скажу... — он замялся, посмотрел куда-то на потолок, тяжело вздохнул и продолжил. — Вот что я тебе скажу... — слова, будто застревали у него в горле, и он с трудом выталкивал их оттуда. — Ты своих родителей, отца, мать, помнишь?

Вовка поднял голову.

— Не-а, — сказал он, — не помню. Бабушку только малость.

— Хочешь жить со мной? — резко, на выдохе, проговорил дядя Женя.

Как будто вспыхнуло много-много электрических лампочек, так показалось Вовке. В груди стало горячо, и дыхание перехватило. Боясь расплакаться, он сорвался с места и, шагнув к дяде Жене, уткнулся носом в широкую грудь, обтянутую тельняшкой. Плечи его затряслись.

— Ну, ну... Что ты, моряк? — приговаривал тихо дядя Женя, поглаживая рукой Вовкину спину. — Всё будет хорошо. Всё будет нормально, сынок, ты уж мне поверь.

А Вовка ничего не говорил, он всё крепче прижимался к капитану, вдыхал запах табака и кожи, и его маленькое сердце знало, что, действительно, всё будет хорошо.

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

ПОЗДНЕЦВЕТ

Многим любителям поэзии знакомы стихи этого самобытнейшего, глыбистого (особенно в языке) поэта, обладающего магическим чутьём на старинное слово. У него почти нет стихотворных пустот — он их дополняет редчайшими по выразительности и образности характерами национального русского бытия — будь то бытия земледельческого, мирного или бытия ратного, героического. Удивляет его сочный, народный юмор, его разнообразнейшая ритмика стиха. Он действительно высококлассный словесный ювелир в современной русской поэзии. Сказано, может быть, слишком красиво, но трудно подобрать другие слова.

Геннадий МОРОЗОВ

ОТ МОСКВЫ ДО ВОЛГИ

Сестра

Русиянка, в толпе удручённой поплачь
Раньше сороковин, поистошнее вьюг –
По-над плахой секиру вздымает палач,
Чтобы вбить в тишину окровавленный звук.

Ухмыляется некто сановный, сутул,
Ты ж молила его, чтобы казнь отменил,
Он с тобой переспал, он тебя обманул,
Белый свет, молодица, тебе стал немил.

Пугачёвец над Козьим болотом — твой брат –
Будет через мгновенье казнён палачом,
Кат раскормлен и лют, волосат, солнцекрад –
Надмосковную зореньку застит плечом.

Отлетит голова в беспризорную грязь…
Нынче в горенке станешь рыдать при свечах,
И поспелые частые звёзды, солясь,
Проночуют в бессонных, бессмертных очах…

Сын

Он — пастух, он — с отарой,
Степь вокруг широка.
Горько матери старой:
«Редко вижу сынка...»

Росной брызгою синей,
Утро, в травы стеки!
Сердце матери — в сыне,
Сердце сына — в степи.

Без удержу

По округе теплынь с беспощадностью жрицы
Шкуру снежную с квёлой зимы содрала!
Спят в гнездовьях весеннеприлётные птицы,
Не уходит плечистая ночь со двора.
Набухают, как почки без удержу, звёзды,
Как листва, прорастают сквозь небо лучи.
Молодняк бузины, облепивший погосты,
Шепчет взбалмошно: «Темень, ты звёзды лущи!»
И, привеченный водонапорною башней –
Местной сборщицей и раздатчицей вод,
Месяц прибыльный пораскруглился над пашней,
Как молодки беременной щедрый живот!

Дельта

Гаснут чаячьи кривотолки
В золотой прямизне рассвета...
Лотос августа в дельте Волги
Полыхает румянцем лета.
Костерка не страшась ни капли,
Рады снова солнцепогодью,
Балеринами ходят цапли
Как по сцене, по мелководью...
Тут гостям поднесут рассказы
Старожилы всея округи:
На купеческие баркасы
Налетали победно струги,
Сабли кровью камыш росили,
И дышалось вольготно Стеньке!
...Дельта Волги — крыльцо России
С крупным лотосом на ступеньке.

ДИЛОГИЯ

1.

Ветер лужу лизал, будто кот молоко лакал,
Ветер, тучами солнце не засти — тепло щади!

Выл со звонницы зыком разгневанным колокол,
Торопливо толпа укрупнялась на площади.

Шут гороховый, с рожи ухмылочку выкинь-ка –
Новость чёрная гложет нам души досадою:
Восемь тыщ — ого-го — двести сорок три викинга
Жёстко сжали Копорскую крепость осадою.

Эта прочная крепость построена немцами,
Быти всё ж отказалась приспешницей рурскою:
Рядом с Финским заливом под зорьками невскими
Стала мощно, незыблемо крепостью русскою.

В это время осеннее, напрочь холодное,
Мы копорцев поддержим и вступим в сражение:
Новгородец, иди в ополченье народное,
Ибо вынесло вече такое решение!

2.

С крыш не скоро сорвётся весеннее капанье –
Неспроста недь в снежинах Копорье, как в капоре,
От Копорья сквозь лес, рукотворна и простенька,
Манит росчисть, чистина, а попросту — просека.

На Копорском заливе морозы-разлучники
Волн запястья, спеша, заковали в наручники,
И всклокоченный Сиверко с мрачной свирепостью
Вьёт, как ворон, круги над Копорскою крепостью.

Сколь осад в сотнелетиях крепость могучая
Повстречала, чтоб струсила — не было случая.
И на ветер со снегом — бесчисленным воинством –
Смотрит крепость, как встарь, с богатырским достоинством!

ГОРОДОК

Городок на клумбы солнечные
Уронил гвоздики сорванные,

Пробежал аллеей реденькою,
Обезлюдел по-над реченькою:

Повелел Чернобыль выселиться,
Заскрипел каштан, как виселица,

Счётчик Гейгера — зашкаливает,
Мародёрство же — пошаливает:

Городок — не жмот, оказывается,
От имущества отказывается,

Радиацией помеченное,
Спекуляцией привеченное,

Волей случая дарованное,
Расползается ворованное.

Все дома тут стали данниками –
Не оцепишь их охранниками…

Ресторан, забытый парочками,
Барабан, забитый палочками…

Пёс грызёт, прельщённый неженкою,
Куклу с вывихнутой ноженькою…

Это, жизнь со смертью путающее,
Наше прошлое? Иль — будущее???

ЯВЬ

По небу тучи прут и прут –
Лилова пелена.
Смотрю: какого ж цвета пруд?
Да он темней темна!

На берегу вчера ветла
Ветвилась, как судьба,
И был наш пруд светлей светла
И синий сголуба.

Вот свежий пень торчит с утра
Там, где ветла была:
Черней черна его кора,
А спил — белей бела.

Как это просто — жизнь отнять!
Ты что ж содеял, брат?
Мне снилась радуга опять,
Но я ей был не рад…

КОНЯГА

Стреножив, пустили в ночное конягу,
Но путы замучали болью беднягу.
И кожу протёрли до самой кости,—
На вольных отгонах гости-не гости.

И кровь засочились, и плакал коняга,
И падали слёзы — солёная влага,
Цепляли земную незримую ось,
Планету Земля прожигая насквозь!

Полусонет полупустыне
В полупустыне кулика-авдотку
На взлёте искушает крыльев прыть
Внезапно с мелкосопочника сбрить
Свистун-травы метлистую бородку.

Варан спиной вбирает утра свет,
Уставясь на мою косоворотку,
Как марсианин на полусонет.

ВЕТЕРАН

Рассвет подрастал тяжело,
Стряхнув обречённость изгоя...
Столетье промчалось-прошло
Со дня Бородинского боя.
Наш мир не зазря умудрён,
События разные помня...
Разбив облаков эскадрон,
Явилось ты, солнышко полдня.
Что ж, в небе гарцуй и гусарь,
Светлынью окрестности полня!
Со свитой идёт Государь
Среди Бородинского Поля.
На близях священной земли
Отриньте зевоту и дрёму!
И вот старика подвели
К царю Николаю Второму.
Вдыхаючи ветра заток,
Взволнованный встречей нежданной,
Без правого уха дедок,—
Улыбчив, как плёс под заряной.
Царю, и усерден, и рьян,
Поклоны отвешивал стоя
Последний живой ветеран
Того Бородинского боя –
Живущий сто двадцать годов!
Сражался с французами тут он,
И — был отступать не готов,
Взрывную дыминой окутан.
Был ранен он, плоть — не гранит,
В окоп опрокинулся глухо...
Он в свёрточке пулю хранит,
Ему откусившую ухо.

Исшрамленный вытерев лоб,
Обдав из очей синевою,
Царю показал свой окоп,
Заросший травой вековою.
Поклон вам, святые места
Великого русского края!
Изрёк Николай: «Неспроста
Писал Бонапарт, вспоминая:
«Скажу и в аду, и в раю,—
Я редко проигрывал войны,
И в том Бородинском бою
Победы мы были достойны.
У двух обгорелых берёз,
Что край не винили родимый,
Впервые помыслил всерьёз,
Что русские — непобедимы! »
В сердечном порыве не вял,
В котором душа необманна,
Почтительно так приобнял
Растроганный царь ветерана,
И был осчастливлен старик
Какой-то блестящею цапкой,—
На телевещанье возник
Сюжет кинохроники царской…
Глядел в Бородинскую ширь
Над старым знакомым окопом
Плечистый седой богатырь,
Не сдавший Россию Европам.
Нет проку в лавровых венках,
Нам память о нём сохранить бы!
Крестьянин, он жил в трёх веках,
Отведал четыре женитьбы,
И что же поделаешь тут –
В заботах живёт, в непокое,
Праправнуки дружно растут…
Дай Боже любому такое!

ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ

На Бородинском Поле –
Плотных снегов студёность,
Круто, по-богатырски
Вырос к утру мороз,
Не покалечив избы
И одухотворённость,
И одухотворённость,
Стойких, как Русь, берёз.

В инее вся округа,
Словно в студёном ворсе,

Даже под полушубком
Зябко не потому ль?
Здесь, во глубинке, ныне
Нету в помине вовсе,
Нету в помине вовсе
Ядер, штыков и пуль.

Мёрзлый орёл из бронзы,
В крылья вкогтился иней,
В долгий полон сугробы
Взяли Бородино.
Тут на снегах бугристых
Нет воронья в помине,
Нет воронья в помине,
А снегирей — полно.

Кровь сквозь бинты напомнит
Алая снегирия,—
Так над седой могилой
Розы вовсю цветут...
сшиблись, как две лавины,
Франция и Россия,
Франция и Россия
В схватке смертельной тут.

Был напряжён Кутузов,
Собран Барклай де Толли,
Багратион смертельно
Ранен,— грузинский брат...
Кто там с Наполеоном? –
Фадька[1] Булгарин, что ли?
Ишь ты, мундир — навырост,
Нов и великоват.

Вдруг заскользят виденья
По белоснегу юзом,
И повезёт сраженье
Душу в Бородино,
Чтоб ощутил себя ты
Русским или французом,
Русским или французом,—
Третьего не дано.

К ДВУМ

«Пляши: три прихлопа, четыре притопа!» —
Ручного медведя юдоль тяжела...
С оружием вторглась в Россию Европа,
Чтоб, выстояв, Русь по Европе прошла!

[1] Фадька — Фаддей

Живуче, в Европе сужденье осталось,
Как мшистый валун посредине двора:
В России, мол, дикость медвежья, отсталость,
И в людях угрюмых — ни капли добра.

Поведай, поэт, рукописно глаголя:
Сколь пролито крови на бранных полях…
Закончился бой Бородинского Поля,
Военный совет в подмосковных Филях.

Поставлена участь России на карту,
Кутузов медлителен, будто ленив…
Решили: оставить Москву Бонапарту,
Чтоб армию всё ж сохранить, отступив…

Морозы крутеют, растут, неустанны,
И каждый из нас — наособицу лют,
В леса подались мужики — в партизаны,
Угрюмо и яростно ворогов бьют.

Сорока летает с подслухом, подглядом,
И новость с хвоста устремляется вниз:
Уже партизанит, мол, с конным отрядом
Гусар залихватский — Давыдов Денис.

Как праведна сила народного гнева!
Питомцы взлелеянной Русью земли,
Отвар зверобоя хлебнув для сугрева,
Гуськом отмороженных пленных вели.

Вели потайными путями лесными,
Штыком подгоняли пройти непролазь,
И — вскоре жалели французиков, с ними
Последней краюхою хлеба делясь.

В глазах конвоиров не скупость,— сиянье,
Оно, европейцы, лучится и к вам…
Кутузов сказал: «Таковы россияне!»,
И что же добавить к двум этим словам?

ДВУКРЫЛКА

Внезапность

Дремуч
Сад,
И вдруг —
Взрыв:

Гремуч
Град
Вокруг
Слив.
Настиг
Тишь
Врасплох
Град.
Под крик
Крыш
Оглох
Сад!

Лира

На лире не бряцал я что есть сил:
Краесогласий изучив азы,
Её, овальнобёдрую, носил
У сердца, чтобы спрятать от грозы.

Но мамонтами громы шли за мной,
Но молнии вставали на дыбы,
И — падали, дымясь, на шар земной
Расколотые надвое дубы.

Листва и щепки сыпались, как хлам,
На лежбище древесных мёртвых тел…
И вдруг метнулась молния на храм,
И — колокол со звонницы слетел:

Кричал-зычал, как влёт подбитый вран,
И — ткнулся в землю медногубым ртом…
В порыве, сердце оградив от ран,
Я лирой заслонился, как щитом.

В ОБНИМКУ

Сбежав из туч вихрастых буйно,
Дождь не вернулся к небосводу –
Влетел в залив тысячеструйно:
Вода притягивала воду.
Шепнула юной нови древность:
Мол, знай, тут есть, небоязлива,
Своя любовь и даже ревность
В глубинах Финского залива!
Вот притомила усталь око,
И рыбам — не до благодати:
До нерестилища далёко
Им плыть-спешить к реке Ояти…

К засадам подлым зла и лиха
Лососи шли упругим стадом,
Неразбериха-непоймиха:
Кто рядом с кем, а кто не рядом?
У браконьеров — хватка рьяна,
Взрасти матёрой довелось ей!
И защитить рыбоохрана,
Увы, не сможет всех лососей.
Густых громов басы певучи,
Как богатырских гуслей были…
И — молний щупальца паучьи
Схватить лососей норовили,
Шипели гасли, как шутихи…
Лосось влюблённо, без мороки,
Мечтал икринкам лососихи
Отдать обильные молоки,
От плавников усталых перист…
С ним шла подруга в сплотке гибкой
На смерть и на предсмертный нерест
С обворожительной улыбкой!

НЕ ПОЙМЁТ?

Сараи. Новгородская окраина.
Плетни. На них — ольховая окалина.
Вдруг перегорлопанит парень певня?
Окраина — она почти деревня.
Спят под навесом борона и плуг.
Бор невдали, за ним — отгонный луг.

Зачем ревмя реветь? Ведь будет лужина!
«Дурёха! Неумёха!! Неуклюжина!!!» –
Набор бранчливый у подпаска хлёсток:
Девчонка угловатая, подросток,
С утра ему в помощницы дана,
Телёнка упустила в бор она…

Семь лет прошли размеренной походкою,
Красивой обернулась новгородкою
Девчонка угловатая, подросток.
Подпасок стал плечист, как перекрёсток,
Шептал ей у вечернего плетня:
«Ты до сих пор в обиде на меня?»

Остёр зубец чеканный полумесяца,
Кукушек оры нянчит перелесица,
Отавой дотянулась аж до тына
Казнённая косою луговина,
Графинчик у влюблённого в руке
С настойкой на бессмертнике-цветке.

Хотя в душе была обида длинною –
Прощён ты, парень, коль пришёл с повинною,
И осознал недаром, значит, всё ты.
Созвездий опрокинутые соты
Густых лучей обильно цедят мёд…
Да разве ж сердце сердце не поймёт?

И ВСЁ Ж

Июнь отторгая, на землю рассветную с неба
Упали внезапины рыхлого цепкого снега.
Листва и снежины. Я сделал цветной фотоснимок! –
Отзимок…

Отзимок слизнуло рукастое солнышко полдня,
И вновь соловьи, песнопеньями рощицу полня,
Прочистят гортань, а замолкнут, как вымерший улей,
В июле…

Осеннее вёдро дожданного бабьего лета,
В черёмухах — дружная белая густь позднецвета,
Пчелино-шмелиные пляски на празднестве веток –
Отлеток…

А где ж соловьи? — улетели от бабьего лета!
Я старше тебя, не сорву я и гроздь пустоцвета,
Не жди. Не приду на свиданье. Мой честен поступок –
Отлюбок…

КИВОК

Ах, как над излукой терпелив
Кощей,
Паренным горохом прикормив
Лещей!
На крючок насажен червячок
С утра,
Ждёт Кощей удилища кивок,—
Пора!
Быть поклёвке дружной посему
Вот-вот!
Кукиш кажет Водяной ему
Из вод:
«Зря сюда суёшь ты, интриган,
Свой нос,
Ты мне самогона хоть стакан
Поднёс?
Лучшую русалку я отдал
Тебе,

Ты ж — ничем не делишься, удал
В судьбе!
Вот сидишь тихохонько — как мышь,
Небось?
Кованный багорик свой в камыш
Забрось –
Не зацепишь радостно под вздох
Леща,
Отирал напрасно ты горох,
Луща!
Пусть соплиной выстрелит в платок
Ноздря!»
Ждёт Кощей удилища кивок,
Но — зря..

ДВЕ ЖИЗНИ-ТО

Была дряхловатой двускатная крыша,
Вся дранка — в прорехах, кургузая, голая.
Зубами вцепилась чердачная крыса
Во правую ногу вздремнувшего голубя.

Что ж, странным случайностям нету предела,
И страх прокатился дрожливо по горлу, нем,
И крыса, что зубы разжать не успела,
Взлетела в зенит с обезумевшим голубем.

Мальцы вездесущие, пальцами тыча,
Глядели, смеясь, в небеса неоглядные,
Крича вразнобой: дескать, крыса — добыча,
Мол, голуби нынче у нас — плотоядные!

Он крысе выкрикивал: «В смертушку канем,
Прощаемся с жизнью,— и сладкой, и горькую!»
Устал он, и — оба-два рухнули камнем
На камни, лежащие острою горкою.

И оземь так бьются порой вертолёты!
Забудутся были, забудутся небыли,
И небо не вспомнит, расширя высоты:
Две жизни-то — были, а словно бы — не были...

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

Невидимки

К 75-ЛЕТИЮ РУСТЕМА КУТУЯ

В документальной повести Александра Воронина «Невидимки» рассматривается проза известного казанского писателя, поэта, переводчика Рустема Кутуя (1936–2010), сына классика татарской литературы Аделя Кутуя. В повествовании представлена панорама жизни в Казани с тридцатых годов прошлого века по настоящее время.

Известность к Рустему Кутую пришла в начале шестидесятых, когда в Казани и Москве вышли первые сборники его рассказов о военном детстве. Его двоюродный брат Диас Валеев как драматург прославился в семидесятые годы с пьесами «Дарю тебе жизнь!», «Диалоги» и другими. Их друг Виль Мустафин стал публиковать свои стихи лишь в конце восьмидесятых, а первые книги издал в последнем году уходящего тысячелетия... Несмотря на то, что творческие взлёты трёх товарищей пришлись на разные годы, тем не менее, у них было много общего — родной город, одно литобъединение и многолетняя дружба. И из жизни все трое ушли практически в течение года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТЕЦ

Первой татарской книжкой, которую я читал в своей жизни, были кутуевские «Приключения Рустема». Когда я переехал из Самары в Казань, услышал в трамвае: «Следующая остановка — улица Аделя Кутуя», — и вспомнил ту чудную повесть о мальчике, который наелся цветов папоротника и стал невидимым. Устроившись на работу в журнал «Казань», познакомился с Аделем Кутуевым — внуком классика татарской литературы. А потом и с его отцом, работавшим в той же редакции. Позже Рустем Кутуй написал мне рекомендацию на вступление в Союз российских писателей. А когда в Рождество 2010 года я узнал, что его не стало, то снова вспомнил про ту детскую книжку и решил её найти.

Спасибо заведующей отделом обслуживания городской библиотечной системы Людмиле Викторовне Соловьевой, которая по компьютерному каталогу выяснила, что «Приключения Рустема», изданные Таткнигоиздатом в 1964 году тиражом в 150 тысяч, сохранились в единственном экземпляре на всю Казань — в филиале № 29 на улице Восстания. Да и тот поступил в детскую библиотеку случайно, пять лет назад его принесли взамен утерянной книги... С тех пор потрёпанную книжицу никто не брал почитать — я оказался первым.

Если верить каталогу Научной библиотеки имени Н. Лобачевского, то, кроме упомянутого издания 1964 года, на русский язык у Аделя Кутуя перевели лишь повесть «Неотосланные письма». Эта повесть стала, конечно, самым известным произведением в татарской литературе, шутка ли — сорок переизданий! Появившись в русском переводе в 1945 году сразу после смерти поэта-солдата, она потом переиздавалась пятнадцать раз, кроме того, вышла шесть раз на татарском, трижды на китайском, а также — по разу — на чешском, чувашском, башкирском, марийском, киргизском, казахском, узбекском, каракалпакском, арабском, корейском, албанском, монгольском, вьетнамском, французском, английском языках. Это ли не слава! Вот только помимо прозы Адель Кутуй писал футуристические стихи и соцреалистические пьесы, рассказы и стихотворения в прозе... Неужели у него не оказалось больше ничего достойного для перевода? Я не литературовед, не мне решать — что достойно перевода, а что без перевода переживёт (всех нас). Я лишь рассказываю историю своего знакомства с Рустемом Адельшевичем и Аделем Рустемовичем Кутуевыми, описываю свои путешествия по кутуевской прозе. И приглашаю всех стоявших на той же трамвайной остановке прокатиться вместе с нами.

ПОЕХАЛИ!

Ровно пятьдесят лет назад Юрий Алексеевич Гагарин совершил первый полет в космос. Это стало началом новой эры в истории человечества. В том же году в славном городе Казани состоялось куда менее звёздное событие — вышла первая книга молодого писателя Рустема Кутуя «Мальчишки».

Не пытайтесь в этом сопоставлении отыскать авторскую иронию — я всего лишь обозначаю место и время, указываю точку отправления в путешествие. В конце концов, если верно утверждение, что в творчестве любого большого писателя нам откры-

вается новый самобытный мир, неизведанная вселенная, то такое сравнение может оказаться вполне уместным. Тем более, в Казани когда-то работал в «шарашке» заключённый Сергей Королёв, здесь строили первые космические ракеты Р-1 «Волга» — и всё это происходило практически на соседней улице с домом № 33 по улице Комлева (ныне — улице Муштари), где родился наш герой.

Перед самой смертью выйдут его воспоминания в литературном альманахе «Аргамак. Татарстан» (№ 2, 2009), где Рустем Кутуй опишет три самые ранние воспоминания об отце. Воскресное утро. Мама ушла на еврейский рынок, сын забрался к отцу под одеяло. Фарфоровая пепельница в виде собачки — папа погасил папиросу. Щенячьи восторги сына, возня, игра. Потом отец поторопил: пора к печи, надо греть чайник, мама вернётся с холода... И запомнившиеся на всю жизнь слова отца:

— Возле печи хорошо босиком.

Адельша знал это чудное ощущение, всё же вырос в деревне. Тогда она называлась Татарские Кынады и располагалась в Кузнецком уезде Саратовской губернии, ныне на картах обозначена как село Татарский Канадей Пензенской области. В тех краях вообще немало татарских селений, не случайно там расположено самое крупное поселение российских татар — Юрюзань.

Немало татар проживало и в соседней Самарской губернии, куда дед Нурмухамед переехал со своим многочисленным семейством (Адельша был шестым из восьми его детей) в 1912 году, поступив на кожевенную фабрику Кутуевых в селе Алексеевском Бузулукского уезда. Видимо, поэтому в тридцатые годы Кутую припишут происхождение из фабрикантов? Хотя, возможно, наоборот, до этой фабрики их семья обходилась без фамилии. Ведь известно, как татарам вписывали фамилии и отчества в российские документы. До сих пор у многих старожилов отчества совпадают с фамилией.

В революционном семнадцатом семья перебралась на станцию Кряж под самой Самарой (в том городе сорок лет спустя родится ваш покорный слуга, а на том Кряже в летнем трудовом лагере научится курить), Кутуевы заняли брошенный хозяевами дом. Адельша со старшей сестрой Зайнуль закончили трудовую школу и поступили на подготовительные курсы Самарского университета. Зайнуль пошла на медицинский, Адельша — на экономический факультет. Параллельно занимался в литературном объединении при Доме печати под руководством известного писателя Александра Неверова и в театральном кружке при Татарском клубе.

В Самаре и сегодня живёт много татар. В нашем подъезде жила семья Ахметовых, их дочь Валечка ходила со мной в одну садиковую группу. Позже я узнал, что она по документам не Валентина, а Валия. В нашем подъезде также жила большая чувашская семья Николаевых, с их Сашкой мы дружили и все трое учились в одном классе. Типичное для Поволжья соседство.

Свои первые стихи Адельша Кутуев написал на русском языке, под впечатлением революционной поэзии Владимира Маяковского. В этом кратком биографическом путешествии — с небольшими автобиографическими перекрёстками — мы можем наметить ряд интересных параллелей в судьбе отца и его ещё не родившегося сына. Рустем тоже будет писать стихи на русском языке и заниматься в литературном объединении при Доме печати, только не в Самаре, а в Казани — под руководством известного писателя-фронтовика Геннадия Паушкина.

Когда Самарский университет закрылся, Адель решил переехать в Казань — туда тогда тянуло молодых татар со всей Советской России, поскольку родной язык в только что сформированной Татарской автономной республике сохраняли и активно развивали. Позже сын Рустем уже не станет писать по-татарски. В годы Великой

Отечественной войны в Казани практически не останется школ и институтов, где преподавали на татарском языке.

В начале двадцатых годов Адельша такой вуз застал. Проучившись два курса на химфаке, он перевёлся в Казанский восточный педагогический институт, впрочем, на отделение русского языка и литературы. Любовь к «великому и могучему» ему привили в самарской школе имени Льва Толстого, а Неверов её укрепил.

В 1923 году начинающий татарский поэт встретился в Москве со своим кумиром Маяковским — и прочитал ему свой перевод «Левого марша». Очевидно, Владимир Владимирович своего татарского «фаната» поддержал, потому что Кутуй вскоре создал в Казани свой «левый фронт искусств», по аналогии с ЛЕФом — возник СУЛФ. Вряд ли со стороны Адельши это было самозванством, можно предположить, что сам Маяковский эту идею благословил. Одна за другой у Кутуя в Казани выходят книги, в газетах — статьи и рецензии на спектакли, у поэта появляется много поклонников, сторонников, единомышленников. Сорок лет спустя так же стремительно ворвётся в литературную жизнь Казани его сын Рустем. И тоже будет ратовать за новые формы в поэзии...

Адель Кутуй в литературе ощущал себя революционером. Старое поколение творческой интеллигенции смыло волной эмиграции, остальных скрыли подвалы ЧК, а молодые увидели впереди широкую, расчищенную дорогу строительства новой жизни и нового искусства. И Кутуй шёл впереди, во всяком случае, за пять лет сделал себе литературное имя. По рейтингу журнала «Безнен юл» («Наш путь») за 1927 год (буржуазного слова «рейтинг» тогда, понятно, не употребляли, но все остальное было как всегда) он был включён в пятёрку наиболее значимых, по мнению редакции, татарских писателей 20-х годов 20-го века — наряду с Хади Такташем, Кави Наджми, Хасаном Туфаном и Гумером Тулумбайским. Добавим, все они были товарищами, новаторами, ниспровергателями. Им даже Габдулла Тукай тогда казался буржуазным!

Отношения в литературе всегда выстраиваются сложно и противоречиво, для российской литературной жизни вообще характерно не мирное сосуществование различных течений и группировок, как на буржуазном Западе, а их взаимооталкивание и развитие через борьбу противоположностей. В те пламенные годы все это было к тому же замешано на революционной экзальтации. Вот, скажем, Адель Кутуй с Хади Такташем были друзьями, даже свадьбы сыграли в один день, однако это не помешало Кутую устроить показательный суд над своим другом и единомышленником. Впрочем, не пугайтесь, «суд» в те годы был популярным жанром литературных вечеров. Сегодня на «музыкальных рингах» тоже не машут кулаками.

Коли мы отвлеклись, попрошу взглянуть сквозь запылённое трамвайное окно в послевоенное будущее. Рустема Кутуя тоже будут причислять в 60-е годы к поэтам «новой волны», которая поднимется в Казани как отголосок московской поэтической оттепели. Известно, каждое новое поколение ищет новые формы. Это касается не только стихов, но вообще способов самовыражения. Молодым обязательно надо — хотя бы причёской — отличаться от предыдущего поколения.

Роковые тридцатые годы для новой волны татарской литературы начались с выстрела в московской квартире Владимира Маяковского 10 апреля 1930 года. Его самоубийство у некоторых историков и сегодня вызывает определённые сомнения. Намекают на некого соседа по коммунальной квартире, который оказался в комнате поэта почему-то раньше Полонской. Прекрасная Вероника — возлюбленная Маяковского и супруга знаменитого актёра МХАТ Михаила Яншина — только что вышла на лестницу, торопилась на репетицию, но услышала выстрел, вернулась и увидела поэта лежавшим на ковре с дыркой в груди. Он ещё был жив, но ничего уже сказать

не смог... Так сам себя убил «певец революции» или ему «помогли»? Тайна покрыта мраком. Но известно, что сразу после смерти Маяковского его стихи перестали издавать, его имя надолго исчезло со страниц газет. Татарскому футуристу Кутую тоже поспешили сшить политическое дело. Адельшу арестовали в феврале 1931 года, обвиняли в создании татаро-башкирской контрреволюционной организации «Джидеген» (переводится как «семёрка», «Большая Медведица» — самое известное созвездие из семи звёзд), вместе с ним на «Чёрном озере» оказались Абдрахман Минский, Сайфи Кудаш, Сагит Агишев, Наки Исанбет. Со слов последнего запишут в протоколе такие слова: «Кутуй — типичный карьерист, горлопан и политический авантюрист, сын фабриканта». В протоколах допросов Аделя Кутуя в адрес товарищей тоже прозвучит немало подобных высказываний. Впрочем, заполненные рукой следователя протоколы вряд ли можно считать прямой речью подследственных, сейчас уже никто не поручится, насколько дословно фиксировались их показания.

Время изменилось — и то, что было обычным делом в двадцатые годы (резкость суждений, непримиримость критики даже по отношению к друзьям), в тридцатые станет поводом для политических выводов, а порой обвинительным пунктом в смертном приговоре. Тем не менее, «дела» сфабриковать не удалось. Выяснилось, что в 1928 году Кутуй встретился с уфимцем Ченекаем, они и создали «семёрку», проще говоря, молодые татарские поэты обещали помогать друг другу с публикациями казанцев в Уфе, а уфимцев в Казани. Да и сотрудничество их особо не продвинулось. Через восемь месяцев дело на «Чёрном озере» зашло в тупик. Кутуя и его товарищей выпустили. Однако перестали печатать. От него отвернулись друзья, даже Хади Такташ умер (в декабре 1931 года от жестокой простуды) в убеждении, что друг — предатель. Годы спустя Ахмет Исхак рассказывал Рустему Кутую, как отгонял его отца от гроба Хади Такташа («... друга, товарища отодвинул. Ах, понимаешь ли, бараний лоб подвёл, шайтан подтолкнул!»). Впрочем, Адель Кутуй все равно пролез сквозь кладбищенскую ограду и бросил горсть земли на гроб друга...

О событиях литературной жизни в Казани тех лет много чего рассказывают. Приходилось слышать, будто в Такташа стреляли — и заказчиком убийства был якобы всё тот же завистник Кутуй! В воспоминаниях очевидцев, в устных свидетельствах даже из той сравнительно недавней истории остаётся столько белых пятен, столько субъективных домыслов и вымыслов! Складывается впечатление, что татарскую интеллигенцию тридцатых годов нарочно перессорили, запутали перекрёстными допросами и доносами. На «Чёрном озере» тогда не применяли мер физического воздействия (их разрешат лишь в 1938-м), значит, чекисты вынуждены были выбивать признания не пытками, а более изощрёнными методами, используя в том числе клевету и наветы. Надо ли говорить, что любой протокол можно написать и пришить к делу, а сделать подпись арестованного внешне похожей вообще не составляет труда. Да и зачем подделывать подписи графологически точно, если документы все равно засекретят на долгие годы — и никто, кроме архивных мышей, их не увидит?

На наш взгляд из далёкого трамвая времени, важнее понять причины перемен. Почему на смену бурным и плодовитым двадцатым годам пришли свинцовые тридцатые? Откуда всё пошло? Известно, что чистки в писательских рядах Татарии начались осенью 1929 года. По России тогда прокатилась крестьянская война, о которой горожане ничего практически не слышали. Части НКВД и спецотряды Красной Армии подавляли мятежи, сжигая целые деревни. У единоличников изымались не излишки хлеба, а всё имевшееся зерно без остатка. Подавление сопротивления сопровождалось насильственным «околхозиванием» и «раскулачиванием», причём часто раскулачивали не «мироеда», а просто соседа, который мало пил и много работал,

а порой подгоняли число раскулаченных для галочки, чтобы районному начальству отчитаться. Вскоре эти перегибы породят страшный голод в Поволжье, голодомор на Украине — и это в главных житницах России! На фоне тех страшных событий, миллионов загубленных судеб, согласитесь, чистки творческих организаций, искоренение писательского инакомыслия (не на философском уровне, а лишь по внешним формальным признакам) выглядят малой каплей в море человеческого горя. Ну, арестовали десяток-другой писак... Впрочем, применим и иной масштаб: судьба избранного эпохой поэта — это тоже национальная трагедия.

Аделя Кутуя не печатают, фактически его отлучили от литературы. Он преподаёт, работает на радио. Потом до Сталина всё же дошло письмо Лили Брик, на котором вождь оставил резолюцию, дескать, Маяковский остаётся крупнейшим поэтом современности. И сразу «певца революции» вернули на пьедестал, а его произведения — в школьную программу. Следом и Аделю Кутую в Казани разрешат печататься. Только из поздних его сочинений исчезнут сатира и революционный пыл, взамен появится лирическая глубина. Очевидно, так проявился не только личный уход от политики и борьбы, но и некие объективные изменения, общие запросы и ожидания, витавшие в воздухе. Не случайно эпистолярная повесть про любовь вдруг станет так популярна у читателей.

Сын Рустем появился на свет в один год с повестью «Тапшырылмаган хатлар» — «Неотосланные письма», сделавшей его отца знаменитым. Адель Кутуй вернулся в литературу — и привёл туда за руку сына.

ДОВОЕННЫЙ ВИД ИЗ ОКНА ТРАМВАЯ

Ходить Рустем учился в деревеньке Кызыл Байрак, что находится за Волгой, ниже по течению. Там семья проводила лето. Детские воспоминания сохранили в памяти самовар на траве и клетчатое покрывало, расстеленное на земле в качестве скатерти-самобранки. Рядом отец и мать, молодые и счастливые. Вряд ли у годовалого малыша могли сохраниться такие ранние воспоминания, возможно, в памяти сохранились картинки, возникшие на основе поздних рассказов матери о том счастливом лете. А если довериться кутуевской прозе, то самовар и клетчатое одеяло появятся совсем в другом месте — в дачном посёлке Займище, на нашем берегу Волги, сразу за посёлком железнодорожников, который назвали в честь какого-то революционера Юдина. Во всяком случае, лирический герой повести «Годовые кольца» связывает те воспоминания именно с той дачей. Оттуда, повзрослев, наш герой любил совершать лесные прогулки до другой пригородной станции — Обсерватории, где сейчас я пишу эти строки.

Где бы ни стоял тот довоенный самовар, разумеется, сейчас те места выглядят далеко не так, как раньше, с какого берега реки ни погляди. Казань детства Рустема Кутуя географически отличается от той, что мы видим нынче. Начнём с того, что границы города тогда заканчивались Архангельским и Арским кладбищами, потом погосты очутились чуть ли не в центре Казани. Нынешние очертания береговых линий Волги и Казанки также изменились значительно — в результате создания Куйбышевского водохранилища.

В нашем путешествии придётся мысленно реставрировать иную картинку в трамвайном окне, можно чёрно-белую, как в старой кинохронике. Представьте, что в историческом центре ещё нет высоток университета, нет здания оперного театра, нет хрущёвок на улице Красная Позиция... В этой ретроспективе город сжимается

на глазах, народонаселение уменьшается раз в десять. И вот мы видим дореволюционные дома, в основном двухэтажные деревянные. Хотя на улице Карла Маркса, бывшей Грузинской, немало было и каменных домов, но попадались и гибриды — первый этаж кирпичный, второй — бревенчатый.

Вот дом на улице Муштари, бывшей Комлева, ныне в нем поликлиника РАН. Он сохранился почти в первозданном виде, хотя во дворе уже нет деревянного флигеля, в котором жили Кутуевы. Если пройти немного дальше, то выйдешь к усадьбе Сандецкого, где ныне находится изомузей, а в годы войны располагался туберкулёзный диспансер, который возглавляла старшая сестра Аделя Кутуя — Зайнуль Нурмухаметовна Валеева. На довоенной картинке напротив дивной усадьбы, понятно, нет ещё бетонной коробки выставочного зала Союза художников. И музея Василия Аксёнова ещё не построили, ведь сам Вася только-только в школу пошёл...

«Среди деревянных построек виднее был уклад жизни, как гнездовье. Жизнь сама по себе была одноэтажна, сближена порогами, плачами, праздниками. Её укромность прочитывалась скорее как стыд, отсюда перегородки, закутки», — писал о том времени Рустем Кутуй в авторском предисловии к книге избранных произведений «Смеюсь, задыхаюсь и плачу» (Казань, Таткнигоиздат, 1996), последнем сборнике своей прозы. Та старая довоенная Казань была достаточно тихой и патриархальной, ближе к университету больше профессорской, ближе к озеру Кабан — все больше с суконным рылом. Там были слободы — последней с лица казанской земли исчезнет самая большая из них — Суконная, в память о ней останется нам лишь название станции метро...

Своим делом старые мастера гордились, это была даже не профессия — судьба, переданная по наследству от отца и деда. «Разумел ли я, что умирают, сходят ручьями целые сословия мастеровых людей? Краснодеревщик жил через дорогу, — вспоминает далее автор, — от него всегда пахло лаком, тёмной тоской дерева сияли глазки: где он добывал это неведомое красное дерево, почиталось тайной, совершеннейшим секретом. А лудильщики, стекольщики, точильщики ножей, старьёвщики, портные, сапожники — не успел обернуться, как и не бывало!»

Не успели мы отвернуться от трамвайного окна в прошлое тысячелетие, как на наших глазах исчезли казанские низы, причудливые изгибы улочек вдоль улиц Касаткиной и Федосеевской, которые ещё в семидесятых годах сохраняли свой дореволюционный дух. Даже «Мосфильм» приезжал снимать на этих старых склонах художественный фильм о юности кого-то из революционеров. Тут же, недалеко от главной площади, до войны находился знаменитый еврейский базар. Разумеется, там торговали не только евреи (как и ныне на вьетнамском рынке торгуют не вьетнамцы), по сути это была толкучка, «блошиный» рынок, потом, в восьмидесятые годы, здесь насыпали холм и возвели Ленинский мемориал, который в народе сразу прозвали «крематорием» (ныне там — национальный культурный центр «Казань»). От деревянной Федосеевки, где в 1976-м я полгода снимал угол, остался лишь старый храм, а вокруг выросли особняки нефтяных корольков.

Внешний облик Казани формировали, как известно, архитектурные акценты. Самыми высокими строениями были колокольни сорока церквей и монастырей, а также минареты семнадцати мечетей. Социалистические преобразования двадцатых и тридцатых годов ещё не поменяли кардинально облик центральной части города, разве что культовые памятники сносили ударными темпами. На месте божьих храмов возникали храмы науки, скажем, когда снесли величественный Воскресенский собор, стоявший наискосок от университета, на его месте (и на его тесте) вырос химфак КГУ. Жилищное строительство двигалось медленнее и массовым его называть

не приходится. Не хватало средств, не хватало стройматериалов. Из полученного при разборке соборов камня строили на тех же фундаментах жилые многоэтажные дома. Квартиры в них давали в первую очередь «своим», спецам, ценным кадрам — в общем, новой элите. По свидетельству известного гитлеровского военачальника Гудериана, посетившего Казань с краткой инспекторской проверкой, город был в большом запустении — разве что фасады вдоль центральных улиц подновляются, а новое строительство отличается гигантоманией и долгостроем. Вспомним, в 1939 году СССР и Германия подписали пакт о ненападении, фактически два режима начали сотрудничать в экономической, военно-промышленной и иных сферах. В Казанском танковом училище проходили подготовку немецкие курсанты, которых приезжал навестить Гудериан. Многие из них очень скоро станут воевать против своих учителей, но пока фашисты занимали западноевропейские столицы, а советские войска «мирно» входили в прибалтийские государства, Западную Белоруссию, Бессарабию — о войне никто ещё не думал.

Так что внешне Казань довоенная мало отличалась от дореволюционной. Новая жизнь громыхала разве что в Соцгороде. Новый город задумали как образец другого быта, счастливого и справедливого бытия и, наверное, правильно рассудили, что для чистоты эксперимента лучше будет начинать с чистого листа, на голом месте. Для «города Солнца» выбрали возвышенное место на другом берегу Казанки, на самом горизонте, если смотреть с Подлужной горы, от Фуксовского садика. Туда ходил трамвай «девятый номер» («в том трамвае кто-то помер!» — пели пацаны). Там, за лесом, воздвигали Авиапром — гигантский завод, который позднее разделится на три производственных объединения: авиастроительное, моторостроительное и вертолётное. По замыслу строителей нового социалистического уклада оттуда должна была рвануть в небо новая Казань — с красивыми большими кварталами, широкими проспектами и прекрасной справедливой жизнью.

Всеобщее счастье достроят, увы, в далёком будущем, сейчас туда тянут ветку метрополитена, в Авиастроительном районе до сих пор идёт активное жилищное строительство, там казанцы, внуки тех первопроходцев, получают квартиры по программе социальной ипотеки. В тридцатые тоже строили жильё «эконом-класса», была и своя социальная жилищная программа — простая и эффективная. Власти просто «закрывали глаза» на самострой, когда понаехавший на ударную стройку со всей страны разномастный люд стал наскоро и незаконно сооружать себе хибарки, насыпушки, петлявшие кривыми улочками по болотам Заречья. В народе тому массовому заселению придумали хлёсткое название — «нахаловка». Один из таких «нахальных посёлков» казанцы прозвали Грязью, конечно, за непросыхающие улочки — её остатки до сих пор ещё не снесли! Кстати, в одном из тех домишек ютился в детстве будущий Президент России Борис Ельцин.

С другого края Грязи, справа от Кизического монастыря (его знаменитый погост, где покоится дед Льва Толстого, снесут в 60-е годы — накануне визита Никиты Хрущёва), за Козьей слободой, в такой же насыпушке всю жизнь прожил мой дядя Пётр Куренков. Мы с мамой у него остановились, когда я приехал поступать в театральное училище. В том далёком 1975-м дядя не без гордости поведал, что их «нахальную» Савинку собираются сносить. Но ещё четверть века пришлось дожидаться обещанного, когда ветерану войны дадут квартиру в унылой девятиэтажке в Новой Савиновке, в спальном массиве, который казанцы продолжают звать бездушно — Кварталами.

Ныне от НКЦ, из Фуксовского сада, открывается грандиозная панорама — всё Заречье застроено плотно, жилые микрорайоны теснятся вперемежку с заводскими корпусами и дымящими трубами теплоцентралей. Увы, немногие ныне помнят, как

красиво смотрелись тогда эти дали: озерца, болотца, отдельные деревца и целые деревеньки! На том берегу реки гнездились дикие утки, водились даже зайцы — в начале восьмидесятых я видел их в прибрежных зарослях своими глазами.

Той довоенной Казани в прозе Рустема Кутуя практически не встретишь. «К началу Великой Отечественной войны мне не исполнилось и пяти лет. На мою долю выпал кровоточащий отрезок пути, насыщенный горечью, — продолжает Рустем Кутуй (там же). — Быт тяготел к простоте, нужда заставляла обходиться малым — драгоценным был необходимый предмет, без которого ну, как без глаз! Какая роскошь, откуда ей быть, что она такое? На фоне этого и явилось слово. Ведь слову надо было прежде оторваться от речи, чтобы стать найденным звуком. До чего просто и ошеломляюще... Почему наивное пьянит и услаждает сердце: «Живу ли я, умру ли я — я мошка все ж счастливая...» Так детский рисунок правдив неумелостью, простодушием. Примитивисты играют, а дети проживают. Искусство — не выделывание красоты, а угадывание сообразности. Морозное окно являло для меня картины необыкновенные. Я что хочешь мог вообразить, расширить мир, населить его, умножить, довосполнить. А быт укрощал фантазию привычностью, определённостью. Поэтому мыслить картинами для меня предпочтительнее, чем преследовать нравоучительные цели».

Давайте и мы в нашем трамвае времени последуем этому примеру — постараемся рассмотреть картинки былого за окном, не отвлекаясь на эмоции и суждения. Для начала вспомним, что Булак тогда впадал в Казанку. Да, ныне трудно представить, что по этой узенькой протоке, которая сейчас считается Булаком, когда-то ходили пароходики. Но ведь так было. Булак был короткой рекой, всего два с небольшим километра, вытекавшей из озера Кабан и впадавшей в Казанку.

Рустем Кутуй нашёл для неё другое слово — «пороpока». «В природе есть такое явление: река по непонятным причинам начинает движение вспять, — пишет он в том же предисловии. — Так похоже на мои блуждания. Возвращение — какой-то обязательный ритуал, путь к соборной чистоте...». Впрочем, другие авторы привыкли называть пороpокой лишь нижнее течение Амазонки, которую морские приливы заставляют течь в обратном направлении, а не все реверсивные реки. Хотя это название было бы справедливо по отношению к прежнему Булаку. Его волны весной гнало вспять половодье, когда весенний разлив распирал Казанку почти до тех размеров, какой мы её видим сегодня. Талая вода перетекала в Нижний Кабан, из него в Средний и Дальний. К лету течение Булака возобновлялось — и река снова впадала в Казанку, возвращая ей взятые в долг воды. И сама Казанка возвращалась в старое русло, сравнительно неширокое, распадавшееся к устью на рукавчики и протоки. А выше по течению Казанка была неширокой, там даже был пешеходный деревянный мост, который казанцы прозвали Коровьим. По нему из центра Казани жители водили коров пастись на заливные луга Козьей слободы... Сегодня уже не верится, что каких-то тридцать-сорок лет назад горожане держали во дворах скотину. Жили трудно, потому и курочке в сарайчике были рады. Перечитайте рассказ Рустема Кутуя «Тауфик и корова Резеда». Там мальчик мечтает завести корову и пасти её в Лядском саду. Это не фантастический, заметьте, рассказ. Вполне реалистический. Кутуй писал, как акын, только то, что видел лично.

А вот Тауфику, как и автору рассказа, наверное, показалось бы фантастикой, причём самого дурного пошиба, если бы им сказали, что совсем скоро, к концу пятидесятых годов, Волга и Казанка разольются по весне — да так и не вернутся больше в свои прежние берега, что судоходный Булак — по примеру московской реки Неглинки — превратят в подземную реку Стикс, пустив её течение по огромным трубам (те, конечно, сразу и навечно забьются илом)... Исчезнут заливные луга, рачьи протоки, малые

острова. Знаменитый остров Маркиз в устье Казанки — излюбленное место отдыха горожан — скукожится до неприличия, к нему уже не станут подходить трамвайчики, а по вечерам на верандах его кафе-шантанов не будет звучать живая музыка... Остров станет необитаемым.

Как и прежде, во времена Некрасова, стон по Волге-матушке не стихает, хотя, наверно, уже поздно стенать и плакать. Волгу нам не вернуть, великая русская река (она же мерянская и марийская, чувашская и болгарская — Болга-Волга) окончательно задушена каскадом гидроэлектростанций, отсутствие течения и продолжающиеся сбросы нечистот все больше делают волжские воды безжизненными. Рыбе негде нереститься, малькам нечем дышать и кормиться, приходится их выращивать искусственно... Нет сил смотреть на эти безобразия, лучше вернёмся назад — в Казань начала сороковых.

МАЛЬЧИШКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Война началась для большинства обычных людей внезапно. Отечественной её назвали не сразу, и никто ещё не предполагал, что станет она Великой. Поначалу сообщение Совинформбюро о вероломном нападении гитлеровской Германии не вызвало среди населения ощущения надвигавшейся катастрофы. Воспитанные на советской пропаганде тех лет, что Красная Армия разобьёт любого врага «малой кровью на чужой территории», многие казанцы были уверены, что всё закончится уже через неделю, может, чуть позже. Как на Халкин-Голе. Молодёжь, подростки, пацаны даже радовались этому известию и уже мечтали, как тоже пойдут бить врага. Разумеется, более информированные граждане, сохранившие способность к самостоятельным умозаключениям, понимали: только что закончившаяся финская война (РККА споткнулась о «линию Маннергейма» и потеряла много красноармейцев убитыми и обмороженными), покажется лёгкой лыжной прогулкой в сравнении с фашистской военной машиной, которая захватила и поставила под ружьё чуть ли не всю Европу...

Несомненно, одним из таких здравомыслящих казанцев был татарский писатель, преподаватель русского языка и литературы Адель Кутуй. В первый же день он подал заявление в военкомат. Возможно, арест десятилетней давности послужил причиной того, что в добровольцы его не записали. Но всё равно забрали через полгода, когда от прежней Красной Армии (после летнего разгрома) практически ничего не осталось.

В каком-то смысле Аделю Кутую повезло. Всех, кто уходил на фронт в первые дни войны, сразу гнали на передовую — и подавляющее большинство татарстанцев-новобранцев погибло либо в первых же боях, либо в окружении, либо в плену. Так, не повезло моему деду Воронину Павлу Маркеловичу, которого призвал Апастовский райвоенкомат сразу же, как началась война. По воспоминаниям бабушки Варвары, полгода от него ещё приходили письма, но в начале сорок второго пришло извещение, что муж пропал без вести. Ни пенсии, ни льгот таким вдовам не полагалось — живи с тремя детьми как хочешь... Мой отец стал главой семьи в четырнадцать лет. А в сорок четвёртом сам пошёл в райвоенкомат. После автошколы был направлен на Берлин. На подходе к Варшаве их автополк услышал залпы Победы. Папа умер в 1971 году, так и не узнав судьбы своего отца. О ней совсем недавно мне рассказала тётя Тая: её внучка через интернет узнала — благодаря Михаилу Черепанову, заведующему музеем-мемориалом Великой Отечественной войны в Казанском Кремле, что Воронин П. М., уроженец села Бишево (1907 г. р.), попал

в армию генерала-предателя Власова, который бросил своих солдат в болотах под Ленинградом и собрал за рубежом Российскую освободительную армию. Шестьдесят лет спустя родным стало наконец известно, что Павел Воронин умер 15 января 1945 года в плену и похоронен в Потсдаме в братской могиле...

Кутуя Адельшу Нурмухаметовича призвали на фронт, когда забирали уже всех подряд. Он попал под Сталинград, где произошла самая страшная битва той войны. Пришлось не просто понюхать пороха в качестве рядового-артиллериста, сталинградцы заглянули на самое дно глазниц горгоны-медузы! Но и тут Кутую повезло, он выжил в том аду, хотя не раз был ранен. Командование представило Адельшу Нурмухаметовича к офицерскому званию.

В воспоминаниях сына начало войны нарисовано по-детски безмятежно: «Отец ушёл на войну, я был спокоен: побьёт врага и вернётся. Ведь меня укрепляли в этом. Подкатила беда и отхлынула. Потому стал я спокоен в глубине сердца, истинно — ангел-хранитель, как всякое дитя». В первый день войны герой его повести «Мальчишки» больше занят другим событием: мама разрешила ему держать в сенях собаку Шалуна, отбитого у друга-задиры — рыжего Сеньки. Мама ничего не сказала только что подравшемуся сыну, потому что началась война, взрослым было не до детских драк. А маленький сынишка был счастлив, что его, как взрослого, взяли с собой на вокзал — в час ночи!

Героев первых рассказов Рустема Кутуя, от имени которых часто ведётся повествование, объединяют общие мысли и чувства, нелёгкие судьбы и детали тылового быта. Однако не стоит всем персонажам приписывать автобиографическое начало, ведь автор не случайно давал им разные имена. Очевидно, мы имеем дело с неким собирательным образом, хотя и возможно, некоторые черты Кутуй списал с себя. Военное детство, первое осознание себя в грозовом мире, точнее, пространстве, которое нельзя назвать миром, потому что всё вокруг живёт по законам военного времени, первые утраты и обретения — эта тема станет основной в творчестве Рустема Кутуя.

Население кутуевской прозы, как и самой Казани тех военных лет, демографически своеобразно — в нём много детей, женщин и стариков. Ведь взрослые мужчины, если они не ушли на фронт, трудились по брони в цехах и закрытых «шарашках» практически безвылазно. Помню, мать мне рассказывала, как её старший брат — Иван Куренков, работавший на одном из военных заводов Казани, однажды выбрался на Колхозный рынок, чтобы выменять каких-нибудь продуктов к рабочему пайку. Там его и забрала военная комендатура. Не посмотрели на имеющуюся бронь, сразу отправили на фронт. Военкоматам уже некого было ставить под ружьё, потому и устраивали облавы. Почти полвека мы считали дядю Ваню пропавшим без вести, пока на мой запрос в Ленинградском военном архиве не выдали справки, что Куренков И. Я. геройски погиб при прорыве блокады... Кстати, до этого сорок с лишним лет родные его считали живым! Помню историю, будто кто-то из наших родственников, деревенских, после войны вдруг встретил Ивана Яковлевича на базаре в Казани. Якобы тот обрадовался, расспросил про своих сестёр (мою маму и мою крёстную), а когда его в ответ стали спрашивать, мол, как живёшь... Иван отвернулся и затерялся в толпе.

Таких чудесных историй в годы войны рассказывали множество. Всяких необыкновенных случаев и совпадений, забавных и трагических, а порой мистических, действительно, происходило немало. Видимо, мировая трагедия сконцентрировала массу народной энергии, наэлектризовала воздух, приблизила астральное пространство. И вот из того эфира перед маленьким Рустемом Кутуем однажды из орехового куста

вдруг явилась загадочная высокая женщина в одеянии широком, до пят, без швов и пуговиц, положила свою руку на стриженую детскую головку и сказала:

— Всё будет у тебя хорошо. До кого прикоснёшься — и тому станет не больно. А кто замыслит против тебя плохое, сам начнёт погибать.

«Она не простилась со мной, просто с глаз пропала, обметя рукавом лицо. И на её месте возник куст орешника, — вспоминает Рустем Адельшевич. — Война обострила чувства. Невероятные истории случались со всеми. Подробности приключений не уточнялись. Кому же я мог поведать о совершенно бесподобной женщине, чужой и точно бы приснившейся...»

С тех пор мальчик был совершенно спокоен и верил, что с отцом они обязательно свидятся. Как и все мальчишки во дворе, сын ждал отца. Думал о нём, засыпая. Вспоминал только ему одному запомнившиеся моменты. Увы, не так много их сохранила детская память. Но в них папа оставался таким родным, надёжным, спокойным. Одно из самых ранних воспоминаний согревало сына всю долгую жизнь: «... скрипят, ползут салазки. Меня везут из больницы после скарлатины. Я вижу только ноги, натянутую верёвочку и взрыхлённый снег. Мать, отец. Верёвка крепкая, не лопнет от натуги, да и я не больно тяжёлый, небось полегче мешка с картошкой. Вот так бы везли, везли, хоть на край света. Вдвоём. А я бы, сбережённый, покачивался в санках, в тугом коконе одеяла... Ноги родителей уминают тропу, и косенько перелетающий, подрезающий верёвочку снег не пугает меня, блещет множеством лезвий на внезапном пятачке света.

И снова я думаю: у меня есть мать, отец. Больше никого не надо. Домой еду, не к черту на рога!.. Тает на лице снег, я где-то внизу, у самой затвердевшей земли, впереди меня оглядывающиеся родители. Как сосуд драгоценный, охраняют меня от опасного холода.

— Ты не засыпай, гляди, дома наспишься, — голос матери.

— Поскучай ещё маленько, — голос отца».

Рустем Кутуй в детстве часто болел. Но предсказания ореховой женщины сбылись: он не умер, как многие тогда умирали, а прожил долгую и в целом счастливую жизнь. Выжили и его сестры Гульшат и Эсмеральда. Их мама Алима Садыковна работала в госпитале, позже в разных рассказах Кутуй опишет свои путешествия по бесконечным больничным коридорам, беседы с ранеными бойцами в огромных палатах с высокими окнами. Разумеется, маленькому мальчику не показывали подвальных закутов, специально отведённых для умирающих. В одной из таких палат около месяца провёл раненый Виктор Розов — в будущем известный драматург, автор сценария прогремевшего на весь мир фильма «Летят журавли», мой учитель по Литературному институту имени А. М. Горького. В своих мемуарах Виктор Сергеевич описал казанский госпиталь в клубе меховщиков, конечно, под иным углом зрения. Однако о том я вспомнил вовсе не затем, чтобы упрекнуть Рустема Кутуя в «лакировке действительности». Он обживал суровый мир военных лет глазами маленького ребёнка, а детям мир, что бы в нём ни про-

исходило, всё равно кажется радужным — какие же тут могут быть упрёки! Война стала самым тяжёлым временем в судьбе Рустема Кутуя, однако пришлась на самую лучшую пору раннего детства, и всю оставшуюся жизнь он вспоминал её, как самые светлые и счастливые свои годы.

Собственно, литература и не обязана представлять жизнь такой, какой она является на самом деле — достоверно этого, положим, всё равно никто не знает. Художественная проза создаёт некое пространство, где реальность может отразиться, словно в капле воды, вся целиком в одном образе, а искривления действительности лишь помогают ощутить подлинный объём. Всё дело в мере. Рустем Кутуй в прозу погружался с головой, рискуя не всплыть на поверхность, рисуя, словно акварелью, образы окружавших его людей. И показывал их глазами маленького мальчика — ведь он сам тогда был маленьким, в школу пошёл лишь в 1944 году.

Кстати, учиться им пришлось уже в отдельных школах, поскольку в сорок третьем в СССР ввели раздельное образование. Последующая отмена этого решения ещё раз доказала пагубность совместного обучения мальчиков и девочек. Все же гендерные особенности и качества правильнее формируются, когда мальчишек не заставляют конкурировать с девчонками. Ведь известно, что девочки развиваются значительно быстрее мальчиков-сверстников — и физически, и интеллектуально.

Детство мальчишек из первых рассказов Рустема Кутуя приходится на годы войны. С её началом жизнь, и до того не у всех сытная, резко ухудшилась. За хлебом вставали затемно, выстаивали очередь в один-два квартала. Тот хлебный магазин, на углу улиц Горького и Гоголя, ещё долго оставался хлебным (и лишь недавно вместо него открыли аптеку, кстати, вторую в этом доме!). В том доме сейчас музей-квартира Мусы Джалиля. А Рустем Кутуй вспоминал, что запах хлеба из открытой двери того магазина мгновенно переносил его в сорок третий год... Зима, холодно, темно, люди жались друг к другу, стараясь согреться, очередь двигалась медленно. «Хлеб выдавали по карточкам. Мама резала его тонкими ломтиками, слегка посыпала солью и укладывала на тарелку. Марта приносила с кухни сковородку жареной картошки, и мы усаживались за стол, бодро стуча ложками. Мама скрывала то, что картошка жарилась на рыбьем жире, а мы с Мартой ни о чём не спрашивали и усердно показывали, что обед вкусен. Но скоро кончился и рыбий жир, и на столе задымилась в прокопчённой кастрюле картошка «в мундире», обжигающая и рассыпчатая. Мне тогда казалось — нет ничего на свете, кроме чёрного хлеба, соли и картошки. Это вечное «я хочу есть», сверлящее мозг, осталось жутким желанием».

Желание это для многих оставалось навязчивым всю жизнь. Особенно у тех, кто в годы войны бедовал в деревне. Мама вспоминала, как трудно приходилось им в селе Бишево, до сих пор помнит вкус весенней травы, запах хлеба с лебедой, где пшеничной муки, возможно, и вовсе не было... Вслед за пропавшим братом ей удалось бежать в Казань, там ей помогли добрые люди (стояла у проходной, ревела) устроиться на завод ученицей, а через год получить паспорт, который в деревне бы ей просто не выдали. На всю огромную комнату в общежитии она была одна русская, остальные пятнадцать учениц ФЗУ были деревенскими татарочками — из них лишь одна могла немного говорить по-русски. Она прошла вдоль коек, отщипывая у каждой немного шерсти, сунула новенькой большой комок — пряди! Они маму научили вязать носки и варежки, фэзэушницы обменивали их на еду. Заводской пайки не хватало... Мама незаметно выучила татарский, правда, говорить не решалась, девчонки смеялись над её произношением. Однако до сих пор понимает татарскую речь. И когда она приезжала из Самары навестить меня и внуков, то смотрела по телевизору татарские

спектакли, ещё и нам переводила... Но что-то мы застоялись на трамвайном перекрёстке, едем дальше.

Игры детей военных лет также нашли отражение в кутуевской прозе. Для мальчишек — это в первую очередь игра в войну. Причём все хотели быть «нашими» и никто не желал становиться «фашистами», оттого эти незавидные роли доставались, как правило, слабейшим. Им полагалось падать и притворяться убитыми. У девчонок была популярна игра в «серую шляпу». В своей книге Рустем Кутуй так трактует её правила: «Эта нехитрая забава занимала много времени и приносила капельку радости. Весь смысл был в последней, сороковой шляпе. Только она решала, «быть или не быть». Надо было подойти к дяде и как можно беззаботней спросить: который час? Если дядя отвечал, то желание исполнялось. Если нет, то начиналось все сначала. Но был в этой игре проклятый момент, когда случайно встретившаяся чёрная шляпа гасила серые... Было загадано: вернётся отец или нет? Было уже насчитано тридцать девять серых шляп! И вдруг чёрная...»

Детская игра невольно рисует расклад тех лет: в шляпах ходили в основном служащие, то есть начальники низшего звена. Рабочих кепок днём не встретишь, все заводы перевели на военное положение. А чёрные шляпы встречались крайне редко, потому что большей частью их носили большие шишки, а те пешком не ходят — таким во все времена полагается служебная машина.

Ребята постарше увлечённо играли в чику. Так называли азартную игру, где можно было выиграть небольшую сумму. Если помните, маленький герой рассказа Валентина Распутина «Уроки французского» той чикой зарабатывал себе на молоко. Каждый из играющих вносил деньги в «банк», монеты складывали стопкой и кидали в неё свои биты. У кого ближе упадёт биток, тот первым бьёт по стопке. Если монетка от удара перевернулась — забираешь её себе, если нет — ход переходит к другому.

Рустем Кутуй описывает и другую популярную игру в «махнушку». Её любовно мастерили из куска такого дефицитного по военным временам меха, утяжелённого свинцовым грузилом. Встречались мастера, которые внутренней стороной стопы набивали её (вместо мяча) до тысячи раз! В одном из рассказов Рустема Кутуя один горе-игрок решил похвастаться своей махнушкой, где вместо грузила красовалась боевая медаль «За отвагу». Дураку даже не стали объяснять, почему это нехорошо, кощунственно... Сразу отлупили и прогнали с глаз долой.

В этом году редакция «Казанских ведомостей» подготовила книгу «Музей детства в Казани». Много лет эту рубрику вела главный редактор Венера Якупова — автор идеи уникального музея и составитель сборника, в котором очевидцы рассказали о играх и игрушках тех далёких лет, начиная с тридцатых годов прошедшего века. Эта замечательная книга лишний раз подтверждает, насколько достоверно в кутуевской прозе воссоздана жизнь военных лет. И если благая идея когда-нибудь воплотится — и в Казани, по примеру стокгольмского музея знаменитой писательницы Астрид Линдгрен, действительно появится Музей детства, несомненно, один из его разделов нужно посвятить творчеству Рустема Кутуя, который первым так подробно и проникновенно описал Казань своего детства.

В те годы все с замиранием сердца ждали почтальонов, которые поистине стали вестниками судьбы — приносили кому треугольную радость, кому прямоугольное горе... Фронтовики отправляли свои письма без конвертов — сворачивали особым способом, получался треугольничек. Я тут попытался было повторить тот нехитрый приём... Не вышло. А в стандартных конвертах обычно присылали официальные бумаги: «Ваш муж геройски погиб в боях за Советскую Родину...»

Редко кому выпадало счастье в виде почтовой открытки, извещавшей, что надо на почте получить посылку. «Радость таилась в небольшом фанерном ящике. Он стоял на розовой скатерти, обнажив шляпки гвоздей, — писал Рустем Кутуй в «Мальчишках». — И когда крышка хрустнула и медленно поползла вверх, мне показалось, что под ней откроется клад, и я зажмурил глаза. Мама, хлопнув три раза в ладоши, откинула крышку. Сверху желтела банка леденцов. Но она почему-то оказалась лёгкой, и в ней что-то перекатывалось. Я нечаянно уронил её на пол, банка зазвенела и раскрылась. На паркет выкатились осколок железа и свёрнутая в трубочку бумажка. Марта развернула листок и прочитала: «Когда-то он был горячим и злым и, пробив ватник, впился в руку». Мама сдвинула брови, её лоб прорезала ровная чёрточка. Потом вынули часы, карандаш и даже сахар. Но когда появилась кожаная кобура, правда чуть потёртая, но зато, как сказала Марта, «стреляная», я забыл обо всем, убежал в кабинет и, достав из-под матраца маленький игрушечный наган, выпрыгнул из окна в сад».

Конечно, далеко не всем выпадала радость поднять осколок с паркета. Да и паркет был далеко не у всех. Кутуевы принадлежали к более высокому советскому сословию, их уровень жизни был всё же выше, чем у большинства казанцев.

В рассказе «Санта-Лючия» Рустем Кутуй вспоминает тётю Клаву, школьную гардеробщицу, которая в годы войны ходила по этажам с колокольчиком в руках — давала звонки на урок и перемену. Однажды шёл урок географии, он давно уже должен был закончиться, а звонка всё не было. Злая географичка вышла из класса, спустилась вниз и стала отчитывать гардеробщицу, забывшую позвонить. Свидетелями этой сцены стали одноклассники Радик и Эрнест. «А тётя Клава бумагу достала из кармана телогрейки. Хотела показать, передумала, за пальто ушла. Мы с тобой бегали и звонили, помнишь? Колокольчиком. По очереди. У тёти Клавы убили мужа. А географичка... Но мы про неё забыли, правда? Надо забывать про некоторых». Таких скупых свидетельств человеческого горя можно немало найти на страницах кутуевской прозы.

Да, конечно, социальное расслоение никуда не делось, хотя в войну всем жилось трудно. Это была совсем другая Казань. В сорок первом население города за счёт эвакуированных резко возросло. По свидетельству очевидцев (к сожалению, официальных данных я не видел), не вдвое, даже не в пять раз — много больше. Десятки заводов вместе с рабочими, крупные организации в полном составе переехали в столицу Татарии. Одна Академия наук СССР чего стоит! Уплотнение коснулось практически каждой семьи, и без того небезлюдные казанские дворики заполнили многоголосье языков, многообразие лиц. От самих казанцев эвакуированные крайне редко слышали, как ныне, мол, «понаехали тут...». Тогда беда была на всех одна.

Маленькому герою кутуевской прозы также довелось встречать эвакуированных, бежавших от смерти. Пришлось и самому очень рано увидеть воочию смерть. Маленькая девочка, прибывшая с мамой из блокадного Ленинграда, умирала на его глазах.

Она обещала показать ему питерские белые ночи, когда выздоровеет, и просила его придумать для неё сказку. Сочинить свою сказку он не успел — девочка умерла. Носик заострился, щеки стали восковыми. Неподвижное тельце вынесли из дома... Встретились они снова лишь на склоне лет, в одном из поздних рассказов «Белые ночи». В ранней повести «Мальчишки» он называл её Леной. В «Белых ночах» она стала девушкой Сашей, которая повстречалась лирическому герою-повествователю на набережной Мойки. Кстати, в тексте сразу же читателя обжигает «белый снег». Мне почему-то казалось, что белые ночи в Питере бывают только летом... Возможно, то был белый снег воспоминаний? Вряд ли в реальной жизни Рустем Кутуй видел настоящие белые ночи, иначе он обязательно бы написал замечательный лирический

пейзаж, на которые был мастер. А описывать у него хорошо получалось лишь то, что он видел сам, лично, непосредственно.

Впрочем, о мелких погрешностях кутуевской прозы говорить не хочется. Перо поэта Рустема Кутуя вообще мало останавливается на бытовых подробностях тех лет. Куда больше их можно почерпнуть в последнем, недописанном романе Василия Аксёнова «Дети ленд-лиза» (Lend-leasing, журнал «Октябрь», 9'2010), где те же время и место, поскольку его герой Акси-Вакси жил в соседнем от Кутуевых дворе:

«Говорят, что с начала войны трамвайный городище Булгары по количеству населения вырос в десять раз и превзошёл два с половиной миллиона. Толпы эвакуированных толклись на барахоловках, пытаясь что-нибудь продать из предметов обихода — ну, скажем, абажур или патефон, — чтобы купить хоть малую толику съестного, — писал Василий Павлович. — Голод, между тем, только увеличивался. Городские власти почти в истерическом состоянии стали открывать питательные пункты, куда пропускали по талонам. Тётя Котя, то есть дочь тёти Ксюши и мать моих малолетних племянников, только что поступила на работу в Радиокомитет, и ей до начала следующего месяца предложили питаться по пунктам. Вместо того, чтобы растянуть эти свои талончики на две недели, она собрала всё семейство и двинулась в «Пассаж», под стеклянной крышей которого как раз и располагался основной питательный пункт.

По мраморной лестнице со стёртыми до острых углов ступенями лепились очереди голодных. Что ещё запомнилось? Как ни странно, обилие света. Остатки кафеля на полу и на стенах отсвечивали солнечные лучи, проникающие сквозь разбитый грязный купол. Беспорядочно порхали воробьи, и зловеще кружили вороны. К концу войны этот купол, кажется, обвалился.

В меню было одно блюдо — «горячий суп с капустой». Отнюдь не щи и уж тем более не борщ. Подсобники с красными повязками вываливали в котлы с кипятком грубо нарубленные кочаны. Там они более или менее размягчались. «Суп» обладал удивительной зеленоватой прозрачностью, потому что в нём не было никаких питательных добавок: ни картошки, ни крупы, ни свёклы, не говоря уже о мясе или масле. Похоже, что и соли туда не добавляли, хотя подсобники растаскивали мокрые, с обрывками упаковки булыги минерала. Иными словами, питательный состав был близок к совершенству: горячая вода с кусками капусты... Мы покончили со своей едой, не вдаваясь в подробности вкуса. Миски и ложки у нас тут же отобрали и показали нам всем на выход. Запомнилось ощущение горячей тяжести в желудке. Вокруг среди выходящих повторяли популярную фразу тылового кошмара: «Жить можно».

«По крайней мере сегодня», — дерзковато хохотнула школьница Шапиро. Она даже крутанула какой-то фокстротик и чуть-чуть пукнула капустным пузырьком».

Василий Аксёнов был на четыре года старше Рустема Кутуя и, естественно, происходящее в Казани военных лет воспринимал как подросток, а не дитя. Да и талант Кутуя-рассказчика принципиально иной. Он погружает нас в акт взросления героя, передаёт его внутренние состояния: «Нет достоверней документа, чем свидетельство внутренней жизни отдельного человека в момент перелома, в момент роковых испытаний. Чувства тоже могут быть документом. Иначе не понять нравственной силы поколения, — считает Рустем Кутуй. — Я размышлял об этом, о сути писательства. Мироощущение неподдельно. Лишних корней у дерева нет. О блокадном детстве напишет другой, о мрачном взрослении в тисках оккупации кто-то ещё — напишут иными красками, своей болью отверженности и причастности. Я же невольно гляжу «оттуда» — из в общем-то тихого тыла, где были обнажены большие трагедии обычных жизней, где и теперь сходятся все нервные окончания. Излишне заниматься сочинительством, до сих пор живы ожоги, не обросли корочкой заживления. Я

вроде и не сочиняю, а воссоздаю своё духовное начало. Там душа не ведала повторов и не была искажена. Это теперь я на других кругах, суетных и как бы повторяющихся, не однозначных, нет, соки жизни продолжают движение. Но в поисках ответа я непременно возвращаюсь туда, «сверяю» часы по тем ходикам. Я не совсем воспринимаю выражение: «Нельзя дважды заступить в ручей»... Я могу нести три поклажи: прошлого, настоящего и будущего. Это и есть осмысление: сверкающий на солнце стакан воды стоял передо мной и тогда, и теперь — жизнь».

Здесь и далее я позволяю длинные цитаты, чтобы не только по возможности полно дать высказаться герою нашего повествования, но и услышать ритм, ощутить стиль, рассмотреть саму ткань его поэтической прозы — и опять вернуться к главной теме его творчества. Рустем Кутуй снова и снова возвращается к этой мысли: духовное начало каждого писателя сокрыто в его детстве. Во всяком случае, со своим детством он сверял свои творческие стрелки постоянно.

Сравнивать творчество разных писателей — удел литературоведов. Мы же просто путешествуем на трамвае: оттуда — сюда и обратно по времени. По мне намного интереснее не искать отличий в том, что писали Аксёнов (быт) и Кутуй (бытие), а складывать ими написанное в одну картинку.

Они ходили в одну школу № 19, что находилась на улице Горького, в двух кварталах от их дома. Ходили в неё одни мальчишки. Василий Аксёнов учился на три класса старше. Потом он поступит в мединститут, но доучиваться будет в Ленинграде. В дальнейшем они не раз встретятся в Москве, будучи уже известными писателями. Но об этом мы поговорим на другой остановке, а сейчас наш трамвай всё ещё там, в сорок четвёртом году, в «трамвайном городище Булгары», как называл Казань любивший играть в переименования Аксёнов Василий (Акси-Вакси).

В том же городе Рустем Кутуй, как и все мальчишки военных лет, ждал с фронта своего отца. Многим приносили похоронки, к счастью, Кутуевым всегда приходили письма. А мать читала детям письма с фронта, где отец, конечно, приукрашивал происходящее. Впрочем, если бы и не приукрашивал, то военная цензура всё равно бы разукрасила его письма чёрной тушью. Так что у папы на войне все было хорошо, по-другому и быть не могло...

К ним заходили знакомые, с радостью узнавали новости об Адельше. Среди тех визитёров сын запомнит музыкантов Александра Ключарева, Загида Хабибуллина, Сару Садыкову. И ещё один музыкант, нарочито не названный по имени в рассказе «Голубая лошадь под снегом», осветил детство Рустема Кутуя короткой яркой встречей. Он стоял зимним вечером на углу и слушал снег. «Этот перекрёсток называли «штаны». Одна улица расходилась на две улочки и утекала вниз. В центре, как замок, уходил к облаку дом с башенками, тяжёлый, бегемотного цвета. По соседству плескал флагом стадион. А мы стояли на театральном углу, как приговорённые». На штаны перекрёсток раскраивал огромный треугольный дом Кекина — знаменитое в Казани здание. Фасад его смотрел на литературный музей А. М. Горького и татарский театр имени Г. Камала. Музыкант жил в театре, точнее, во дворе, во флигеле. Пригласил мальчика к себе, зажёг свечи, стал играть на рояле. Маленький гость пригрелся, вспомнил отца, который сейчас в окопе, и незаметно заснул. Музыкант принёс мальчика, спящего, к маме... Конечно, речь в рассказе шла о Салихе Сайдашеве. Он знал, где живут Кутуевы, ведь пьесы Аделя Кутуя шли в камаловском театре. Летом он тоже любил отдыхать в деревеньке Кызыл Байрак, как и многие артисты и музыканты тех лет. В другом месте и в другое время Рустем опишет последнюю встречу с Сайдашевым. От знаменитого Дома Кекина, остроносого фрегата, он помогал дойти до дому пьяненькому Салиху абый...

Вскоре случилось чудо — и сам отец приехал на короткую побывку. Рустем Адельшевич на склоне лет удивлялся, почему причудливая память сохранила не одну, а две встречи с отцом. Видно, сыну так хотелось увидеть папу, что одного короткого свидания показалось мало? Возможно, другой папин приезд мальчик сам придумал или увидел во сне, а потом обманщица-память убедила, будто так оно и было? И когда это было — летом или зимой? «Отец обнял меня крепенько, усадил на колено. Он был уже другим, не домашним, с медалью и орденом. Я понюхал овчинный полушубок, висящий на гвозде, с обеих сторон понюхал — в меховую пазуху зарылся лицом, слазил в рукав. «Не замёрзнет, — сказал себе. — Сверху гладко, изнутри шерсти полно. И в снегу спать можно, если в валенках». Снял полушубок с гвоздя, утонул в нём, погрузился в щекочущие кудряшки меха, притихнув на диване. Никто не видел меня — на кухне готовились к вечернему гостевому чаю. Я и притих-то на момент, а потом водворил полушубок на место. Глаз всё цеплялся за него, не отпускал, будто весь интерес притянула к себе эта овчина. Полушубок на гвозде белел и ночью. Потом пропал. Несколько дней я улавливал его запах, настигающий меня то здесь, то там». Запах овчины, запах отца будет долго ещё витать в доме. И сохранится в разных рассказах Рустема Кутуя.

Позже о том приезде Аделя Кутуя расскажет Диас Валеев — сын его сестры Зайнуль Нурмухамедовны Кутуевой: «Помнится, в году сорок третьем или сорок четвёртом он приезжал на побывку в Казань и заходил к нам домой. У нас на стене висел дешёвенький коврик «Три поросёнка». И мы под этим ковриком с моим старшим братом Радиком благоговейно и трепетно рассматривали его пистолет, который он нам дал подержать в руках, — писал Диас Валеев в статье «Золотой корень творчества» (журнал «Казань» 8'2003). — Это была великая минута в моей ранней детской жизни. Мой отец Назих Валеев с декабря 1941-го по июнь 1943 года работал первым секретарём Алькеевского района в Базарных Матаках. Я не знаю, где он был арестован — у себя в районе или был вызван в Казань и его арестовали у нас в квартире на улице Коротченко 46/6? Одно помню отчётливо: обыск, который проводили у нас дома, вероятно, тогда же, в июне. Это было первое детское воспоминание. Приход в гости Аделя Кутуя со страшным пистолетом был уже воспоминанием вторым».

Больше Диас своего дядю-фронтовика не увидит. «Пройдя живым и невредимым через сталинградское пекло, через все фронты, перед окончанием войны он жестоко простудится, заболеет скоротечной чахоткой и в июне 1945-го умрёт в польском городе Згеже. От болезни, в которой моя мать была специалистом. Помню, она переживала: «Если бы Адельшу привезли в Казань, я бы его спасла». Наверное, так. Ведь спасла она от смерти сотни других, отчего не спасти брата! Заметим, Зайнуль Кутуева-Валеева во время войны работала главным врачом Республиканской туберкулёзной больницы, помещавшейся в бывшем дворце генерал-губернатора Сандецкого на улице Карла Маркса. Как раз напротив дома № 55, где проживал у своих родственников Вася Аксёнов. А через дом жили жена и дети Аделя Кутуя, и тётя Зайнуль не раз заглядывала к родственникам. Они с братом очень любили друг друга.

В любом случае — или летом, или в самом конце 1944 года — Адель Кутуй побывал в Казани. И встретился с заметно повзрослевшим сыном-первоклассником. В тот приезд (или два приезда?) Рустем запомнил отца гораздо лучше, чем в раннем детстве. Например, помнит, как Адельша Нурмухаметович взял его с собой, когда пошёл по делам в Радиокомитет, где до войны работал. Рустем всего лишь посидел в коридоре, подождал отца. Но сама дорога до радио и обратно (два квартала до улицы Горького, рядом с камаловским театром) для восьмилетнего мальчика — уже была целым событием!

Разумеется, Рустем не знал тогда, что путешествует с отцом в последний раз, и вряд ли интересовался целью посещения Аделем Кутуем различных республиканских учреждений. По воспоминаниям современников, Кутуя-старшего вызвали с фронта специально — в начальственных кабинетах зародилась идея выдвинуть его на ответственную должность. По одним сведениям, его прочили в председатели республиканского отделения Союза писателей СССР. Другие источники намекают — бери выше! Якобы кандидатуру писателя-фронтовика выдвигали на пост наркома просвещения Татарской АССР. То есть главы республиканской системы образования и всей сферы культуры, что в нынешней табели о рангах соответствует постам министра культуры, образования и науки — в одном флаконе! Разумеется, его кандидатура не могла быть безальтернативной, обычно обком рассматривал нескольких претендентов. Джидегеновское дело начала 30-х годов вряд ли добавило очков в пользу Аделя Нурмухаметовича.

Впрочем, и в положении кандидата были свои преимущества — Кутуй мог рассчитывать на бронь, ему могли продлить отпуск... Однако он решил вернуться на передовую. С точки зрения оставшихся в тылу, поступок опрометчивый, в конце концов, в тылу его бы точно выходили и он остался жив. С другой стороны, все фронтовики, которым удавалось получить недельный отпуск, практически сразу рвались назад в окопы. Вспомним симоновские «Двадцать дней без войны» и одноимённый фильм Алексея Германа с гениальным Юрием Никулиным в роли Лопахина. Обожжённые войной, они всегда чувствовали себя в неоплатном долгу перед павшими товарищами. Наконец, прошедшие ад сражений совершенно отвыкали от жизни «на гражданке», у них поменялся угол зрения на привычные предметы и представления. Нам, мирным овощам и фруктам, этого не понять...

Одно уже хорошо — с передовой его перевели по службе в редакцию фронтовой газеты «Кызыл Армия», которая выходила на татарском языке. Удостоверение выдали 8 января 1945 года в политуправлении 1-го Белорусского фронта:

«Пред"явитель сего МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КУТУЕВ АДЕЛЬША НУРМУХАМЕТОВИЧ состоит на действительной военной службе в РЕДАКЦИИ газеты «КРАСНАЯ АРМИЯ» в должности КОРРЕСПОНДЕНТА-ОРГАНИЗАТОРА».

НКО СССР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

ОТДЕЛ

№ 45 8 января 1945

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Военные корреспонденты, конечно, тоже часто рисковали жизнью на передовой, однако родных таким переводом можно было успокоить. Конец войны близился, советские солдаты уже воевали на чужой территории. Жаль, что каждая пядь той чужбины давалась далеко не малой кровью...

Кутуй много ездил, много писал, и конечно, не только корреспонденции в газету. Ещё раньше до этого были написаны поэма «Мы — сталинградцы!», «Тоска» и другие рассказы. После поездки в Казань писатель задумал фантастический роман «Приключения Рустема». Можно предположить, что в основу замысла легли разговоры с сыном Рустемом. Все мальчишки тех лет мечтали попасть на фронт, чтобы бить фашистов, только не знали, как туда добраться. Легче всего, конечно, стать невидимкой. И для этого не обязательно выдумывать псевдоучёные нелепости в духе Герберта Уэллса. Достаточно вспомнить татарские народные поверья. Так поэт Адель Кутуй придумал для сына чудесную сказку о мальчике-невидимке. Попытался взглянуть на происходящее его ясными глазами. А заодно испытать радость мысленного продолжения разговора с сыном. На прощание...

Роман обрывается на самом интересном месте, довольно неожиданно. Жаль, автор не успел его закончить. В начале 1945 года Адель Кутуй попал в госпиталь с жестокой простудой. Не долечился, ушёл из госпиталя под расписку — так рвался на Берлин. Однако вскоре снова болезнь дала о себе знать. Поднялась высокая температура. Снова госпиталь. На этот раз всё оказалось страшнее, чем сам военкор предполагал. Он умирал от туберкулёза, который пожирал его хребет... Умирал медленно и мучительно в маленьком польском городишке Згеж, что в Лодзинском воеводстве. Там услышал, что война окончилась, там узнал, что ему не суждено уже с неё вернуться...

В Казань известие о смерти Адельши пришло летом. Семья Кутуевых тогда жила в Бакирово, куда Алима Садыковна устроилась на лето в санаторий. Страшный удар, обрушившийся на девятилетнего мальчика-мечтателя, словно гром среди ясного неба, ещё долго будет отзываться далёким эхом в душе Рустема Кутуя, прольётся каплями дождя в его рассказах и повестях... Но, конечно, никакие описания не смогут передать той детской боли. Казалось бы, только вчера вместе с ребятами их двора праздновали Победу, встречали первых победителей. Казалось бы, теперь уже ничего ужасного случиться не может. Мальчик никак не мог предположить, что война продолжает убивать, даже когда закончилась... Впрочем, СССР вскоре объявит войну императорской Японии (с японцами до сих пор не подписан мирный договор). Война продолжалась. Солдаты умирали в казанских госпиталях и в 1946-м, и позже. На Арском кладбище есть целая аллея красноармейцев, умерших от ран в казанских госпиталях.

Когда сын вырос, то разыскал в Стерлитамаке медсестру, на руках которой в Згеже умирал отец. И записал её рассказ: «Я молоденькая была. Война уже кончалась. А в госпитале полным-полнёхонько. И писатель тут! Он очень беспокойный был человек. Обрадовался, что на польской земле рядом будет татарка. Я ему блинчики пекла, песни пела. Он не думал, что время пришло умирать. Хотя без предчувствия жизни не бывает. Как поглядишь, в глазах стоят слёзы. А рука всё поверху одеяла блуждала, будто крохи оставшихся дней собирала. Его бы и полюбить ещё не грех, не старый, прибранный на простынях, волосы мягкие. Он брился — я зеркало держала... Тут что произошло: он прежде в Познани лежал. Подлечили — полегчало. От спины как доску с гвоздями оторвали, так он сказал. Ну, он и выписался под расписку. Наступление на Берлин идёт, как он отстанет. Только десять километров и проехал в открытой машине — в кузове, без шинельки. Сняли совсем горяченького. Доставили в Згеж... Умирало их, маменька родная, поболее десяти в день. Нервы кончились.

Война вся на костном мозгу держалась. Поди догадайся, что там внутри происходит. А там — пламя. Истлели косточки-то... Перед выходными было. Меня на танцы увели. Победа уже наступила, почему же не порадоваться на свободе. Я — девчушка, кровь весёлая. Вернулась через день — пустая постель, цветы на тумбочке. Я кинулась вниз. Всё! Жутко просто. Он дней десять без сознания был. Очнётся ненадолго, но где-то далеко-далеко. Одно утешение — блинчиками успела его накормить. Как в большую дорогу. Напоследок...»

Сразу за известием о смерти Аделя Кутуя поднялась новая волна «раскрутки» его имени. Довоенную повесть «Неотосланные письма» в 1945 году перевели на русский язык — и она сразу приобрёла благодарного всесоюзного читателя.

Никакая пропаганда, даже школьная программа, на мой взгляд, не смогла превратить роман Фадеева «Молодая гвардия» в шедевр русской литературы, несмотря на беспроигрышный сюжет из жизни. Его переиздавали, инсценировали, экранизировали, но даже СССР не успели развалить на удельные княжества, а весь «романтизьм» с главного фадеевского произведения уже слетел и стал никому не интересен. Так же, мне кажется, обошлось с романом Чернышевского «Что делать?» жестокое время... Но посмотрите — в новой России снова переиздают кутуевские «Неотосланные письма» на татарском и русском языках! И книга по-прежнему пользуется спросом, что бесспорно свидетельствует о подлинности повести и таланте автора.

Вряд ли сыну стало легче жить после того, как его отца утвердили посмертно в роли классика татарской литературы. Мысль о том, что у него уже никогда не будет папы, пугает невообразимой неподъемностью, неотвратимостью. Воспоминания об отце перемешиваются с рассказами матери и бабушки, родных и знакомых, становятся постоянным рефреном жизни Рустема Кутуя. В школе, во дворе, в деревне Кызыл Байрак, куда его отправляли в пионерский лагерь на лето, — всё напоминало об отце. «Мой диалог с отцом продолжался. Не диалог с появляющейся тенью на скалистом побережье, как у Гамлета, а — в любой повседневности, среди обыденных мелочей. Это можно было бы оценить и так — побег именно от жутких масок вздорного века, преодоление инерции, оцепенения, униженности и ограбленности, — вспоминал Рустем Кутуй на склоне дней. — Тем самым я сохранял душевное здоровье, сохранял жизнестойкость. Образ отца лепился, выглаживался усилием душевного тепла, изголодавшейся жаждой заселить пустоту возле себя, дабы ублажить болезненно-ранимое воображение. Я, как птица, в укрытии собирал гнездо, до баловства ли... С направленным к сердцу злом я вроде бы и не встречался, ветерком его относило, а нутряной мрак приходилось освещать самому. Чем больше я отчуждался от матери, говоря мягче, чем дальше я уходил от женского начала, тяготился им, тем чаще и продолжительнее собеседовал с отцом. Мать, конечно, святое, спасительное. Она величием самой природы обречена на вечную погоню — до гробовой доски — ловить, хвататься за ускользающий конец отрезанной пуповины. Это мучительный дар — спасти, оберечь! Дочери ближе и понятней матери, всё-таки знакомое, прочувствованное естество. Сын же загадочен, непредугадан, он удаляется, удаляется, утверждаясь прямо на глазах. Мощь его мятежности, отрицание, казалось бы, разумного, взлелеянного равносильны разрыву обжитого, выверенного, оберегающего круга. Пожалуй, эта противоположность и есть искренняя сила — взращивать своё одиночество вопреки магнетизму общения. Сын, сохраняя тяжёлые зёрна прошлого, обнаруживает готовность к моментальному бунту. Таков мир, демонстративно отделяющий себя, — мир Гамлета. Рука об руку с ним Тень отца — опора, предостережение, мера, знак одобрения, призыв к мужеству...»

В это время у Рустема появился друг, товарищ по несчастью, который учился с ним в одной школе, только классом постарше. Виль Мустафин жил на улице Га-

лактионова, напротив того самого дома-фрегата, прославившего казанского купца Кекина, рядом со стадионом «Динамо» и музеем Горького. Познакомились они благодаря старшим сёстрам, которые дружили и ходили друг к другу в гости. Мальчишки сошлись ближе, когда выяснили, что их погибшие отцы до войны были (не могли не быть!) хорошо знакомы.

Для десятилетнего Виля май 1945 года помимо всенародного праздника Победы принёс ещё одну большую радость — вернулась из заключения его мать, Зюгра Сулеймановна. На сына-подростка свалилась нелёгкая ноша: он узнал правду о репрессированных родителях. В войну ему повторяли, что в школе надо говорить (так научила тётя, заменившая им мать), мол, отец пропал без вести. И особо не уточнять, какая у него была фамилия. Дело в том, что сиротам в школе выдавали дополнительные пирожки, их вкус ещё долго был памятен ЧСИРоте (члену семьи изменника Родины). Виля с сёстрами спас дед Сулейман Мустафин, который вызволил внуков из детдомов, оформил над ними опеку и дал свою фамилию. Сам вскоре умер, но успел сделать всё, чтобы уберечь детей от гибели.

Салах Атнагулов до войны действительно знал Аделя Кутуя, наверняка они встречались на многочисленных литературных собраниях. К тому же, оба были преподавателями-филологами, значит, имели возможность встретиться и на педагогических семинарах. Салах Садриевич был крупным общественным деятелем, литературным критиком и журналистом, автором «Правил орфографии татарского литературного языка» (совместно с Г. Х. Алпаровым, Ш. Рамазановым, 1934). Любопытное совпадение: в годы гражданской войны Атнагулов руководил газетой на татарском языке «Кзыл Армия», и именно «Красная Армия» четверть века спустя стала последним местом службы военного корреспондента Аделя Кутуя!

И вот их сыновья полезли в старый диван отцовского кабинета в деревянном флигеле Кутуевых на улице Комлева, чтобы среди старых фотографий найти отца Виля. Каким образом собирался сын узнать на общих снимках своего отца, которого ни разу в жизни не видал? При том, что в те времена любили сниматься сразу по 40–50 человек в пять-шесть рядов. Может, надеялся, сыновье сердце подскажет... Эта мальчишеская тайна, эта общая боль сблизит Рустема Кутуя и Виля Мустафина на всю жизнь. Так, должно быть, возникает настоящая дружба.

Мысли об отце похожи на навязчивый мотив, который так сложно бывает отогнать... С годами он превратится в некий внутренний камертон. Чуть задень его — и тихо зазвенит в душе слышное одному тебе (меня поймут те, кто рано лишился отца, и я остался сиротой в двенадцать лет...). Этот камертон не позволит расслабиться или сфальшивить, не выдаст и не предаст. Назовите его памятью, совестью, стилем, талантом, темой, как угодно — на эту ноту настроена лира Рустема Кутуя. И звуки её невольно слышишь с первых страниц его прозы, с первых строк его стихов.

ЛЮБОВЬ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Давно подмечено: в Казани много красивых девушек. И красивы они по-разному. Объяснение тому можно найти на поверхности, точнее, в глубине веков. На перекрёстке Северного Волжского и Великого Шёлкового путей тысячу лет назад в месте впадения Казанки в Волгу, а Волги в Каму (ныне считается наоборот) переплелось множество нитей народных. До XX века большинство населения Казанской губернии составляли чуваши, помимо тюрков и славян здесь проживали представители финно-угорских племён. И всё это перемешивалось в одном общем казане! Послед-

няя военная волна переселенцев сделала казанцами и выходцев с Западной Украины, и коренных ленинградцев (их до сих пор много осталось в Дербышках, куда эвакуировали знаменитый завод оптики ЛОМО, ныне КОМЗ). Это смешение генов придало местным жителям особый шарм. Наверное, нужно родиться и очень долго прожить в Казани, чтобы эта врождённая гениальность перестала бросаться в глаза, примелькалась, тем не менее, люди приезжие часто обращают на это внимание. Подтверждают сей замечательный факт и ставшие ныне привычными для многих заграничные поездки. Особенно разочарованы были те, кому посчастливилось побывать в Париже — француженки, увы, в основной своей массе ни в какое сравнение не идут со среднестатистической жительницей средневолжского «трамвайного городища»! Впрочем, кулик про своё болото может петь бесконечно, поэтому едем дальше, наш трамвай девятый номер весело звенит!

В ранних рассказах Рустема Кутуя тема любви, ещё совсем детской, наивной, мальчишеской, варьируется в разных тональностях. При этом обязательно перекликается с темой замечательной волжской природы. Родившиеся на берегах Волги, конечно, никогда уже не смогут поменять заставку на мониторе (как у вашего покорного слуги) на какой-нибудь заморский пляжный пейзаж!

Первое открытие неброской волжской красоты у Рустема Кутуя связано было с поездками в Кызыл Байрак. Там, по признанию писателя, находится его потаённое место. Внешне оно ничем не примечательное, конечно, другие мимо пройдут и не заметят. Обычная полянка в глубине оврага среди зарослей... Кутуй считал, что у каждого человека в жизни есть такое место (у меня оно тоже связано с Волгой, только в районе Жигулей, напротив устья реки Сок). В ту чудную татарскую деревеньку, где они отдыхали летом, Рустем Адельшевич потом не раз приезжал, став взрослым. С той деревней связана сюжетно последняя и самая крупная повесть Рустема Кутуя «Яблоко пополам», о которой мы поговорим подробнее на следующей остановке.

Описания природы в кутуевской прозе лиричны и вдохновенны, что давно было подмечено литературной критикой. Поэтому не станем на них особо останавливаться, отметим лишь, что сам Рустем Адельшевич не только любил природу, но и хорошо её знал. Разбирался в ягодах и грибах, за что последние, кстати, тоже его выделяли. Чуть ли не сами лезли в лукошко! Но слишком часто писатель забирается в такие потаённые места, где для путешествий на нашем трамвае просто не проложены рельсы. Заглянем лучше сквозь заднее стекло в наш прицепной вагон и постараемся рассмотреть несколько женских лиц, мелькнувших на страницах рассказов и повестей Рустема Кутуя.

Первой его любовью стала рыжеволосая красавица Анна. Она оставила сладкую рану на сердце и отразилась в рассказе «Первое свидание». Лирический его герой в последний момент, когда подошло время идти на каток, вдруг обнаружил, что сестра ушла гулять в валенках, которые были одни на двоих... Пришлось просить валенки у взрослого соседа, всего на час. «Это был SOS, и сосед понял. Он лишь кивнул и вынес два огромных, много раз перелатанных, подшитых, словно две старых шхуны, валенка и поставил перед подростком». Девочка, с которой он вчера катался на коньках на стадионе «Динамо», так и не пришла. «Конец света не наступил. Соседу вернулись валенки, как возвращаются постаревшие шхуны в гавань. Единственный человек, которому он отомстил, была сестра. Ночью он отрезал ей конец косы».

Обычная, в общем, история. У всех поколений повторяется та же цепочка детских открытий: любовь, верность, ревность, предательство... Вот только на свидание с мальчиком теперь не ходят в туфлях с заплатками. Таких деталей послевоенного быта в рассказах Кутуя не так уж много, но «документ чувств» того времени благодаря этим мелочам получается более достоверным.

Костлявая еврейская девочка Рива, которую крикливая мамаша Циля Израилевна не пускает с мальчишками гулять, переглядывается с Лизкой-косюкой, напуганной в детстве пьяным отцом — и с тех пор косоглазой. Обе тихие, покорные судьбе, боящиеся поверить, что и их могут любить. Рива — эвакуированная, горожанка. Лизавета — деревенская девчонка, она также грациозно носит ведра на коромысле, как и отчаянная Верка из рассказа «Любовь».

Юные герои Кутуя способны переживать не только свою первую любовь, но и сопереживать чувствам старших. Так, в рассказе «С закрытыми глазами» мальчик Иля, которого все зовут «напёрстком», пытается помочь сестре-десятикласснице, роман которой с суворовцем Бриковским кончился крахом. Брат Иля идёт в училище, бросается на обидчика с кулаками, хотя заведомо младше его и слабее.

Но не только отчаянной смелостью интересен нам этот маленький герой. По совету сестры он переписывал по одному стихотворению Пушкина в день. Только никак не мог заставить себя читать стихи с открытыми глазами. И потому отказывался выходить на сцену. Иля тоже влюбился и написал однокласснице Леле стихотворение, он вложил стихи в конверт и послал по партам... Но когда она пришла на свидание, вдруг заявил, что хотел послать стихи Тоне Макаровой. А Лельке ответил так: «Ты ей в пятки не годишься. У тебя... У тебя... глаза рыжие и зубы ещё молочные». А она ему в ответ: «Обманщик! Троечник несчастный! Стихоплёт-обормот! У самого зубы из воды».

После этого диалога сразу следует другой — с закрытыми глазами. «Когда я закрываю глаза, я вижу не задиру Лельку. Я вижу её другой, примолкшей, опустившей голову. «Я, Иля, тебе нравлюсь? — говорит она мне. — Давай пойдём на край света. Поищем, куда солнце садится...» Тут Лелька снова его окликает, снова пытается разозлить. Но просит ещё написать ей письмо. «Как красиво получать письма со стихами. Только мне, а не Тоньке Макаровой...»

Трудно понять, какую Лельку больше любит Иля, выдуманную или настоящую. «У Лёли чёрные туфли. Она их каждый день кремом мажет, чтоб не было видно заплаток. У Лели волосы легче паутины и глаза печальные. Она задирает меня, чтоб я её не обидел. И поэтому я закрываю глаза и вижу совсем другую Лелю, застывшую у ворот, с острым подбородком — мать хочет её в церковь взять, а она упирается и яйца цветные не ест. А со мной разговаривает придуманная Лелька, весёлая, как окна в праздник». В этом состоит особенность детской влюблённости — предмет обожания нередко проигрывает его идеальному отражению!

У Акси-Вакси в «Lend-leasing (Дети ленд-лиза)» тема любви подана более весомо, грубо, зримо, что и понятно — Василию Аксёнову к концу войны уже исполнилось двенадцать лет. «Рядом с парком культуры с его киношками и танцульками находился лесопарк с оврагами, тайнами и авантюрами. Парк назывался «Тэпэи», в этом слышалось что-то японское, что-то сродни корифейскому роду Тагути. На самом деле название расшифровывалось попросту как Татарский педагогический институт. До революции, как говорили иные старожилы, в здешних зданиях располагался кадетский корпус. Кому-то вспоминается, что основное здание отличалось удивительной белизной своих колонн. Белизна была с течением советской власти утрачена и заменена разными оттенками бельевого цвета. Там под обшарпанными колоннами огромного военного госпиталя в погожую пору собирались девчушки-щебетуньи. К ним на предмет познакомиться выходили военные юнцы, кто на костылях, кто с медицинскими клюками. Обмотанные головы, щёлки для глаз. Подвязанные пустые рукава. Болтающаяся между костылями культя ноги.

Поправляющиеся и более или менее уцелевшие офицеры выходили в кителях и даже в кое-каких военных наградах. Остальное костыльное общество ухажёров ще-

голяло в палатных халатах и кальсонах. Командование госпиталя поощряло знакомства. В окружении девушек даже у покалеченных возникало что-то всё-таки похожее на романтику. Брали одеяла, кое-какие припасы, заветный бутыльмент разведённой спиртяги, отправлялись по аллеям лесопарка на какую-нибудь опушку, разбивали пикники, заводили довоенные песни.

Таинственный мир молодых взрослых кружил голову несовершеннолетней пацанве, особенно на холмах и в оврагах парка ТПИ. Компании покалеченных юнцов и их подруг, «выпив за армию нашу могучую, выпив за доблестный флот», разбредались парочками по тенистым тропкам. Пацаны вслед этим парочкам шныряли по кустам, и с ними Акси-Вакси, хоть ему и было это зазорно. Вдруг выносились на какую-нибудь поляну, а там — жадные поцелуи. Вдруг под навесом какой-нибудь сирени обнаруживается апофеоз любви: стройные девичьи ноги в латаных чулках, а между ними две сильные ягодицы ходят ходуном. Девушка стонет от страсти: «Ой, Лёнечка, ой, миленький, давай, давай!» А парень старается в лопухах, подсовывая ладони то под девичий затылок, то под её лопаточки, то под нежную попку: тебе хорошо? тебе сладко? тебе, как мне, да?

Три пацана, Акси-Вакси, Крюк и Утюг лежат в куриной слепоте, вытаращив глаза и залепив рты. Подходят по папоротникам две почти взрослые фигуры — Шранин и Савочко.

«Это что за бл... ство тут кипит в вооружённых силах? Эй, лейтенант, кончай глумиться над несовершеннолетней! Шмок, давай на них поссым для санитарии!»

Влюблённый стоит в незаправленных штанах, держит костыль над головой: «Ни с места, гады, убью!» Девчонка рыдает: слезы, сопли и слюни проникают через пальцы. Недоросли продолжают мочиться, стараясь своими дугами достичь гнёзда любви. Хохот.

«Крюк, Утюг, Акси-Вакси, лёгкая кавалерия, в атаку!»

Все перечисленные, кроме А-В, с посвистом, как бесенята, кружат по опушке. А-В вырывает здоровенный корень репейника и вращает его над головой, пытаясь их утихомирить. Высокий красивый раненый в накинутом лейтенантском кителе уводит свою девушку с поля боя».

Позволим себе ещё одну аксёновскую цитату, и это снова будет типичная для всех времён история. В летнем лагере Вовк Оссиновский подговорил ребят ночью пробраться на девичью террасу: «Одна девчонка обещала мне открыть дверь, когда весь отряд задрыхнет. Мы проходим неслышно, как могикане, внутрь, крадёмся по рядам и делаем выбор. Потом каждый из смельчаков залезает к своей красотке под одеяло. Там, под одеялом, каждый обнимает выбранную киску как хочет, а потом бесшумно улепётывает на лужайку под свет луны. Кстати, сегодня мы насладимся полнолунием, о сеньоры!»

Акси-Вакси, понятно, оказался среди «семерых смелых». Они пробрались в палату девочек... «И тут Акси-Вакси растерялся: ну что мне тут делать, ведь это какой-то парадокс, ужасная нелепость — лежать под одним одеялом с девочкой. И вдруг я увидел глаза Вольсман — огромные! В ужасе она смотрела на Акси-Вакси и видела, как ему показалось, его собственный ужас. Выпростала из-под одеяла указательный палец и запечатала им свои губы... Оттянула край одеяла, а он его отвернул. Она лежала перед ним в самодельной домашней комбинашке и вся просвечивала сквозь мелкие цветочки. А он был в футбольных трусах и под ними несусветно торчал. Он склонился над ней и некоторое время висел, а потом опустился и разрешил ей повиснуть на нём. Нежность и сладость, несоразмерные возрасту, овладели ими, и они стонали, не понимая, что происходит. Ни единого членораздельного слова не было сказано, но стон открывал всё».

Для музы Василия Аксёнова характерна именно такая «первая любовь», лишённая литературщины, полная здорового эротизма. Акси-Вакси вырос среди дворовых пацанов и навсегда остался забиякой. Для Кутуя подобная «романтика» была неприемлема — ни в жизни, ни в литературе. Рустема с детства окружали женщины — мать, сестры, их подруги. Он был домашним ребёнком, ходил со скрипочкой в музыкалку. Разве что очков не носил. Поэтому даже эротика (если сцена на сеновале не спрятана в абзацный отступ) в его описании выглядит вполне целомудренно. Дело тут не столько во внутреннем цензоре, сколько в чистом детском взгляде, который Кутуй сохранил до старости.

Вот так, например, герой рассказа «Цветные стёклышки» вспоминает тот день, когда ему в первый раз вдруг захотелось назвать девочку из соседнего двора не Сонькой, а Соней. «Когда солнце и падают листья, удивительно ярок, свеж и неожиданен мир. Я помню, как стоял у забора, как с вяза слетали листья, будто подожжённые солнцем, как чуть поодаль от меня, помахивая веткой, смеялась и раскачивалась, повиснув на суку, Соня, рассказывая что-то очень интересное, звонкое, — и я вдруг впервые увидел, вернее осознал, что она девочка, что у неё тонкие, чистые и лёгкие руки, что у неё очень яркие, невозможно блестящие губы, наверно, пахнущие солнцем и сухими листьями. Я покраснел. Я почувствовал, как плавно кружится земля, как жарко стало под рубахой, и, чтоб не видела Соня, отвернулся в сторону и принялся глядеть в щель забора на улицу, стараясь считать мелькающих прохожих и думать о чём угодно, только не о Соне».

В этом простом и предельно насыщенном описании снова и снова прочитывается любовь Рустема Кутуя к главному документу эпохи — чувствам человека, проживающего в конкретный исторический отрезок, очень короткий, очень личный и лиричный. И в итоге выводит нас к вселенским обобщениям. Первые чувства, непонятное волнение, сбившееся дыхание... «Замечательный народ девчонки — ябеды, сластёны, трусихи, говоруньи и модницы. Для них всякое стёклышко имеет великий интерес, всякая собака страшнее людоеда».

Когда я читал этот рассказ, невольно вспомнилось, как мои сестры возились с такими же кладами. Только у нас во дворе (на Мехзаводе в Самаре) их называли «секретом». Само слово «секрет» я впервые услышал от сестёр и долго потом считал, что так называется маленькая ямка, куда зарывают цветные осколки и обёртки конфет, а сверху всё это прикрывают кусочком прозрачного стекла — и получается что-то вроде мозаики в игрушечном калейдоскопе. Каждая девчонка во дворе старалась сделать себе «секрет», показывала его только самым близким подругам, поклявшимся «никому, никогда, ни за что». Кстати, после многие забывали, где зарыли свой «секрет», и потом мы искали его все вместе. Всё было так же, как двадцать лет спустя. А позже, через двадцать лет, уже в Казани, я увидел, как моя дочка с соседскими девчонками роет ямки во дворе и закладывает туда цветные стёклышки... Причудливо вращается калейдоскоп времён!

Для прозы Кутуя характерны такие мелочи. В них жизнь послевоенной поры рисуется как бы случайными мазками, без проработанных деталей быта, но всегда с особенной чуткостью к душевным волнениям маленьких героев.

Как правило, первая любовь вспоминается с грустью... А может, это и правильно, что первые подростковые влюблённости никогда не приводят к длительным отношениям, счастливому браку, банальному хэппи-энду? Тот первый жизненный ожог непременно останется маленьким шрамом на душе, ещё одной зарубкой на память — так складывается наш жизненный опыт.

После этого мальчики обычно начинают писать стихи. Литература в самом деле лучший способ самоутешения. Сочиняя чью-то выдуманную жизнь, можно пинг-

понгом отбить шарик отчаяния на чужую половину, отобразившись (как в зеркале) в других людях, отразить (как теннисной ракеткой) рутину взрослой реальности, наконец, познать себя. Для многих зуд марания бумаги так и заканчивается ничем, далеко не у всех юношеское увлечение перерастает в жизненную потребность. Но отдельным счастливчикам доведётся с испугом испытать момент, когда баловство неожиданно превращается в болезненную тягу. Все мальчишки начинают покуривать тайком, сначала задыхаясь и кашляя, потом получая даже удовольствие от табака... И никто не замечает, как переступает черту, за которой начинается неодолимое пристрастие, невозможность бросить. С годами сигареты становятся не только привычкой, в организме изменился обмен веществ, так что без никотина уже не обойтись. Так и с поэзией: когда человек поймёт, что без неё уже не может — обычно бывает поздно. Все знают: курить вредно. Однако не все подозревают, что для курящих это бывает и полезно, и приятно. Если разобраться, жить вообще вредно. Правильно Кшиштоф Занусси назвал один из лучших своих фильмов: «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путём».

Это необязательное, казалось бы, ответвление от нашего трамвайного маршрута, если подумать, в некотором роде небезосновательно. Рустем Кутуй попробовал курить очень рано, почти одновременно с первыми поэтическими опытами. И в дальнейшим всю жизнь был заядлым курильщиком, причём в процессе сочинения сигарета играла существенную роль. Вредно для здоровья? Конечно! Но без сладкой затяжки чего-то не хватает. Не вдохновения... Кстати, с литературой в общем всё примерно так же — она вредна для душевного здоровья, она мешает человеку спокойно жить, она завлекает дурманом несбыточной мечты, далёких образов из прошлого, великих идей из будущего... Одним словом, не даёт человеку просто учиться, работать, жениться, плодиться, выходить на пенсию и спокойно отходить в лучший мир — без особых забот, без терзаний над вопросом «для чего?»

Известная татарская актриса Фатыма Ильская была другом дома Кутуевых с незапамятных времён, она мыла маленького Рустема в корытце и вспоминала Кутуя-большого, в пьесах которого ей довелось блистать. Не имея своей семьи, она охотно взваливала на себя часть их семейных забот, а позже даже ревниво оглядывала знакомых девушек Рустема — достойны ли они занять его сердце. «Она жила нашим домом, воспринимая его беды-радости, как свои родные печали-удачи, — вспоминал Кутуй в последней своей публикации. — Игольным ушком, через которое проходила светящаяся нить, был отец. «Ты пообещал, когда вырастешь, жениться на мне, — со смехом напоминала она. — Не забудь только! Пока я платье белое шью да туфли выбираю, время и набежит».

«Позже, много позже, я останусь с ней один на один в пустом доме. Она согласится заночевать у нас. И я услышу коротенькую запальчивую исповедь. Ильская заговорит об отце: каким он был стремительным, неподчиняющимся человеком. Так говорят только влюблённые женщины. Мать будет на медицинской учёбе в другом городе, я — только-только закончу девятый класс. Ночь потрясений отложилась в памяти. Монолог звучал в темноте, как перед чёрным залом примолкшей жизни: на сцене были двое. Она забылась, сместив время. Наконец, спохватившись, расплакалась. «Я уже не могу играть Офелию. Давно не могу. У меня отняли роль, — восклицала Ильская. — На что я гожусь! Твой отец не позволил бы этого. Он бы, он бы...»

Народная артистка России и Татарстана Фатыма Салиховна Ильская (Хужасаитова, 1902–1984) прославилась своей звёздной шекспировской ролью — Джульеттой. Она была действительно великой актрисой, казанские зрители трёх с лишним десятилетий были в восторге от её Луизы («Коварство и любовь» Ф. Шиллера),

Катерины («Гроза» А. Островского), Сюзанны («Женитьба Фигаро» П. Бомарше), Тани («Таня» А. Арбузова). Оставив заметный след в истории советского татарского театра, Фатыма Салиховна практически не оставила своим последующим биографам подробных сведений о своей личной жизни. Ильская лишь приоткрыла перед растерянным подростком, так похожим на своего отца, какую-то личную тайну. Однако никогда больше о том не говорила.

Рустему ещё не раз пришлось сталкиваться с неожиданными открытиями — у его отца была большая, насыщенная и такая неизвестная для него жизнь! С годами он будет учиться воспринимать сложный мир взрослых, уважать их право на другие, сторонние отношения, не ограничивающиеся простым набором ролей, хорошо знакомых по извечной детской игре в «дочки-матери». И в его рассказах у маленьких героев рядом с их матерями-вдовами станут появляться посторонние мужчины. А подростки будут мучительно переживать и осмысливать новое понятие — отчим. И категорично решат: заменить отца не может никто!

Их послевоенному поколению с этой проблемой пришлось столкнуться, пожалуй, как никакому другому. Слишком много отцов полегло в Великую Отечественную. Многие женщины не выдержали испытания вдовьей долей. Кто же их за это может винить? Ведь большинство из них были ещё так молоды!

Ещё большее потрясение оставила в душе юного Рустема Кутуя встреча с незнакомой женщиной, которая окликнула его однажды возле дома и протянула конверт: «Передай это маме!» Мать надорвала конверт и сомкнула губы. «Чего она хочет? — спросил я. Впервые шевельнулось во мне враждебное чувство к чужому пришлому человеку. «Она несчастная, — сказала мать. — Попозже разберёшься, распутаешь узелки». — «Когда попозже?» — «Ещё не время. Мало интересного. Поранишься лишний раз, а толку ни на грош. Пусть душа пока будет лёгкой. Да и война всех помрачила, никого не пощадила. Тебя — тоже. Не твоего ума дело. В отцовы юбки пусть ветер дует».

Конверт она спрятала, да разве могут быть в доме такие места, где бы ребёнок не нашёл того, что его заинтриговало? Рустем прочитал таинственное письмо и поразился: оказалось, что у него есть ещё одна сестра — сводная! Гузель была старше на тринадцать лет, выходит, родилась она ещё до того, как его родители стали мужем и женой.

Прошли годы, и Кутуй стал получать письма, подписанные для конспирации завитками — Лео Норд. Ему писала первая жена отца Зайнаб Баширова, которая в оттепельных пятидесятых годах «задалась целью реабилитировать отца за «джидегянщину», и пыталась подключить меня к действию». Они встретились, когда Рустем уже заканчивал университет. «Лео Норд назначила мне встречу, назвала адрес. Я зашёл в тёмный двор на улице Жуковского, поднялся по лестнице. Отодвинулись, громыхнув, щеколды, — вспоминал он. — Стены были увешены преувеличенными фотографиями отца. Под его взглядами, должно быть, жизнь как бы сохраняла неизменность. На портретах он был молод, улыбчив, необманчив. Я уплетал пирожки, слушал тоскующий голос хозяйки, рассматривал фотографии».

Первый брак Адельши Кутуя распался после события, ярко характеризующего далёкие двадцатые годы: «Вышли на улицу бойкие, смелые девушки, обнажённые по пояс, с лентами через голоплечие: «Долой стыд!» Трудно вообразить даже в наше расхристанное время, — пишет дальше Рустем Адельшевич. — Дорисуйте это шествие, читатель, создайте собственное кино, срежиссируйте — и, я уверен, оно взволнует вас необычайностью. В реальности же... распалась неокрепшая семья. Прощается ли подобное супруге, к тому же — татарке?»

Этот эпизод сделал образ отца более объёмным, неоднозначным. К тому времени уже сам Рустем Кутуй начал влюбляться и писать первые рассказы. И жизнь подсказывала: не делай поспешных выводов, не выноси скороспелых оценок.

В Казанском университете он ближе сошёлся с другом детства Мустафиным, который поступил в КГУ годом раньше и успел стать знаменитостью не только одного физмата — благодаря блистательным выступлениям в вузовской самодеятельности. Дело в том, что у Виля в юности прорезался великолепный бас, он вдохновенно исполнял классические арии и зажигательно пел джазовые партии. Носил шляпу и слыл первым парнем «сковородки». Собой был виден, жаль, росточком не вышел. Как и Кутуй, впрочем. Рустем тоже пел в самодеятельности, а раньше занимался во Дворце пионеров, голосочком не блистал, но слух имел, и в музыке хорошо разбирался. Сын знаменитого писателя в компании со знаменитым басом, конечно, пользовались у девушек успехом.

А тут ещё оба начали писать стихи.

Собственно, «стихи марать» Рустем Кутуй и не прекращал. Ещё в школе, в тайне от одноклассников, совершал первые пробы пера. Когда в классе одни мальчишки, то и состязательность среди них возникает чисто пацанская — кто сильнее, у кого рогатка дальше стреляет... Так что стихами не похвастаешь. Другое дело — университет, филфак, где на тебя смотрят как на сына классика татарской литературы. А ещё не даёт остыть писательскому зуду встреча с такими же особами и особями, ужаленными той же осой сочинительства. Для того и создаются ЛИТО — литературные объединения. В Казани такое создали в годы оттепели, вскоре после знаменитого XX съезда, когда первый секретарь Никита Хрущёв выступил с развенчанием «культа личности». Что это было за литобъединение, рассказал в своей книге поэт Николай Беляев: «Литобъединение им. В. Луговского — так мы тогда почему-то назывались. Даже удостоверения нам на плотной малиновой бумаге напечатали. Мы — сказано не зря. Это некая ощутимая общность тех, кто начинал что-то делать «в литературе» или около оной, чьи имена появились в прессе, то бишь — в маленькой, «половинной», но славной газетке нашей — в «Комсомольце Татарии». А порой — и ещё где-нибудь. Книг у нас ещё нет. Но они будут, в этом никто не сомневается. Мы собираемся по четвергам в «Доме печали» — на лестнице перед Союзом писателей, где каждый раз сооружаем каре из счетверённых стульев, посредине ставим урну для окурков и — рассаживаясь, говорим о стихах, о новостях, спорим о прочитанном и услышанном. Официально у нас есть руководитель — Геннадий Александрович Паушкин, литконсультант Союза писателей. Он — почитатель Есенина. А практически мы — сами по себе. Паушкин у нас почти не появляется. Если сидит — то не мешает по крайней мере. Варимся в собственном соку. Пейте собственные соки! Белозубы, белобоки, потому что до беды — три версты белиберды! По-разному сложатся наши судьбы. Очень по-разному...»

Имя советского поэта Владимира Луговского, к сожалению, сейчас почти забыто. А в те годы о нём заговорили, как это обычно у нас бывает, в связи с его скоропостижной кончиной. Вспомнили, что начинал он как поэт-конструктивист, создал один из самых ярких образцов поэтической формы «тактовика», воспевал революцию, пострадал во время чисток-проработок тридцатых годов. В 1937-м вышло постановление правления Союза писателей СССР, в котором некоторые стихи Луговского осуждались как политически вредные. Владимир Александрович был вынужден принести публичное покаяние. Его не увезли в «чёрном воронке» на Лубянку, но публиковать стали редко. В годы войны Луговского эвакуировали не в Татарию, в маленький Чистополь на Каме, куда поехали многие советские писатели, прежде всего вожди СП, а в далёкий

Ташкент. Таким образом, он надолго был отодвинут на задворки и незаслуженно забыт... Бедствовал, попивал. После эвакуации вернулся в Москву. А сразу после смерти поэта вышли сборник стихов «Солнцеворот» и книга «Середина века», состоявшая из двадцати пяти поэм — они стали литературным событием тех лет. На волне того посмертного интереса к творчеству конструктивиста, пострадавшего от «культа личности», кто-то в Союзе писателей ТАССР решил присвоить его имя литобъединению. Возможно, идея принадлежала тому же Геннадию Паушкину. Коли почитал Сергея Есенина, то наверняка знал, что сам Есенин — один из создателей Ордена имажинистов, в двадцатых годах всерьёз увлекался конструктивистскими изысками в поэзии. Формалистическими новациями переболели тогда и молодые казанские поэты, так что имя Луговского «литовцы» (участники ЛИТО) оправдали вполне.

Поиск новых форм в искусстве закономерен для любого поколения. В Казани многие поэты и прозаики вышли из того ЛИТО — это Юрий Макаров и Гортензия Никитина, Марк Зарецкий и Нонна Орешина, Роман Солнцев (Ренат Суфеев) и Булат Галеев, а также многие другие. Туда же пришли Виль Мустафин и Рустем Кутуй — чтобы сразу выделиться на этом пёстром фоне. Их стихи были полны формотворчества, модных ритмов и символов. Кумирами молодёжи тогда считались молодые московские поэты Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский и Роберт Рождественский, позже к ним добавились барды Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, Новелла Матвеева и Юрий Визбор. На них равнялись, им подражали. Но мечтали, конечно, запеть собственным голосом. Собрания в курилке Дома печати были жаркими, друг друга не жалели. Как вспоминал позже Булат Галеев (в дальнейшем — член Союза российских писателей, член-корреспондент Академии наук РТ, особенно ругали первые рассказы студента-геолога Диаса Валеева, который примкнул к их кругу позже.

Привёл его двоюродный брат Рустем Кутуй. Впрочем, Диаска-тарантаска (в родне так его называли, потому что мальчик родился в тарантасе, на полпути к роддому, од-

нако согласно другой семейной легенде — испанское имя он получил, потому что Валеевы его усыновили тайно, а привезли его из Испании, где тогда шла гражданская война) со старшим кузеном общался мало, вообще был замкнутым и некомпанейским. На любовных фронтах удачами не отличался, влюблённости переживал тяжко. Да и на литературном поприще поначалу не блистал, потому что формы избирал традиционные, (по мнению продвинутых «литовцев»), устаревшие и немодные. Стихов почти не писал, рассказы его были тяжеловесные, в духе мало кому известного, а значит, никому не интересного писателя Пильняка. Мерилом успешной и современной прозы для многих в литобъединении стали первые повести их земляка Василия Аксёнова «Коллеги» и «Звёздный билет». Кутую и Мустафину особо было приятно, что Вася учился в их школе, был своим, более старшим однокашником. Его всесоюзная слава была стремительна и блистательна — журнал «Юность» тогда печатался тиражом более двух миллионов экземпляров. К тому же повести удачно экранизировали, оба фильма — «Коллеги» и «Мой младший брат» (по «Звёздному билету») — сняли в 1962 году.

Не остался в стороне от полемик по поводу поэтических форм и Рустем Кутуй. Среди «литовцев» он выделялся не только происхождением. Хотя и это нельзя сбрасывать со счётов. Когда в Казани стали возводить свои «Черёмушки», первые хрущёвские пятиэтажки — сразу за железной дорогой, проходящей вдоль улицы Абжалилова, то одну из главных улиц новостроек назвали именем фронтовика-писателя Аделя Кутуя, И сын Рустем, смеясь, вспоминал, как однажды ночью его забирали в вытрезвитель, а он кричал милиционерам, мол, вы где меня забираете? Это же улица моего отца! И наряд его не задержал, наоборот, с почётом довезли «сына лейтенанта» до дома...

Впрочем, магия имени действовала больше на маститых татарских писателей, чем на племя младое, бесцеремонное. В среде ЛИТО свою состоятельность можно было доказывать только творчеством. Быстро пришедший литературный успех многих друзей Рустема Кутуя, конечно, порадовал. Пожалуй, искреннее других радовался за друга Виль Мустафин, хотя в разборе своих и чужих стихов всегда был строг и требователен. У них было принято всех судить без экивоков, только по «гамбургскому счёту».

Однако нашлись и завистники — без этого в литературе никак невозможно. Кутуй-сын многим тогда казался этаким баловнем судьбы. Шутка ли, первая книга вышла в Таткнигоиздате, когда автору было всего двадцать пять! Повесть-новелла «Мальчишки», во многом автобиографичная, рассказывала о военном детстве, о погибшем отце — тема беспроигрышная. «В Займище отдыхали в ту пору Кави Наджми, Назиб Жиганов, Хасан Хайри. И гости были — другие писатели. Я зорко присматривался, нет-нет да схватывал косо проскальзывающий укол. Не такой уж я был неуязвимый, самоуверенный. Больше ложилось на душу ласковое внимание, памятливость, ревнивый присмотр, как слежение за стрелкой барометра: таким ли растёт, туда ли прицеливается, не заносчив ли? Но я только намечал дорогу и в строжайшей тайне хранил замысел, сознавая, предчувствуя, что мир художника может жить, дышать лишь под грозовым небом, перехлёстом стихий. Меркой тому был отец. Планка поднималась, поднималась — к достоинству, чести, правдивости. Здесь всё сложно — в разворачивающемся клубке постижения. Да и речь сейчас не о противоречиях роста. Постижение уходящего предполагает бескомпромиссную, углублённую внимательность, насторожённость к мелькающему, передвигающемуся окружению. Идёт мощный интуитивный процесс проникновения в суть, а поверху взглянуть — тишь да гладь, чем не Чарли Чаплин, помахивающий простодушно тросточкой. Отец как бы поощрял меня в ранней самостоятельности. Помощников не будет, точно говорил он, полагайся только на себя. Жизнь, в сущности, тогда, когда она на лету, когда как на духу,

не измышлена, а взята сердечной мукой. Остальное — житейская смута, свара, дребезги».

С другой стороны, если даже первые книги Рустема Кутуя в Казани можно было объяснить конъюктурными моментами, повышенно-доброжелательным отношением местных писателей и редакторов издательства к талантливому сыну известного писателя-фронтовика, то столичное литературное начальство этим не прошибёшь — в каждой союзной республике у классиков имелись дети... Но Кутуй-сын доказал, что литературные связи в его случае не являются определяющими, когда в одном из всесоюзных издательств вышел большой сборник его прозы «Дождь будет». Позже, спустя пятнадцать лет, известный писатель-фронтовик Василий Росляков вспомнит их первое знакомство и напишет в предисловии к книге Рустема Кутуя «Повести и рассказы» (Москва, Советская Россия, 1978): «Много лет назад в издательство «Советский писатель», в тесную комнатёнку русской прозы вошёл смуглый паренёк неписательского возраста, он был слишком юн по сравнению с теми, кого я привык видеть там изо дня в день. В его руках была папка с аккуратно завязанными тесёмками. Дверь открыл он несмело, несмело преодолел комнатное пространство и так же несмело присел на край предложенного ему стула. Сказал самое необходимое, не очень связно и совсем тихо, прокашливался, чтобы получилось громче — боялся, что его не расслышат. При этом смуглое лицо его казалось лицом баловня судьбы, оно было красиво небойкой, но какой-то застенчивой, очень тихой и всё же редкой красотой. Я слушал его и думал: нет, не может талант жить под такой оболочкой, принадлежать этакому красавчику. Одно только мешало моему впечатлению — пристальные и печальные глаза. И всё же опыт подсказывал: чудес не бывает, а если они и бывают, то очень редко. А потому я не стал регистрировать рукопись, взял её с собой, чтобы после работы прочитать дома, а утром поговорить с автором без официальных затей, по душам».

Понятно, почему Росляков не зарегистрировал рукопись. Ведь тогда бы автору пришлось в положенный срок отвечать официальным письмом-отказом на бланке издательства. И того гляди обиженный неудачник ещё начнёт писать письма в инстанции, те поручат рассмотреть вопрос, начнётся канитель на месяцы! В общем, морока с ними, графоманами... А тут отдал рукопись, сказал просто, дескать, не подходит, извините. И — до свидания. Разумеется, тихо сплавить посетителя можно лишь в том случае, когда редакторский опыт подсказывает: такой застенчивый и тихий провинциал выступать не станет — сам уйдёт.

Однако дома, уже по первому рассказу Василий Петрович понял, что имеет дело с настоящей хорошей прозой. Он и сам только что издал автобиографическую повесть «Один из нас», которая стала самым известным его произведением. Главный герой повести Коля Терентьев пишет поэму о красном комиссаре, который «очень красиво умирал за свободу и революцию» во время «очень складной и очень красивой гражданской войны». Не случайно фашист, увидев раненного в грудь Колю, сразу решил: «Комиссар!» — и его расстреляли. Романтичный Росляков сразу почувствовал в Кутуе родственную душу, общую судьбу, неповторимый воздух войны... Василий Петрович был на пятнадцать лет старше, его поколению пришлось повоевать, тем не менее, в начале шестидесятых они входили в литературу как одно поколение. Наутро Росляков «ничего особенного не сказал Рустему, сказал только, что книгу будем издавать». Вряд ли это зависело от молодого литсотрудника крупнейшего издательства страны, но безусловно редактору было известно, какие книги выходят, а какие заведомо «непроходные». В последующие годы Василий Росляков станет писать очерки, займётся литературной критикой, и не раз ещё напишет о творчестве казанского писателя,

которого именно он первым открыл всесоюзному читателю: «Теперь, когда рассказов написано много, уже чётко определился круг писательских интересов Рустема Кутуя. Он пишет о детях вместе с той сложной, порою драматической средой, в которую волею судьбы помещены все — дети, взрослые, старики. Его подростки — большей частью подростки войны и послевоенных лет. Безотцовщина, неустроенность, семейная нескладица — всё это придаёт рассказам Рустема грустный, порою пронзительно острый оттенок. Однако в рассказах его столько любви, столько добра разлито — и от автора, и от его героя, — что грусть и драматизм в жизни подростков не вызывают уныния, пессимизма, напротив — его рассказы приносят радость от соприкосновения с человеческим добром, с любовью, с незамутнённой свежестью восприятия мира».

Очень тепло о прозе Рустема Кутуя отозвался и другой столичный критик Лев Аннинский. Кстати, они были не только ровесниками (Кутуй на два года младше), их сближало и то, что в войну оба потеряли отцов. И после долго шли по их следам... Донской казак Александр Иванов, уроженец станицы Ново-Анненская, встретил в Ростове будущую жену — еврейку из Любеча, оба выучились, преподавали, потом переехали в Москву. Там Александр Иванович и взял себе псевдоним, когда устроился на только что выстроенный «Мосфильм» заведующим актёрским цехом. В первый день войны он, как и Адель Кутуй в Казани, побежал записываться добровольцем. Написал с фронта лишь одно письмо — из Великих Лук. И пропал на десятилетия.

Всю жизнь сын собирал об отце сведения, вчитывался в его поэмы, наконец, нашёл памятный камень под Полоцком на Западной Двине, где отца расстреляли фашисты — за связь с партизанами. Сам Лёва Аннинский два года провёл в эвакуации в Свердловске, потом с мамой вернулся в Москву, окончил филфак университета, пришёл работать в журнал «Знамя», где они и познакомились — московский и казанский сироты, филфаковцы, литераторы.

В дальнейшем Рустем Кутуй сойдётся со многими московскими писателями, но особенно станет его выделять Василий Аксёнов — они не раз встречались в Москве, в Центральном Доме литераторов, с удовольствием вспоминали свою улицу, свою школу! И даже разница в возрасте теперь почти не ощущалась, наоборот, давала возможность Аксёнову проявлять некоторую заботу об однокашнике. Бывало, земляки выпивали в ЦДЛ, что в те годы уже многое значило: с кем попало шестидесятники не пили, а если что — могли и в морду засветить по чисто идеологическим, творческим соображениям. Кстати, боксёр Вася с удовольствием это демонстрировал в знаменитом писательском ресторане, о чём впоследствии Рустем Адельшевич с не меньшим удовольствием нам, молодым, рассказывал.

Среди московских знакомцев Кутуя был ещё один почти земляк, с которым они сошлись, так сказать, по писательскому цеху. Это был известный детский писатель, главный редактор молодёжного журнала «Смена» Альберт Лиханов. Он родился в Кирове, по соседству с Татарией, окончил в Свердловске журфак УГУ, и в том же 1962 году, когда Рустем Кутуй принёс Рослякову в издательство «Советский писатель» свою книгу «Дождь будет», опубликовал свой первый рассказ «Шагреневая кожа» в знаменитом столичном журнале «Юность». Отец Лиханова — Анатолий Николаевич тоже ушёл добровольцем на фронт в первые дни войны. А мать, Милица Алексеевна, как и Алима Садыковна Кутуева, работала в военном госпитале. Помимо биографических и географических сближений объединяло их и то, что обоих тогда называли детскими писателями, хотя ни Альберт Лиханов, ни Рустем Кутуй никогда не входили в известный круг «детлитовских» авторов (Кассиль, Алексин, Сапгир и прочая). Проза Лиханова жёстка, порой жестока, в ней «по-взрослому» рассказывалось о трудностях, что выпали на долю «детей войны».

«Долгие годы знаю я Рустема, начав знакомство с книги рассказов «Снежная баба», вышедшей в 1965 году, — писал Альберт Анатольевич в послесловии к книге «... И слезы первые любви» (Москва, Молодая гвардия, 1985). — Та книга обрадовала меня тогдашней молодостью автора и удивительной при этом зрелостью. Потом мы познакомились, как говорится, на деловой основе — к первопубликации многих рассказов Кутуя я имел прямое отношение. И меня всегда радует его творческая неусталость, молодость взгляда, хотя все мы, конечно же, стареем... К тому же писать Рустем начал очень рано, по крайней мере к своему тридцатилетию он выпустил не одну книгу — и не только у себя на родине, в Казани, но и в Москве. И все последующее время он работал много, упоённо — упоённость эта заметна и в прозе: она не несёт ни малейшего признака вымученности, когда писатель пишет только потому, что пишет, а вдохновение давно покинуло кончик его пера. Писатель, зевающий над собственным листом, не способен ни к чему иному, как тиражировать зевоту в толпах читателей. Так вот, проза Рустема Кутуя счастливо полна жизнью, мускулиста, фраза его жива и гибка, точно лоза... Возникает чувство, что ты попал не то что бы в особый, но, безусловно, в интересный мир, где всё совсем не так, как в соседней книге. Вроде бы не так уж это и много, всякий писатель и должен отличаться от другого писателя. Но вот не перестаёт покидать удивление способностью выстроить реальный мир с узнаваемыми приметами и открываемой, неожиданной, совсем новой глубиной. Пространство рассказов Рустема Кутуя именно такое. Писатель как бы стирает с обыкновенных вещей пыль привычности, и перед нами новыми красками сияет мир, внушающий доброту и надежду». Альберт Лиханов заключает: «Татарин по рождению, сын классика татарской литературы Аделя Кутуя, Рустем соединил в себе кровь отца с литературным языком Ивана Бунина и Юрия Казакова. Его рассказы и повести — это не рассказы и повести татарского писателя, усвоившего русский язык. Это рассказы и повести русского интеллигента, в жилах которого течёт кровь его народа. Мне думается, это нельзя оценить иначе, чем приобретение — как для татарской, так и для русской литературы».

Как далеко прокатилось эхо всесоюзной известности Рустема Кутуя, можно судить по воспоминаниям его двоюродного брата Диаса Валеева, который после университета работал по распределению геологом в Горной Шории. Однажды его послали в командировку в Новокузнецк — и первое, что он там увидел на книжном развале, была книга Рустема Кутуя «Дождь будет», выпущенная солидным столичным издательством и разлетевшаяся по всей необъятной стране. И вдруг — привет тебе с родины! Брат и порадовался, и позавидовал. И конечно, сразу купил красивый томик. Вот эта книга, лежит сейчас передо мною. На титульной странице автограф: «Диаске! Моему брату, которому и в которого я очень верю. И жду такой же книги. Кутуй. 11.5.63». Вряд ли Рустем Адельшевич тогда догадывался, что уже через семь-восемь лет к Диаске, как он его по-семейному просто и душевно (а может, несколько пренебрежительно?) называл, тоже придёт всесоюзная известность, что пьесу Валеева «Дарю тебе жизнь» поставят на сцене одного из главных московских театров, на главной улице столицы (которую москвичи продолжали называть Тверской, а стиляги, там собиравшиеся, звали — Пешкой или Пешков-стрит). И слава Диаса Валеева в семидесятых-восьмидесятых годах будет, пожалуй, более громкой, нежели почти уже забытое яркое начало «шестидесятника» Рустема Кутуя...

Диас Валеев знал о своём призвании: откровение свыше пришло к нему в той же Горной Шории, среди бела дня — атеист в один миг прозрел и сразу уяснил для себя идеи новой мировой религии. Проповедовать её в те антирелигиозные времена (Никита Хрущёв стал самым яростным гонителем церкви за весь советский период

истории), понятно, Диас не осмелился — он понимал, что сразу угодит в психушку. Поэтому для пропаганды нового мировоззрения избрал писательское поприще. Но даже в завуалированной форме, высказанные эзоповым языком, его мысли, пробивавшись в ещё не изданных рассказах Валеева, стали поводом для звоночка — молодого писателя, как только он вернулся с семьёй в Казань и устроился на работу в газету «Комсомолец Татарии», вызвали к Комитет государственной безопасности на профилактические беседы! Другим поводом «приглашения на Чёрное озеро», как считал Диас Назихович, стал его отказ идти на выборы Верховного Совета СССР.

Примерно в то же время гнев властей обрушился и на его товарища по литобъединению Виля Мустафина, который осмелился прочесть в первом телевизионном мосте Казань — Горький свои крамольные стихи. Судя по всему, на передачу из Казанской студии телевидения его пригласил Рустем Кутуй, который там работал редактором художественных программ. Кстати, на телевидении работала и поэтесса Гортензия Никитина, с которой они познакомились в литобъединении имени В. Луговского. Записывающей техники тогда на телевидении не было, передача шла в прямом эфире. Вот Виль и выдал:

«Голосуете?
Голосуйте!
Суйте головы в петли,
Суйте!»

Пожалуй, за такие стихи в прямом эфире не только тогда, пятьдесят лет назад, но и в наше «либеральное» времечко по головке бы не погладили... Но как ни странно, после такого скандала Мустафина не стали вызывать в КГБ для проработок. Тем не менее, реакция последовала незамедлительно. Негласное распоряжение — не печатать произведений опального автора — действовало неукоснительно. И Виль решил для себя: не печататься? И пожалуйста! К тому времени стихов он писал меньше, решил всерьёз заняться музыкой. По приглашению ректора Назиба Жиганова поступил в Казанскую консерваторию.

Увы, хрущёвская оттепель оказалась недолгой. Да и чувствовалась она, пожалуй, лишь в Москве. На периферии с новыми веяниями боролись рьяно. И Рустему Кутую не раз доставалось от коллег-писателей. Нелегко приходилось и другим участникам литературного объединения имени В. Луговского, кто не мог или не хотел писать на родном языке. Некоторым из них пришлось переменить род занятий или место жительства. Например, Булат Галеев создал знаменитое СКБ «Прометей», где занимался своими светомузыкальными экспериментами и искусствоведческими исследованиями, написал много книг — но уже не стихов. А талантливый поэт Ринат Суфеев навсегда уехал в Красноярск, взяв себе литературный псевдоним Роман Солнцев — и прославился на всю страну своими пьесами и романами, как впоследствии и замечательным журналом «День и ночь».

Не их вина, скорее, может, их беда, что они, дети войны, практически не знали своего родного языка. В Казани, переполненной эвакуированными со всех уголков страны, русский язык безусловно доминировал. После войны негласная политика русификации городского населения продолжалась. Школ с преподаванием на татарском практически не оставалось, а получить высшее образование на родном языке было невозможно. Поэтому многие казанские татары владели родным языком в лучшем случае на бытовом уровне, но для литературного творчества этого недостаточно.

Так что жизнь «литовцев» поразбросала. Лишь судьба Рустема Кутуя сложилась, пожалуй, сразу и счастливо. Писатели Татарии не спешили причислять его к «предателям родного языкя», отчасти, потому, что произведения многих татарских поэтов

Рустем Адельшевич переводил на русский язык. Читатели огромного Советского Союза узнали стихи Сибгата Хакима, Нури Арсланова, Салиха Баттала и многих других татарских поэтов именно в кутуевских переводах. В дальнейшем Рустем Адельшевич часто перебивался переводами, кстати, и друзьям своим при случае их подкидывал. В частности, некоторые книги татарской прозы на русский язык перевёл Мустафин, жаль, теперь невозможно восстановить список его переводных работ — незадолго до смерти Виль Салахович изъял из своей домашней библиотеки все книги татарских писателей, которые вышли в его переводе. И завещал, чтобы никогда их в доме не было.

В отличие от друга Рустем Кутуй переводами не гнушался. И с московскими переводчиками сошёлся довольно близко. Среди известных имён, пожалуй, следует особо назвать Арсения Тарковского, замечательного русского поэта, который долгие годы был всем известен исключительно как переводчик.

ЭХО ДАЛЁКОГО ДЕТСТВА

Первым опытом литературного перевода для Рустема Кутуя стала незаконченная военная повесть его отца. Вряд ли идея перевести повесть Аделя Кутуя «Приключения Рустема» принадлежала сыну, имя которого даже вынесено в заглавие. В те годы решение о печатании книги в государственном издательстве (других и не было!) принималось коллегиально, за закрытыми дверями, без обозначения авторства. «Есть мнение» — и этого достаточно. И не принято было переспрашивать, мол, чьё же именно мнение. Хотя, возможно, Рустем Кутуй переспрашивал. В рассказе «Санта-Лючия» он описал подобного деятеля, который запретил на физмате выставку молодого художника. «Я ему говорю: «У вас есть собственное мнение?» А он как кочергой: «Какое может быть собственное мнение? Я — общественная организация. Мы должны смотреть глазами государства». Я ему и скажи: «Вы не государство. Вы — обыватель».

Назначить в качестве переводчика не кого-нибудь, а сына писателя решили, конечно, свыше. Для нас сейчас уже не так и важно, кто и как принимал это решение, главное — оно стало горьким счастьем для сына. Рустем Кутуй получил возможность снова говорить с отцом, отголоски того разговора до сих пор отчётливо слышны в той маленькой книжечке «для детей среднего школьного возраста», как указано в её выходных данных.

Вот передо мной сейчас лежит эта маленькая потрёпанная книжка «Приключения Рустема» (Казань, Татарское книжное издательство, 1964). Тот самый единственный экземпляр, счастливо нашедшийся во всей Центральной библиотечной системе города Казани. С первых же страниц сюжет уносит меня в далёкое детство, когда я впервые читал эти строки. И вспомнил я, как заманчиво гремят орехи в мешочке, привезённые из деревни бабушкой. Точнее, как в меня тогда запал тот мешочек, о котором я прочёл в кутуевской повести. Я вспомнил вкус цветка папоротника, который цветёт в полночь и только в грозу, поэтому его цветов никто никогда не видит... В детстве я ощутил их волшебный вкус, читая «Приключения Рустема»! И до сих пор вижу, как кипит родниковая вода, которую маленький беглец кипятил на костерке, бросив в кружку листьев лесной земляники. Почему мне всё это так врезалось в память? Почему возникает даже сейчас ощущение, будто все это происходило лично со мной? Быть может, потому, что в детстве я так же, как Рустем Асадуллин, читал взахлёб и считал книги своими лучшими друзьями? Как и он, выбирал в библиотеке

книги о необычайных приключениях того же Робинзона Крузо или Джима Хокинса на Острове сокровищ... В своих мечтах я поднимал со дна океанов затонувшие старинные корабли и улетал на Луну. После первого полёта Юрия Гагарина в космос по стране прокатился бум фантастической литературы. И нелишне будет отметить, что «Приключения Рустема» стали одной из первых книг в этом жанре. Именно с неё начался у меня интерес к фантастике, культовая повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» появилась позднее. И Станислава Лема я узнал лишь после того, как Андрей Тарковский экранизировал его роман «Солярис».

И вот теперь, спустя почти полвека, я перечитываю ту детскую книгу — и вижу, что не ошибся в том далёком самарском детстве, запомнив именно «Приключения Рустема» среди сотен прочитанных в детской библиотеке посёлка Мехзавод, запомнив имя именно Кутуя среди всех безымянных описателей подвигов пионеров-героев, чьими портретами были увешаны стены в школах.

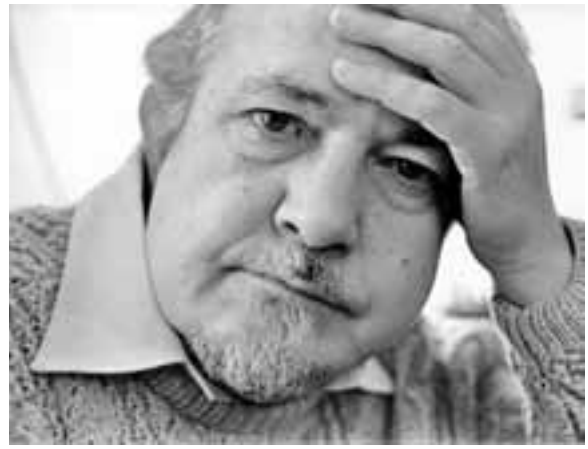
Адель Кутуй после встречи с девятилетним сыном Рустемом, безусловно, задумал и написал удивительную книгу, увы, незаконченную. Возможно, его герой Рустем-Расад должен был дожить до взятия Берлина? А вдруг он действительно осуществил бы свою мечту — добрался бы до логова самого Адольфа Гитлера? Увы, автор не успел дойти до Берлина, его смерть оборвала повесть о Расаде на самом интересном месте. Его сын Рустем — пусть не закончил историю, но все же дал той книге новую жизнь.

Помню, на одном из дневных сеансов в заводском клубе в те годы по школьному абонементу нам показали фильм «Иваново детство». Я ещё не знал, кто такой Андрей Тарковский (никто не знал, ведь это был его первый фильм), не читал рассказа Владимира Богомолова, по которому снималась картина. Но, безусловно, и рассказ («Иван», журнал «Знамя», 1957) и фильм (приз Венецианского кинофестиваля, 1962) переводчику Рустему Кутую могли быть известны. И не могли не бросаться в глаза тематические и композиционные сближения повести о Рустеме и рассказа об Иване. Отметим лишь некоторые из сюжетных пересечений. Так, у Богомолова молодого комбата Гальцева разбудили среди ночи и ввели к нему в землянку мокрого маленького мальчика, который немедленно заявил, что нужно сообщить о его прибытии в штаб. По телефону из штаба Гальцеву действительно подтвердили: «Это наш парень, ему нужно создать все условия и обращаться деликатнее». Оказалось, Иван — юный разведчик, сын полка, добывающий за линией фронта ценнейшие сведения. Кстати, он тоже своего рода «невидимка», о его существовании комбату мягко, но настоятельно посоветовали забыть и никому не рассказывать. И пропал Иван так же незаметно — ушёл без спросу в последнюю разведку. И не вернулся.

А у Аделя Кутуя казанский мальчик Рустем Асадуллин решил проверить бабушкину сказку про цветущий папоротник — и стал невидимым. В жизни его тоже появился подполковник П., правда, тот оказался контрразведчиком. Дядя Яков помог мальчику-невидимке добраться до Москвы, подарил пистолет. И Рустем поклялся первых десять фашистов убить от его имени.

Фантастичность сюжета повести не отменяет реалистичности переживаний мальчика. Как он испугался, как он обрадовался, как растерялся, как он развеселился — всё происходившее с героем искусно вплетается автором в реальную жизнь военного времени, окрашивается подлинными чувствами героев.

В финале фильма перенёсший тяжёлое ранение Гальцев становится контрразведчиком, в Берлине он смотрит архив тайной полевой полиции, вдруг на глаза ему попадается фотография Ивана. В донесении сказано, что в декабре 1943 года задержали мальчишку, который явно следил за движением немецких эшелонов в запретной



зоне. После допросов, на которых мальчик «держался вызывающе», его расстреляли.

В повести «Приключения Рустема» ужас войны предстаёт перед глазами сразу, как только мальчик-невидимка приближается к передовой. И передаётся нам через диалог двух солдат — сибиряка Федора Громова и новобранца Фатыха Уразаева из Казани. После первого же авианалета, который довелось пережить Рустему, он нашёл фамилию земляка на братской могиле, на фанере, только что прибитой к столбу... Так же коротко и страшно Андрей Тарковский показывает линию фронта. Двое красноармейцев сидят у дерева, на груди у одного табличка «Добро пожаловать» — у обоих на шее затянуты петли, и верёвки мешают им упасть...

Адель Кутуй вовсе не делает своего мальчика-героя неким голливудским бэтменом. Он ведёт своего невидимку к партизанам, подробно останавливаясь на всех мелочах, чтобы у читателя не осталось сомнений в реальности происходящего. В результате финальные подвиги Расада (Рустема Асадуллина) в тылу врага не кажутся фанерными, ходульными, надуманными. Партизан-невидимка наводит ужас на оккупантов, он спасает из плена того самого Федора Громова (не забыв сунуть ему в карман письмо для родных в Казани), пускает под откос вражеские поезда... Сотни раз Рустем мог погибнуть, как погиб Уразаев, как погиб Иван в рассказе Богомолова. Расад взрослеет на наших глазах — война действительно быстро делала взрослыми вчерашних мальчишек. И в этом главная мысль Аделя Кутуя, которую он выразил в неоконченной повести «Приключения Рустема».

Рустем Кутуй сделал безусловно замечательный перевод. Работая над ним, как мне представляется, он слышал голос своего отца. Ведь сын помнил его голос, его характерные интонации — на русском и на татарском. Безусловно, для молодого писателя это стало хорошей школой. Тем более, и описания природы, и метафоричность языка — все это было характерно также для ранних рассказов самого Рустема Кутуя. Путешествуя на трамвае по кутуевской прозе, я невольно ловил себя на мысли, что некоторые тексты из книги Аделя Кутуя, переведённые его сыном, не вяжутся со стилистикой детской фантастико-приключенческой повести, а больше напоминают разговор отца с сыном, своего рода литературное наставление. Не случайно звучит оно в повелительном наклонении: «Лес близко — сел на трамвай № 9, проехал девять остановок и — пожалуйста. Трава, сосны, птицы. Вслушайся — и услышишь, как дышит лес, точно никак не может отдышаться от зимних метелей, поскрипывает, словно разминает затежелевшие плечи. Ляг на траву, подложи под голову руки и гляди в небо — его уже тронул закат розовым по голубому... Пройди по лесу, вглядись попристальнее в разбросанные тут и там цветы, в каждую тощую травинку — сколько тайн ещё на свете. Они ждут тебя, открывай. Может быть, вот этот невидный цветок с крошечным венчиком, спрятанный в высокой траве, даст человеку вторую жизнь, когда смертельная болезнь подступит к сердцу. Ведь чудеса бывают не только в сказках. Но чтобы открыть на земле чудо и взять его на ладонь, надо верить в необыкновенное...»

В этих словах из повести Аделя Кутуя словно слышится завещание сыну Рустему. И сын, конечно, слышал отца. Ещё в детстве он любил ходить один в лесу, когда жил в пионерском лагере у деревеньки Кызыл Байрак. И в Займище, где отдыхали летом, и в Бакирово, где сына подстерегло известие о смерти отца, — везде с ним были леса, луга, берега. Казалось бы, такая незамысловатая, неброская природа Поволжья. А поброди по свету, походи по морям и странам — и поймёшь, что краше нашей стороны действительно не найти.

И ещё мне представляется, что Рустем Кутуй после выхода в свет «Приключений Рустема» в его переводе на русский язык, казалось бы, сам решил стать невидимкой. Он не любил просиживать на литературно-партийных собраниях, тем более, на них выступать. Не рвался активно участвовать в общественной жизни, как это делал Диас Валеев. Кстати, между двоюродными братьями отношения становились все более натянутыми. Прежде всего, по идейным соображениям. Рустем Кутуй не воспринимал пьес кузена — слишком грохотала в них строительная техника. Кутую же производственная тема была противопоказана, он не признавал конъюктурных сюжетов про Мусу Джалиля, тем более про юность Ленина. Рустем Кутуй ничего подобного писать не мог, поскольку это не совпадало с внутренним камертоном: ни слова неправды! Во всей книге «Дождь будет» слово «коммунизм» промелькнуло у него, кажется, однажды, да и то в прямой речи кого-то из второстепенных героев, как-то мимоходом...

Рустем Кутуй никогда не был диссидентом, как Виль Мустафин, однако принцип «неучастия во лжи», столь характерный для многих шестидесятников, он усвоил твёрдо. Всегда следовал лишь одной своей экзюперианской теме. Впрочем, не забывал пользоваться привилегиями, которые давало членство в Союзе писателей СССР. В частности, часто бывал в домах творчества, где можно было месяц жить почти задаром, на всём готовом — знай пиши «нетленку»! А ещё он руководил семинарами молодых поэтов, прозаиков и переводчиков, которые проводились в тех же домах творчества на республиканском и всероссийском уровнях и, кстати, неплохо оплачивались.

Об одном таком семинаре вспоминал главный редактор литературного альманаха «Аргамак», председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков. В 1968 году начинающий поэт «пытался участвовать в семинаре, устроенном для молодых авторов Союзом писателей Татарии, представив на обсуждение стихи о любви к Родине (слава Богу, не к партии):

Мне шепчет Русь — не падай на колени.
Мне Русь, как мать, вовеки не изменит.
И я, как сын, Руси не изменю...

и т. д.

Кутуя я встретил в коридоре ещё до начала семинара. Он назвал мои вирши никудышными:

— Понимаешь, это прокламации, не имеющие никакого отношения к поэзии. Если хочешь развивать тему, то учись у классиков, — и прочитал мне четверостишие Тютчева, давно ставшее знаменитым, но тогда я услышал его впервые («Умом Россию не понять...»). И ещё я навсегда запомнил совет: «Не спеши со скороспелыми декларациями. В жизни всё проще и тяжелей.»

Вот так была укрощена прыть двадцатитрехлетнего стихотворца, у которого, слава Богу, хватило ума «остановиться, оглянуться». Есть ли за душой что-то кроме разрывания рубахи на груди? В общем, на семинар я не пошёл, — писал Николай Алешков («Аргамак», 2'2009). — И в течение долгих лет по капле выдавливал из своих сочинений банальную публицистику, на которой, видимо, набил руку, работая в газете...

А Рустем Адельшевич, как потом выяснилось, крест на мне не поставил. К моему удивлению, в конце восьмидесятых он написал очень добрую внутреннюю рецензию для Таткнигоиздата на мою вторую книжку».

Кстати, написание внутренних рецензий в советские годы тоже оплачивалось прилично, я знал таких московских писателей, которые на этом зарабатывали на безбедную жизнь. Но, конечно, в Казани такая «синекура» подворачивалась редко и вознаграждалась ниже. Тем не менее, с 1964 года Рустем Кутуй, по его собственному признанию, стал профессиональным писателем, то есть нигде больше не служил.

Жил, как положено, на одни гонорары. И продолжалось это ровно тридцать лет. На недели, на месяцы выпадал Рустем из привычной казанской жизни, где нужно встречаться с друзьями, ходить к художникам на открытия выставок, а, значит, снова пить. Как признавался Кутуй, любил подолгу бродить один в лесу. Или за Волгой, в Кызыл Байраке, или на этом берегу, возле Займища и Обсерватории, а то и совсем рядом с Казанью, на озере Лебяжьем, куда мальчишками гоняли на велосипедах, или напротив, на Глубоком, в маленьком писательском дачном посёлке, нашем казанском Переделкине, где позднее у писателя Рустема Адельшевича Кутуя появится свой дачный дом.

В том домике, кстати, однажды и мне довелось побывать. Но обо всём по порядку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С Ы Н

Когда я устроился в журнал «Казань» (редактором отдела), то первым человеком, с кем я сошёлся и вскоре сблизился, был Адель Кутуй. Он оказался простым компанейским парнем, сразу перешёл «на ты» и познакомил со всеми журнальными «тайнами мадридского двора». Насчёт своего имени тоже сразу просветил. Адель Рустемович Кутуев — сын знаменитого писателя и внук классика татарской литературы. Сам литератором не стал и в редакции работал не с текстами, а в основном с накладными, рекламодателями, почтовиками. Адель и познакомил меня с отцом.

Рустем Адельшевич Кутуев мне показался внешне очень старым человеком, хотя ему было лишь чуточку за шестьдесят. Просто сам я себе казался ещё пацаном, как раз в тот год готовился не отмечать сорокалетие — примета плохая. Он был щеголеват и манерен, при этом одновременно простодушен и доброжелателен ко всем. На лице его чаще всего блуждала лёгкая улыбка — то ли снисходительности, то ли неуверенности. Словно заранее извинялся, что вошёл невовремя, помешал присутствующим делать важные дела. Вместе с тем, выражение его лица было несколько надменным, чем-то немного недовольным. Он всегда хорошо одевался, впрочем, заметно было, что Кутуй, как и многие в лихие девяностые, в основном донашивал свой гардероб советских времён. Во всём облике было что-то барское и детское, щегольское и жалкое одновременно. При этом «лицо баловня судьбы», как написал о нём Василий Росляков, всё ещё «было красиво небойкой, но какой-то застенчивой, очень тихой и всё же редкой красотой».

Рустем Адельшевич носил бородку клинышком и сразу отметил, как будто обрадовался, что в редакции появилась ещё одна борода (я перестал бриться сразу, как только ушёл из актёров — от советских бритв не проходили раздражения на шее).

Поскольку Адель знакомил нас в курилке, речь зашла, конечно, о том, не выпить ли нам понемногу за знакомство. Кутуй предложил это, словно одарил милостью, разумеется, подразумевалось, что междусобойчик за мой счёт. Да, трезвенником он не был, но алкоголь для него, как мне кажется, скорее всего был способом преодолеть барьеры в общении, перешагнуть через скованность.

Когда мы познакомились ближе, я понял, в чём заключалось несоответствие в кутуевском облике. При внешней состаренности (лицо, походка), он всё ещё оставался большим ребёнком, непосредственным и наивным. Неожиданно переходил с одной темы разговора на другую. Вдруг замирал, поражённый тем, как красиво падает свет в запылённое окно. Я с удовольствием ему признался, как любил в детстве книгу «Приключения Рустема». Кутуй улыбнулся, но говорить о своём переводе повести отца не стал. Только сверкнул снизу вверх глазом: «свой».

Было бы наглостью с моей стороны заявлять, что с Рустемом Адельшевичем мы были близкими друзьями. По-моему, он ни с кем в редакции не общался как-то особо. Даже с главным редактором Юрием Анатольевичем Балашовым разговаривал в той же манере, что и с Раисой — нашей наборщицей и уборщицей по совместительству. Приветливо и отстраненно. Я бы назвал эту манеру общения повадками невидимки. Во всяком случае, создавалось впечатление, что ему так хочется, подобно тёзке, герою той военной повести, оставаться для всех невидимым.

ПРИЕХАЛИ!

Надо сказать, в редакции ему это удавалось. На службу Кутуй захаживал редко, главным образом, в день зарплаты или аванса, у него даже своего стола не было. С подборками стихов и прозаическими рукописями внештатных авторов работал на дому. Понятно, что у других сотрудников редакции это вызывало некоторую зависть. С другой стороны, в каждом номере журнала выходили солидные литературные подборки, подготовленные Рустемом Адельшевичем, так что бездельником его никак нельзя было назвать. Помимо того, что его имя придавало авторитет литературному разделу журнала, его невидимые труды давали возможность главному редактору хоть немного отдохнуть от нескончаемого графоманского потока.

Отбор публикаций Рустема Кутуя к тому же не страдал извечной журнальной болезнью «вкусовщины». Он одинаково охотно рекомендовал к публикации самых разных авторов — молодых и старых, маститых и начинающих, реалистов и постмодернистов. Главным критерием всегда было Слово. Хорошо написано — это было решающим аргументом. Потом уже начинались разговоры об актуальности темы, новизне характеров и прочем. Он мог отказать маститому писателю и горячо отстаивать никому не известного автора, написавшего первый рассказ. При этом не скрывал, что работать в журнале его заставляет нужда. Ушли добрые советские времена, когда на гонорар от книги можно было год-два жить безбедно. Литература как профессия перестала существовать, писателям пришлось подрабатывать, постепенно забывая, что писать «нетленку» невозможно в свободное (оставшееся) от основной работы время. Само собой, это стало первой темой нашего разговора с Рустемом Кутуем, когда мы с ним знакомились.

В журнале «Казань» помимо него работал ещё один известный писатель, который в прежние годы жил лишь за счёт изданных книг. Ахат Гаффар занимался дублированными номерами журнала на татарском языке. Мы с ним тоже общались, впоследствии продолжили сотрудничество, когда я перешёл работать в «Казанские ведомости» (помню, помог его дочери устроиться к нам на работу корреспондентом). Ахат абый тоже не скрывал своего пристрастия к рюмочке. Однако с ним выпивать не доводилось, всё же он был маститым татарским писателем, а те русскоязычных коллег близко не допускают. Вскоре — в целях сокращения издательских расходов — учредители отказались дублировать журнал «Казань», оставив лишь русскоязычный вариант (одновременно ополовинили и журнал «Татарстан», который стал выходить только на татарском). Гаффар перешёл на работу в газету «Шахри Казан», позже служил в Большом концертном зале имени С. Сайдашева. Мы стали видеться реже.

Но тогда, в 1998-м, все сидели в одной большой комнате, несмотря на то, что у редакции журнала было ещё четыре помещения в том же коридоре второго этажа редакционного комплекса по улице Чистопольской, 5. Две комнаты сдавались в аренду одной казанской фирме, которая перепродавала компьютеры и расплачивалась с редакцией оргтехникой. В третьей комнате очень долго шёл ремонт, а последняя стала складом. Мы сидели чуть ли не на головах друг у друга. Впрочем, к посторонним разговорам я довольно скоро привык, тем более, что мне достался стол с краю, у окна, до меня на нём стоял огромный розовый куст. Я пристроил ведро с цветком так, чтобы дерево почти полностью укрыло меня от взоров главного редактора и сослуживцев. Перед глазами был лишь дисплей монитора и алые цветы в густой листве. Над головой тихо шелестел кондиционер, создавая иллюзию свежего лесного ветерка. Лето было жарким, а у нас в редакции было прохладно, светло и спокойно. Помню, даже на перекур выходить не хотелось — в коридоре сразу обдавало влажным жаром. Хотелось на природу, к воде...

Провести корпоратив собрались лишь к концу лета, а может уже в начале осени. И поехали в место особенное, где я ни разу до того не бывал и никогда уже после не побываю. Рустем Кутуй пригласил нас в гости на писательские дачи в лесопарке «Лебяжье».

Помню, редакционный десант с баулами он встретил на пороге своего домика то ли радостно, то ли раздражённо: «Приехали!» — у него была, может быть, для него одного характерная интонация, когда трудно определить, что скрывается за обычной фразой.

Пригласил в дом, показал, где взять посуду, ножи и стаканы. Показал, где лучше собирать дрова для мангала. И пока дрова прогорали, заговорщицки повёл всех к озеру Глубокому по одному ему известной тропке — так ближе. Мы вышли на берег, противоположный пляжу. Раньше мне приходилось бывать на Глубоком, но ничего особенного я в нём не нашёл. На этот раз озеро открылось необычайно живописной своей стороной, а может быть, я просто смотрел на него глазами Кутуя. Для него оно было не просто зоной отдыха, он чувствовал себя здесь дома.

Сам дом был в сильном запустении. Рустем Адельшевич жаловался, что нужно делать ремонт, перестилать полы, перекрывать крышу, а у него нет ни сил, ни средств. Да и ездить сюда одному стало сложно — возраст и здоровье не позволяют. Жаль, но придётся, наверное, продавать дачу...

Пока женщины нанизывали на шампуры мясо, а Адель мастерски жарил шашлык, мы успели пропустить по стаканчику сухого красного — и хозяин заметно подобрел, потеплел взором, стал разговорчивее. Я не помню все славные легенды, которые он слагал про писательские дачи и их именитых обитателей. Но сразу бросилось в глаза

былое величие и нынешнее запустение. И сюда уже пришёл дух нового времени, когда всё продаётся и всё дозволено тем, у кого больше денег.

Рустем Кутуй рассказывал, как хорошо здесь работалось раньше. Наверное, гораздо больше об этом могли поведать вещи, книги, обстановка. Позднее я прочёл повесть «Одна осень» — и сразу узнал эти места.

Герой повести опять же не является просто «двойником» автора, хотя во многом озвучивает его собственные мысли, имеет сходные черты. В сюжете повести, возможно, не зашифрован какой-то реальный случай, а всё это лишь метафора. История получилась грустная и красивая. Врач Ильтазар решил пожить на даче друга в начале осени. И влюбился в соседскую девушку Гузель, которая привезла на дачу своего старого отца. Счастье вышло недолгим. Старик умер. Дочь уехала, ничего не объяснив. И лишь позже пришло письмо без обратного адреса: «Мой горестный друг Ильтазар! Я плачу по тебе подле больной матери... Пока я нужна здесь. Ты поймёшь меня, дорогой доктор... Мы не вправе бежать за радостью, когда рядом стоит горе. Помнишь, я тебе открыла, как чужое, но это само пришло ко мне: судьба разлучает тех, кто слишком хочет счастья для себя. Прости, что так грустно. Но я хочу, чтобы ты ждал меня и в ненастные дни. Обнимаю тебя перед первым снегом. Очищение и милосердие в его полёте. Одной осени хватит на всю жизнь. Гузель».

Наш пикник на обочине осени удался на славу, шашлыки у Аделя Кутуя получились чудесные. Потом он взял гитару, стал петь — и получалось у него неплохо. Правда, не все песни, которые ему заказывали, он смог сыграть. Тогда я попросил у него гитару, вспомнил славные тюзовские времена — и мы пели хором добрые советские шлягеры. Пошумели на славу, потом разъехались, оставив Рустема Адельшевича одного. Ему было хорошо и грустно здесь в одиночестве, слишком много воспоминаний, засохших цветов и разворошённых рукописей...

Честно говоря, я не знаю, что стало с теми дачами. Скорее всего, их скупили герои нашего безвременья. Не так давно в том районе открылась база отдыха «Озеро Глубокое», где сдаются номера, уютные домики, шикарная баня, зал ресторана можно снять для торжеств. И сдаётся мне, что всё это находится на том самом месте, где раньше жили и творили известные татарские писатели.

Тот старый писательский посёлок навсегда останется для меня местом действия кутуевской повести «Одна осень», герои которой, конечно же, больше не встретились.

ДЕТСТВОМ МОЖНО БОЛЕТЬ, КАК ТОСКОЙ О ПРЕКРАСНОМ...

Позже я узнал, что Аделя в журнал на работу сосватал не отец, а университетский товарищ Ирек Ахметов, заместитель главного редактора, который занимался рекламой, подпиской, пиаром и маркетингом, одним словом, тем, что в те годы только формировалось в новое для средств массовой информации направление — продвижением своего бренда на рынке печатной продукции. Ирека в журналистском мире Казани больше знают под псевдонимом Гауранга, однако знакомые чаще называли его Харе Кришна, потому что он всех приглашал на праздники в храм кришнаитов в Восточном парке станции Юдино. Побывал там и я, впрочем, их верой не проникся. Слишком экзотичен сей культ для нашего сознания. Да и вегетарианство в наших северных широтах вряд ли когда-нибудь приживётся.

Адель Кутуй первым в редакции обратил внимание, что я набираю тексты на компьютере, не глядя на клавиатуру и монитор. «Представляешь, как я испугался! — смеялся он потом в курилке. — Сидит незнакомый бородач за компом, долбит всеми пальцами по клаве с дикой скоростью, а сам на экран не глядит! Ну, думаю, взяли новенького, а он слепым оказался...»

Слепому десятипальцевому методу набора нас учили в литинституте. Работая в «Молодёжи Татарстана», я освоил и макетирование полос, однако в журнале «Казань» решил этого умения не показывать — к вёрстке журнала здесь относились как к священнодействию. Адель предостерёг меня и от других возможных недоразумений. Вышло так, что в первую же неделю работы в журнале я сдал главному редактору сразу три больших статьи. Дня через три Юрий Анатольевич Балашов вернул мне тексты на доработку, основательно исчеркав рукописи красными чернилами. Адель объяснил, что журнал — не газета, здесь не принято работать в таком темпе. И впоследствии я стал писать как положено, готовые статьи сдавать не торопился, пусть отлежатся. Когда напомнят, что подошёл срок сдавать очередной номер, тогда причешу ещё раз и сдам... На экране монитора наловчился двумя касаниями клавиатуры («альт-таб») переключать окна с текстами. Если кто-нибудь решит внезапно подойти и заглянуть, чем я там занимаюсь, то ни за что не успеет разглядеть — то ли я набираю очередную статью для журнала, то ли пишу очередную повесть для вечности (в стол). Кстати, в «Молодёжи Татарстана» в тот год печатался мой роман «Ясновидящая», последние его главы я дописывал как раз на новом месте работы.

Разумеется, не в ущерб основным обязанностям. Тут Юрий Анатольевич вряд ли мог на меня обижаться. Материалов в журнал я сдавал достаточно. Со временем приноровился и к особым требованиям главного редактора, и даже стал находить, что правки Балашова, отмечу справедливости ради, всегда отличались конкретностью и компетентностью. Так, Балашов слово «нынешний» всегда менял на «теперешний» (мой нынешний главный редактор, кстати, не выносит слова «теперь»!), не допускал сокращений типа «Госсовет РТ» — всегда полностью, в четыре слова, с заглавной буквы. Я и раньше знал, что нельзя в чужой монастырь приходить со своим уставом, а теперь ещё убедился, что в журнале «Казань» негласные правила отличаются хорошим вкусом. Со временем правок в моих статьях становилось всё меньше, а тексты всё чаще не возвращались на доработку — сразу шли в печать.

Главный редактор журнала «Казань» Юрий Балашов, на мой взгляд, личность незаурядная. Начинал в советские времена с маленького обкомовского «Блокнота агитатора», который в годы перестройки переименовал в «Панораму» и превратил из дежурного бюллетеня в яркий полемичный журнал с острыми политическими материалами и дискуссиями. После ликвидации обкома КПСС учредителем журнала стал Верховный Совет Татарстана, и с 1993 года он стал выходить под названием «Казань» (очевидно, в пику «Коммунисту Татарии», ставшему журналом «Татарстан»). Внешне человек закрытый, Юрий Анатольевич во многом остался для меня загадкой. Я всегда уважал и уважаю его за беспредельную преданность своему делу. Журнал для него — вся жизнь. Наши тексты он правил дома до ночи, сидел над ними все выходные. В понедельник привозил большую пачку рукописей, испещрённых красными правками. Больничных никогда не брал, в отпуск никогда не уходил. Лишь в этом году, впервые за 35 лет, собрался отдохнуть... точнее, сотрудники редакции чуть ли не силой заставили его съездить на две недели в США, куда его давно звал старый друг. А тогда, двенадцать лет назад, я никак не мог понять, зачем главный редактор вычитывает чистые полосы после корректора? В «Молодёжи Татарстана» я привык думать, что печатное издание — дело коллективное. Но в данном случае это правило

не годилось. Журнал был детищем Балашова, он составлял план номеров на весь год, конечно, советуясь с членами редколлегии, среди которых были известные писатели Амирхан Еники и Рустем Кутуй, сокурсник Владимир Бухараев и их университетский наставник по «научному коммунизму» Агдас Бурганов. Но с сотрудниками журнала это не обсуждалось. И это правило игры я тоже принял, согласившись, что так правильно. В нашей стране советов лучше не лезть с советами, когда тебя не просят.

Адель Кутуй поведал и о других особенностях редакционной жизни, которые мне в дальнейшем пригодились. Одним словом, выступил моим Вергилием в круге первом, дальше я уже стал понемногу сам разбираться в тонкостях журнальной субординации.

Адель жил недалеко от редакции, в одной из многоэтажек на проспекте Ибрагимова, точнее, там жила его гражданская жена с сыном. Несколько раз мы заходили к ним домой, конечно, в обеденный перерыв, когда никого дома не было. Пили кофе, слушали музыку — от «Битлов» до «Песняров» — обменивались кассетами. Слово за слово, неожиданно для себя открывали много общих знакомых. Например, на Казанской студии телевидения. Скажем, мы с тюзовских времён дружили с Натальей Акимовой. Её муж Роберт Хисамов снимал по моим сценариям — как раз в первый год моей работы в журнале «Казань» — игровой сериал «Житейские истории», что шёл на ГТРК «Татарстан». После пяти пилотных выпусков, впрочем, стало ясно, что на голом энтузиазме игровые короткометражки вытягивать тяжело, а финансирования, в связи с дефолтом, не ожидается. Оказалось, Адель Кутуев знал их с детства, отец Наташи — Герман Александрович Мелешин был одним из пионеров телевидения. Напомню, окончив филфак Казанского университета, Рустем Кутуй какое-то время работал на студии телевидения в качестве редактора художественных программ, корпел над русскоязычными сценариями передач, в то время как телепередачи на татарском языке готовил Туфан Миннуллин — ныне классик татарской драматургии, народный писатель и вечный депутат. Они тогда сидели в одном кабинете.

На Казанской студии телевидения начинали многие известные в дальнейшем личности. Все знают, что отсюда начинал свой путь в кинематограф Станислав Говорухин, правда, он об этом не очень любит вспоминать, поэтому и мы не будем. То были замечательные времена, когда никто не знал, как делается телевидение. Такой специальности нигде не учили, а потому энтузиасты приходили на студию из самых разных сфер, но в первую очередь, гуманитарных. И долгое время не могли договориться, чем же на самом деле является телевидение — десятой музой искусств или просто новостями в картинках. Рустем Кутуй был одним из тех, кто считал телевидение новым видом искусства, а не старым способом оболванивания масс. Во всяком случае, в редакции художественных программ тоже искали новые формы. В начале 60-х таким экспериментом стал, к примеру, уже упоминавшийся нами телемост с нижегородскими коллегами (их город тогда ещё назывался Горьким). Впрочем, магия новой музы телевидения не отвлекала Рустема Кутуя от вечной муки — он продолжал писать стихи и прозу, выпускать книги в Казани и Москве.

К тому времени Кутуй уже был женат на своей сокурснице Светлане Левушкиной. У них родились сын и дочь. Поэтому молодой семье на молодом телевидении предоставили квартиру — первую «заработанную» Кутуем жилплощадь, буквально в двух шагах от студии. Так что их балкон был виден Рустему Адельшевичу прямо из окна редакционного кабинета. Адель часто бывал на студии. И, конечно, был знаком с детьми других сотрудников. Телевидение тогда делали в основном молодые, поэтому и дети их были сверстниками. Студийцев селили в новом «телевизионном» доме, чуть ли не во дворе студии.

В тех наших кухонных разговорах Адель не очень вдавался в семейные подробности, а я особо в них не углублялся, поскольку видел — сыну о многом вспоминать нелегко. Но одно я понял: отца он не винил. Родители развелись, детей не спросились... Мать вышла позже замуж за телеоператора Виктора Щеглова. И отец снова женился — Светлана Хозина тоже работала на телевидении. По рассказам Аделя выходило, что всё же ему досталось счастливое детство, он был общим любимчиком, его баловали бабушки, вторая жена отца тоже нашла с ним общий язык. С детства Адель-внук много читал, к чему в равной степени причастны и отец, и мать. Светлана Борисовна работала в библиотеке Казанской консерватории, а после перешла на студию телевидения — тоже библиотекарем. Отец, как со взрослым, говорил с ним на литературные темы. Однако юношеская страсть к чтению в какой-то степени и послужила причиной, почему внук не пошёл по стопам деда и отца — не стал писателем. Он слишком хорошо разбирался в литературе, в него с детских лет заложили высокие художественные критерии: «Всё равно у меня бы так не вышло...»

Однажды у него дома мы заговорили о творчестве отца. Адель прочёл все его книги, свято хранил подаренные ему экземпляры (в квартире на улице Окольной, где жила мать и сестра Юля с сыновьями). В том разговоре Адель постарался развеять расхожее мнение, к которому многие привыкли, будто писатель Рустем Кутуй — это всего лишь детский автор, который в шестидесятые годы прославился на всю страну своими рассказами о военном детстве. Такое устойчивое представление о его творчестве сформировали прежде всего столичные литературные критики. Кстати, до какой-то степени эту точку зрения разделял и сам Рустем Кутуй. И продолжал подпитывать её своими публичными заявлениями в избитом экзюперианском духе.

«Я из моего детства. Я пришёл из детства, как из страны...» — эти слова Антуана де Сент-Экзюпери он поставил эпиграфом к «Стране моей — детству». И закончил тот очерк программным признанием: «Я думаю, всё начиналось там, на том далёком и близком островке, который носит красивое щемящее имя — детство. От него нельзя отказаться, его нельзя приукрасить. Оно живёт, как в глубине леса чистое озеро. И любое раздумье уводит туда через заросли лет узкой тропой, и разные запахи оживают, и приглушённые голоса окружают тебя... Я не знаю, где оборвалось детство — на высоком ли дыхании, на горестном ли вздохе. А может, оно продолжается и не кончится никогда. Я бы хотел, желал последнего. Ведь детством можно болеть, как можно болеть тоской о прекрасном. И я благословляю эту болезнь, потому что она приносит человеку счастливые страдания, — и детство проходит через зрелую жизнь, как пронзённое солнцем облако над спокойно лежащим полем».

В общем-то, поэт прав. Чем чаще человек уносится воспоминаниями в своё детство, тем добрее он становится. Светлая печаль по утраченному раю... Однако Рустем Кутуй очень точно поставил диагноз — не только себе. В какой-то мере он заразил той «детской болезнью» и своего сына. Адель тоже часто возвращался воспоминаниями к далёким годам своего счастливого детства, когда деревья вокруг заново выстроенного здания телестудии на улице Шамиля Усманова ещё не были такими большими, как сейчас. Созерцательность отца, который в лесу надолго замирал, глядя на казалось бы обычные заросли орешника, в полной мере передалась и сыну, который, повзрослев, решил стать биологом.

С другой стороны, в семидесятых годах и начале восьмидесятых Рустем Кутуй написал немало рассказов и повестей, действие которых разворачивается, что называется, «в наши дни». В них порой всплывает то же далёкое военное детство, но в основном его «взрослая проза» затрагивает другие проблемы.

Теперь тот период стали называть «застоем», хотя такое название куда больше подходит к нынешнему времени, чем к годам брежневского правления. И речь не только о том, что тогда в стране построили Камский автогигант, пустили газопровод на Запад и перешли на всеобщее среднее образование. В те «застойные» годы неуклонно росло народное благосостояние, развивалась культура и искусство, несмотря на серьёзные рогатки партийной цензуры. В конце концов, в СССР двух последних десятилетий рождаемость всегда превышала естественную убыль населения. Увы, в первые два десятилетия «новой России» всё катится с точностью наоборот. Так что те годы никак не назовёшь «застоем». В обществе происходили серьёзные перемены, что нашло отражение в повестях Рустема Кутуя, таких как «Одна осень», «Свои люди», «Яблоко пополам». Они стали новым этапом в творчестве писателя, однако не нашли адекватного отражения в литературоведении тех лет. Очевидно, сработало привычное клише: для многих критиков Рустем Кутуй так и остался детским писателем, который писал о военном прошлом.

К сожалению, так часто бывает. И не только в литературе. У актёров случается хуже. Скажем, звёздная роль Шурика в комедиях Гайдая «Операция «Ы» и «Кавказская пленница» не дала хорошему актёру Александру Демьяненко в дальнейшем сыграть в кино ни одной заметной роли — для режиссёров он навсегда остался «вечным студентом».

Творчество Рустема Кутуя 70–80-х годов выпало из поля зрения литературных критиков, которые повелись на ранние высказывания Рослякова и Лиханова, ещё и потому, что в силу вошла так называемая «деревенская проза» Василия Шукшина, Федора Абрамова, Валентина Распутина. Впрочем, это тоже стало расхожим литературоведческим клише, как и «городские повести» Юрия Трифонова или Владимира Маканина. Кроме того, в литературных кулуарах тогда больше говорили не о многотомных «победах» секретаря СП СССР Александра Чаковского или «бесконечных зовах» Анатолия Иванова, а про «самиздатовские» сочинения, скажем, того же литературного забияки Василия Аксёнова, который знаменитые романы «Ожог» (воспоминания о магаданской юности, когда из Казани он переехал в Магадан к ссыльной матери, 1975) и «Остров Крым» (остроумная антисоветская антиутопия, 1979) с самого начала писал без всякого расчёта на публикацию. А потом издал их в США, как и свой нашумевший бесцензурный альманах «Метрополь», стоивший ему в конечном счёте советского гражданства (эту историю он описал в романе «Скажи «изюм»», 1983). Одним словом, в литературе конца семидесятых годов происходило слишком много громких событий, чтобы кто-то в Москве вспомнил о хорошем казанском писателе Рустеме Кутуе, который так ярко выступил в начале шестидесятых...

Однако для Аделя Кутуя-младшего, как заинтересованного читателя и искреннего почитателя, безусловно, повести отца о современной жизни 70-х имели большее значение. К тому же в них отразилось его детство и бесшабашная юность.

После школы Адель пошёл в Казанский университет, однако сознательно уклонился от семейной традиции — выбрал не филологический, а биологический факультет. На его решение не могли влиять ни разведённые родители, ни общественное мнение, согласно которому самыми престижными в те годы факультетами КГУ считались юрфак и «научный коммунизм». Адель с детства был самостоятельным человеком, что нашло отражение и в творчестве отца тех лет. Проза Рустема Кутуя, как и вообще большая проза, автобиографична. Поэтому в ней мы видим немало маленьких мальчиков, прототипом которых в определённой мере можно представить сына автора. Это и молчаливый Никита из повести «Свои люди», и сын из рассказа «Большой и маленький».

Но что касается рассказа «Мужчины», то тут гадать не приходится, ведь он снабжён посвящением «Моему сыну Аделю». Заметим, у Рустема Кутуя в прозе очень редко встречаются эпиграфы, а посвящений и того меньше. Матери Алиме Садыковне он посвятил «Шум дождя» — рассказ о поездке матери и сына в польский город Згеж, где в сорок пятом похоронили Аделя Кутуя.

Рассказ «Мужчины» странно начинается: «Когда-нибудь мы с ним отправимся на рыбалку. Вот только вырастет ещё из двух рубашек, и будет полный порядок. Он несёт удочки и мешочек с червями. Я — весла. Чёрт возьми, я устал уже всё время таскать на одном плече весла, на другом удочки».

Смещения во временах глаголов, заметим между строк, пока двери нашего трамвая закрываются, у Рустема Кутуя часто бросаются в глаза. Порой несколько страниц автор употребляет глаголы только в будущем времени, хотя из контекста видно, что речь идёт о прошлом. Иногда это начинает раздражать. И рассказчик снова переходит на привычные слуху глагольные формы «прошедшего времени». Хотя речь ведёт о настоящем.

Дальше в «Мужчинах» идут диалоги отца с сыном. Их цель в общем-то проста: показать характер маленького человечка, которого зовут Андрейка (хотя само посвящение подсказывает, что это имя — всего лишь псевдоним). Можно сказать, что в коротком рассказе нет сюжета, но если быть точнее — сюжетов в нём даже два. Отец сказал Андрейке, что солнце село в их сарай. Сын поверил, и тогда отцу пришлось незаметно взять из дома медный таз и закрыть его в сарае. А потом позвать сына, посветить фонариком в сарайный мрак, чтобы Андрейка увидел, как сверкает заснувшее там солнышко. Другой сюжет касается погибшего на войне деда. Отец принёс из военкомата орден Отечественной войны 1-й степени и объяснил сыну: «Дедушке забыли его дать... Всякие бумаги потеряли. А сегодня нашли и мне дали». — «Кто теперь его будет носить?» — «Ты». Отец сделал дырку на свитере маленького сына и прикрутил орден. «Кто-то же должен носить орден. За Андрейку погиб дедушка... Андрейка спал с орденом и, проснувшись, стоял перед зеркалом долго. А потом подошёл к дедушкиному портрету:

— Доброе утро, дедушка...»

Патриотическое воспитание в те годы было делом обычным. Помимо официальной пропаганды сама жизнь учила детей уважать прошлое своей страны. Практически в каждой семье война забрала родных. Её эхо в виде ордена, нашедшего давно погибшего солдата, в те времена не было редкостью. В этом смысле Адель Кутуев, как и многие наши сверстники, всегда чтил память о погибшем дедушке, именем которого его назвали... Следующее поколение будет уже воспринимать Великую Отечественную войну как скучные параграфы в учебнике истории.

В повести «Свои люди», написанной от первого лица — художника Шамиля, выведены его сын Никита и дочь Сонечка. И снова можно спроецировать их отношения на жизнь и судьбу самого писателя и его детей. Тем более, Рустем Кутуй особо не скрывает биографичности многих прозаических произведений. Однако не пойдём по этому лёгкому пути. Давайте считать, что в образах художника, его жены Марины, их сына и дочки нашли отражение лишь некоторые черты из реальной жизни конкретной семьи Кутуевых. Но не более, чем отчасти. Тогда в Никите мы отдалённо узнаем Аделя, а заодно увидим развитие той давней истории, которую прочли в рассказе «Мужчины». Помните, отец мечтал, чтобы сын скорее подрастал? И вот сын подрос — он уже сам рыбачит, пока отец-художник возится с мольбертом. В рассказе, посвящённом Аделю, мы видели полное единение малыша с папой, в «Своих людях» между ними уже более сложные отношения. Появилось некоторое отстранение, непо-

нимание. «Никита не пошёл в меня, жаль. Ему снится другое. Я не знаю, что ему снится. Он ни разу не дотронулся до моих красок. А кисти... две кисти сломал. Постучал на барабане и сломал. Зачем? Интересно. Я дал ему по шее за такой варварский интерес. Тогда он тайком наплевал в мои медовые краски. Какой мстительный, однако!..»

«Свои люди» — так любит выражаться Артём Иванович Шаврин, один из главных героев повести, который купил первую картину художника под названием «Голова лошади». Шаврин работал на конезаводе в Званке, потом переехал в Спасский район. Туда, к себе на родину, он и пригласил художника Шамиля вместе с семьёй на лето. Однако поселил не у себя, в Никольском, а в Ржавце — у своей знакомой тёти Маши. Здесь, на волжском берегу, Шаврин родился, здесь по молодости влюбился — только Марию выдали замуж за другого... Она давно осталась вдовой, живёт с больным сыном Борисом. Шаврин часто их навещает, но теперь он женат... И это не единственная любовная история в повести. Шамиль тоже влюбился в рыжеволосую библиотекаршу Анну — тёзку первой детской любви Рустема Кутуя. Главный герой решил написать портрет Анны и назвать его «Ей хочется любить». В финале Анна уехала в Казань, поступила в институт, однако — вопреки читательским ожиданиям — так и не встретилась с Шамилем в большом городе. А художник стал знаменит, и заговорили о нём впервые именно благодаря картине «Ей хочется любить». Спустя годы художнику написали из музея, просили прокомментировать эту и другие работы, которые он написал в Ржавце. А Шамилю кажется, что именно Анна попросила написать его записки, которые в итоге и стали повестью «Свои люди».

Но давайте остановим наш трамвай и вернёмся к Шамилю с сыном Никитой, одновременно попытаемся взглянуть на них глазами читателя Аделя Кутуева. И что бросается в глаза, их отношения автор прописывает через короткие диалоги. А диалог, прошу заметить, вообще-то не самая сильная сторона в прозе Рустема Кутуя и не самая любимая его краска на холсте прозы. Но тут другой случай. Вот, например, разговор отца с сыном:

«– Никита, а жить хорошо? — спросил я.

Он поднял ко мне лицо. Капли скатывались с волос.

— Ты зачем спрашиваешь?

— Просто.

— Хорошо, конечно, — согласился наконец он. — Больше-то нечего делать.

Ну и мудрец! Поистине лучше не скажешь. Мысль в его голове сделала пируэт и соскользнула на язык. Я шлёпнул его по спине, сгрёб в охапку. Он отбился. Откуда в нём такая обстоятельность? Не ляпнул впопыхах, чтоб отвязаться, а вначале задумался. И всегда так: молчит, молчит, вдруг скажет — и тишина. Не найдёшься, что ответить».

Нетрудно догадаться, что в этом диалоге отразились личные отношения Рустема Кутуя с сыном Аделем, который в детстве и отрочестве, действительно, отличался задумчивым видом и непредсказуемыми поступками. Наверное, Рустему Адельшевичу хотелось, чтобы сын пошёл по его стопам. Но со своенравным Аделем такое вряд ли прошло бы. Он всё решал сам. В какой-то мере это отразилось в другом диалоге Шамиля с сыном:

«Никиту больно и не разговоришь. Думатель. Этюдник тащит.

— Ты художник? — спросил как-то.

— Художник.

— А зачем?

Я и не нашёлся, как ему ответить. Опасался подвоха. С ума можно сойти от этих заковыристых — зачем, почему. Остановит на ходу, воззрится: «Почему я родился,

а никто другой вместо меня?..» Посмотрит из-за плеча на картину, мельком, взмахом ресниц, и хмыкнет. Привязалась дурная привычка хмыкать. И хоть в чулан бросай картину, прячь её к чёртовой матери куда подальше от глаз человеческих. Не объяснит ничего толком, хмыкнет и всё, а вешаться или стреляться — это уже твоё дело. Как будто он знает что-то такое, до чего тебе вовек мозолями не пробиться... Однажды мелом взял и начеркал по картине где попало. У меня даже сердце напряглось и рухнуло: стервец! пакостник! А вгляделся — это он поправить нацелился, подучить меня малость, и не как попало, а вполне разумно: срезал плечо, замазал тень. И что удивительно, подсказал вроде молчком, боясь вслух обидеть. Рисовать же красками пряничком не заманишь. Рябит от них, видишь ли. Может, он дальтоник? Надо бы проверить. Эх, Никита, голова садовая! Неисповедимы твои пути и печали...»

Если Рустем Кутуй списал Никиту со своего сына, то автору пришлось пойти на некоторую трансформацию, чтобы перевести подробности писательского творчества на сходные понятия в изобразительном искусстве. Хотя в диалогах отца с сыном речь идёт не о бытовых подробностях, не о школьных отметках, мужчины обсуждают более серьёзные вопросы. Беседовал ли в реальной жизни Рустем Кутуй с сыном на вечные темы? Возможно, пытался говорить. Но как заставить сына слушать? Вот и вышло, что поговорить с сыном (напомним, после развода родителей Адель жил с матерью) отцу лучше удавалось через художественную прозу. В этом смысле характерна беседа Шамиля с Никитой возле деревенской церкви:

«– А тут молятся?

— Наверное, — сказал я осторожно.

— Зачем?

— Надо кому-то. Видно, богу доверяют.

— А он есть?

— Если молятся, хотят, чтоб был, — сказал я.

— Учительница говорит: бога нету и быть не может. А сама повторяет: «Господи, до чего же вы несносны!» Господи, значит, бог. Скрывает, что бог есть. Мешает он, что ли, кому?

— Ты ещё не дорос, Ник. Я не смогу тебе объяснить, — сказал я серьёзно.

Он стоял передо мной — вопрошающий отрок, чистый, тонкорукий, большеглазый. Светился розовым пушком. Вот таким бы его и нарисовать, а себя спрятать в тень, но так, чтобы чувствовалось присутствие. Вопрошающий взгляд, приподнятый от земли: «А бог есть?»

— Приготовься в жизни решать всё сам. Есть бог или нет, пусть тебя это не заботит. Пока. Человек ищет не бога, а утешения. Подрастёшь, разберёшься.

— Разберусь, не волнуйся, — сказал Никита».

Добавим, на основное развитие сюжета эти диалоги никак не работают. Проза Кутуя вообще как бы бессобытийна, перед нами порой предстаёт галерея типов, сельских жителей, которые никак не участвуют в основном действии. Конструкция вроде распадается на отдельные случайные эпизоды, которые не вытекают один из другого. Сюжетные ходы часто оказываются тупиками, никак к финалу не проявившись. Например, знаменательная встреча со слепым стариком Антоном. Они встретились с ним на мосту, а после Шамиль пришёл к нему за яйцами. Художник зачарованно глядел, как слепой лезет по лесенке на насест, и пытался представить, как тот поёт в церкви... Антон слез, набрав целую кепку яиц (причём ни одного не разбил), и вдруг сказал: «Когда я пою, плачу». Внук тёти Маши, который привёл художника к слепому, не понял, о чём это старик, переспросил:

«– Кому ты, дед Антон?

— Знаю, — сказал слепой. И озноб проскользнул по моей спине. — На конце иглы всегда свет, — сказал, обернув лицо ко мне. — Где и встретишь...

— Да, да, — согласился я с непонятными словами.

О чём он? У него своё размышление.

Я положил в кепку деньги.

— Спокойной ночи вам.

— У меня вечная ночь, — сказал он. — А ты не забудь, что услышал.

Мне даже не по себе стало от приглушённого пророчества: «На конце иглы всегда свет...» Может, он любому произносит напутствие — оберегает или предостерегает. Однако с чего он вдруг рукой показал в сторону моста, на другой берег залива?»

И мы, читатели, конечно, не забудем пророчества, к тому же повторённого дважды. Однако до самого финала так и не найдём в повести ответа на загадку слепого старца. Что это за игла? И какой свет имел в виду слепой старец? Вопреки чеховской формуле, ружьё не выстрелило. Зато «выстрелила» другая сюжетная заготовка из начала повести. Никите показалось, что Борис скоро умрёт. И тот в конце повести действительно едва не утонул. Точнее, кто-то пытался его утопить, запутать в рыбацких сетях... А может, сам он пытался уйти, как ушёл его отец?

Повести Рустема Кутуя по колориту и неторопливому ритму напоминают лучшие фильмы тех лет. Так, повесть «Свои люди» в некоторых эпизодах напомнила мне картину Анатолия Эфроса «В четверг и больше никогда», снятую по повести Андрея Битова «Заповедник». Композиция повести «Годовые кольца» перекликается с фильмом Андрея Тарковского «Зеркало» — первой попыткой в отечественном кинематографе снять лирическую исповедь о себе и своей семье. А в повести «Одна осень» проглядывают мотивы почти одноимённой ленты Андрея Смирнова «Осень» (1974), которую тогда называли первым советским порнофильмом, хотя постельные сцены там показаны по-советски целомудренно. Цензура советских времён отличалась партийным пуританством, так что и Рустем Кутуя вынужден был эпизоды физической близости указывать робкими намёками. Вряд ли это след только издательских вымарок из текста, по-моему, здесь больше сработала самоцензура — писатель Кутуй был чист, как ребёнок, которого не может коснуться грязь и пошлость взрослой жизни. Оставался ли он таким и в жизни? А это вовсе не обязательно — буквальное совпадение творца с личностью в обыденной жизни. Кстати, Андрея Смирнова за «порнуху» вскоре отлучили от кино, больше не дали снять ни одного фильма! Не помогла даже всенародная слава его «Белорусского вокзала». Он вернулся в кинематограф после гибели СССР, но прежде всего как актёр — сыграл замечательно роль Ивана Алексеевича Бунина в фильме «Дневник его жены» по сценарию дочери Авдотьи Смирновой. И лишь в этом году уже как режиссёр снял фильм по своему сценарию «Жила-была одна баба», действие которого охватывает десять лет (1909–1921) из страшной истории страны XX столетия.

НЕОТСНЯТЫЕ ИСТОРИИ

С Рустемом Кутуем нас сблизила ещё одна история. Однажды ко мне домой пришёл знакомиться режиссёр и оператор Александр Долбин. Он носился с идеей снять сериал по «Неотосланным письмам» Аделя Кутуя, столетие со дня рождения которого должны были отмечать в 2003-м. Режиссёр хотел познакомить меня с Рустемом Кутуем и очень обрадовался, когда узнал, что мы работаем в одной редакции. Тёзка сказал, что ему понравились мои «Житейские истории» (отдельные их серии

продолжали повторять в республиканском эфире), и предложил написать сценарий по «Неотосланным письмам». Я же для знакомства предложил другой сюжет. Мои черновые наброски будущей киноповести заинтриговали Долбина, он торопил с написанием сценария. А когда прочёл первый вариант, сразу загорелся: «Будем снимать кино!» При этом совершенно ошарашил меня уверенностью, что мою «Нирвану» (про наркоманов) легко можно соединить с кутуевскими «Неотосланными письмами». Александр считал, что вовсе не обязательно дословно экранизировать классику, можно снять вольные вариации на тему, перенести действие фильма в наши дни и не особо придерживаться фабулы оригинала... Долбин с упоением рассказывал, как трансформирует в будущем фильме сюжет кутуевской повести. Местами его фантазии напоминали жуткий бред. Но чем дольше я общался с тёзкой, тем больше убеждался, что за буйной внешностью и эпатажной бравадой таится какая-то правда, реальный фундамент. Да и первые пробы он снимал красиво. Разумеется, по ним нельзя судить, каким получился бы фильм, но ведь успех во многом определяется тем, как режиссёр сумеет увлечь своим замыслом других. Долбин снимал целый подъезд в отселённом доме на улице Пушкина, напротив Госсовета. Продолбил кирпичную стену между кухней и комнатой, выкрасил павильон в чёрный цвет — получилась огромная студия с высоченными потолками. Там собиралась хорошая компания — художники, фотографы, киношники, артисты, студенты творческих и преподаватели технических вузов. Я познакомился со многими талантливыми людьми, за что уже должен быть благодарен тёзке. Дар собирать такие компании — уже свидетельство таланта.

Бывал там и Рустем Кутуй. Однажды он пришёл в редакцию, выманил меня в курилку и начал разговор про Долбина. Одобрил моё участие в проекте в качестве сценариста. И даже выступил в прессе с интервью, где поведал о своём отце, о приближающемся юбилее, о готовящемся фильме. Пиар-акция была, конечно, подготовлена, вряд ли у Долбина были деньги на её проведение — так Кутуй помог нам бесплатной рекламой.

Позже появился второй вариант сценария, который ещё дальше отошёл от кутуевского оригинала. Но в этом я меньше всего повинен. Пытаясь выбить побольше денег из спонсоров и меценатов, режиссёр не смог устоять перед заманчивым предложением. Напомним, в те годы торжествовал вездесущий бартер, когда вместо денег расплачивались сплошь товарами и услугами. Вот и Долбину кто-то из покровителей предложил горящие путёвки в Сочи обещал чартерный перелёт съёмочной группы, бесплатные номера в пустующем отёле — на дворе стоял октябрь. Разумеется, нужно вписать в сценарий некую скрытую рекламу некой турфирмы.

Главный редактор Юрий Балашов согласился отпустить нас с Кутуем на две недели к Чёрному морю. Сценарий я переделал так, что основные сцены фильма разворачивались на отдыхе, главные герои отправляются в свадебное путешествие к морю — вместе со своими родителями. Мы с режиссёром придумали небольшие роли в фильме для меня и Кутуя. Надо же было как-то оправдать наше участие в «черноморской халяве»! Не знаю, согласился бы Рустем Адельшевич на эту авантюру. Впрочем, он о ней так и не узнал. В последний момент поездка к морю сорвалась. На Сочи обрушились ливни, образовались горные оползни, местный аэропорт закрыли, последний чартерный вылет из Казани отменили. А нам предложили отложить киноэкспедицию до весны.

Увы, из той затеи ничего не вышло. Но уже по другой, трагической причине. Зимой в Нижнем Тагиле убили народного артиста РТ Александра Калаганова, который у нас играл одну из главных ролей — художника Альберта Юсупова, отца невесты. На Урал Калаганов совершал регулярные наезды, играл по договору с местным театром

несколько спектаклей — и возвращался домой. Увы, в то время казанские театры не спешили брать его в штат (из качаловского он ушёл, в тюз приходил дважды... и уже договорился, что придёт в третий раз, тем более, там играли его жена и дочь). В тот вечер он возвращался с премьеры в гостиницу, остановился у ночного киоска — купить сигарет. Его забили на остановке ногами четверо подростков-отморозков. Говорят, убили актёра лишь за то, что заступился за бездомного щенка... Долбин не смог найти на роль художника никого другого, вернее сказать, не мог даже думать о замене Калаганову. И я с ним согласился: лучше вообще оставить затею. Мой неснятый сценарий опубликовали в журнале «Казань», и Рустем Адельшевич весьма лестно о нём отзывался.

В дальнейшем Александр Долбин предпринял ряд попыток экранизировать «Неотосланные письма» по сценарию, написанному Рустемом Кутуем. На одном из местных телеканалов дали добро, но с условием, что режиссёр найдёт половину требуемой суммы, чтобы начать съёмки. К тому времени студию на улице Пушкинской у Долбина отобрали, здание реконструировали под очередное госучреждение. Не без моего участия тёзка устроился в редакцию «Казанских ведомостей» по административно-хозяйственной части и наладил в одной из подсобок себе монтажный закуток, где мог лепить рекламу и видеоклипы хорошего качества. Заодно и для газеты создал пару замечательных подписных роликов, которые потом крутили телеканалы. На рекламе он собрал необходимую сумму для начала съёмок, ходил по телестудии с оттопыренными карманами, набитыми купюрами... В конце концов, телевизионщики отказались от проекта. Как вспоминает Маргарита Небольсина, которая писала диссертацию по творчеству писателя, Рустем Кутуй рассказал ей, что с ним подписала договор студия кинохроники (Долбин там тоже работал, наш пострел везде поспел), его сценарий приняли к производству. Но к экранизации «Неотосланных писем» так и не приступили. В результате столетний юбилей Аделя Кутуя в Казани прошёл тихо и незаметно...

ТРОЕ В ОДНОМ ТРАМВАЕ СО ВСЕМИ ОСТАНОВКАМИ

С Рустемом Кутуем нас связывал ещё один «трамвайный маршрут». До нашего знакомства я почти двадцать лет общался с его двоюродным братом Диасом Валеевым, мать которого Зайнуль Нурмухамедовна Кутуева (заслуженный врач РСФСР, организатор системы диспансерного обслуживания туберкулёзных больных в Татарстане) доводилась Адельше Кутуеву родной сестрой, вместе с ним училась в самарской школе имени Льва Толстого, откуда вынесла классические познания русского языка и на всю жизнь сохранила любовь к русской литературе. Я посещал «Литературную мастерскую», которую Валеев создал при газете «Комсомолец Татарии», иногда бывал у него дома. И даже не по одному казанскому адресу. От Диаса Назиховича я много слышал о Рустеме Адельшевиче разного, в основном нелицеприятного. Последние лет двадцать кузены практически не общались. Тому причиной не столько родственные размолвки, сколько писательские амбиции. Скажем, Диас не раз вспоминал свой дебют сорокалетней давности — спектакль камаловцев по пьесе «Охота к умножению» в постановке Марселя Салимжанова назывался «Суд совести». На премьеру начинающий драматург пригласил всех друзей по литобъединению имени В. Луговского. Никто не пришёл, кроме Николая Беляева и Рустема Кутуя. И кузен на «Суд совести» явился пьяным, через десять минут его со скандалом вывели из зала. Тем не менее, Кутуй наутро позвонил матери Диаса, своей родной тётушке Зайнуль,

чтобы выразить свои впечатления о спектакле, которого не видел! Разумеется, его отзыв о премьере был не самый положительный. Наверное, Рустем поступил не очень красиво, прежде всего по отношению к тёте. К Диасу Валееву он продолжал относиться как к неудачнику, который пишет тяжело и неуклюже конъюнктурные агитки. И вдруг — прорыв. За камаловским последовала постановка в качаловском театре («Продолжение»). Как гром прозвучала премьера пьесы «Дарю тебе жизнь» на сцене Московского драматического театра имени М. Ермоловой в постановке главного режиссёра Владимира Андреева. Эту пьесу о строителях автогиганта (хотя впрямую и не названного КАМАЗом) в семидесятых годах поставят десятки театров страны. О татарском драматурге Диасе Валееве заговорят с трибун всесоюзных съездов, совещаний, семинаров. А Рустем Кутуй останется в сторонке... Кто спорит, такой поворот вряд ли его обрадовал. К тому же Диас Валеев умело распорядился своей известностью: опубликовал подряд в московских издательствах несколько толстых сборников прозы. Помимо пьес и рассказов он выступал с острыми публицистическими статьями в столичном журнале «Смена», например, о казанском возщике Асгате Галимзянове, который в свободное от работы время выращивал свиней, а вырученные от продажи мяса деньги отсылал в детдом. И «казанскому Деточкину» шили дело, обвиняя в спекуляции и незаконном предпринимательстве! Надо сказать, Диас Валеев своего добился, пустил информационную волну, бедного благотворителя оставили в покое. А ныне кавалеру Международной золотой медали имени Льва Толстого и ордена Трудового Красного Знамени в центре Казани при жизни поставили памятник!

Активная позиция Валеева-писателя проявилась и в том, что он защищал невиновных, но обвинённых судом людей, со всех концов страны ему писали письма униженные и оскорблённые... Одним словом, Диас Назихович видел роль писателя в обществе более значимой, действенной, и эта общественная деятельность находила выражение в собственном творчестве, питала вдохновение прозаика и публициста. В годы перестройки инициативная группа демократов выдвинула Диаса Валеева кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР на первых (и последних) действительно свободных и альтернативных выборах 1989 года. Драматург проиграл ректору КГУ Александру Коновалову, но уступил совсем немного. Но Диасу Назиховичу этого хватило, от политики он перешёл к проповедничеству.

Для Рустема Кутуя такая бурная деятельность была противоестественной. Он продолжал жить среди природы, погружённый в воспоминания и переживания. Однажды по поводу очередной вышедшей из печати кутуевской книжки, Диас Назихович заметил двоюродному брату: что, дескать, наваял опять про военное детство? Сколько можно! Не пора ли сменить пластинку? Понятно, Рустем Адельшевич обиделся. И больше они вообще не общались.

Уже в журнале «Казань» Рустем Кутуй примерно так же высказался по поводу новых рассказов Диаса Валеева: редакцию, мол, такая проза не устраивает. Дескать, плохие, Диаска, рассказы! Помню, Диас Назихович позвонил мне, спросил, не могу ли я узнать, почему его рассказы не печатают. Когда я поговорил с главным редактором, Юрий Анатольевич забрал у Кутуя рассказы Валеева и вскоре их напечатал, несмотря на отрицательный отзыв Рустема Адельшевича. Одним словом, вечная история о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем...

И всё же были два брата «скованы одной цепью» — оба дружили с Вилем Салаховичем Мустафиным до последних дней. В свою очередь, Мустафин выступал как бы мостиком между кузенами — Диасом Валеевым и Рустемом Кутуем. В семидесятые и восьмидесятые годы Виль добровольно выпал из литературного обихода Казани, профессиональные занятия музыкой оставил. Из консерватории ушёл, чтобы зара-

батывать на жизнь. Преподавал математику в Казанском авиационном институте. Потом его пригласили в ГНИПИ-ВТ — научно-исследовательский институт вычислительной техники, где создавались автоматизированные системы управления. Впрочем, Виль Салахович занимался больше теоретическими вопросами, чистой математикой, много лет руководил Научным советом института и на общественных началах устраивал поэтические вечера и художественные выставки.

Но в годы перестройки, в конце восьмидесятых появились первые поэтические публикации Виля Мустафина, которые показали — творчество никуда не ушло, оно продолжалось подспудно, с годами его поэзия приобретала большую высоту и глубину.

Кстати, благодаря публикациям в журнале «Панорама» Виль Салахович познакомился с Юрием Балашовым, который как раз задумал реформировать обкомовский бюллетень в парламентский «толстый» журнал. Как выяснилось, именно Мустафин сосватал туда Рустема Кутуя в качестве сотрудника по отделу литературы и поэзии. Виль Салахович вообще любил помогать друзьям, а тут речь шла о друге детства. Мустафин предложил своё посредничество, чтобы познакомить Балашова с Рустемом Кутуем, пригласил обоих к себе в гости. А когда Юрий Анатольевич появился на знаменитой мустафинской кухне, там уже сидел и Рустем Адельшевич. Заваривая по-особенному свой фирменный чай, Мустафин заговорил без обиняков, мол, чего долго тянуть — вот Кутуй, он согласен работать в журнале. Балашову ничего не оставалось, как согласиться с мустафинским предложением, тем более, что главный редактор не имел ничего против. Но сразу все трое избавились от неловкости положения. И спокойно пили чай, обсуждая редакционные дела. Как вспоминал Юрий Анатольевич, на тот момент у нового журнала даже не было названия. Предлагались разные варианты. Но окончательное — короткое, ёмкое и звучное — название «Казань» предложил не кто-нибудь, а именно Рустем Кутуй! И с тех пор считал журнал своим детищем, часто созванивался с главным редактором, много предлагал тем для выступлений, бывало, и ругался... Тем не менее, последние пятнадцать лет жизни оставался самым преданным редактором отдела поэзии.

В 2002 году мы с прозаиком Леонидом Девятых решили вступить с Союз российских писателей. Рекомендации нам дали Диас Валеев и Рустем Кутуй. А возглавлял Казанскую писательскую организацию СРП как раз их друг Виль Салахович. Я знал его заочно — по роману Диаса Валеева «Я» (1997), где Мустафин фигурирует в числе персонажей под своим собственным именем и читает собственные стихи антисоветского содержания.

Диас Назихович дал нам телефон Мустафина, однако при первом же нашем разговоре случилось недоразумение: Виль Салахович заявил, что драматургов они в свой Союз не принимают, «у сценаристов, наверное, должен быть свой творческий союз»... Но вскоре он навёл справки и признался, что был неправ. А при знакомстве ошарашил меня такой фразой:

— А это, как я понимаю, тот самый Саша Воронин, который отказал самому Рустему Кутую!

...Чем вогнал меня в краску. Я сразу закомплексовал, поскольку перед Рустемом Адельшевичем чувствовал вину... Когда я перешёл в газету «Казанские ведомости», там уже давно печатался Кутуй. Я ещё в журнале слышал от него: «Эх, мол, выпить бы, да денег нет, пойти, что ли, в «Ведомости», кажется, там гонорарчик мне задолжали...» Он по всем редакциям разносил свои стихи обильно, а потом собирал мелкую дань, чтобы тут же пропить... Впрочем, гонорары были тогда грошовые, а сейчас вообще смешные. Я ничего не имел против таких «заначек» на чёрный день, если бы не одно «но»... Отдельные стихи Рустема Кутуя, казалось, повторяются не то чтобы в разных

изданиях, но даже в одной газете. Однажды я увидел на полосе его стихи, и никак не мог избавиться от мысли, будто где-то это уже читал... То ли у нас, то ли в других изданиях. Позднее творчество поэта, на мой взгляд, грешило некоторыми самоповторами. Возможно, в том ничего нет плохого. Но когда в газете с интервалом в два-три месяца выходят похожие стихи, согласитесь, трудно объяснить читателям, что это не мы по ошибке повторили ту же публикацию, это автор возвращается памятью в своё военное детство... В общем, мне, как выпускающему номера, пришлось принимать решение. Наутро Рустем Адельшевич позвонил, высказался с нескрываемой обидой. Пришлось объяснить, почему я снял его стихи с номера («ничего личного»). Больше Кутуй стихов в «Казанские ведомости» не носил. Но рекомендацию в Союз писателей мне подписал («кто старое помянет...») и сохранил доброе ко мне отношение.

А Мустафин мне попомнил тот эпизод (в изложении, естественно, Кутуя), потому что считался единственным другом Рустема Адельшевича, который имел право откровенно высказываться по поводу его стихов. Кстати, Виль Салахович тоже указывал Кутую на самоповторы, находил и куда большие грешки. Будучи человеком деликатным и дружелюбным, тем не менее, когда касалось литературы — ни себе, ни другим поблажек не делал, рубил правду-матку. Поэтому многие, и я в том числе, несли ему свои рукописи, что называется, на «внутреннюю рецензию». А он не просто высказывал своё мнение, давал общую оценку, но подробно разбирал, редактировал, правил, оставлял на полях замечания. И к этой своей общественной обязанности Мустафин относился чрезвычайно серьёзно. На его столе всегда лежала стопка папок со стихами и прозой казанских писателей.

Как выяснилось при первой же встрече, Виль Салахович оказался единственным на моей памяти человеком, с кем у меня полностью совпал взгляд на книгу Даниила Андреева «Роза Мира». Когда я заметил, что андреевское учение о метафилософии истории более других ответило мне на главные вопросы бытия, Виль Салахович радостно зарычал:

— У! Это такая глыба!

Тут же я узнал, что Михаил Белгородский, который привёз в Казань первые десять экземпляров «Розы Мира» (один из них я до сих пор храню), был давним другом Виля Салаховича и коллегой по ГНИПИ-ВТ, страстным собирателем самиздата и поклонником поэтического творчества Мустафина.

Для Рустема Кутуя подобная литература оставалась всегда на обочине читательских и писательских пристрастий. Не знаю, читал ли Кутуй вообще Даниила Андреева. Что касается Диаса Валеева, то «Розу Мира» он прочёл — по совету Мустафина — и даже с интересом, поскольку его собственные религиозно-философские построения находились примерно в той же плоскости. Но, насколько я помню, Диас

Назихович не придавал наследию Даниила Андреева такого значения, как другим проповедникам новейшего времени. Среди новых пророков, кто призывал объединить существующие религии служением единому Создателю, Валеев называл имена Мирзы Али-Мухаммеда (1819–1850), принявшего имя Баб, объявившего себя Вратами Истины (бабизм), Мирзы Хусейн-Али (1817–1892), принявшего имя Баха-Уллы (Блеск Бога, от которого пошло движение Бахаи, бахаизм), Гададхара Чаттерджи (1836–1886), принявшего имя Шри Рамакришны (рамакришнаизм), Нарендранатха Датты (1863–1902), принявшего имя Свами Вивекананды (Радующегося различителя). Пятым вестником (диасизма) Валеев считал себя, рассказывал, что у него даже родинка под лопаткой появилась такая же, как у пророка Мухаммеда...

К пророчествам Диаса Валеева, насколько я знаю, Виль Салахович относился иронично. Всерьёз обсуждать идеи друга не порывался. Тем более не спешил каждому раскрывать своих религиозно-философских убеждений. Лишь однажды в интервью Тагиру Аглиуллину Мустафин признался, что работает над книгой, где пытается дать свой новый взгляд на христианство:

«Я очень тщательно изучал Евангелие, чтобы понять и осознать учение Христа не по его толкованиям, а непосредственно по самому близкому (из доступных мне) «первоисточнику», то есть из изречений Самого Иисуса Христа. Я хотел понять цель Его прихода к нам на землю, задачи, которые поставил перед Ним Бог-Отец и которые ставил перед Собой Христос, беседуя и с народом, и со Своими учениками. Хотел найти для себя ответ на вопрос о «новизне» Нового Завета, учитывая, что Иисус Христос не опроверг ни одной из заповедей Моисея, в некоторые из них лишь внеся «незначительные» для поверхностного взгляда дополнения. Чтобы быть максимально лаконичным, изложу лишь основные выводы моих многолетних «прочтений»: учение Христа основано на уникальном мировоззрении (мировосприятии) его Основателя и первого Проповедника; уникальность этого мировосприятия заключена в том, что Христос видел и воспринимал реальный мир адекватно его реальности, т. е. видел мир истинный, в отличие от всего остального человечества, которое до сего времени видит, воспринимает мир искажённо, неадекватно существующей объективной реальности; по этой причине человечество покуда не готово ни психически, ни физиологически, ни духовно к правильному пониманию самого учения Христа в его сути, воспринимает и реализует в действительности лишь его ритуальную, обрядовую составляющую. Это мировосприятие я привожу в книге, над которой работаю в настоящее время и объём которой с каждым днём разрастается, несмотря на мои усиленные стремления к компактности. Задача очень трудная, учитывая, что даже сам Христос не сумел донести до понимания суть отличия Его мировосприятия до своих ближайших учеников — будущих Апостолов, а готовность человечества к восприятию Христовых истин за две тысячи лет не продвинулась ни на йоту. (Именно в этом и состоит, по моему глубокому убеждению, величайшая трагедия человечества.) Приведу лишь один пример Христова миро-воззрения (дефис ставлю нарочито). Если воспринимать Христово высказывание, обращённое к ученикам, «вы во Мне, и Я в вас» в буквальном смысле, а не в качестве метафоры, как пытаются представить многие его толкователи, то сразу открывается разительнейшее отличие обычного людского восприятия от Христова — ведь для нас другой человек всегда «вне нас», а не «в нас»... В это трудно поверить, но в течение двух тысяч лет существования христианства как мировой религии комментаторы Евангелия словно робеют при толковании подобного рода высказываний Христа — они либо, как сговорившись, толкуют их в виде метафор, либо и вовсе их обходят. Например, Иоанн Златоуст, посвятивший тысячу страниц толкованию сорокастраничного Евангелия

от Иоанна, просто пропускает те стихи, где приводятся, на мой взгляд, наиболее существенные высказывания Христа... Представьте, если «Вы во мне, а я в Вас», то нам вообще противопоказано не только уничтожать, но даже бороться друг с другом — ведь мы с Вами ЕДИНЫ. А если рассуждать чуть шире, то одновременно мы с Вами сразу «оказываемся» в Боге, а Бог — в нас».

Я не знаю, написал ли Виль Мустафин книгу, о которой говорил моему другу Тагиру Аглиуллину десять лет назад (2001). Не помню, чтобы о ней упоминал и Диас Валеев, с которым Виль Салахович часто дискутировал на религиозно-философские темы. Но мне кажется, что Мустафин всю свою жизнь пытался не просто понять это миро-восприятие Христа, но и пытался применять его на практике. Только этим я могу объяснить, например, сверхъестественную потребность Мустафина отдавать. Он всю жизнь собирал книги, и библиотека у него была прекрасная, тем не менее, любую редкую книгу он дарил не задумываясь даже случайному гостю, если тот выкажет ей малейшее восхищение. И кстати, этим даром Виля пользовались. Известен случай, когда из Ленинграда к нему специально приезжали два библиофила, прознавшие про эту редкую особенность казанского чудака. Уж поживились они тогда в гостях у Мустафина на славу!.. Зная это, я никогда не подходил близко к книжным полкам в кабинете Виля Салаховича — и всё равно у меня оказалось немало книг, которые он мне дарил. Правда, среди них нет раритетов и библиографических редкостей, так что мне не стыдно об этом говорить.

Все, кому довелось общаться с Мустафиным, чуть ли не в один голос уверяют, что лучшего собеседника они не встречали. Насколько я заметил, Виль Салахович сразу находил общие темы с любым человеком, к каждому находил нужный ключик — и человек раскрывался, как замок, дескать, заходи... Не раз наблюдал его феноменальную способность настроиться на собеседника. И могу подтвердить: было в этом что-то сверхъестественное. Непостижимым образом он буквально за пару минут проникал в тебя — и начинал говорить именно о том, что тебя волнует, словно отвечая на вопросы, которые ты ещё даже не успел задать самому себе! При этом Мустафину не надо было изображать, будто ему твои проблемы интересны, ведь он говорил о них, как о своих проблемах. Чуть ли не исповедуясь перед тобой в том, о чем ты сам хотел бы с ним заговорить... Как именно Виль «входил» в собеседника, что при это ощущал — одному ему известно. Но при этом собеседник (свидетельствую как очевидец) чувствовал удивительное к нему расположение. Испытав это чувство однажды, в дальнейшем он уже считал Мустафина своим духовным поверенным, близким человеком, учителем.

Как сказал один хороший человек, наш общий знакомый, Виля Салаховича даже нельзя назвать родным — в наше время родственники (по крови) бывают так далеки друг другу, годами не общаются и не испытывают в этом потребности. И наоборот, многие и теперь продолжают мысленно разговор с невидимкой Вилем. Сегодня многие с готовностью называют его своим другом. Хотя, на мой взгляд, больше всех на то имел право именно Кутуй.

Но если вернуться к учению Диаса Валеева о трёх ипостасях человека, то именно Виля Мустафина, по моему убеждению, следовало бы признать человеком, наиболее близко подошедшим к идеалу мега-сознания, бого-человека! «Основная задача всей человеческой расы, выйдя из состояния микро-я и пройдя через промежуточную форму макро-я, прийти к состоянию мега-я, или богочеловечества, — писал Валеев в своей последней книге «Сокровенное от Диаса». — И задача человека — индивидуально совершить этот хадж: от микроипостаси своего «я» — к богоипостаси. И повторяю: лишь в богосостоянии человек богоподобен и находится «на связи» со Сверхбогом.

Мега-человек принадлежит не только одному частному миру, какой-то одной особенности этого мира, а является одновременно и гражданином всего мира».

По Валееву, в каждом человеке одновременно уживаются и постоянно противоборствуют все три «я», каждый из нас в разных обстоятельствах выступает в той или иной ипостаси, однако верно и то, что каждый человек олицетворяет какой-то один из этих уровней. В этом смысле Рустему Кутую присуще «микро-я», если судить по его творчеству в целом, его больше интересуют личные переживания жизни отдельного человека. Это не означает, что сквозь призму личного мировосприятия в своих произведениях писатель не отражал общественных и общечеловеческих проблем. В том и заключается сила лирического миро-восприятия: через отдельное «я» выступает конкретное время и социальная среда. Да и по характеру Рустем Адельшевич до старости оставался, словно ребёнок, чистым, наивным, непосредственным человеком. Именно в этой его черте следует искать объяснения его капризам, обидам, частым сменам настроения и темы разговора. Да он и сам признавался, что по мироощущению часто представляет себя мошкой, клопиком, невидимкой, что порой глядит на окружающий мир оттуда — из военного прошлого. И поэтому плохо понимает происходящее, многого не принимает в настоящей действительности.

А Диас Валеев, несмотря на то, что всем своим творчеством, всей своей жизнью призывал читателей и зрителей стать мегачеловеком, на мой взгляд, в большей степени олицетворял вторую ипостась — «макро-уровень». Слишком много сил писатель вынужден был затрачивать на общественную борьбу, на социальное обустройство мира, поэтому сам невольно оставался больше в сфере корпоративных, общественных, национальных интересов. И только в отдельных своих персонажах ему удалось убедительно показать мега-человека, без идеологизации, ходульности и схематичности. Так, к безусловным его удачам я бы отнёс Булата Бахметьева, главного героя романа «Я», своего рода alter ego автора. Интересно, что Диас Валеев вывел в том романе и себя, причём под собственным именем — этот «персонаж» предстаёт перед читателями, в общем-то, думающим и честным малым, вполне типичным «макро-человеком». Кстати, в том же романе под собственным именем фигурирует Виль Мустафин, на вечеринке у Бахметьева он читает свои антисоветские стихи шестидесятых годов. В целом положительный персонаж, симпатичный. Встречаются на его страницах и другие их общие знакомые, скажем, поэт Юрий Макаров или художник Алексей Аникеенок. А вот Рустема Кутуя среди них не оказалось...

Чтобы заглянуть в гости к Юрию Макарову в Профессорский переулок, надо было выходить на трамвайной остановке «Ленинский сад», где садовники Горзеленхоза разбили знаменитые часы-клумбу (в 90-е годы часы остановились и пропали). Самобытный казанский поэт, впрочем, жил отнюдь не по-профессорски. В его лачуге, вспоминал Валеев, вместо стёкол в окнах можно было видеть куски фанеры. Ма-

каров пил, с властями не дружил, участковый сдавал его в ЛТП... Эту аббревиатуру многие уже забыли, напомним, лечебно-трудовой профилакторий не имел ничего общего с санаториями и лечебницами, в советские времена в ЛТП перевоспитывали алкоголиков. Это был типичный лагерь, возможно, даже хуже зоны. Что-то среднее между лишением свободы и «принудительным лечением» в психушке, а, может, даже не среднее, а производное в квадрате. Сегодня у нас ликвидировали вытрезвители, однако собираются вводить что-то вроде ЛТП, чтобы изолировать алкашей от общества — бессмысленная и жестокая затея... Юрий Макаров выходил из ЛТП и снова пил, даже не пытаясь приспособиться к обычной жизни. Под кроватью у него был старый чемодан, доверху набитый стихами, написанными на разных обрывках, клочках бумаги, бланках. Разобрать эту груду поэт и не пытался. Диас Валеев забрал весь ворох черновиков, привлёк к их редактированию Гортензию Никитину. Их давняя подругу по литобъединению имени В. Луговского после студии телевидения много лет работала заведующей литературной частью Качаловского театра и к Юрию Макарову на всю жизнь сохранила самое тёплое и нежное отношение. С необыкновенной бережностью перебирала она макаровские почеркушки, чтобы выбрать из неоконченных, неоформленных набросков подлинные поэтические жемчужины. О той странице их общей судьбы сохранились дневниковые записи, восьмидесятилетняя Гортензия Евгеньевна недавно передала их мне для сборника воспоминаний о Диасе.

А Валеев ещё в конце восьмидесятых выпустил тоненький сборник лирики Юрия Макарова, тем самым пробил железобетонную круговую поруку Татарского книжного издательства. И потом долго смеялся, когда узнал, что Макаров, получив гонорар, до дому его не донёс. Сразу всё пропил! Пришлось Валееву на свои деньги выкупать его книги из магазина, который дал ему гарантийку для издательства... Когда из трущоб Профессорского переулка Юрия Макарова переселили по программе ликвидации ветхого жилья в Азино (такие казанские выселки), то и там он сумел вляпаться в историю с «чёрными риэлторами» — старика напоили, забрали паспорт и документы на квартиру... И снова друзья помогли Макарову восстановить документы и справедливость.

На его семидесятилетие Виль Салахович устроил в Музее Горького литературный вечер, Юрий Макаров был практически трезв, пытался читать свои стихи. Его приняли в Союз российских писателей. Кажется, поэт поверил, что это всё не сон, его стихи слушают, ему искренне аплодируют...

В последние годы Диас Назихович много болел, с Гортензией Никитиной и Вилем Мустафиным общался больше по телефону. Однажды с горькой усмешкой признался, мол, давно ничего не пишет. От прежнего писателя осталось лишь «микро-я», этакий литературный секретарь, душеприказчик, перебирающий старые рукописи и собирающий Свод сочинений в семи томах... Увы, «мега-я» и «макро-я» давно его покинули. Вестник Диас ушёл в заоблачные выси, стал невидимкой, если и найдётся сегодня на земле десяток чудаков, кто прочёл его трёхкнижие «Уверенность в Невидимом» до конца, то это ещё не значит, что они приняли диасизм как новую религию. Но время покажет, что его учение истинно. Драматург Валеев, столь известный тридцать лет назад, всеми позабыт. Однако придёт черёд — и его пьесы обязательно вернутся на казанские подмостки.

Что же касается Виля Мустафина, наоборот, год от года его поэтическое творчество развивалось, совершенствовалось, становились объёмнее. Поэта всё меньше волновали вопросы личного «я», сиюминутного и своекорыстного. Как радовался он, помнится, когда удалось отдать соседу сарай во дворе, избавиться от недвижимости — пусть не такой большой, но всё же заботы! Зато, не задумываясь, бросал все

личные дела и мчался помогать другу, особенно если помочь больше некому. Случись у Рустема Кутуя забота посетить районное отделение пенсионного фонда, чтобы заполнить какие-то бумаги — и Виль Мустафин заказывал такси, усаживал туда старого друга с супругой, вёз их в присутственное место. Оставив их в машине, сам бежал по кабинетам. Если нужна была личная подпись Кутуева Р. А., то выбегал на улицу, показывал, где нужно поставить против галочки закорючку... И уладив все формальности, Виль Салахович вёз домой Рустема Адельшевича, совершенно измученного хлопотами... Признаться, Кутуй любил, когда ему оказывали мелкие услуги и существенную помощь в житейских вопросах. Он с удовольствием сказывался больным, беспомощным, плохо понимающим, что от него требуется. И в этом, на мой взгляд, по-прежнему сквозила какая-то детская непосредственность, ведь дети очень любят хитрить и притворяться. А став взрослыми, они продолжают всё те же детские игры, только игрушки становятся более дорогими.

Когда Рустем Кутуй уже не выходил практически из дома, он продолжал принимать у себя в маленьком рабочем кабинете в квартире на улице Искра молодых литераторов — большей частью, конечно, поэтов. Некоторые из них продолжали ходить к нему в гости десятилетиями, сохраняя с ним отношения «ученик — учитель». Такая дружба прошла, например, через всю жизнь Ольги Левадной, которая сегодня является одной из лучших в Казани поэтесс. Она навсегда сохранила к Рустему Адельшевичу трепетное и настоящее чувство Любови (безо всякой моркови), Уважения, Признательности. Но даже Оле, насколько я подозреваю, Кутуй не позволял приходить к нему в гости с пустыми руками — без поллитровочки или хотя бы чекушечки. И нужно было водку пронести тайком от жены Светланы Григорьевны, хотя та, конечно, все видела, знала, понимала...

Кажется, одному Мустафину делалось исключение, поскольку тот не пил принципиально — более двадцати лет держался в «завязке». Виль Салахович как-то признался, что начал спиваться ещё в молодости, и связывал это с поездкой на целину. Дело в том, что ему довелось увидеть испытание атомной бомбы... Ничего красивее и грандиознеё, чем тот ядерный гриб, он в жизни не видал! Правда, после начались проблемы — со щитовидкой и водкой, хотя в роду до этого никто вообще не пил. Навсегда покончить с алкоголем Мустафин решил, приняв православие. И двадцать лет соблюдал обет. Лишь года за два до смерти «сорвался»... И тому виной оказалась все та же беспредельная готовность к любому прийти на помощь. Кто-то из старых друзей попросил помочь разобрать домашнюю библиотеку (после ремонта). Процесс занял несколько дней, каждый раз, по извечной российской традиции, дело заканчивали рюмочкой — и, как все хронические алкоголики, Мустафин запил крепко, будто и не было долгого воздержания. Помню, месяца через два он позвонил и рассказал, как тяжело было выбираться. Полтора часа он стоял перед иконой на коленях, вымаливая помощь и прощение... Пока не услышал явственно голос: «Больше не будешь пить!»

Рустем Кутуй был алкоголиком совсем иного типа, он никогда не переставал усугублять понемногу — в компании и в одиночку, в забегаловке и в приличных заведениях — и в то же время не добираясь до самого дна запоя... Про таких Мустафин отзывался с некоторой нарочитой серьёзностью, дескать, «не умеют пить», неизменно при этом повторяя: «То ли дело мы, профессионалы!»

Впрочем, извечная тема — кто, с кем и сколько вчера выпил, неисчерпаема. Закончим её на более трезвой ноте: Виль видел в питии некую метафизическую бездну, без которой поэт (ни разу в неё не заглянув) никогда не сможет стать настоящим, большим поэтом. Лишь тот изведает высоты иных миров, других небес, кто не боялся

окунуться в пучину ужаса и тьмы... Интересно, что из трёх друзей Диас Валеев был принципиально непьющим — и здесь все трое оказались совершенно друг на друга не похожи!

Виль Мустафин и Диас Валеев обычно созванивались и договаривались встретиться на «нейтральной полосе», в сквере у проходной казанского завода «Электроприбор», напротив Арского кладбища — как раз на полпути от Искры до улицы Вишневского, где жил в 80-е Диас Назихович. Позже Валеев разменял большую четырёхкомнатную квартиру для дочерей и переехал в старый дом на улице Шарифа Камала, где родилась его жена Дина Каримовна. Однако вскоре тот дом снесли — к 1000-летию Казани, по программе ликвидации ветхого жилья, — а Валеевым дали двухкомнатную квартиру на улице Груздева. Так Диас снова оказался у Чеховского рынка, только с другой его стороны. Встречи старых друзей возобновились. Но Валеев всё реже выходил из дома, чаще Мустафин его навещал.

С Рустемом Кутуем Виль виделся чаще. После ряда географических перемещений по Казани в результате и Кутуй, и Мустафин снова оказались соседями — и до конца жизни жили на одной улице с красивым именем Искра. В своей последней повести «Яблоко пополам» Рустем Кутуй вывел друга под странным именем Мурафа. Тот приходит к главному герою Чингу в день, когда тот идёт разводиться, и просит прочитать — уже в который раз — последнее письмо отца с фронта... Мурафа-Мустафин таким способом пытается поддержать друга в сложный момент его жизни. А заодно просит пойти вместе с ним вступиться за хорошего парня, на которого в институте завистник пишет доносы... Привычка ходить и просить за других, поддерживать друзей в трудную минуту — эту особенность характера Виля автор подметил точно. Мустафин в самом деле, особенно в советские времена, не боялся захаживать в высокие кабинеты к начальству, когда надо было попросить за друга, приятеля, а порой и малознакомого человека.

Многое связывало двух друзей — Рустема и Виля. Оба женились рано, к тому же, на русских девушках, как было принято тогда в их университетско-поэтической среде (а русские ребята, наоборот, женились на татарках). И вторые браки у Кутуя и Мустафина также были смешанными. Рустем Адельшевич любил по этому поводу шутить, что семейная жизнь для него — сплошное светопреставление. Ведь обе его супруги оказались Светланами!

По какой причине Рустем Кутуй развёлся с матерью Аделя и Юли? Честно говоря, не знаю, не спрашивал, неудобно было. В этом случае найти ответ можно было бы в прозе поэта. Но она даёт нам два варианта распада семьи. В повести «Свои люди» Шамиль влюбился в рыжеволосую Анну, а Марина ревнует. В повести «Яблоко пополам», наоборот, жена Миляуша завела роман на стороне. Чинг случайно узнаёт об измене и уходит из дома... Думаю, в этом есть определённый смысл: в самом деле, не важно, по какой причине любившие когда-то друг друга люди решили развестись. Главная беда — сделать это стало настолько просто, что к 90-м годам уже каждый второй брак в России распадался. Раньше мать-одиночка была в обществе почти изгоем, сейчас многие молодые мамы гордятся своим независимым положением, даже находят в нём множество плюсов.

Повесть «Яблоко пополам» стала самым крупным кутуевским произведением, своего рода итогом, если говорить о прозе поэта. Да и объёмом повесть в сборниках занимает более 150 страниц, тогда как все остальные прозаические сочинения не превышали ста. Композицию её усложняют вставные главы из дневника Чинга, в тексте выделенные (в разных изданиях) либо курсивом, либо отбивкой. В них повествование идёт от первого лица. Таким образом, главный герой Кутуя, как Печорин

у Лермонтова в «Герое нашего времени», открывается читателю с разных сторон, под различными углами зрения. Так автор задаёт своему персонажу многомерность. Да и по характеру Чинг «многостаночник»: он и художник, и переводчик, и поэт, и прозаик. Его даже в министерство культуры вызывают на проработку, мол, определись наконец с направлением, займись чем-то одним, определённым... В самом начале Чинг показывает утро своего героя, который с утра выпивает портвейну с дворником. Далее подробно описаны его взаимоотношения с пьющей дворовой братией, которая тусуется возле магазина. А один из них, Валера по кличке Винни-Пух, даже набивается Чингу в кореша. У некоторых читателей могло бы создаться впечатление, что перед нами портрет вполне законченного алкоголика. Но вдруг автор сообщает, что Чинг больше всего любит чаёвничать, к вину относится равнодушно, если и выпивает, то больше по инерции, за компанию.

Чинг уходит из дома, взяв с собой из прошлого лишь собаку по кличке Джерри. Поселяется у друга. Постепенно привыкает к новой жизни. И тогда в его жизни появляется женщина. Они и прежде были знакомы, но раньше Чинг был женат. Целое лето влюблённые провели в деревне за Волгой. Джерри тоже полюбила Полину. Но потом наступила осень, Чинг зашёл в издательство за гонораром, там его выследила бывшая жена Миляуша... В общем, Чинг запил. Проснулся наутро... Полина ушла. Он поменял квартиру, не сообщив ей адреса. Переживал. А она всё равно его нашла. Казалось бы, хэппи-энд... Но у Рустема Кутуя так хорошо не бывает. В финале повести собака Джерри умирает, как только Чинг женится на Полине. И в заключение — длинное стихотворение, посвящённое собаке.

У Рустема Кутуя, когда он разводился, тоже была собака Джуля — ирландский сеттер. Он тоже жил в однокомнатной запущенной квартире на улице Производственной. А позже появилась другая Светлана, озарившая его жизнь новым светом. Когда-то они вместе работали на телевидении.

Казалось бы, на фоне строительства КАМАЗа — писать о разводе мелко... Так считали в то время литературоведы и литературные чиновники. Тем не менее, на семье держится государство, нация. С её распада начинается упадок в обществе, в культуре. И Рустем Кутуй это понимал, во всяком случае, высказывался об этом. Пусть не сам, но устами своих персонажей. «Женщина стала разрушительницей», — такую причину разводов видит один из героев повести «Яблоко пополам». С таким коротким приговором можно спорить, возможно, автор именно на полемику и рассчитывает. Однако не будем забывать, что на памяти Рустема Кутуя отношения в традиционной татарской семье складывались по иерархическому принципу, на основе уважения к старшим, на осознанном подчинении главе семьи. Отец о каждом позаботится, никого не оставит голодным. При советской власти много говорилось о бесправии восточной женщины, однако на деле это оказалось всего лишь пропагандистским штампом. Побывав в Иране, я убедился, как защищены в исламской республике права женщин. А наше равноправие обернулось новым бесправием, беспределом. И страдали от него прежде всего дети.

У Виля Мустафина, как и у его друга, второй брак также сложился благополучно. И сына от первого брака он тоже не выпускал из поля зрения, из круга своего внимания, даже если общаться удавалось всё реже... В чем-то Адель Кутуев и Эрик Мустафин показались мне неуловимо похожими. Да и не могло не быть совпадений, ведь они росли в одном городе, на одной «литературной грядке», на одной рок-музыке, на одной университетской «сковородке». И с одной далеко запрятанной болью — об отцах-поэтах. Кстати, оба не доучились в Казанском университете и загремели в армию. Но если Адель в КГУ потом так и не восстановился, развёлся, женился

и снова развёлся... то Эрик, отслужив три года на флоте (Севастополь, Феодосия), вернулся домой, восстановился в университете, по окончании работал по распределению на КОМЗе, вырастил с женой трёх дочерей. Литератором, как и Адель Кутуев, он не стал, но как и отец, всегда дружил с компьютерами — и сегодня работает в крупной фирме системным администратором.

Если говорить о продолжении себя в детях, пожалуй, в этом смысле Диас Валеев мог гордиться своей «наследницей по прямой»: Майя Валеева, как и её троюродный брат Адель Кутуев, поступила на биологический факультет Казанского университета, однако в результате стала известным прозаиком, автором десяти книг, членом Союза писателей РТ. Правда, уже одиннадцать лет она живёт с мужем и сыном в США.

Вот и дочь Рустема Кутуя от второго брака живёт за границей, которую ныне зовут ближним зарубежьем. Её муж работает в МИДе, служит в Литве. Дедушка Рустем успел застать внучку Сонечку. А в прошлом году Рената родила вторую дочь, Вареньку, и Светлана Григорьевна (схоронив Рустема Адельшевича) уехала к ней в Ригу — помогать с внучкой.

Сын Виля Мустафина от второго брака тоже покинул родной город. Окончив медицинский институт, он пошёл работать врачом «скорой помощи». Но сегодня Артур Мустафин больше известен как создатель рок-группы «Крокодилли», так ярко блеснувшей в Казани, а ныне успешно работающей в Санкт-Петербурге — столице отечественного рока. Как и отец, он хорошо поёт, пишет к своим песням тексты, которые ценители классической литературы вряд ли будут готовы назвать поэзией. Но я считаю, песни Артура Мустафина отмечены «папиной» печатью природного таланта.

СТАРИК И ГОРЕ

До конца жизни сын оставался для Рустема Кутуя тайною неутихавшею болью. Был ли он плохим отцом? Адель так не считал, а значит, и нам не следует так думать. Да, жизнь не сложилась, родители развелись, у отца появилась другая семья. Но с Аделем отец продолжал общение, не прерывал нити, протянутой лишь между ними двоими. И эта нить оставалась натянутой, звенящей. Хотя, возможно, это я так задним числом воспринимаю и хочу, чтобы так и было. Но мне кажется, ту натянутую нить я ощущал и тогда, когда мы работали в журнале «Казань».

Надо ли говорить, что драмы в семье Кутуевых отражали общую тенденцию того времени. Как писатель талантливый и честный, Рустем Кутуй оставил нам литературное свидетельство о тех тектонических процессах распада семьи в современном обществе. В его повестях показывается, что происходит с человеком, который всё потерял. Автор не вскрывает социальных причин явления, но не скрывает глубины душевного надлома в душе героев, которые столкнулись с предательством или сами совершили предательство. Его самого и многих его сверстников война сделала безотцовщиной. Они выросли с матерями и сёстрами — и оказались неготовы к роли мужа, главы семьи.

До войны общество жило патриархальными традициями, разводы случались лишь в интеллигентской прослойке и были исключительными явлениями. Годы войны сделали женщин экономически самостоятельными, теперь они работали наравне с мужчинами. И старая роль бесправной домохозяйки, целиком зависящей от супруга-кормильца, жён теперь не устраивала.

Мне помнится, ещё в шестидесятых годах разводы были случаями единичными. Так, в нашем роду лишь тётя Тамара решилась уйти от пьяницы мужа (певца Самар-

ской филармонии). Все остальные многочисленные дяди-тёти её жалели, но за глаза всё равно осуждали. К восьмидесятым годам разводы в Советском Союзе уже становятся делом обычным и распространённым. А судебная практика была такова, что при юридическом (теоретическом) равенстве родителей, детей при разводах судьи всегда оставляли с матерью — и женщины в этом почувствовали своё преимущество. Не случайно именно они чаще становились инициаторами разводов. Ведь им оставались дети, как правило, им доставалась квартира. Если её можно было разменять, то мужу в любом случае (как в случае с Рустемом Кутуем) доставалась лишь комнатёнка в коммуналке. Жёнки-разведёнки переезжали в изолированную квартиру. К тому же суд обязывал бывшего мужа платить алименты — и в этом случае бывшая жена оказывалась в выигрыше. Да и дети были при ней. Наконец, в глазах общественного мнения жёны казались жертвами обстоятельств, а все стрелы обывательских обвинений летели в незадачливого мужа...

Вот такое получилось у нас равенство перед законом. Мужчины при разводе лишались всего сразу и на работе начинали получать меньше на четверть (за одного ребёнка) или даже на треть (за двоих). Женщины же при разводе избавлялись от нелюбимого мужа — и за это получали часть его зарплаты. Алименты тогда взыскивали строго, уклоняющихся от них (до 18 лет ребёнка) практически не наблюдалось. В общем, при разводе мужчина терял куда больше.

Но главное — отца разлучали с сыном. И ещё неизвестно, какая безотцовщина горше! Мальчик, став сиротой при живом отце, в отличие от военного поколения, уже не мог считать папу героем, погибшим за Родину. Эту драму Рустем Кутуй переживал тяжело. И его размышления нашли отражение в повестях «Свои люди» и «Яблоко пополам». Как всегда, реальных автобиографических подробностей он внёс не так много, и отождествлять автора с главным героем вряд ли будет справедливо. Но назвать Шамиля и Чинга лирическими героями можно без всякой натяжки.

Как мы уже упоминали на одной из остановок нашего трамвая, для самого Рустема Кутуя в детстве стало потрясением известие, что у отца раньше была другая семья. Ближе к старости, когда уже и сам он завёл другую семью, Рустема Адельшевича ожидало ещё одно потрясение, когда он узнал подробности семейных отношений своего деда Нурмухамеда: «Дед был послушным сыном и, поразмыслив над словами родителя, исполнил его волю. А слова были такими: «Женись на родственной душе, не праздной. В нашем роду есть такая, пусть и засидевшаяся в девках. А придёт другая, помоложе да попригожее, к которой сердце потянется, и её приведёшь в дом. Время укажет, не сомневайся». Так и вышло. Дед женился на стойкой девушке Саяр из рода Кутуевых, что само по себе для нынешних времён нонсенс. Однако для семейного уклада прошлого дело обычное. Родственница родила деду двух сыновей. Обстоятельно вела хозяйство. А когда уже подтянулись сыновья и приготовились к прыжку в самостоятельную жизнь, тут и исполнилась вторая часть предсказания родителя: дед привёл в дом совсем юную девушку Дину и просто сказал:

— Вот вам молодая мать, любите её и не обижайте.

В доме пахло блинами. Первая жена выронила сковороду с кипящим маслом.

Зардевшуюся, точно схватившуюся пожаром, жену — по тем правилам — дед выкрал. И девчушка Дина, ясное дело, заголосила, потихоньку запертая свекровью в чулане. Где ей было знать, в доме-то без неё тесно, вон они, взрослые дети, на лавке сидят! Но умиротворяются и не такие страсти. Жизнь властно берёт своё: уселись две жены рядышком, перекрестили руки в заботе. Первая стала — карт-эни (старой мамой), вторая — вечной невесткой. Я вникал в этот странный союз, в буквальном смысле очарованный умопомрачительной ситуацией. Старшая, по свидетельству

окружающих, почиталась святой женщиной: она уступила своё место формально, оставшись именно «старой мамой» по сути, главенствующей, держащей столбы кровли. Уступив как женщина, она не лишила себя поста охранительницы очага. Учила молодую жену всему — «не бросать с ходу дрова у печки, разжигать самовар пучком лучины, делать каймак», учила деликатности и предусмотрительности. Мало того, она перестала ходить с мужем в баню, оставив дорогу туда незаслонённой для молодой. И, наконец, зорко, как обеспокоенная птица, прикрывала крыльями нарождающихся детей. «Не заснула бы при кормлении, не выронила бы дитя» — вот камертон её священнодейства. А дети шли непрерывной цепочкой — пять мальчиков, пять девочек. Отец был пятым. Карт-эни выполнила свою миссию и через семь лет умерла... Разве не поразительна вся эта история?! Вот они — кладезь глубинной чистоты, религиозность нравственности, непререкаемость жертвенности. И отсюда, я убеждён, прочувствованность отца, как человека и писателя, — он воспринял этот оберегающий ветерок дыхания женского благородства, несуетливости и обязательности...»

С годами Рустем Кутуй все чаще возвращался в своё далёкое детство. «И снова, и снова, углубляясь в раздумье, я невольно переносил былое действие в настоящее — в деревеньку Кызыл Байрак. Потому что там был дом, где мне безусловно были рады, где помнили меня с первых шагов. Из пионерского лагеря я бегал к его порогу каждый день — пить молоко, гладить собаку-волка, уплетать вишню и незаметно впитывать течение жизни татарской семьи. Мне было интересно, я был здесь своим человеком — «Улым килде!» (сынок пришёл). Да и у матери в городе не болела голова от лишних страхов: за мной приглядывали, у меня за пазухой гостинец, я обласкан. А главное, здесь не исчезало присутствие отца — хоть словечко, но непременно о нём. Спустя годы я снимал домик на лето в Кызыл Байраке и детскую кроватку вёз туда. И дале, и дале... Когда образовалась новая семья, я опять объявился здесь с сомневающейся женой для начала замысленной жизни, несколько подуставший от перевоплощений. То лето ох как памятно мне — светоносное под золотистой пыльцой, с крупной до черноты спелой вишней, яблоками на рассвете из заброшенного сада, и полем, полем, по которому неслась со счастливым лаем моя собака Джуля — ирландский сеттер. Я точно только-только вышел из баньки на краю оврага — вышел подростком в белой рубашке, и меня подхватил взволнованный воздух с реки, и я стал лёгким, как луковичная кожурка, промытым, ясноглазым. Перешёл овраг и оказался на высоком берегу в соседстве с кривой сосенкой, потрогал её ствол, будто совершил причастье. Внизу стелилась Волга. Я пришёл на своё потаённое место. Возвратился к себе, под «розу ветров». (Аргамак № 2, 2009).

Сын всегда повторяет судьбу отца. В чём-то, конечно, ему удаётся избежать ошибок. Но модель поведения, а значит, и следствия ведут его проторённой тропой. И Адель во многом повторил извивы судьбы своего отца. Он также рано женился. И тоже на своей сокурснице по университету. Была большая любовь. Красавица Ася Журавлёва, дочь известного писателя, родила ему чудную дочь Яну. Но, как и у отца с матерью, у сына в семье не срослось. Адель и Ася расстались. Она вышла замуж за другого сокурсника. И он женился на другой... Галина работала на телестудии, родила сына Тимура. Только скоро они развелись.

Ту свою прежнюю жизнь Адель вспоминал не часто. Когда в редакции готовили к печати специальный номер, посвящённый Волжско-Камскому государственному природному биосферному заповеднику, помню, Адель вдруг оживился и стал увлечённо рассказывать, как вместе с Асей они работали в заповеднике. Но не на Раифском его участке, о котором все наслышаны, прежде всего, благодаря возрождённому

там мужскому Богородицкому монастырю и возвращённой туда чудотворной Грузинской иконе Божьей матери, а на Саралинском. Тот участок расположился в уникальнейшем месте, где сливаются реки Волга, Кама и Меша. Его территория разделяется на «островную» часть, которая представляет собой гривы и дюны, по большей части затопленные с вводом Куйбышевской ГЭС, и «материковую» часть, откуда с Лысой горы открываются замечательные виды на Куйбышевское водохранилище — Жигулёвское море, самое крупное из искусственных водоёмов в Европе. Если смотреть с берега Волжско-Камского плёса, то другого берега не видать. В самом деле, море — ширина разлива здесь достигает 40 км. В состав заповедника, кроме бывших рукавов Волги, Камы и Меши, входит ряд живописных проток и заливов, на западе участка песчаный пляж тянется на восемь километров. Живописнейшие места! Вотчина великого поэта Гавриила Романовича Державина... В том райском уголке, как вспоминал Адель, прошли лучшие его годы.

В 2003-м году умерла его мать. Адель тяжело переживал эту потерю. Иногда он заглядывал ко мне в «Казанские ведомости», подолгу просиживал в моём маленьком кабинетике с решёткой на окне, рассказывал последние новости и «жалился» на судьбу-злодейку. С третьей женой Лидией у него случился разлад, но развода не пришлось оформлять, поскольку брак их был гражданским. В двухкомнатной квартире на улице Окольной, где жила сестра Юля с двумя подросшими сыновьями, как можно догадаться, его тоже не ждали с раскрытыми объятиями. По словам Аделя, отношения с племяшами не заладились с самого начала. Не будем углубляться в подробности, но жизнь в той квартире, которую Адель считал своей (не знаю, кто в каких долях там владел жилплощадью), становилась всё более невыносимой. Об этом я рассказываю не к тому, чтоб оправдать губительную наклонность Аделя. Да, он пил всё больше, выглядел всё хуже. И не видел из сложившейся ситуации никакого выхода.

Он говорил, что хочет уехать в заповедник, где ему когда-то было так хорошо... Как он это себе представлял? К тому времени я тоже был в разводе. И в глухой «завязке». Призывал Аделя тоже завязать с выпивкой. В ответ тот горестно вздыхал. И занимал «полтинник» («не учите меня жить, лучше помогите материально!»). Потом исчезал надолго. И снова приходил. Сестра пыталась его лечить. Но и ей хотелось устроить и свою судьбу, она ушла к любимому человеку. Дядю с двумя племянниками больше некому было останавливать...

Однажды Ирек Ахметов сообщил мне, что Адель пропал. К его исчезновениям сестра уже привыкла, так что в милицию заявила не сразу. Милиция всю зиму искала Аделя, сбившись с ног (простите за иронию, но о наших стражах порядка писать всерьёз невозможно), но никак не могла найти человека.

Как вспоминала Светлана Григорьевна, однажды среди ночи Рустем Адельшевич вскочил с криком: «Адель! Адель!» — и начал собираться. Жена не могла его остановить. Всё это выглядело странным, тем более, Кутуй последнее время редко вставал, ноги его плохо слушались. А тут вдруг встал, оделся и выскочил на улицу. Светлане Григорьевне стоило немало трудов уговорить его вернуться домой. Кутуй был растерян:

— Мы договорились встретиться с Аделем, а его нет. Нам надо ехать в Москву. Вот наши билеты...

И сам удивился, когда вынул из куртки трамвайный билет. Жена налила ему чаю, как могла, успокоила. По её признанию, у Рустема Кутуя была совершенно животная интуиция. Возможно, именно в эту ночь с Аделем случилось страшное...

Он нашёлся, когда снег растаял. На ментовском жаргоне таких называют «подснежниками». Позже в «Вечёрке» я прочёл статью (8.10.08):

«В понедельник Кировский райсуд огласил приговор бывшему диджею кафе «Мурена», который обвинялся в убийстве своего дяди. Это преступление можно было бы отнести к обычной, как говорят в милиции, бытовухе, если бы не личность погибшего: 49-летний Адель Кутуев — внук известного татарского писателя Аделя Кутуя...

О пропаже его сестра заявила в милицию ещё в декабре прошлого года. Но поиски результатов не дали. А 22 апреля 2007-го, когда за гаражом в двадцати метрах от дома, где проживал пропавший, растаял сугроб, были найдены скелетированные останки человека с признаками насильственной смерти. Уже на следующий день было установлено, что останки принадлежат пропавшему в декабре Кутуеву. Сестра опознала брата по истлевшей одежде, а также по незажившему перелому челюсти, который он получил когда-то в пьяной драке. У погибшего были обнаружены и многочисленные повреждения костей свода черепа и лицевой части головы. Они-то, по заключению экспертов, предположительно, и стали причиной смерти. Позже было установлено, что мужчине нанесли не менее 11 ударов по голове тяжёлым предметом.

Сотрудники уголовного розыска раскрыли преступление за два дня. Причём подозрение сначала пало на двух племянников, которые проживали с погибшим в одной квартире. Но допрос с помощью «Полиграфа» показал, что младший не причастен к убийству. В совершении преступления признался старший — 23-летний Д... Судя по материалам уголовного дела, убийство произошло на почве, как пишут в милицейских протоколах, внезапно возникших неприязненных отношений. Вот только эти самые отношения в семье потомков Аделя Кутуя возникли не так уж и внезапно.

...В скромной «двушке» на улице Окольной внук писателя Адель Кутуев проживал с детства. Вместе с матерью и сестрой. Потом сестра вышла замуж, родила двоих сыновей, но вскоре развелась и вернулась с детьми к матери. Адель после школы поступил на биофак КГУ, но практически не учился, вёл слишком вольную студенческую жизнь, пристрастился к выпивке. Так что через год был отчислен за неуспеваемость, и его забрали в армию. Демобилизовавшись, работал в различных печатных изданиях. Дважды женился, но супруги долго не выдерживали его пьяных загулов. Третий, гражданский брак Кутуева тоже был недолгим. В 1998 году мужчина вынужден был вернуться в квартиру к матери, где к тому времени уже проживала и его сестра с сыновьями.

Женщина рассказала суду, что пыталась лечить брата, кодировала, но тот снова срывался — очень тяжело переживал разрыв с третьей женой. Даже говорил, что наложит на себя руки. А в 2003 году умерла их престарелая мать. Кутуев перешёл на денатураты. К тому времени он уже нигде официально не работал, а все случайные заработки тратил на спиртное. Сестре приходилось не только содержать брата, но и разгонять его собутыльников. Но когда женщина ушла жить к новому мужу, Кутуев совсем опустился: стал воровать у племянников продукты из холодильника, ругался с ними из-за квартиры, заявляя, что они живут на его жилплощади и потому обязаны его содержать. Парни часто ругались на этой почве с дядей, но терпели. И вот один в конце концов не вытерпел.

Обвиняемый рассказал суду, что сейчас уже точно не помнит дату, когда всё это случилось, но примерно в первой половине декабря. Младший брат в тот день дома не ночевал. А дядя пришёл ночью, как всегда, пьяный и стал вынимать из холодильника продукты. Племянник сделал ему замечание, мол, не тобой куплены, но ругаться не стал, ушёл в свою комнату. Через несколько минут в комнату вошёл дядя. С ножом в руке. И стал размахивать им, требуя «уважения».

Как объяснил подсудимый, он испугался за свою жизнь, поэтому достал слесарный молоток и несколько раз ударил им дядю. Потом, дескать, ничего не помнит.

Очнулся — рядом на ковре окровавленный труп с проломленной головой. Парень вынес тело на улицу и спрятал в сугробе за гаражом, а ковёр, свою окровавленную одежду и молоток выбросил на помойку. Затем вымыл пол в квартире и на лестничной клетке. А когда младший брат вернулся и спросил, где дядя, сказал, что ушёл и не вернулся.

Брат подсудимого рассказал, что сразу ему поверил, так как Кутуев часто уходил из дома на несколько дней. Правда, всегда возвращался. Но как-то в марте Д. признался, что убил дядю молотком, плакал и грозился вскрыть вены. Но так как он был в сильном алкогольном опьянении, младший брат ему не поверил. Судебно-психиатрическая экспертиза признала Д. вменяемым. По месту прежней учёбы и работы он характеризовался вполне удовлетворительно. Правда, люди отмечали, что он всегда держится особняком, скрытен и замкнут. И при этом вспыльчив и неуравновешен, в стрессовых ситуациях часто грозится покончить с собой, а в состоянии алкогольного опьянения бывает агрессивен. Но подсудимый утверждал, что в ту роковую ночь был совершенно трезв...

По словам прокурора Кировского района Рафката Уразбаева, в суде Д. подтвердил свои первоначальные показания и полностью признал свою вину.

— Надо отдать должное родственникам погибшего и подсудимого, — говорит прокурор. — Несмотря на пережитую семейную трагедию, они вели себя достойно: давали правдивые показания, не пытаясь как-то выгородить подсудимого. Правда, характеризовали его только с хорошей стороны.

В итоге суд учёл все смягчающие обстоятельства и назначил Д. не самое строгое наказание: 8 лет лишения свободы в колонии строгого режима».

Честно говоря, не знаю, почему корреспондент решил раскрыть подлинные имена участников той трагедии. На журфаке КГУ я не учился, но мне кажется, там должны учить элементарной журналистской этике. Чтобы не причинять лишних страданий родственникам потерпевших. Я привёл статью почти полностью, однако не стал называть имени старшего сына, ограничившись литерой. А привожу её здесь потому, что именно эта статья добавила последнюю каплю в переполненную чашу горя Рустема Адельшевича. Как рассказала мне его супруга, Кутуй в те страшные дни очень хотел умереть.

Наверное, отношения на Окольной действительно были слишком накалены. Возможно, в тот вечер дядя и племянник оба были не трезвы. Могу даже предположить, что Адель первым начал. Но всё равно не могу понять...

И до сих пор представляется жуткая картина: лежит Адель, заваленный снегом, а мимо ходят прохожие. И всё это недалеко от старого заброшенного кладбища... А мать допытывается у сына, что у них случилось в тот вечер. И тот сочиняет что-то, похожее на правду. И отцу, Рустему Адельшевичу, тоже что-то сообщают успокоительное. А над ними невидимкой кружит уставшая исстрадавшаяся душа.

К сожалению, по числу убийств в России «бытовуха» далеко опережает все другие виды насильственных смертей. Мотивы порой поражают. Два друга выпивали на кухне, один другому не долил или себе налил чуть больше. Слово за слово, зуб за зуб... Кто первый схватил со стола нож — тот и остался жив... Другие варианты можно перечислять бесконечно: сын зарезал отца, муж убил жену. Поводов может быть миллион. Исход всегда один...

Заслуживал ли добрый и умный парень Адель Кутуй такой участи? Увы, нам не дано знать, какой счёт предъявляют свыше каждому из нас, каким будет ответ... Судя по всему, суд ждёт всех. А кому было много дано — с того и более спросится?

ТРИЛОГИЯ ТРИЗН

Поздней осенью 2006 года мы отмечали юбилей Рустема Кутуя в Казанском Кремле, в музее-мемориале Великой Отечественной войны. На празднование его 70-летия министерство культуры выделило средства, я написал сценарий. Вечер вела Лилия Газизова, руководитель секции русской литературы и художественного перевода СП Татарстана. В тот день я последний раз виделся с Рустемом Адельшевичем. Но обстоятельно общаться с юбиляром я не мог, занятый организационными хлопотами, в основном, за кулисами. А Кутуй восседал в президиуме, точнее, в кресле юбиляра. К тому же на своё торжество он прибыл позже всех и, создавалось впечатление, меньше других понимал, что вокруг происходит. Рустем Адельшевич не снял больших чёрных очков, но собравшиеся все равно заметили, что за ними скрываются большие синяки. Возможно, действительно, упал неосторожно. В последнее время ноги его часто подводили. Говорили, что он перенёс инсульт. В общем, выглядел Кутуй худо, приветственное слово у него совсем не вышло. А дальше, согласно моему сценарию, ему и делать-то ничего не пришлось. Вежливо выслушивал поздравления, перемежавшиеся концертными номерами.

В мемориал нагнали школьников, те честно отсидели на своих местах, не шумели и по окончании мероприятия быстро испарились. А кучка писателей, пришедших поздравить юбиляра, перекочевала в какое-то маленькое внутреннее помещение, где накрыли скромный стол и подняли одноразовые стаканчики — за Кутуя!

После первой Рустем Адельшевич несколько оживился, после второй подобрел, засветился, разговорился. Помню, много тёплых слов сказала ему в тот вечер Нонна Орешина — однокашница по литературному объединению имени В. Луговского. Но всё происходящее оставило в памяти грустное, щемящее ощущение. Жаль, Аделя на юбилее не было, с ним мы точно пообщались бы. А может, его уже тогда не было в живых?

В 2008 году юбилей отмечал уже Диас Валеев. Мы провели вечер в тюзе, опять по моему сценарию. И Лиля Газизова снова была ведущей. Чем я горжусь особо, на вечере мы показали сцены из «Карликового буйвола» — последней и единственной валеевской пьесы, которая никогда не шла в Казани. Разумеется, пришлось перекраивать текст, чтобы по двум небольшим эпизодам зрители могли представить все произведения. Народный артист РТ Роман Ерыгин замечательно сыграл роль Ворвачева. В общем, Диас Назихович остался доволен маленьким спектаклем, ведь этих своих героев он впервые увидал на сцене.

А 17 декабря Мустафин согласился провести презентацию моей книги «Драма диасизма» в Доме актёра. И как потом выяснилось, это было последнее публичное выступление Виля Салаховича. И последняя встреча двух друзей. Презентации Мустафин вообще вёл великолепно. Он очень подробно остановился на творчестве Валеева-драматурга, отдал должное его литературным заслугам, нашёл много тёплых слов в адрес юбиляра. Диас Назихович тоже долго говорил в тот вечер. О себе, о погубленных своих постановках... Для него это также стало последним выходом в свет.

Рустема Адельшевича на эти вечера мы даже не приглашали. Валеев сразу заявил, что двоюродного брата на юбилее видеть не хотел бы. А Мустафин сказал, что Кутуй давно из дома не выходит. И чувствует себя худо. На мой взгляд, с годами он хуже ориентировался в пространстве, потому что всё дальше и дальше уходил во времени назад — в годы своего детства. Он не просто вспоминал свои ранние годы. Он жил в том воссозданном его произведениями мире, где жив был ещё отец, а мама была молода и красива. Где старшая сестра Гульшат читала первые стихи брата...

Вот и последнее интервью журналу «Казань», которое он давал в Лаишеве во время вручения ему литературной премии имени Г. Державина, подтверждает: Рустем Кутуй по-прежнему ясно мыслит, умеет, как и прежде, выразить словом довольно тонкие психологические вещи, имеет собственный взгляд на происходящее. В тот праздничный для себя день в самой середине лета (14 июля 2009 года) он повторял, что по-прежнему считает детство главным сокровищем души любого человека. «Мне часто является картинка: снег падает, у меня деревянная лопатка, людей нет, никому нет дела до меня. И мне так хорошо: я один... Ковыряю сугроб, чтобы выйти на другой край земли. Я вполне искренне уверен, что выйти на ту сторону земли возможно. Вот это и есть то, моё время — время обречённости, нищеты, голода... Я ощущал себя клопиком и таким же клопиком остаюсь по сей день. Моё зрение осталось там: я смотрю оттуда, через то время. Разве мне до СССР, РСФСР? Главное — во Дворец пионеров пойти, там подарки дадут... Партия ничего не решает, тем более когда превращена в какую-то счётную организацию: что считают — сами не знают. Сейчас — делёжка времени на части, прожитые отдельным человеком, которые совершенно не составляют первостепенной важности. Изначально же каждый стоит на своём детстве, в котором ему выпало жить. Никто ведь не спрашивал: на Соловки тебя или... хоть куда приведут за шкирку. Время многолико. Приобретает смысл то, что важнее и потяжелее. И оно продолжает жить постоянно рядом. Живое существо времени ощущаешь как вполне материальную силу».

Так совпало, что Державинскую премию Рустем Кутуй получал через неделю после смерти Василия Аксёнова — и тема скорого ухода в том интервью сквозит, пусть даже между строк. Акси-Вакси ушёл красиво, в стиле своей разбитной битово-джазовой прозы. В последний приезд в Казань в 2007 году (на празднование своего 75-летия) Василий Павлович специально попросил организаторов «Аксёнов-феста», чтобы ему устроили встречу с выпускниками той самой знаменитой 19-й школы, которую он окончил. Рустема Кутуя на той встрече не было, но Виль Мустафин с однокашниками ходил и после рассказал другу, как всё прошло.

Городские власти к юбилею преподнесли земляку Аксёнову шикарный подарок: обещали восстановить дом на улице Карла Маркса, где Вася жил в войну у родственников, чтобы потом подарить его писателю! Акси-Вакси от такой милости, конечно, не отказался. Он сразу заявил, что в том доме будет музей, джаз-клуб и маленькая гостиница. Но открыть его лично не успел — 15 января 2008 года Василий Аксёнов вышел из дома (в Москве), сел в машину, поехал по делам. Вдруг потерял сознание и врезался во впередистоящий автомобиль, впрочем, большого вреда не причинил. Да он и не узнал о той аварии, поскольку больше не приходил в сознание. Его лечили в Склифе, оперировали в НИИ Бурденко. Аксёнов так и не вышел из комы. Умер он 6 июля 2009 года. Сразу за ним следом отправились его казанские однокашники по школе № 19.

Виль Мустафин в то время уже тяжело болел. О недуге его я узнал в мае 2009-го. Он позвонил и сказал, что его кладут в Республиканскую клиническую больницу, и он не сможет поехать на IV съезд Союза российских писателей. Сообщил, как о деле решённом, что в Москву надо ехать мне. Понятно, я не мог ему отказать. После съезда мы долго сидели на лавочке в больничном садике, он внимательно слушал моё «информационное сообщение» (я даже записи со съезда захватил, чтобы ничего важного не упустить) и в завершение заявил:

— Вот и славно! Значит, тебе и принимать дела. А мне, видать, уже не выбраться...

Из РКБ, где в течение месяца врачи не могли сбить ему температуру, Мустафина перевели в Республиканскую онкологическую больницу. Уговорили на операцию.

Виль Салахович позвонил мне, спросил, не могу ли отвезти его до дома. Разумеется, я тут же сорвался с работы, помчался в онкологию. Мустафина отпустили на выходные домой, на понедельник назначили операцию. Виль Салахович был очень плох, всё время кашлял. Дома ему стало немного лучше. Мы немного поговорили, обсудили последние новости в городе. Мустафин от души порадовался за друга, когда услышал, что Рустему Кутую вручили Державинскую премию.

Оперативное вмешательство, как обычно бывает в таких запущенных случаях, лечебного результата не дало. Удаление опухоли было нецелесообразным. В последние недели Мустафин сильно исхудал, знаменитая его борода как-то поредела. Но голос до последнего оставался молодым, глаза не утратили блеска. Мы с ним в последние дни готовили собрание Татарстанского отделения Союза российских писателей. Его городскую организацию Мустафин создал в 2002 году и все эти годы возглавлял. Кстати, собраний практически никогда не собирал, любил обходиться дружескими посиделками с каждым из писателей отдельно. А тут решил, что все лично должны проголосовать за нового председателя. Я согласился без особой радости, но Виль так коротко и просто объяснил, почему я должен продолжить его дело, что я не мог спорить. Да и как возразишь человеку, который уже заглянул... Мустафин не мне одному рассказывал, как выходил из наркоза.

К смерти Виль всегда относился спокойно. Вспоминал, как в детстве никак не мог понять: почему люди её так боятся? Даже прыгал с подножки мчавшегося на всем ходу трамвая, чтобы испытать животный страх смерти... Не испугался, только руку повредил — не смог уже играть на скрипке. В юности он слышал голос, который предсказал, что смерть ждёт его на цифре 74 (так оно и случилось). В последние дни рассказал, как в больничной часовенке у иконы целителя Пантелеймона услышал явственно во время молитвы: «Конец будет лёгким, боли не будет». Надо ли говорить, что именно так и вышло.

Меня не покидает чувство, будто он всё знал заранее, все подгадал, даже сына вызвал из Питера «на недельку погостить». У меня тому есть косвенное доказательство: погода в Казани портилась, бабье лето кончалось, приближался циклон — и дожди начались... сразу после его похорон! Не удивлюсь, если Виль Салахович и об этом знал, а может, его невидимые помощники свыше обо всем его предупредили...

До последнего дня Мустафин оставался на ногах. Обзванивал друзей-коллег по СРП, приглашал на годовое собрание в редакцию газеты «Казанские ведомости». Собирался и сам там быть. Но когда я приехал за ним в день собрания, 16 сентября, он уже не мог говорить. Сын Артур, врач неотложки, предупредил — это агония. Виль Салахович ещё пытался выговорить, что написал отчёт, но не успел распечатать его на компьютере:

— Ты уж сам...

В последний день, перед лицом надвигающегося — самого важного и торжественного события в жизни каждого человека — он все ещё беспокоился, как пройдёт собрание! Я, как мог, успокоил его, дескать, всё пройдёт нормально. Тогда Виль закрыл глаза и погрузился в себя.

Ему было тяжело дышать. Артур поехал в аптеку за кислородной подушкой. Я посидел ещё пару минут, хотя понимал, что в такой ситуации лучше удалиться. Пожал его горячую руку. Простился с Галиной Михайловной...

Вечером позвонил ей, передал, что собрание состоялось. Голосование прошло, как всё задумал и подготовил сам Мустафин. А через два часа она перезвонила и сказала:

— Виль Салахович умер.

На панихиду, которая состоялась в литературно-мемориальном музее А. М. Горького, Диас Валеев пришёл, однако выступать не пожелал. Рустема Кутуя не было. Однако известие о смерти Виля Мустафина стало для него сильнейшим ударом. Говорят, после этого он уже не смог оправиться. А тут ещё упал — и сломал шейку бедра, что в его положении было крайне серьёзно.

Примерно через полгода вышел посмертный сборник Мустафина «Дневные сны и бдения ночные», который собрал и издал друг поэта, доктор философских наук Владимир Курашов. Я привёз книгу Диасу Назиховичу, а в следующий раз услышал от Валеева суровый приговор: чем дальше он читает мустафинские стихи, тем больше укрепляется в мысли, что Виль был неудачником.

— Был хорошим математиком, однако диссертацию так и не защитил — бросил, — говорил Диас Назихович, — подавал большие надежды в вокале, сам Назиб Жиганов пригласил его учиться в консерваторию — бросил. В молодости писал отличные стихи, злые, острые... Но так и не стал профессиональным литератором, не издавал книг, не дрался, так и просидел всю жизнь в институте вычислительной техники. Вот я и думаю — он просто неудачник.

Признаться, такое суждение об умершем друге грустно было слышать. Годы не смирили Валеева, не сделали его более снисходительным, доброжелательным. Прозу Диаса Валеева долго не печатали. И он этим мучился. Стихи Виля Мустафина в советские годы вообще не публиковали, да и сам автор не предпринимал ничего, чтобы их обнародовать. Позже, став известным на всю страну драматургом, Валеев при встрече предлагал Вилю помощь — готов был посодействовать в издательстве, если тот соберёт из всего уже написанного хотя бы небольшой сборник. Мустафин отшучивался, мол, не стоит беспокоиться. Он совершенно искренне не понимал, какая радость в том, что вышла твоя книга, ведь истинные мгновения счастья для поэта — это редкие минуты вдохновения, когда из высших стихий нисходит то, во что потом словесно облекаются стихи, и выше этого ничего быть не может. Но другу этого он объяснить не мог. Или тот не хотел понять. Потому считал Виля неудачником.

Видимо, в валеевских доводах можно углядеть некоторую логику. По его словам, Мустафин учился в аспирантуре у знаменитого казанского математика Александра Петровича Нордена, подготовил серьёзную диссертацию. Выдающийся композитор, ректор Казанской консерватории Назиб Жиганов прочил ему будущее на оперной сцене, где хороший бас всегда редкость — Мустафин проучился три-четыре семестра и бросил консерваторию. Родился сын Эрик — надо было кормить семью. Всю жизнь Виль писал стихи, но так и не собрал пусть даже тоненького сборничка, чтобы попытаться его издать. Заранее отказался от борьбы, значит, оказался слабаком...

Виль о Диасе, сколько помню, всегда говорил с любовью и нежностью, хоть и не одобрял его проповеднических притязаний. Мустафин не скрывал, что религиозные воззрения Валеева считает, мягко говоря, ошибочными. Про валеевское эссе «Пятое евангелие» (пасквиль на Христа) вообще не захотел со мной говорить, лишь рукой махнул сокрушённо.

В один из последних моих визитов к Валееву тот вновь свернул на свою излюбленную тему. И кажется, впервые заговорил со мной о том, что и Виль мог быть тайным осведомителем КГБ...

— В самом деле, нас всех таскали на «Чёрное озеро», — сказал Диас Назихович, — а его почему-то не трогали! Хотя его стихи тех лет, казалось бы, не могли оставить равнодушными сотрудников госбезопасности. Никто у нас в литобъединении не писал большей антисоветчины, чем Мустафин. И я не могу поверить, чтобы в КГБ

об этом не знали. Да Виль и сам признавался, что его товарищи по физмату пошли туда работать после университета.

С Вилем Салаховичем на эту тему мне также приходилось в своё время говорить. Мустафин к этой долгоиграющей теме относился философски, даже иронично. Доводилось слышать и от него нелестные суждения по поводу того или иного писателя тех лет, тем не менее, повторюсь, Виль искренне любил своих друзей. А было или не было... В КГБ тогда таскали всех, содействовать органам склоняли многих.

В одном из интервью Мустафин признался, что из своих друзей знал лишь двоих, кто отказался от сотрудничества с пресловутым пятым отделом: «Кого вызывают в первую очередь? Потенциальных стукачей. Была умная система отбора. После предварительного, негласного ознакомления с «кандидатом». Редкие люди после их обработки выходили не стукачами. Из моих друзей только двоих могу назвать, Мишу Белгородского, например. Он, кандидат наук, ушёл в дворники, сказав в КГБ: «Я не смогу стучать». Ещё Булата Галеева, который создал СКБ «Прометей». Он тоже чудом выдержал. Пугали всех одинаково: лишим, отберём, запретим... И так же одинаково обещали в случае согласия: допуск, должность, чины... Как угрозы, так и обещания выполнялись. Кому-то чего-то надо было — соглашались. Но я не могу ругать стукачей. Мне их жалко. Удивительно, но просто жалко».

И Диаса среди несогласившихся сотрудничать с КГБ Виль не назвал. В этом они были квиты. Спросите, как же они со всеми этими ужасными подозрениями могли дружить столько лет?

Сам Виль подтверждал, что его «на Чёрное озеро» не вызывали никогда. Хотя постоянно им интересовались: «Каждый, кто ходил на «собеседование» в комитет, потом говорил мне: «Знаешь, там тобой интересуются», — рассказывал Мустафин в том же интервью. — «Да ладно, — отвечал я, — им положено, у них работа такая». Следуя логике, которую Виль приписывал органам, нетрудно понять, что на Чёрное озеро его не вызывали по простой причине: вряд ли можно склонить к сотрудничеству человека, у которого в застенках НКВД безвинно убили отца!

Их поколению гэбистская тематика не давала покоя до последних дней, хотя для других она вряд ли сегодня актуальна. Видно, крепко шестидесятникам досталось от всесильного в советские годы ведомства. Виль Салахович не осуждал тех, кому не удалось избежать чекистских сетей. Валеев до последнего не был готов жалеть и прощать. Наверное, у него было на то право. И Рустема Кутуя, брата своего двоюродного, Диас так и не простил, хотя об этом его так просила Гортензия Никитина.

Что же касается Кутуя, то известие о смерти лучшего друга Виля он переживал крайне болезненно. В последние месяцы к нему уже редко кто приходил — все знали, что Рустем Адельшевич болеет. А тут ещё надо было случиться беде: на ровном месте он упал и сломал ногу. Точнее шейку бедра, что в этом возрасте практически не лечится...

Привычным для него настроением стало то, что он описал в одном пейзаже: «Есть у Игоря Вулоха, художника когда-то казанского, картина предзимнего поля, обносимого позёмкой. Картина моего настроения, если не сказать больше — среднестатистического состояния. Тоскливость сжавшейся равнины, дрожащие былинки и жёсткий, широкодышащий ветер — говорят об одиночестве и бесприютности пронзительного пространства. Картина эта часто возникает передо мной. А во сне и того примечательней: в таком поле я встретился с отцом, он — в шинели, я — в демисезоне, почему-то оба нараспашку. Обогрели друг друга, сомкнувшись. Я отчётливо видел двух мужчин одинакового роста среди поля. И так это было жутко-реально, что я, проснувшись, долго не мог избавиться от холода. Лежал, взбудораженный сиюминутностью свидания. Что-то произошло: ко мне вернулся горький запах, далёкий, уже совсем забыв-

шийся, утренне-табачный, горьковатый запах отца в теплыни и благодати детского утра жизни, когда я слился с отцом до малой косточки. Только теперь было холодно и одиноко среди белого, белого — пустынного».

Больше Кутуй не вставал с постели. Его не стало 7 января 2010 года — через три месяца и три недели после смерти Мустафина. Не сомневаюсь ни секунды, что там его первыми встретили сын Адель и друг Виль — раб Божий Владимир, как написано у Мустафина на могильном кресте.

В том же 2010-м не стало и Диаса Валеева. В последние годы он часто лежал в больнице, перенёс инфаркт, судя по всему — не первый. Уже несколько лет ничего не писал, занимался составлением Свода своих сочинений в семи томах. Потом их стало восемь. Пять из них вышли в Татарском книжном издательстве — отдельными изданиями, без нумерации, но в едином оформлении, которое различается лишь цветом обложки. Три тома художественных произведений вышли в белом коленкоре, два философских — в коричневом. Но главное, все они изданы в авторской редакции, их тексты Диас Назихович называл каноническими. Остались неизданными три тома, их выход в свет планировался к 70-летию писателя, но в 2008-м грянул мировой кризис... Что ж, до 75-летия остаётся два года, может быть, к тому времени успеют издать?

Как я уже упоминал, Диас Валеев считал, что в маленькой квартире на улице Груздева уже лет пять доживает своей век некий Д. Н. — обычный микро-человек, литературный секретарь и душеприказчик истинных (мега- и макро-) уровней писателя Диаса Валеева, ушедшего невидимкой в некие выси... Впрочем, он не исключал возможности когда-нибудь ещё что-то написать. Но уже под псевдонимом, совсем в другом ключе. Вариант такого псевдонима появился за полгода до смерти в «Звезде Поволжья», газета опубликовала последнее эссе писателя «Быть или не быть», подписанное «Саид Веелав» — палиндром легко читается справа налево и вызывает невольные ассоциации. Так, от фамилии Веелав прямо веет любовью (love). А имя сразу вызывает в памяти одинокого «неуловимого мстителя» из культового фильма «Белое солнце пустыни», которого в самом начале товарищ Сухов откопал из песка и к которому потом Саид приходит на помощь — всегда неожиданно, но вовремя. И на вопрос, откуда он взялся, отвечает неизменно: «Стреляли!»

Эссе Диаса-Саида тоже выстрелило. Речь в нём шла о коллайдере, который построили на границе Франции и Швейцарии и который грозит погубить всё человечество. Валеев-Веелав вновь обратился к теме техногенного апокалипсиса, занимавшей его в последние годы. Помню, Диас Назихович признался, что писалась статья долго и давалась трудно. Поэт Евгений Сизов сразу разместил последнее эссе на созданном им сайте valeev-dias.narod.ru. Даже на пороге своей смерти писателя тревожила возможная гибель человечества по чьей-то жадности и тупости...

В последнее время Диас Валеев часто говорил о смерти. К уходу был давно готов. Однажды передал мне своё «Последнее слово». Мы хранили конверт, подписанный «Вскрыть после моего ухода», в сейфе у главного редактора «Казанских ведомостей» Венеры Якуповой. Насколько мне известно, другой экземпляр завещания находился в Министерстве культуры Татарстана. В нём Диас Валеев запретил трупорезам-патологоанатомам прикасаться скальпелем к его телу. Просил не предавать его тела земле, поскольку страдал клаустрофобией. Пожелал, чтобы на четвёртый день после кончины его тело сожгли на берегу Казанки, за Арским кладбищем, у моста «Миллениум» через Казанку.

Известие о смерти Валеева было неожиданным. За три дня до этого он звонил мне на работу. Просил зайти как-нибудь. В разговоре обмолвился, что Дина Каримовна попала под машину, у неё сломана нога. В субботу, после занятий в театральном училище, я сел в машину и ещё раздумывал — заехать ли к Валеевым (их дом всего-то в трёх кварталах). Но подумал, что неудобно беспокоить, всё-таки супруга больна... А на следующий день она позвонила мне по телефону и сказала:

— Диас Назихович умер.

В воскресенье 31 октября он чувствовал с утра себя неплохо, приготовил жене завтрак. Потом они смотрели по телевизору какой-то старый советский фильм из их молодости. В дверь позвонили. Дина Каримовна уже могла передвигаться по квартире при помощи специальной каталки, поэтому решила открыть сама. Внук принёс молока и свежие газеты. Бабушка поговорила с ним совсем недолго, закрыла за ним дверь и вернулась обратно в комнату. Диаса уже не было в живых.

На следующий день с утра в минкультуры прошло совещание по столь печальному поводу. Мы с Гараем Рахимом составили некролог, который после подписывало высшее руководство республики — так положено по статусу лауреата Государственной премии имени Г. Тукая, заслуженного деятеля искусств РФ и РТ. О разведении погребального костра чуть ли не в центре Казани, конечно, вопрос не стоял. Договорились, что тело повезут в Москву на кремацию. Дело в том, что построенный ещё в прошедшем тысячелетии на Самосыровском кладбище комплекс крематория в эксплуатацию до сих пор не запустили.

Прощание с писателем состоялось в фойе музея Горького, где годом раньше мы прощались с Вилем Салаховичем. Кстати, тогда Равиль Исхаков снял нас вместе с Диасом Назиховичем — и это была последняя наша фотография на память... Прямо с панихиды заказанный микроавтобус увёз его тело в Москву. А мне позвонила вдова и попросила помочь исполнить его последнюю волю.

В субботу я заехал за ними. Дина Каримовна поехать с нами не смогла — плохо себя чувствовала. Мы отправились на пляж «Локомотив» с Диной Диасовной и её подругой Светланой Арсеновной. На прогулочном катере, владельцем которого был знакомый замдиректора «Ритуала», долго выбирались к устью Казанки. Все это снимали телевизионщики, чтобы вечером выдать в эфир душещипательный сюжет...

Все помнят жаркое лето 2010-го. Не менее аномальной выдалась и осень — реки обмелели настолько, что катер не смог пройти под железнодорожным мостом у Адмиралтейской слободы. Так что развеять прах Диаса Валеева пришлось напротив острова Маркиз, практически в акватории Волги, а не Казанки.

Оставшийся в траурной урне пепел мы повезли на Татарское кладбище, где с утра, по просьбе Дины, уже вырыли небольшой круглый шурф на могиле родителей Диаса Назиховича. В него дочь опустила урну с прахом. Позже над могилой совершили тенгрианский ритуал. Немного праха, оставшегося на бумаге, в которую была завёрнута урна, я отвёз на то место, где просил Диас Назихович совершить ритуальное *auto da fe*.

Прямо у въезда на вантовый мост «Миллениум» есть знак «Река Казанка». Его я выбрал ориентиром. Справа от него, на взгорке, рассыпал пепел в умершей траве... Оттуда открывается прекрасный вид широкой панорамы казанского Заречья, которую так любили все трое наших друзей. Там я мысленно простился с ними, на высоком берегу Казанки, за Арским кладбищем — совсем недалеко от того места, где нашли свой последний приют Виль Мустафин и Рустем Кутуй...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наш трамвай делает последнюю остановку. И настало время оглянуться на пройденный путь.

Рустем Кутуй рано заявил о себе, как о писателе, книги его выходили в Казани и Москве, его проза стала открытием 60-х. К драматургии Диаса Валеева театры проявили интерес в 70–80-е годы — и такой географии постановок не знал ни один из татарских драматургов ни до, ни после него. Что же касается поэзии Виля Мустафина, отдельные подборки его стихов стали появляться в конце перестройки, в 90-е годы прошлого столетия (и тысячелетия), а книги появились лишь в 2000-х. Настоящий масштаб мустафинской поэзии, думаю, будет оценён лишь в XXI веке... И всё же, несмотря на жанровую разность их творчества и несовпадения их творческих взлётов — все трое прожили жизнь в одном городе, прошли путь в одной связке. Дружили, ссорились, даже враждовали... Конечно, было всякое за долгие годы. Но всё же больше было общего.

Прежде всего, все трое писали на русском языке. И оставили заметный след — в прозе, драме и поэзии — и татарской, и русской литературы. Собратья по вере, бывало, обвиняли их за это чуть ли не в предательстве. Даже словечко с лёгкой руки Чингиза Айтматова (великого киргиза, писавшего по-русски) запустили в оборот: манкурты, манкуртизм... Убеждён, всё это скоро забудется. Израильские литераторы, например, справедливо гордятся нобелевскими лауреатами Борисом Пастернаком и Иосифом Бродским, как и другими евреями, которые писали на русском языке. А румыны, скажем, чтут славу Эжена Ионеско, хотя тот сочинял свои абсурдистские драмы по-французски.

Со временем, как мне кажется, творчество Рустема Кутуя, его брата Диаса Валеева и их друга Виля Мустафина будет признано классикой татарской литературы XX века. С той лишь оговоркой, что через двадцать лет ещё останутся в Казани люди, которые будут читать и интересоваться литературой.

Рустем Кутуй ушёл от нас на Рождество, 7 января 2010 года. Наверное, это должно что-то означать. Впрочем, Кутуй не был религиозен. «Христос проповедовал любовь, самое сильное, что может быть, — говорил он в последнем интервью. — Можно любить не только женщину — вообще отношение к жизни именно как предмету любви, например, к деревьям, цветам, небу, облакам, к тому, что находится между ними, всегда было присуще человеку. Он об этом не задумывался, а занимался своими делами: готовил еду, обустраивал жилище, занимался, скажем, деторождением... а, в сущности, сохранял в себе любовь — к теплу, к пещере и так далее. А сейчас? Именно этот промежуток зачем-то хотят травмировать всякими нанотехнологиями. По-моему, одна любовь держит весь мир...» Такая вот нехитрая языческая мифология от Кутуя. По свидетельству супруги, Рустем Адельшевич не был ни мусульманином, ни христианином, но считал себя верующим человеком. Он верил во Всевышнего, в Отца... Говорил:

— У меня с Ним свои отношения.

В отличие от двоюродного брата Диаски, который скончался в один миг, без единого вскрика боли, просто заснул, а также друга Вильки, который преставился достойно, без особых физических страданий, со всеми простившись и доделав все дела, словно превратив свою смерть в прощальную поэму, — в отличие от своих друзей, Рустем Адельшевич умирал тяжело. И лишь одна жена Светлана Григорьевна знала, как ему было плохо. Возможно, слабым утешением Кутую служила сказка, которую он рассказал в середине лета молодой журналистке: «Я называю луну небесной княжной. Когда она появляется у меня на балконе, я определяю, какой будет погода. В

сказке моей жизни так: она прилетит за мной, прежде чем мне исчезнуть с лица земли, скажет: «Пойдём прокатимся, я тебе космос покажу». И вся она воздушная, пушистая, тёплая, по ощущениям вполне земная. А после путешествия состоится небесный совет во главе с Богом, который, как и моя небесная княжна, лика не имеет — это же духовная жизнь человека. На совете мы решаем, возвратить меня на землю, где я промаялся вполне достаточно, но уже в другом виде, или нет...»

Как видим, Рустем Кутуй до конца остался маленьким мальчиком — мошкой, клопиком, невидимкой! И эта верность экзюперианской теме в жизни и творчестве, согласитесь, потрясает. «Отец потерялся за стеной времени, давно, навсегда. Лишь моя дума, моё воображение способны воскресить его. Я виноват перед тобой, отец, прости, что пью доброе вино жизни в одиночку... Чувство родины, корня, отца-матери, порога не затухает, как сегодня пытаются нам внушить безродные вещатели, а, наоборот, усиливается, наливается по осени соком, крепнет. Это несомненно, это естественно, как ток крови. Только слепой не увидит этого, замкнувший уши не услышит. Пожалуй, главное знамение конца века и тысячелетия как раз возвращение, а не отвращение к истоку, к беспрекословной истине — родине». В этом — родина кутуевского духа, его нравственный стержень, духовная доминанта.

К прошлому в своих лучших чувствах возвращался всё время и Диас Валеев. Но видел там себя не маленьким мальчиком, а смелым юношей-революционером. В трагедийной хронике «1887», посвящённой событиям студенческой сходки в Императорском Казанском университете и «боевому крещению» Володи Ульянова, уже в первой ремарке автор допускает, казалось бы, непозволительную для драматурга вольность: собственную исповедь! Напомним, вступительная ремарка пьесы обычно указывает, где происходит действие, в ней даётся краткое описание декораций.

Скажем, «Таганрог, 19 ноября 1825 года. Кабинет императора Александра Павловича в бывшем доме градоначальника Попкова». Вместо этого Диас Валеев первыми словами исторической трагедии обозначил время и место пребывания своего истинного «я»: «Углы и комнаты, сдаваемые внаём, переулки, тупички, крест церкви и башенка минарета; чей-то сдавленный крик, светящееся в тумане окно — негаснущий лик конспиративной, подпольной России, устрёмленной в неведомое, глядит на меня из прошлого. И мне кажется иногда, что где-то там и родина моего духа. И там, с ними — я сам». Так написать мог только человек, в котором не угас юношеский максимализм, который ищет в жизни и творчестве ответы на проклятые вопросы... Таким Диас Назихович остался до самого конца. Не простил, не покаялся, и наверное, даже не понял в последний миг, что с ним произошло. Откуда вдруг перед глазами возникло то новое, ранее неведомое...

Виль Мустафин, как мне кажется, из всех троих подготовился к уходу так, как он это себе представлял. Такой же атеист по воспитанию, как и его друзья, он всю жизнь шёл к Богу. «Самой доступной к шестидесятым годам оказалась литература по буддизму: к ней вели и Герман Гессе, и Шопенгауэр, и йоги, — писал Виль Мустафин в эссе «Мои отношения». — Затем появилась литература по древней философии Китая и Индии. Чуть позже стали доступны источники по католицизму, протестантизму. Ещё позже по православию. Ещё позже — русские переводы Корана. К этому времени уже были прочитаны книги Ветхого и Нового заветов. Из всего прочитанного симпатии мои распределились примерно в следующей последовательности: 1) православие, 2) буддизм, 3) протестантизм, 4) магометанство. Остальные реально существующие церкви я относил к «сатанинским» (туда же ушло и практическое мусульманство, которое я резко отделяю от идей и установок Магомета, изложенных в Коране; там же — и большинство книг Ветхого завета; там же — практический иудаизм и все известные мне современные секты различных мировых религий). Следовательно, к тому времени, когда моя потребность «прислониться» к одной из исторически сложившихся земных церквей приобрела состояние «насущной», выбор мой пал на православие. Помехой для окончательной реализации этой потребности служили два фактора. Главный: мой дед по материнской линии Сулейман Мустафин, только благодаря заботам которого я остался среди живых на этом свете, был яростным мусульманином. Второстепенная: русская православная церковь вся сплошь состояла из ставленников ЧК, НКВД, МВД, КГБ — в исторической последовательности этих зловещих аббревиатур. Из факторов, способствовавших «свободе» моего собственного выбора, было то, что я не был — ни родителями, ни дедами — приобщён ни к одной из церквей, т. е. не был ни «обрезан», ни тем более — крещён. Вот в этой «тесной широте» выбора, с тяжёлыми переживаниями, многочисленными устными беседами со служителями различных конфессий, включая и русскую православную «катакомбную» церковь, я, наконец, принял крещение в русской православной церкви на Арском кладбище в Казани, где приобщил меня к святым тайнам мой давний друг (друг и Кости Васильева) протоиерей этой церкви (по светскому образованию — физик) отец Игорь Цветков, который чуть позже крестил и жену мою, и внучку Машеньку».

Таким образом, он пришёл к православию. И в дальнейшем об этом не жалел, наоборот, всё больше убеждался в правильности своего выбора. Мы не раз говорили с ним о религии, могу сказать, что я многому у него учился. Но так могут сказать многие, кто знал Мустафина. Тяжко болея, не пытаясь обманывать ни себя, ни других относительно скорой кончины, Виль Салахович вёл себя как христианин, верующий, что смерть — это не конец, а начало нового пути. И встретил свой последний день в ясном сознании, в кругу жены и сына, в безмолвной многочасовой молитве...

Когда-то в музей Горького все трое приходили в литобъединение. Позже Рустем Кутуй и Виль Мустафин тем ЛИТО руководили. А между ними долгие годы занятия там вёл их друг по прежнему литобъединению имени В. Луговского — известный казанский поэт Марк Зарецкий (теперь ЛИТО носит его имя).

О Диасе Валееве я написал книгу «Драма диасизма», которую подарил ему утром 1 июля 2008 года, в день его 70-летия. Теперь пишу книгу о поэзии Виля Мустафина. А своеобразную трилогию хотел бы начать с размышлений о прозе Рустема Кутуя. Вот только дал бы сил Господь справиться с этой творческой задачей...

Практически в течение года от нас ушли три больших казанских писателя — Виль Мустафин, Рустем Кутуй и Диас Валеев. В жизни их многое связывало. Если не дружба, то родство, если не взгляды на жизнь и литературу, то хотя бы общая точка старта. И к финишу, увы, все трое подошли одновременно.

И ещё я верю, что там... они снова встретились — Виль, Рустем, Диас. Они были молоды и талантливы, они много успели на этом свете, в другой стране, в ином столетии. К сожалению, все это — уже другая история. Их невосполнимость в литературной жизни Казани — и вместе с тем их невидимое присутствие — до сих пор не я один здесь ощущаю явственно. Как знать, возможно, мы ещё позавидуем им, так вовремя ушедшим из этого безумного мира.

Октябрь 2011

СЕРГЕЙ БУДАРИН

ПЕРЕД ИКОНОЙ НЕБЕС

* * *

Молнии грозно сверкали.
Вились узором в ночи.
Бездну, звеня, рассекали
Горнего света мечи.

Сила небес проливалась
На золотые поля.
Как на дрожжах, волновалась
И разбухала земля.

...Утро засветит лампаду
В горнице русских полей.
Буду гулять до упаду
В куще родных тополей.

Прямо к ногам головою,
Словно поверженный враг,
Тенью падёт вековою
Ночи разрубленный мрак.

* * *

Берёзы сквозят во дворе,
Сливаясь со светом отвесным.
Их кровь запеклась на коре,
Взывая к воротам небесным.

Она по стволам растеклась,
Цепляясь корнями за землю.
Но с небом я чувствую связь
И сердцем я родине внемлю.

А чёрная кровь на коре —
Святая расплата пред небом.

Берёзы сквозят во дворе
Божественным внутренним светом.

* * *

Солнечным светом смеются,
В звонкой искрясь высоте,
Дни — в ясном небе пекутся,
Словно блины на плите.

Солнечным маслом облитый —
С корочкой хрусткой края! —
День золотой духовитый
Выпекла бабка моя.

Вечером зорька прольётся,
Словно варенье на блин.
Алым туманом займётся
Блюдо зелёных равнин...

* * *

Сокол, паря в небесах,
Тьму воронья одолеет.
Светом в моих волосах
Луч зоревой заалеет.

Сокол крылами взмахнёт,
Небо к земле прижимая.
Волнами тень всколыхнёт,
Солнце на крылья вздымая.

Небо с крыла на крыло
Катится, страха не зная.
Держит всем вранам назло
Солнце вселенского рая.

* * *

Я уйду в ночные степи
Под гуденье звёзд златых,
Ощущая дивный трепет
Босоногих дней былых.

Там, в степях, гуляет осень,
Золотит заря стога.
И в звенящих кронах сосен
Проплывают облака.

И сегодня помню ясно,
Как бежал мальчишкой в бор,
Чтоб сквозь облачные прясла
Привести рассвет в наш двор.

Я бежал в родные степи
Под гуденье звёзд златых.
Да сдувало ветром кепи
У меня с волос ржаных.

Там, в степях, гуляла осень,
Золотя зарёй стога.
А в лучистых кронах сосен
Проплывали облака.

Я уйду в ночные степи
Босоногих детских лет.
И, забросив в небо кепи,
Встречу юности рассвет.

* * *

Сердце моё молодое
Нежный туманит закат.
Дремлют полынь с лебедою
Возле дороженьки в сад.

Звёзды, как жемчуг зернистый
В небе над тихим прудом.
Сел соловей серебристый
На покосившийся дом.

Ивы выводят в тумане
Возле пруда хоровод…
Тонет в предутренней рани
Жемчуг небесных высот.

Сердце моё молодое!
В эту ночную теплынь
Про дорогое былое
Шепчет украдкой полынь.

Мчится над огненной бездной
Зорька в багряных шелках.
Жемчуг сверкает небесный
В рыжих её волосах.

Прямо к пруду дорогому —
Звёздной дороженькой в сад.

Прямо ко мне, молодому,
Под соловьиный раскат.

* * *

Полночь сыра и душиста.
Кони стоят у плетня.
Хрипнет гармонь гармониста.
Тлеет костёр без огня.

Сосны глухими рядами
Стонут на диком юру.
Хвойными держат руками
Месяц в гудящем бору.

С грустью кукует кукушка,
Сидя на ветке сухой.
И покосилась избушка
Под невесёлой ольхой.

О, ты, сосна дорогая,
Полночь и месяц седой!..
Пусть меня тройка гнедая
К жизни несёт молодой.

Пусть распоётся гармошка,
Пляшет огонь над костром.
И загрустит у окошка
Мать обо мне, дорогом.

Будет гадалкой кукушка
Врать мне о жизни иной.
Каждая рядом избушка
Будет казаться родной.

* * *

Зреют в заоблачной ниве
Звёздные зёрна зари...
Звон в колокольном разливе
Льют по земле звонари.
Звёздною высью рябою
Зёрна зари расцветут.
В роще пред сонной избою
Тихо старухи поют
Песню о жизни неспешной
В светлой своей стороне...
Скачет в долине безбрежной
Всадник на белом коне.

Колос в заоблачной ниве
Лунным срезает серпом.
Кормится в радужной жниве
Конь его звёздным овсом.
Песню о жизни неспешной
Тихо старухи поют.
Звон колокольный утешный
В сердце своём берегут.

* * *

День лучезарный певуч.
Катится с неба волною.
Тёплый пульсирует луч
Яркой игристой весною.

По небу ходит волна
Русского доброго света.
Плещет о стёкла окна
Райская музыка эта.

Утром журчащим проснусь —
Музыкой неба согретым.
В день ключевой окунусь
В горнице, залитой светом.

* * *

Ныне луной запоздалой
Мрак озарился ночной.
Осень кобылою алой
Скачет в долине лесной.

Грустно по речке свинцовой
Вдаль уплывает заря.
Где-то под кущей кедровой
Слышится плач глухаря.

Свищет во мраке уныло
Ветер над тихой рекой,
Алую холку кобылы
Треплет холодной рукой.

Ох, не свищи ты, мой присный!..
Завтра зима к нам придёт.
Снежной метлою капризной
Грусть о былом наметёт.

* * *

Утро в небесных лугах
Стадо барашков пасёт.
Зорька в багряных шелках
За руку солнце ведёт.

Уши развесил лопух.
Музыка в небе парит.
Утро, весёлый пастух,
В рог золочёный трубит.

Тихо ворота скрипят.
С криком летят журавли.
Утренним светом сквозят
Церкви в багряной дали.

Полночь... В небесных мирах
Стадо барашков плывёт.
С прядью седой на висках
Месяц по небу идёт.

Сник под забором лопух.
Глухо, как пьяница, спит.
Полночь, печальный пастух,
В рог золотой не трубит.

Тихо ворота скрипят.
С неба ушли журавли.
Светом вселенским горят
Церкви в небесной дали.

* * *

Дни за поводья зари
Чёрную лошадь ведут.
В тихом бору глухари
Небо жемчужное пьют.

Светит лампада в избе,
Словно на небе звезда.
Слёзно о русской судьбе
Шепчет в полях резеда.

Чёрная лошадь заржёт.
Вскинет поводья зари.
Слёзы с небесных высот
Выпьют в бору глухари.

Гаснет лампада в избе.
Тает на небе звезда.
Горько о русской судьбе
Плачет в полях резеда.

* * *

Ива в осеннем дворе
Тихим задумчивым днём,
Словно свеча в алтаре,
Вспыхнула жёлтым огнём.

Ветер метёт по земле
Воск шелестящей листвы.
Плещут в заоблачной мгле
Лебеди свет-синевы.

Осень, молитву шепча
Перед иконой небес,
Светится, словно свеча
В предощущенье чудес.

* * *

Сердце вспорхнуло в груди,
Память услышав родную.
Как на параде, дожди
Дробь отбивают шальную.

Плащ лучезарных небес
Утро оденет на кроны.
И всем деревьям окрест
Звёзды слетят на погоны.

Яркой зарёй в облаках
Лес заалеет широкий.
Тополь в туманных лугах
Держит дозор одинокий.

Словно солдат начеку,
Старшего видя по званью,
Руку приложит к виску
Честь отдавая сиянью.

Сердце с природой в ладу,
Крылья в груди расправляет,
В звонкую мчит высоту,
Отчий простор прославляет.

* * *

Свечку горючей луны
Ночь запалила во мраке.
Тропкою из глубины
Стелется отсвет в овраге.

Этот кочующий свет
Жизнь и судьбу предвещает –
Чистый небесный рассвет
Свечкой во мраке встречает.

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Рассказ

Полупустая электричка ехала уже два часа. За окном скользил безлюдный пейзаж — смыкающиеся вокруг путей леса и бесконечные тканые ковры полей, лишь иногда перемежавшиеся печальными деревнями с покосившимися заборами и тёмными от старости домами с залатанными крышами, ещё более унылыми и жалкими в свете яркого июньского солнца. Случалось, какая-нибудь деревня прибивалась вплотную к рельсам, и тогда поезд делал остановку, простаивая на каждой такой станции по четверти часа, словно радуясь предоставленной передышке.

К исходу третьего часа начинало казаться, что этот неспешный путь будет продолжаться вечно. Однако вскоре за окном потянулись гаражи и помойки, верные спутники большого города, — почему-то именно они соседствуют с железнодорожными путями в любом мало-мальски крупном селении. Поезд замедлил ход и, дребезжа на стрелках, подполз к вокзалу.

Максим вышел на перрон и потянулся, разминая затёкшие от долгого сидения мышцы. Двери электрички за спиной закрылись, и поезд тронулся, простояв, вопреки обыкновению, всего минуту. Ни один из пассажиров кроме Максима не сошёл на этой станции, и длинная широкая платформа была пуста, если не считать одинокого встречающего — невысокого коренастого мужика, заросшего густой чёрной бородой. Заметив Максима, он подошёл.

— Максим, если не ошибаюсь?

— Да.

— Я Фёдор. Мне поручили Вас встретить. Пойдёмте, такси уже ждёт.

Сначала Фёдор показал Максиму его квартиру — комнату гостиничного типа с крохотной кухонькой. Оставив там вещи Максима, они направились в фирму.

Большая серая высотка, в которой фирма снимала два этажа, находилась в пяти минутах ходьбы от нового жилища Максима. Поднявшись на седьмой этаж почему-то пешком, они с Фёдором пошли к директору фирмы.

Кабинет директора был небольшим, словно в противовес своему хозяину — тучному человеку с какими-то расплывчатыми чертами лица. Директор представился Васей и подтвердил, что Максим уже может считать себя трудоустроенным.

— Вот только одно «но», — сказал он. — Тебе пока придётся посидеть в лифте.

— То есть как в лифте?

— Ну, в лифте. Мы тебе там уже стол поставили, компьютер. Электричество там есть. Да и потом, это ж временно, пока мы тебе получше место не найдём. Так что ты не переживай. Ну так как?

— Конечно, если временно...

— Вот и отлично. Можешь идти привыкать к своему рабочему месту, Фёдор тебя проводит. А я пока задание тебе придумаю.

Выйдя от директора, Максим спросил у Фёдора про лифт.

— Да ты не волнуйся, лифт у нас вполне комфортабельный, — ответил Фёдор, перейдя «на ты», в связи с приобретением Максимом статуса коллеги. — Я вот уже почти два года так работаю, и ничего.

— Кстати, — продолжил он после паузы, — у нас в фирме есть традиция отмечать устройство на работу вместе с, так сказать, трудовым коллективом. Но ты в этом городе человек новый, так что я берусь сам всё организовать к вечеру. Расходы, естественно, с твоей стороны.

Максим, подумав, согласился. Тут они подошли к лифту, и Фёдор нажал на кнопку. Дверцы открылись. Хотя кабина и оказалась достаточно просторной — Максим никогда раньше не встречал настолько больших лифтов, — три стола, втиснутых внутрь, умещались всё-таки с трудом. За столом у задней стенки кабины сидела девушка лет двадцати пяти с обычной, но довольно приятной внешностью. Два других стола были пусты. Фёдор познакомил Максима с Юлей — так звали девушку. Сидеть Максиму предстояло справа от входа, прямо под панелькой с кнопками.

Остаток дня Максим провёл ничем особым, кроме разговоров, не занимаясь — директор так и не выдал обещанного задания. Несколько раз кабина приходила в движение — оказалось, что все четыре лифта в здании вызываются одной кнопкой. В первый раз, когда лифт дёрнулся и пополз вниз, Максим растерялся, но Юля подсказала ему, что в подобных ситуациях нужно нажать на красную кнопку «СТОП» и затем вернуть лифт на седьмой или восьмой этаж.

— Лучше, конечно на седьмой, так всем привычней.

— А если в лифте никого нет — ночью или утром рано? Он ведь так может и уехать куда-нибудь не туда.

— Уходя мы выключаем электричество вон тем рубильником. Только нужно сначала двери открыть, а то не выйдешь.

* * *

В своей новой квартире я вздохнул с облегчением — наконец-то эта вечеринка закончилась. Впервые я столкнулся с такой натянутой и невесёлой атмосферой во время застолья. Все вели себя на редкость неестественно: произносили нелепые слова, неуклюже шутили, неискренне поздравляли меня с трудоустройством — в общем, осадок остался неприятный. Единственный положительный момент — теперь я знаю имена своих новых коллег (хотя «знаю» не значит «помню»).

Короче, первый рабочий день удачным не назовёшь — не за этим я сюда ехал. Надеюсь, потом всё образуется... Во всяком случае, денег здесь обещали заплатить гораздо больше, чем я мог бы получить в своём городе (что странно), да и жильё какое-никакое предоставили...

В комнате было душно, и я открыл окно. Ворвавшийся вихрь принёс свежесть, разбавленную толикой выхлопных газов. Моя квартира находилась на девятом этаже, а дом, к тому же, стоял на возвышении, так что переплетение ночных улиц было видно как на ладони. Город в большинстве своём уже спал, лишь редкие жёлтые маз-

ки фар прочерчивали линии плохо освещённых улиц, да перемигивались дремлющие светофоры. Накатывал волнами и отступал слабый шум, когда случайная машина проезжала вблизи дома.

* * *

Прошла неделя, а работы у Максима всё не было. От попыток добиться задания директор Вася уклонялся, прося подождать ещё денёк, однако на следующий день он появлялся в лифте лишь затем, чтобы рассказать очередную байку и скрыться вновь. Максим даже написал заявление об уходе, но директор просто выбросил его в мусорную корзину.

— Ну нет работы, а тебе-то что? — увещевал Максима Фёдор. — Сам себе придумай занятие какое-нибудь. Женись, например. На ком? Да вон хоть на Юле, какая разница-то?

— Что значит, придумай себе занятие? На работе всё-таки хочется иногда и делом заняться, а не плевать в потолок восемь часов кряду.

— Подумаешь, в потолок плевать! Разве у кого-нибудь из нас работа есть? И ничего, никто не жалуется, все послушно плюют в потолок.

— А я не хочу!

— И что? Иди тогда в религию подайся, что ли. У нас тут много конфессий, на любой вкус. Заодно и время рабочее убьёшь — покамлаешь возле компьютера, день и пройдёт.

* * *

Не знаю, как я дотерпел до августа, но сегодня я точно покину этот город. Два месяца пытался я привыкнуть, но безрезультатно. За это время у меня даже случился роман с Юлей, но как-то быстро сошёл на нет. Оно и понятно — от нечего делать любовь не возникает.

В общем, жизнь текла без каких бы то ни было событий. Кроме того, по пятницам ко мне повадился приходить Фёдор с неизменной бутылкой водки. Хоть я и не любитель обильных возлияний, но отказать было неловко, да и потом, заняться-то всё равно нечем, так что пятничные вечера проходили в бесконечных пьяных беседах. Вчерашний вечер не стал исключением.

— Неужели ты ещё не понял, что ты здесь навсегда? — удивился Фёдор, когда я в очередной раз посетовал на судьбу.

— Как навсегда?

— Очень просто. Попадая в этот город, ты становишься его пленником и никогда отсюда не выберешься.

— Но почему? Я не желаю быть пленником какого-то там города!

— Как будто тебя кто спрашивает! На самом деле, быть в плену у города не так уж и плохо. Во всяком случае, от этого ещё никто не умирал. Все мы находимся в плену у чего-то: в плену политики, религии, собственных предрассудков, да мало ли чего ещё! Так что считай, тебе повезло.

— Что-то мне как-то нерадостно от такого везения. И что, по-твоему, отсюда нет выхода?

— Почему нет? Пожалуйста, садись на электричку, уезжай. Кто тебе мешает?

И теперь я иду на вокзал. На улицах людно, и все словно чему-то рады, хотя с чего бы? Полуденное солнце буквально испепеляет город, и тени жалки — не скроешься, — а народ радуется!

Но вот над домами показалась круглая крыша со шпилем. Вокзал. Невольно я ускоряю шаг.

Проходит время, и вдруг я обнаруживаю вокзал у себя за спиной! Когда и где успел я свернуть? Я поворачиваю и иду назад, но вокзал вновь исчезает, прячется мне за спину, будто играет со мной.

Наконец, прямая улица, ведущая к вокзалу; слышен шум поездов, видны люди, входящие в здание и выходящие из него. И я бегу по этой улице, но попадаю в тупик.

Я возвращаюсь на проспект и пытаюсь обратиться за помощью к идущим мимо людям, но они меня не замечают, а рядом по дороге пролетают машины, обдавая меня едкими выхлопными газами.

Наступает ночь. Исчезают люди, исчезают машины, стихают звуки.

К полуночи поднимается ледяной пронизывающий ветер, а я всё бреду к вокзалу, не зная верного пути и не помня дороги назад, один в коварном городе...

ЭДУАРД УЧАРОВ

ПО ВЕЧЕРАМ

САЛЮТ

Жар, забираясь выше,
Метрах, наверно, в ста,
Майское небо выжег
И умирал в кустах.

В сорок втором, безусый,
Так же, в безумье вёрст,
Рухнул солдат на кустья
И долетел до звёзд.

ВОТ ДОМ...

Вот дом, что не меня короновал,—
Всё старит Лобачевский переулок.
Под аркой шаг торжественен и гулок,
Как некогда почившие слова
Знакомых древнегреческих софистов.
Под рёв и завывание их свиста
Не я ли зданий вылепил овал,
А позже сам творенье не узнал?

Вот дворик, ускользающий во мглу,
Со скрипом притворившийся до щели,
Бессмертным изнывающим кощеем
Качели сторожащий, как иглу,
Что спрятана у первого подъезда,—
На кончике её трепещет бездна,
Друзей перемоловшая в золу,
Которых я уже не позову.

Вот свет из неумытого окна
Почти не пробивается спросонок,

И силуэт в проёме невесомом
Вытягивает в форточку луна,
Заставленная облаком и ночью,
Как я заставлен буреломом строчек.
Сажусь с бокалом терпкого вина
И сам себя выдумываю я...

НА КАЗАНСКОМ БАЗАРЕ

Здесь, на базаре, в шум и гам,
Среди корзин,
Пройдётся батюшка к рядам
И муэдзин.

Здесь пахнет квасом и халвой —
Ядрёный дух!
Мясник с утра над головой
Гоняет мух.

Здесь в тюбетейку льют рубли,
Звучит баян.
Хозяин, старенький Али,
Немного пьян.

Здесь на бухарские ковры
И местный кроль
Придут рязанские воры
«Сыграть гастроль».

Здесь, разложивши короба,
Людскую течь
Сзывает бойкая апа,
Мешая речь.

И нищий ветеран труда,
Пройдясь, как принц,
Займёт полтинник навсегда
У продавщиц.

А за углом, проспав обед,
Колокола
Разбудят звоном минарет —
Споёт мулла.

ИЗБЫЛИ

Весеннее в Есенине,
Осеннее в осине —

Проскальзывает в сени мне
Ковром небесной сини.

Во дворике поленницей
Кряхтит мороз январский,
Но постучаться ленится
И будит только арских.

С усталых рук коровницы
Июльский день напоит
Колодезной сукровицей
Проснувшегося пони.

А ночью месяц сколотый,
Чей свет с утра избыли,
От холода и голода
Найдёт окно избы ли?..

ДЕНЬ

Лицом не вышел день,
Рябой и неуклюжий:
То солнцем шпарит где,
А то окатит лужей.

Бежит косым лучом,
Сверкая там ли, тут ли,
Плюясь через плечо
Мне облаком на туфли.

То ветром — по щеке,
И рвёт рубахи ворот,
То где-то вдалеке
Клюкой песчаной водит.

Юродствуя порой,
Камлая до обеда,
Вечернею зарёй
Идёт за мной по следу.

Кликуша, чародей,
Мы будем после ночи -
Я — чуточку старей,
Он — чуточку короче.

ПО ВЕЧЕРАМ

По вечерам они целуются,
Когда волшебно фонари

На незнакомой лунной улице
Подобны бликам от зари.

По вечерам на ветхой лавочке
Они листают впопыхах
Влечения небесный справочник,
Любовью изданный в томах.

По вечерам в сени красавицы —
Слегка задумчивой ольхи
Они друг к другу прикасаются,
Читая по глазам стихи.

Крадут они у ночи-стражницы
Печальных звёзд пролитый свет...
По вечерам им снова кажется,
Что Бог, конечно же, поэт.

НОЧЬ

Я помню наше длинное начало:
Не дома ты.
И чаек крик волна в себе качала
До немоты.
И звёзды отражением касались
Самих себя.
И час для нас тогда сгорал, казалось,
За миг, слепя..

А тени над Казанкой выдували
Хрустальный звук.
И ноты плыли в сомкнутом овале
Устами двух.
По Федосеевской струился пламень
От Цирка прочь.
Над городом протяжно куполами
Церквела ночь..

ОРКЕСТР ЧУВСТВ

За далью — даль,
За болью — боль,
Всё выше альт,
Навис — гобой,

И флейты звук
Пьянее вин.
Я веки тру,
А жжёт в крови.

За далью губ,
За болью слов —
Хрипенье туб,
Тамтама зло.

Взорвал ряды
Оркестр чувств.
Я полон был,
Теперь же пуст...

* * *

Забалдев под болдинскую осень,
Заварю листочки кипариса:
Заходи чайку попить, Иосиф —
Неба умирающего писарь.

Посиделки с классиком поэту
Как не помянуть тоскливо-броско?
Потому в Венецию поеду,
Или где там похоронен Бродский?

Только в эту шалевую осень
Ошалеть другим придётся строкам —
Водки заходил напиться Осип,
Чтоб согреться под Владивостоком...

ТОЧКИ ДА ЗАПЯТЫЕ

Он родился колким на излюбленной полке,
Где поэты в ряд говорят о бутылке,
Закружившись размером (2/4) польки,
От сумы зарёкшись и от Бутырки.

Он шагал к Шагалу по тетрадному полю
И считал писательство злой привычкой,
Потому что разность метафизики боли
Прибавлением скорби глупость вычтет.

Он по обыску истин проваливал тесты
На словах с незрячими понятыми,
И когда писались совершённые тексты —
Получались точки да запятые.

ПЕЙ-ГУЛЯЙ, ДУША-РВАНИНА...

Пей-гуляй, душа-рванина,
Обнажай лихую стать!

Эх, российская равнина,
Ширью каждому ты мать!

Счастлив я в твоих просторах
Кануть в глубь былинных мест.
Свет, проснувшийся во взоре,—
Ангел это или бес?

Ночь нежна, как мякиш хлеба —
Образ это или нет?
Пред твоим безмерным небом
Всяк философ и поэт.

Пой-пляши, моя голуба,
Рвись и мчи пасти телят!
Коль сегодня дам я дуба -
Под берёзой завтра свят!

КАК В СКАЗКЕ

Всё по сказке, а как же иначе, ты помнишь, дружище?
На двуглавого змея полёт без метлы променяли
И на курьих ногах из огня да опять в пепелище
По тернистой дороге брели бесконечными днями.

«За свободой — впотьмах!» — на развилке вещал указатель.
Мы ошибочно ту аксиому в стране проходили...
Диалектика быта важнее других доказательств:
Чем богаче духовная жизнь — тем бедней холодильник.

НОВЫЙ ГОД

Окончен год до срока,
Промчался день за час.
Мы снова делим бога
На целое и часть.

Мы добавляем лица
В великий телефон,
И вечный список длится
На тысячи имён.

Сегодня фейерверком
Надежд сверкнут глаза,
И, как под Кенигсбергом,
Орудий грянет залп.

А завтра русской болью
Охрипший в пире бронх

У выдоха отмолит
Последующий вздох.

КУЛИЧИКИ

Куличики лепил на берегу —
Воспоминанье детства берегу.

Не то чтобы заботами обмяк,
Но выстроен бетонный особняк.

И стало невозможно отыскать
Воздушный светлый замок из песка.

А где-то неизвестный дурачок
Стихов насобирает в кулачок.

ОЛЕГ ЛУКОШИН

ЖЕНЩИНА ТЫСЯЧИ МУЖЧИН

— Иду! Иду! — кричала она, подбегая к двери. Мельком взглянула на себя в зеркало — вроде нормально. Не считая, конечно, живота.

Открыла дверь. Он вошёл — стремительный, элегантный, с огромным букетом роз, за которым пытался прятаться. Костюм с иголочки, белоснежная рубашка, галстук под цвет глаз, начищенные до блеска ботинки, и улыбка — эта кроткая, волшебная улыбка.

— Это мне?.. — Не было слов, чтобы выразить восторг. — Кирилл, ты просто...

Он притянул её к груди и поцеловал. Это длилось не меньше пяти минут — никто, кроме него, не умел делать это так долго.

— Как там наш малыш? — положил он руку на живот: — Не капризничает?

— Да нет, — отвечала она, — он хорошо себя ведёт. Только иногда чем-то недоволен бывает.

— Когда он родится, — шепнул он ей на ухо, — он будет доволен абсолютно всем.

В машине они разговаривали о её прерванной учёбе.

— Ну ты хоть хочешь продолжать это дело? — спрашивал он её.

— Ой, даже не знаю. Когда академку брала — до смерти не хотелось учёбу эту на год затягивать. Помнишь, какая злая из-за этого была?

— Помню, — улыбаясь, кивал он.

— А сейчас... совсем всё желание пропало. Не знаю, найду ли силы после родов? Почему-то кажется, что нет.

— Я вот тебе что хочу сказать, — после секундной паузы продолжал он. — Если тебе учёба в тягость — плюнь ты на неё! Я серьёзно. Не стоит из-за этого здоровье гробить. Материально ты будешь обеспечена. Я даже не хочу, чтобы ты работала. Дома сидеть будешь.

Она ничего не отвечала, будто раздумывая, но уголки губ так и складывались сами собой в улыбку.

— Я тебе, — потянулся он к бардачку, — подарок небольшой купил. Примерь, — протянул он чёрную коробочку.

Она открыла.

— Серёжки! Бриллиантовые! — смотрела на него в немом восхищении. Потом прильнула и чмокнула в щёку: — Паш, ты просто бесподобный!

Ресторан действительно впечатлял. Он располагался на третьем этаже, и на каждом повороте лестницы, а ещё у входа и по углам стояли лакеи в ливреях.

Их проводили в зал, посадили за столик — они выбрали самый дальний. Заказали совсем немного — в её положении налегать на кулинарные изыски было бы рискованно. Он тоже не излишествовал — просто чтобы не дразнить любимую. Они потягивали вино, перебрасывались негромкими фразами и слушали печального саксофониста.

— Обожаю такую музыку, — говорил он ей.

— Я тоже, — отвечала она.

— Сейчас какую–то туфту народ слушает. Настоящая музыка уходит. Вот, единицы лишь хранят ещё её для нас.

Она вскинула понимающе глаза — говорить сейчас не хотелось, музыка пронимала до самых основ. Когда музыкант закончил композицию, они долго, правда, почти беззвучно аплодировали ему.

— Сейчас я тебе покажу кое-что, — сказал он некоторое время спустя, заговорщически подмигивая. Засунул руку во внутренний карман пиджака.

— Оп-ля! — и достал бумажник. А из бумажника — сложенный вчетверо листок.

— Взгляни, — протянул ей.

— Что это? — удивилась она.

— Прочти.

Она начала читать, но не сразу вникла в суть дела, нетерпение же в нём бурлило

— Это контракт, — не выдержал он, — на покупку дома.

— Ты купил дом?!

— Ага... В очень живописном месте — тебе понравится. Правда, он ещё не готов к заселению. Но... Это наш дом!

Она лишь качала головой.

— Федя, — вымолвила наконец. — Ты — чудо!

На набережной было пустынно. Ночь робко и бесшумно зажигала звёзды. Она была на удивление тёплой и ласковой, эта бескрайняя ночь. Река искрилась огнями, умиротворяла, ветер обдувал лица — был совсем не сильным, задумчивым каким-то. Задумчивы были и они.

— Ночь, звёзды, мир... — шептала она.

Он стоял сзади, обняв её за талию, положив голову на плечо — как и она, смотрел на воду.

— Я, ты, вселенная... — вторил ей.

— Так чудно, — шептала она снова. — Мы вдвоём наедине с бескрайностью. Вокруг пустота, вокруг тьма — лишь ты и я остались в этом мире. Почему? Почему лишь мы?

— Мы — самые счастливые, — отвечал он. — Все, кто был исполнен злобой и ненавистью, погибли. Их собственная злоба, их собственная ненависть поглотили их. Мы оказались единственными, кто верил в любовь.

— В любовь... — словно эхо вторил её голос.

— А ты знаешь, кто я? — спрашивал он её.

— Кто ты?

— Я — повелитель мира. Я правлю им миллионы лет. Я велик и могуч, лишь одного не хватало мне всё это время.

— Чего же?

— Тебя...

Она повернулась к нему лицом. Они смотрели теперь друг на друга, глаза в глаза — смотрели и тонули в этих взглядах.

— Чувствуешь ли ты этот мир? — шептал он ей. — Чувствуешь ли ты эту бескрайность?

— Да, — отвечала она.

— Она — твоя. Весь мир, вся вселенная — твои.

Они сблизили губы. Поцеловались.

— Значит, теперь я — повелительница мира? — улыбнулась она.

— Да. А наш ребёнок, — он нежно провёл ладонью по животу, — и будет для нас этим миром...

— Ваня, — спросила она, — а ты знаешь сколько осталось недель?

— Сколько?

— Всего две. Представляешь, через две недели у нас будет малыш!..

Прощались долго, но никак не могли сказать последних слов. Подъезд тонул во мраке, где-то наверху мяукала кошка, они стояли на лестничной площадке.

— Вот ты кого хочешь? — спрашивал он её.

— Мальчика. А ты?

— Наверное, тоже мальчика. Но не расстроюсь, если будет девочка.

— А я расстроюсь.

— Почему?

— Я хочу только мальчика! Сына! Всегда мечтала о сыне.

— Ну раз мечтала — сын и родится.

— Сплюнь.

Помолчали.

— Смотри, какая игрушка, — достал он из кармана что-то.

— Что это?

— Чёртик. Но не простой. Бессовестный. Его только вот так держать надо, за пояс.

— А почему?

— Ну попробуй по-другому.

Она схватила чёртика за голову. Штаны вдруг съехали с него и вся обнажённая натура выставилась наружу. Они грохнули со смеха.

— Валер, приходи завтра, — сказала она ему, целуя на прощанье. — У мамы день рождения, посидим немного. Всё будет очень скромно.

— Хорошо, — кивнул он. — Во сколько?

— В пять.

Перед тем, как переступить порог, она обернулась.

— Я люблю тебя, — шепнула ему.

И скрылась за дверью.

СУИЦИДНИКИ

Сколько себя помню — всегда хотел повеситься. Болтаться под потолком с перекошенным лицом, с языком, вылезшим на подбородок, качаясь под порывами сквозняка из форточки немым укором всем недооценившим и недолюбившим меня. Повеситься.

А вот Марианна всю жизнь мечтала отравиться.

— Ну я же женщина! — разводит она руками. — Я тонко чувствую эстетическое начало. Полоса на шее, вывалившийся язык — брр, как это жутко!

Мы рассекаем трассу на моём новом авто с откидным верхом. На мне тёмно-синий костюм в полоску и бордовый галстук, Марианна одета в розовое платье, белая роза приколота к нему, лёгкий шарфик развевается на ветру, она прекрасна и порочна.

— Господи, Марианна! — качаю я головой. — Вы даже не представляете, какое действие окажет на Вас тот или иной яд. Есть яды, которые сжигают желудок, есть яды, от которых кровь превращается в прокисшее молоко, а есть и вовсе такие яды, от которых на теле выступает сыпь. Вы хотите, чтобы вас хоронили с сыпью на теле?

— Мой дорогой Георгий, — укоризненно улыбается мне Марианна, — о ядах я знаю абсолютно всё! У меня несколько энциклопедий по ядам, я даже фармацевтический институт закончила именно для того, чтобы знать о ядах всё. Я могу Вам на-

звать не менее двухсот ядов, которые не оказывают на человека абсолютно никаких побочных эффектов и при этом совершенно безболезненны.

— Да кто же узнал, что они безболезненны? — недоумеваю я. — Я полагаю, что все испытатели этих дивных изобретений человеческой мысли вряд ли могли поделиться своими ощущениями с живыми людьми. Они просто умирали!

— Ваше невежество не знает границ, — обиженно хмурится Марианна. — Ещё древние римляне знали, какие яды безболезненны, а какие причиняют боль. Это с лёгкостью определяется по предсмертной агонии. Ну или по её отсутствию.

— Нет, — не соглашаюсь я. — Смерть от ядов — трусливая смерть. То ли дело повешение... Надо вернуть миру свою ярость, свою боль, надо отринуть от себя энергию заблудшего человечества, покидая этот мир. Только через вызов, через преодоление смерть приходит тихой и ясной.

— Георгий, Вы — мужлан! — объявляет мне Марианна. — Лучше запалите мне сигаретку, а то Ваши богопротивные речи навевают на меня изжогу.

Я достаю из бардачка пачку сигарет, вытаскиваю одну и протягиваю её Марианне. Раскурив сигарету, она выпускает в воздух струю дыма и откидывается на спинку сиденья.

— А Вы никогда не думали резать вены? — спрашиваю я её. — Ну хотя бы в детстве?

Мы посещаем художественный салон. Сегодня здесь выставка знаменитого пейзажиста Анатолия Кинклера. Анатолий — наш старый друг, но встретиться с ним сегодня мы не сможем. Выставка посмертная. Неделю назад он выбросился из окна восьмого этажа. Я восхищаюсь им — какая величественная мужская смерть!

— Нет, что вы! — отвечает Марианна. — Сидеть голой в ванне, бритвой пилить себе вены, а потом плавать в кровавой воде, которая непременно остынет к тому времени, когда тебя оттуда вытащат — нет, это не по мне.

— Честно говоря, и мне этот вариант кажется малопривлекательным, — задумчиво говорю я. — Несмотря на определённое мужество, которое требуется для его свершения, всё же это слишком женская смерть. Я бы даже сказал, девчачья. От неё веет какой-то незрелостью, инфантильностью и даже умственной отсталостью.

— Вы правы, Вы правы! — разглядывает Марианна один из самых удачных пейзажей Анатолия — «Опушка лесная». — Редко, когда я с Вами соглашаюсь, но сейчас трудно не сделать этого. Смотрите, какое мастерское владение кистью! Нет, определённо Кинклер был недооценён при жизни. Я уверена, что через несколько лет его ждёт слава, равная славе величайших живописцев Фламандии.

Мы переходим от картины к картине. Встречающиеся знакомые приветствуют нас кивками, мы киваем им в ответ.

— Похороны Анатолия? — переспрашивает одна из дам. — О, это было бесподобно! Как жаль, что вы не смогли на них присутствовать. Его похоронили в шикарнейшем гробу, я таких сроду не видывала, а оркестр так проникновенно играл мелодию Марка Элмонда «A Lover Spurned» — его любимую, что я просто не смогла сдержаться и зарыдала.

— Обидно, — сожалеем мы, — ужасно обидно, что мы не могли посетить это мероприятие.

Картины художника производят на нас тихое и умиротворённое впечатление. В них заложена какая-то неведомая энергетика — все присутствующие на выставке отчётливо ощущают это.

— Марианна, — спрашиваю я, — а что Вы думаете о смерти, которую избрал для себя наш друг Анатолий?

— Она заслуживает уважения, — отвечает Марианна, — но для меня она слишком брутальна. В ней заложена вызывающая чрезмерность, какое-то неврастеничное от-

рицание сущего. Лететь с восьмого этажа, переламывать кости, так, чтобы тебя потом в буквальном смысле собирали — в этом что-то дикое, что-то монгольское, варварское.

— Лететь, словно падший ангел... — мечтательно говорю я.

— Ах, если вы смотрите на это в таком контексте... — Марианна морщит лобик и задумчиво глядит себе под ноги. — Да, библейские мотивы этой смерти безусловно привлекательны. Но... всё же это не моё.

В ресторане «Пурпурная жемчужина» вечер ретро. Мы заказали столик у фонтана и сидим в ожидании своего заказа. А вот и несут наши блюда!

— А сейчас «Ча-ча-ча»! — объявляет ведущий программы.

Восторженные парочки срываются со своих мест и начинают кружиться в танце.

— Георгий! — укоризненно смотрит на меня Марианна. — Может быть, Вы пригласите даму на танец?

— Конечно, конечно!

Я беру спутницу за руку и веду её к танцполу.

— Слышали новость? — спрашиваю я Марианну. — Наш хороший знакомый, трубач Евгений Шпендлер вчера застрелился. Ча-ча-ча!

— Да что вы! — удивлённо глядит она на меня. — То-то я не вижу его в оркестре. Ча-ча-ча!

— Я сам только что узнал. Директор ресторана сообщил мне об этом известии. Ча-ча-ча!

— В этой смерти весь Женя, — говорит Марианна. — Такой же прямой, несгибаемый, по-солдатски стойкий. Ча-ча-ча!

— Он молодец, — соглашаюсь я. — Смерть от пули — это единственное, что может сравниться со смертью от верёвки. В ней такая беззащитная оголённость, такая лишённая какого бы то ни было пафоса искренность. Ча-ча-ча!

— Да, если вы хотите шокировать, — делает свои выводы Марианна, — бросить вызов — то пускайте себе пулю в лоб. Но яды... Яды — это сказка, врывающаяся в обыденность. Яды — это волшебство. Ча-ча-ча!

Бархатная ночь на берегу моря. Я срываю пробку с бутылки шампанского и разливаю его по хрустальным бокалам. В небе — полная луна, море плещется у наших ног, мы пьяны и счастливы.

— Когда мы переступим за этот занавес, — говорю я, поднося свой бокал к губам.

— Когда великая и неподвластная смерть встретит нас за порогом жизни, — вторит мне Марианна, пригубляя шампанское.

— Когда наши бренные оболочки подвергнутся распаду, — беру я Марианну за руку.

— И превратятся в пыль, что разносится безумными ветрами по степям и пустыням, — пальчики Марианны обхватывают мою ладонь.

— С нами останется наша любовь, — улыбаюсь я ей.

— Наша огненная, клокочущая любовь, — отвечает мне улыбкой Марианна.

— Светом нетленным, — взгляд мой ласкает её лицо, звуки ударов сердца разносятся по всему берегу.

— Будет освещать она наш путь, — грудь Марианны вздымается, губы её приоткрыты.

— В бес-ко-нееееееч-нооооооость!!! — заканчиваем мы хором.

И смеёмся, смеёмся, смеёмся.

Ах, как же прекрасна наша будущая смерть!

РУСТЕМ САБИРОВ

ПОСЁЛОК ШУГАН

И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Николай Заболоцкий

Так вышло, что остался Хакимов без одежды. То есть, буквально. И никто в том не виноват, кроме него самого. Ведь беды-то все, как мы знаем, не с того, что путь взят неправильный, а с того, что с пути сворачиваем. Сколько бед натворила мимолётная блажь!

Озеро, что он увидел в вагонном окне...

С другой стороны — жарко было, электричка была набита битком, шла медленно с кандальным скрежетом, и воняло там отовсюду невесть чем. Ну и день выдался бестолково суетный, надрывный даже. Поехали с ребятами на шашлыки на какую-то базу отдыха. Поездка сразу не заладилась. Не поехали те, с кем Хакимов с удовольствием, что называется, расслабился бы, зато приехала свора незнакомых мордастых юнцов с конскими глотками, беспрерывно матерящихся («девочки, заткните уши!»). Да ещё притащилась Алина, с которой уже больше года тянулся несносно унылый роман без конца и края. Алина, ощутив невнимание, вдруг принялась скучно и мстительно язвить в его адрес, затем на неё вдруг, к полному удовольствию Хакимова, положил глаз один из ржущих и жующих кентавров, конопатый остряк в синих, обтягивающих ягодицы шортах. Однако когда тот повёл нервически хохочущую Алину в пустующий домик, деликатно поддерживая её ниже талии, Хакимову вдруг стало обидно. Да так, что он взял да и разругался со всеми и, гордый и насупленный, пошёл к станции, не испробовав шашлыка, не искупавшись в озере.

Вот и потянуло его на то несчастное озеро, которое сквозь серое с грязевыми разводами оконное стекло показалось прямо-таки райской лагуной. Да так потянуло, что взвыть захотелось с досады, что тронется наконец через мгновенье пропечённый, как вошебойка, вагон, и пропадёт озеро, и никогда уж больше, никогда... Ах, опасное это всё-таки слово — «никогда» Таким леденящим холодком иной раз пахнёт от него.

И вот тут раздвинул Хакимов локтями народ, слипшийся, как леденцы в банке, и стал торопливо пробираться к выходу, «Искупнусь, — подумал он, — и тут же на следующую электричку. Народу, глядишь, поменьше будет».

Эх, Хакимов, Хакимов, забыл ты, верно, что за так ничего не бывает, что никому ещё не удавалось так просто, как ни в чём не бывало, сесть на следующий поезд и что за всё, Хакимов, надобно платить.

* * *

И вот тут приключился с ним этакий казус. Пренеприятнейший. Дело в том, что у самой двери стоял скверно одетый мужичок с огромным костлявым велосипедом и сумрачным лицом, похожим на червивое дупло. На остановках, когда раздвигались двери, мужичок неохотно приподнимал велосипед на заднее колесо, как шлагбаум, не обращая внимания на недовольство и ворчбу. Когда Хакимов буравчиком извилисто добрался до двери, велосипед был уже почти водворён на место. Тогда он, чертыхнувшись, отпихнул велосипед ногой в сторону и, слыша спиной негодующий, чавкающий, как мясорубка, мат, вывалился на горячую, пахнущую мазутом и пылью платформу. Причём, вывалился в самом скверном, прямом смысле. Попросту рухнул, нелепо суча руками, обдирая ладони о серый, режущий асфальт. Кажется, ноги зацепились за что-то. Произошла мгновенная сумятица, окружающий мир полыхнул, завертелся переливающимся радужным диском раскрученных велосипедных спиц, на какое-то мгновение заполнился спёртым мраком. Так бывало когда-то, когда вдруг гас экран в кинозале. Жгучая, каменистая пыль, заполонила, кажется, все лёгкие, даже вошла в кровь. Боль, которая началась с содранных ладоней, наводнила всё тело, на какой-то миг стала нестерпимой, он даже, кажется, закричал, но боль быстро закончилась, попросту смешалась с темнотой и стала её частью. Да и темнота вскорости пропала. Хакимов, озираясь и тряся головой, поднялся на ноги, глухая остаточная боль ещё пульсировала в ладонях, на локтях, за грудной клеткой, но бóльшая её часть хотя и не исчезла, но существовала уже как бы вне его.

Электричка почему-то всё ещё стояла. На платформе грудился народ, они что-то обсуждали, галдели, жестикулировали, но для Хакимова они были неинтересны. Он легко сбежал вниз по ступенькам и зашагал в сторону озера.

* * *

На берегу было совершенно безлюдно, несмотря на зной. Да и само озеро показалось ему неживым, ненастоящим, с неестественно приглаженной поверхностью воды, бутафорскими, лакированными пучками камышей и какой-то бестолково парящей над водою птицей.

Хакимов уже жалел, что сошёл на этой богом забытой станции, да ещё с таким нелепым приключением. Однако неторопливо разделся, сложил одежду под ивовый куст и бодренько побежал к воде.

Никакого удовольствия купание не принесло, вода была такая же неподвижная и вялая, как воздух вокруг. И песок — какой-то вязкий, зыбучий, неприятно прохладный. Лишь на мгновение сонное, колышущееся тепло вдруг полыхнуло ледяным, недобрым холодком, да так, что потемнело в глазах. И странно, то неприятное ощущение едучей, проржавленной пыли — на зубах, в ноздрях, на коже, повсюду — упорно не оставляло.

Однако все равно лучше, чем в раскалённом, пахучем тамбуре, успокоил себя Хакимов. Выбрался на берег. Решил не торопиться и покурить на бережке. Странное какое-то озеро. Как оно называется? И станция эта. Сколько ездил, а не видел ни разу. Какая-то новая, что ли? Впрочем, кто-то в тамбуре, сказал что-то... ах да, посёлок Шуган.

Он бодро вернулся к тому месту, где разделся, но обнаружил вдруг, что ни сигарет, ни одежды нет. Вообще ничего. Будто и не было тут никакого Хакимова.

Досадливо морщась, не веря до конца случившемуся, он тяжёлой поступью непроспавшегося человека обошёл все проклятое озеро. ***Безрезультатно***. Где-то в глу-

бине уже заелозил, запросился наружу порыв тупого истерического смеха. Хакимов с трудом взял себя в руки и стал обдумывать положение. Хотя, что, собственно, обдумывать, — одежды нет, денег нет, документов нет. Ни черта нет. Только игривые бело-розовые трусы, да и те мокрые.

* * *

Нет, однако, ничего проще безвыходного положения. Ибо безвыходное положение — это когда есть только один выход.

Хоть так, хоть этак, надо добираться до дома. Дойти до платформы. Сесть в электричку. Добраться от вокзала до дома. Да, в трусах, черт побери! Лютики-цветочки, бело-розовый зефир. А у вас есть иные варианты, джентльмены?

До платформы было метров двести. Хакимов с томлением вспомнил, как легко пробежал он эти злополучные метры ещё полчаса назад счастливым обладателем отличных, почти новеньких штанов и свободной летней рубашки, и ещё много чего другого.

Крёстный путь был обильно усеян битым бутылочным стеклом. Судьба вторично за день показала Хакимову своё хихикающее мурло. Он шёл, тоскливо ненавидя свои бледные голые ноги с выпуклыми сизыми ногтями. Никто, однако, никакого внимания на него не обращал. Те редкие люди, что попадались навстречу, во-первых, смотрели, будто сквозь него, во-вторых, они были как-то странно одеты, словно бы одинаково. Какие-то бесформенные робы цвета мокрого сахара. Как в полевом госпитале. Да и лица у всех были будто незрячие. Серые, впалые, с бесцветными, выпуклыми глазами, как у античных статуй..

Хакимов решил было ничему не удивляться — ну вот такой он, этот посёлок Шуган, лучше не вникать, себе дороже. Однако удивиться всё же пришлось. Платформы там, где она должна была быть, не было. Вот вообразите, не было и всё. Там, где она должна была располагаться, тёк широкий, мелководный ручей, похоже, промышленного происхождения, через него был перекинут мостик из двух бетонных свай. За ручьём возвышался покосившийся, щербатый киоск с сохранившейся надписью «Мир света». Далее простирался беспросветный, бесцветный пустырь.

Вот тебе и Шуган, уркаган, дырявый калган. Вот тебе и райская лагуна, вот тебе и полцарства за штаны.

* * *

— Что-то потеряли?

Прямо за мостиком стоял невесть откуда взявшийся человек в помятой фуражке пограничника с треснувшим козырьком. Хакимов вздрогнул, узнав в нём того типа с велосипедом из тамбура. Только пропали болезненная сутулость и озлобленная настороженность во взгляде.

— Вы... вы откуда здесь?

Человек лишь снисходительно улыбнулся.

— Я спрашиваю, вы что-то потеряли?

Незнакомец смотрел на него с равнодушным любопытством. Однако лицом совершенно не походил на остальных жителей посёлка. Глаза смотрели в упор с жёсткой, ознобной пристальностью. В них не было злобы, издёвки, лишь насмешливое уничтожающее безразличие.

— Н-нет. То есть... Вы не подскажете, где тут железнодорожная станция? Ч-чёрт, я заблудился, кажется. Да и вообще весь этот посёлок...

Он комично провёл руками от плеч до живота, давая понять, что этот вот нелепый вид его есть прямое следствие странности этого посёлка.

— Железная дорога? — незнакомец вскинул брови и глянул, на него, как на сморозившего глупость ребёнка. — Путаете вы, гражданин, чего-то. Нет тут для вас никакой железной дороги. Так что вам — сюда, на этот бережок. Не бойтесь, мостик надёжный, не таких выдерживал.

— Слушайте, что вы мне тут морочите голову? Какой бережок ещё! Если знаете, как пройти к станции, подскажите. Нет, так подите к чёрту.

Он хотел развернуться и пойти в другую сторону, но тут боль, которая туманно колобродила где-то возле, вдруг вошла в него тупым, толстым жалом откуда-то снизу, словно решив разорвать его изнутри. Посёлок на мгновение словно бы исчез, обернулся мечущимся хаосом. Он услышал, как кто-то прямо над ухом монотонно произносил какие-то слова, но слова эти не выстраивались в осмысленную цепочку. Однако мгновение прошло. Свет вернулся. Но боль продолжала вертеться в нём ржавым веретеном.

Незнакомец же, внезапно переменясь в лице, торопливо перескочил через мосток и подошёл к нему.

— Э, вон чего! Это что ж я сразу-то...

Он рывком взял его за плечи и глянул в глаза. Взгляд был настолько тяжёлым, невыносимо пристальным, что Хакимов на миг забыл о разрывающей его боли. ***Это не был взгляд человека***. За выпуклой глянцевитой оболочкой туманилась кромешная тьма. Да и боль ушла, то есть вновь перетекла в ту, добавочную полость, и Хакимов глядел на незнакомца уже как на избавителя, забыв, что мгновение назад не испытывал ничего, кроме презрения и ярости.

— Да вам, почтеннейший, не туда вовсе. Извините, ошибся. Ступайте-ка, вон туда. Переждите. Там видно будет. И железная дорога объявится, глядишь.

Он указал длинным заскорузлым пальцем в сторону стоящего особняком дома с допотопной, похожей на помело, радиоантенной на позеленевшей черепичной крыше. По обеим сторонам возвышались беспокойно шумящие на ветру ивы.

— А что там? — спросил немало удивлённый Хакимов. — Или кто?

— Никого. И ничего. Но переждать можно. Ступайте, не надо вам тут...

Хакимов покорно кивнул и побрёл в сторону дома. У самой изгороди он обернулся. Незнакомца уже не было. Там, где он стоял мгновение назад, валялся насквозь проржавевший скелет велосипеда.

* * *

Во дворе царило запустение. У полусгнившей собачьей конуры зеленела недогрызенная кость, из опрокинутой бочки насторожённо таращилась ящерица, вокруг едва заметно горбились задушенные одуванчиком грядки, на дорожке сиротливо валялся игрушечный самосвал с расплющенным кузовом.

Дом был старый, наглухо заколоченные окна делали его похожим на сарай, над крышей висел скособоченный скворечник с отвалившимся дном.

Он нервно прошёлся по двору, распугивая кузнечиков и лягушек. Затем подошёл к дому, постоял в нерешительности и вошёл в сени. Там царил такой же бедлам, как и во дворе, было к тому же темно и пыльно, пахло мышами, прокисшей едой, под ногами громыхнул рукомойник, в углу косо громоздилось зеркало, прикрытое упавшей

портьерой. В другом углу стоял кургузый зелёный, сундук с перемотанным проволокою засовом. Он хотел было попробовать его открыть, но, обернувшись, испуганно замер: у приоткрытой двери, ведущей в дом, неподвижно стояла женщина. Худенькая, невысокая, в просторной клетчатой рубашке навыпуск и закатанных до колен джинсах, она смотрела на Хакимова сквозь большие затемнённые очки с пристальным любопытством,

— Э-э... простите... я думал... — с трудом выдавил из себя Хакимов, переминаясь с ноги на ногу.

— Можете не продолжать, — перебила его женщина. — Вы думали, тут никого нет. Правильно?

Хакимов хотел сказать что-нибудь весёлое, даже игривое, но, вспомнив, что он без штанов, передумал.

— Вы, простите, здесь живёте? — спросил он.

— Не знаю, — перестав улыбаться, ответила женщина. — Думаю, что нет. Я, по правде говоря, сама не пойму, как здесь оказалась. Это смешно, но — так.

— Да нет, вовсе не смешно... Вы электричку ждёте?.. Вы хоть что-то можете объяснить вообще?

— Что вы хотите, чтоб я вам объяснила? — голос женщины стал сухим и отрывистым, видимо, ей передалось раздражение Хакимова. — Я уже сказала: я не знаю. Никакой электрички. А сюда ходят электрички?

— Кто вас сюда привёл? Тот мужик в зелёной фуражке?

— Нет. Мальчик.

— Мальчик?!

— Да что ж вы кричите?! Ну да. Худенький такой, серьёзный. Совсем не улыбается, исподлобья смотрит, да так, будто знает обо мне больше, чем я сама. Даже забавно.

— С велосипедом? Я говорю, мальчик был с велосипедом?

— Да, — она глянула удивлённо. — Я ещё удивилась: мальчик, а велосипед — дамский, жёлтый такой, как канарейка. А вообще, я его где-то видела раньше, этого мальчика. И тоже с велосипедом... жёлтым. И ведь недавно совсем, наверное, мельком. Он остановился, а я... я всё искала больницу, понимаете? У нас что-то такое случилось с машиной. Мы ехали — я, Аля, моя дочь, и... в общем, ещё мужчина один. Что-то такое случилось, где-то на повороте, я как-то так упала, — она рукой описала дугу, — было больно, меня должны были отвезти в больницу. Но я почему-то осталась там... у ручья. Я искала больницу, Алю... но тут появился этот мальчик. Он и сказал, что с Алей всё хорошо, а мне надо идти вот сюда. Я потом снова выходила, искала, никого не находила и всякий раз возвращалась сюда. Как вы думаете, — она вдруг глянула на него почти с мольбой, — это всё скоро закончится? Мне уже кажется, что случилось что-то плохое, и я ничего не могу изменить. Сижу тут, как дура, и жду непонятно чего.... Вы меня не слушаете? Куда вы пошли?!

— Да никуда, — ответил Хакимов, не оборачиваясь, вновь подошёл к зеркалу и сбросил с неё бахромистую от пыли портьеру. — Висит, будто помер кто, — пробормотал он, брезгливо морщась.

Однако в зеркале, матовом от пыли и свалявшейся паутины, не отразилось, можно сказать, ничего, лишь бледный силуэт, похожий почему-то на кокон, а сзади — вовсе нечто едва различимое. Хакимов безотчётно протянул руку, дабы смахнуть пыль, но его тотчас остановил испуганный, птичий вскрик женщины.

— Не надо! Оставьте его. Оставьте, я вас прошу!

— Да ничего страшного, — весело бросил Хакимов, не оборачиваясь. — Кто-то сказал: зеркала, как люди, — множат подобных себе. Вот не помню, кто...

Ему вдруг пришла в голову простая и сытая мысль, что время, отведённое ему (непонятно, кем и сколько!) можно с пользой и удовольствием использовать, предавшись прелестям мимолётной любовной разрядки с этой перепуганной (тем лучше, напуганные — податливей, глаже и пикантней), но не лишённой привлекательности женщиной.

— Ну послушайте, — начал Хакимов бархатисто участливым тоном старого обольстителя, затем бережно положил руку на её узкое, съёженное плечо, а другой осторожно снял с неё очки, которые оказались, кстати, совершенно разбитыми. Курьёзно. — Послушайте же. Вот мы сейчас одни в этом доме. Вам нужно одно, мне — другое, — пальцем он ощупал выпуклую ключицу. С удовольствием отметил, что женщину начинает бить дрожь. — Так давайте же...

Кажется, женщина начала было что-то говорить, но голос её как-то странно, скрипуче осёкся, будто кто-то внезапно сорвал стоп-кран, затем послышался протяжный горловой, всасывающий всхлип. Тело её на мгновение выгнулось и застыло.

— Поди прочь, — сказала она чужим, словно затвердевшим голосом.

— Да я, собственно...

— Прочь, я сказала! — Голос был чужой и враждебный. Он проникал в сознание не прямо, а какими-то окольными путями. — Иди! Там твоя электричка. Там — всё. Пока не поздно!..

Она повелительно вытянула руку, не оборачиваясь, и тогда Хакимов, беспрекословно повинуясь, встал и едва ли не на цыпочках подошёл к двери и вышел вон.

* * *

«Шуган, Шуган, дуракам капкан», — напевал он, шагая по тёмной, до чернильной густоты улице. Шаги в этой гуще вязли так, что он их вовсе не слышал. Не горело ни одно окно, и только там, на платформе, раскачивался и ржаво лязгал на ветру одинокий фонарь. Да, да, вообразите, именно на платформе. Вот она, будто и не исчезала никуда вовсе. Так что наваждение, откуда б оно ни взялось, заканчивается. Сейчас, просто не надо морочить себя загадками. Мы ещё успеем поразмыслить на эту тему, не так ли? А потом просто посмеяться над страхами и догадками. И главное, — слава богу! никто этого не узнает ***никогда***. Не идиот же он, в самом деле, чтобы рассказывать друзьям и партнёрам по бизнесу, как он несколько часов в мокрых трусах бродил, как маньяк, по вымершему посёлку, сидел в развалившемся доме в обществе полусумасшедшей особы с глазами напуганной овцы, которую вознамерился было без затей «оприходовать», да при этом был жестоко отвергнут! Это он, Хакимов, сама респектабельность, владелец небольшой, но набирающей обороты фирмы, человек не самый последний в городе, разведённый холостяк, от одного взгляда которого, бывало, бабы таяли, как шоколадки на солнышке. Хотя всё к лучшему, подцепил бы ещё гадость какую, прости господи! Да ежели разобраться, у кого в жизни не было такого вот Шугана, лязгающего, ухмыляющегося скелета в шкафу? Пусть он и останется неким неприятным воспоминанием, от которого, впрочем, легко отделаться — достаточно зажмуриться и качнуть головою.

Шагалось легко, бодрила резкая сухая прохлада и смутная, глубинная тревога. «Хоть собака залаяла бы, что ли, — вдруг с отчаянной тоской подумал Хакимов, — всё-таки живое существо». Однако живыми были тут лишь тени деревьев, мечущиеся от света сумасшедшего фонаря, да монотонный шум листьев над головой. Хакимов не выдержал и обернулся. На мгновение там, где был дом под ивами, сверкнул и погас слабый огонёк. Показалось?..

* * *

Электричка остановилась плавно и почти бесшумно. И тогда вдруг полыхнувшая в груди шаровой молнией боль вдруг с безжалостной ясностью осветила — все чёрные закоулки разума. Он на миг осознал, ***что*** это был за дом, и ***отчего*** так странно переменилась та женщина, и ***что*** он увидел в зеркале, и ***что*** происходило и происходит с ним. Да с такой ясностью, что замер он возле раскрывшейся, как створки моллюска, дверей электрички в трепете и нерешительности.

— Давай, давай, — раздался вдруг за спиною знакомый голос. — Аль расхотелось?

Словно упругой струёй тёплого воздуха всосало его в тамбур. Он через силу обернулся. На платформе стоял тот человек в зелёной фуражке. Он махал рукой и скалился в широкой щербато-жёлтой улыбке.

— Ещё увидимся! Только уж нескоро. И запомни: Шуган по-нашему называется — ***Судьба***.

Электричка между тем тронулась, бесшумно и мягко. Та же струя втянула его из тамбура в вагон, белесую коническую, опрокинутую капсулу. Вагон набирал скорость, но ощущалась она лишь нарастающей, неосязаемой, пчелиной вибрацией, более походящей на гул из горловины витой раковины...

Эпилог

— Ну и как там тот бедолага? Которого днём привезли.

— Да представляешь, выкарабкался, похоже. Пять рёбер сломаны с обеих сторон, ключица в трёх местах, обе стопы. Ну, сотрясение мозга, ясно дело, черепно-мозговая. Правда, открытая, но вполне глубокая. Гематомы нет, похоже, но шок болевой страшенный. Плюс сильная кровопотеря. Полторы минуты пульс был почти нулевой. Ещё с селезёнкой что-то — пока не поняли. Прикинь, зажало мужику ногу дверцей электрички, а она тронулась. На платформе народу полно, машинисты не видят ни фига. В общем, проволокло его полплатформы, метров пятьдесят, считай. Ну, жить, однако, будет, того и довольно. Да. А вот дамочка, та, что с Лебяжьего привезли, померла минут десять как. Жанной звать. А фамилию забыл. Ну там-то сразу всё ясно было — перелом основания черепа, полный разрыв печени, прочее. Я ж сам туда выезжал. Мальчишка, говорят, на встречку выпорхнул на велосипеде. Они свернули неловко и на скорости влетели в рекламный столб. Она за рулём была. Девчонка у неё осталась пяти лет. С ней была, кстати. Но у девчонки — так, ушибы. Мужа нет, так, хахаль какой-то, сосунок. Тот вообще, считай, не пострадал — лицо расцарапал, да синяк на лбу. Зато обоссался, как щенок. Ты б поглядел на него. Кричит, как зарезанный. «Идиотка! Чуть меня не угробила!» А когда её, как кровавый шматок, в «скорую» заносили, даже не повернулся. Всё с гаишниками собачился в мокрых штанах. Потом поймал такси и — домой. Сучонок, блядь!

* * *

И вот тут появилась Жанна. Голоса стихли, словно она незримо отвела их рукой в сторону как нечто ненужное. Она подошла к нему, и он её видел — сквозь ватную и марлевую пелену, которая плотно застилала его глаза. Она была всё в той же клетчатой рубашке и в джинсах, правда, без очков.

— Ты жив, — сказала она. — Я это тогда ещё поняла.

— А ты...

— У меня мало времени. У меня осталась дочь, её зовут...

— Аля, я знаю. С ней все в порядке. Она...

— Пожалуйста, не перебивай. Странно, ведь я никогда не видела тебя и не увижу. Я даже не знаю, как тебя зовут, и не узнаю, просто не успею... не перебивай, пожалуйста! Но мне некому сказать это, кроме тебя. У неё теперь нет никого. Так вышло, неважно, почему. Ей пять лет. Будет в августе. Потом, когда всё это пройдёт, а это пройдёт, я точно знаю, ты её найди. Просто найди. Найди и скажи: меня просила найти тебя твоя мама. И она поймёт, что она не одна. И больше ничего. Ты найдёшь?

— Найду, — ответил он совершенно беззвучно.

И тут, показалось ему, что-то шевельнулось в этом тёмном, глухонемом мире. Он увидел себя со стороны, скомканного, распластанного, словно бескостного, раздираемого болью, затянутого в невыносимо тугой кокон, точно, как в пыльном треснутом зеркале в том доме. Он увидел её, Жанну, сидящую чуть поодаль, глядящую на него с затаённой опаской и надеждой. Он понял: когда эта постылая ватно-марлевая скорлупа отслоится от него, вместе с ней отвалится, как короста, и вся его прошлая жизнь, в которой так много было фальши, цинизма, бессердечия, поганого душевного шлака. Отойдёт, как пропитанные жёлчью и гноем лохмотья. Он и не силился представить себе ту будущую жизнь. Она билась внутри него, будто зародыш во чреве кокона и почему-то походила на ту девочку, которую он ещё не видел, но которая обозначилась туманным абрисом.

— Ты придёшь ещё?

— Нет. Больше никогда.

* * *

— Так ты вообще зачем приходил-то, о том мужике, что ли, справиться?

— Да нет, кто он мне. Скучно. И сигареты кончились.

— Так бы и сказал. Возьми вон в пиджаке. Только не борзей. Эй, не борзей, говорю! Куда столько? Опять «Абрамсемёнычу?»

— Да я один. Просто ночь длинная.

— Ну это — да. ***Ночь*** — длинная...

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

ЯНТАРНАЯ БУСИНА

Середина лета. Город детства. Прошло 40 лет, но... тот же знойный ветер со смешанными запахами пыли, серо-зелёной степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. То же необъятное белёсо-голубое небо. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом...

Помню, мне было — пять. Во дворе, под окном, рос пышный куст акации. У его корней я закопала «секретик» — так мы называли одно из любимых развлечений, в котором главным было, спустя какое-то время, не забыть, где именно спрятан секрет. Потом осторожно, чтобы никто не видел, найти укромное место, присесть пониже, бережно разгрести над «секретиком» землю, легонько сдунуть осыпающиеся песчинки и увидеть самую сердцевину тайны. О, как приятно знать о чём-то таком, о чём никто не знает, лелеять это чувство в душе, вынашивать его, выращивать до того момента, когда им вдоволь насладишься. И тогда приходит желание выплеснуть тайну, открыть кому-то секрет. Но зачем? Может быть, затем, чтобы обострить ощущения: утвердиться в своей значимости, испытать опасность, ведь секрет могут украсть, а его всё-таки хочется сберечь. Тогда кому открыть тайну? Конечно же, верной подруге. И наступал самый торжественный момент — секрет открывался. Дух захватывало!

Тот «секретик» я запомнила навсегда, потому что под тонким осколком зелёного бутылочного стекла, на блестящем конфетном фантике, покоилась драгоценная слеза янтаря — капля старых бабушкиных бус. Однажды они рассыпались, и одна из бусин закатилась под мою кровать. А я утаила её, когда бабушка нанизывала жёлтые округлые камешки на новую нить.

Теперь я понимаю, что бабушка догадалась о моей тайне, но ни о чём меня не спросила. Просто, пересчитав бусины, она грустно сказала:

— Чётное число. Одной бусины не хватает. А на ожерелье из янтаря должно быть нечётное количество камней — тогда, говорят, бусы приносят своей хозяйке здоровье.

— Что же теперь делать? — прошептала я, и щёки мои предательски вспыхнули.

— Ничего. Я просто уберу одну бусину. Держи. А если вдруг у тебя окажется чётное число камней, например, два, то подари один из них своей любимой подружке. Пусть и с ней янтарь делится своим теплом.

— Хорошо, — опрометчиво согласилась я. И камешек, скатившись в мою ладонь, будто обжёг меня. — Он и вправду очень тёплый! Он что, живой?

— Конечно, ведь он сделан самой природой, — голос бабушки зазвучал глубоко и ласково. — А природа, в любом проявлении, живая.

— А нам в садике говорили, что есть живая и неживая природа...

— Может быть, это и правильно. Но так считают люди. А природа? Не знаю. Ведь человек — только маленькая её часть, только крошечная капелька, как эта бусинка. Если бы люди не только всматривались и вслушивались в природу, но и видели и слышали, то, возможно, жили бы в согласии с ней.

— А с чем же люди не согласны? — я всё крепче сжимала в кулаке бусину.

— Наверное, с тем, что природа сильней. Что «неживая» природа живёт дольше, может быть, вечно. Не зря в одной большой книге сказано: «Поколение уходит, и поколение приходит, а земля остаётся на века...»

— А что такое «поколение»?

— Ну, это люди, объединённые чем-то общим, например, родством. Или люди, рождённые и живущие в одно время. Я принадлежу к одному поколению, моя дочь — твоя мама — к другому, ты — к третьему...

— У тебя есть эта книга? Почитай мне.

— К сожалению, нет. Её в наше время трудно достать. Может, когда ты вырастешь, то сама её найдёшь и прочтёшь...

Вскоре бабушка умерла. Как я плакала, чувствуя себя виноватой в том, что бабушка заболела и уже не выздоровела. Ведь я не отдала ей чудесную нечётную бусину.

Я не видела бабушкиных похорон — меня отвели в детский сад. Но я помню боль, скручивающую жестокой ломотой всё тело. Помню и громкую прощальную музыку, от кото-

рой боль, смешиваясь с осознанием тайны, разрасталась во мне до невыносимых размеров и, терзая, искала выхода. И она выходила слезами. А слёзы будто текли не только из глаз: мне казалось, они сочились и из кистей рук, и из стоп, нестерпимо их обжигая.

Любимая воспитательница, утешая меня, говорила, что никакой музыки не слышно, что музыка мне только чудится. А я слышала. И плакала, плакала, плакала.

А потом вдруг догадалась, что боль станет меньше, если я расскажу о своей тайне, о нечётной янтарной бусине. Но кому об этом рассказать? Бабушки уже нет. Тогда кому же? Тому, кому больше всего на свете верю — маме. В тот же вечер я во всём призналась.

Мама усадила меня на колени, вытерла слёзы и, поцеловав, тихо сказала:

— Маленькая моя, ты ни в чём не виновата. Бабушка заболела не из-за того, что потеряла бусину.

— А из-за чего?

— Из-за того, что она стала старенькой. Таков закон природы: люди рождаются, живут и умирают. Им на смену приходят другие. Я — бабушкино продолжение, ты — моё...

— Да... поколения. Бабушка мне говорила... А ты тоже умрёшь?

— И я тоже умру когда-нибудь. Но, надеюсь, не скоро, а лишь тогда, когда ты вырастешь, станешь сильной, когда у тебя у самой будут дети — мои внуки.

— Значит, и я когда-нибудь умру?

— Так устроена природа. Всему своё время... Но ты не думай об этом. Живи и радуйся... Я тебя очень люблю.

Мама крепко прижала меня к своей груди. Коснулась горячими губами моей макушки и, убаюкивая, запела знакомую с рождения колыбельную песню. Мелодия и мамино дыхание словно просачивались в макушку, текли по затылку, лёгкими толчками пробивались через горло, нежно щекотали в груди, наполняя сердце покоем.

И боль затихла, растворившись в мамином голосе. Стало тепло и легко. Я нащупала в кармане бусину. Украдкой на неё взглянула. Она перестала казаться зловещей. Она вновь засветилась маленьким жёлтым солнышком.

Прошло 40 лет. Уже нет и моей мамы. А я давно-давно живу в другом городе. Но приехала погостить в город моего детства, где меня встретил тот же знойный ветер со смешанными запахами пыли, серо-зелёной степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом... Всё так же, как в детстве, только немного меньше. Теснее стали двор и сквер, более узкими — улицы, ниже — потолки в доме. Но совсем не изменились запахи, они живы, как родовая память. И таким же огромным осталось небо, даже цвет его — прежний: в полдень — белёсо-голубой, в полночь — глубинно-чёрный, с яркими стразами звёзд. Да и ночи — те же: тёплые, наполненные громким многоголосием сверчков и стрекотанием кузнечиков.

И пусть современные девочки не закапывают свои секреты в песок, а прячут их в памяти компьютеров и сотовых телефонов. Но они испытывают те же чувства, что и я когда-то, дышат тем же ветром, ходят по той же траве, их ступни обжигает та же горячая земля. И в фонтане так же, как и прежде, плещутся дети — поколение двадцать первого века. Но «нет ничего нового под солнцем». Нет даже времени. Есть только вечность, а в ней — движение жизни.

БАХ АХМЕДОВ

ПРОЖИТЬ ТРИ СЛОВА

1.

Эта история о человеке, который однажды, солнечным весенним утром, отправился со своим приятелем к гадалке, собственно, вопрос к ней был у приятеля, а Даниил просто сопровождал своего друга. Но всё вышло иначе. Гадалка — маленькая, сухонькая, седая женщина с короткой стрижкой, похожая на учительницу математики, — намного больше внимания уделила Даниилу, чем его спутнику, имя которого мы здесь не называем, потому что для нашей истории это неважно.

Итак, Даниил, известный своим скептицизмом и трезвым умом, вдруг, неожиданно для себя самого, решил поиграть с судьбой, в которую не верил. И, в отличие от своего друга, чьи вопросы касались его текущих любовных коллизий, не стал мелочиться и задал прямой вопрос «учительнице»: сколько ему осталось лет жизни. Женщина внимательно на него посмотрела, как-то странно улыбнулась и прошлась по комнате. Подошла к старому книжному шкафу, открыла стеклянную дверцу и снова закрыла её, при этом дверца издала жалобный тихий скрип.

— Вот книги, — зазвучал отрешённый голос провидицы. — Они отличаются содержанием и количеством слов...

Даниил посмотрел на неё с удивлением, пытаясь понять, к чему та клонит. Тогда гадалка села напротив Даниила и, пристально глядя ему в глаза, сказала, отчётливо разделяя каждое слово:

— Я не знаю, сколько времени Вам осталось провести в этом мире, но сейчас мне пришла более интересная информация, и теперь я знаю, сколько Вам осталось произнести слов в этой жизни. Сто восемьдесят две тысячи семьсот двадцать восемь слов.

— Погодите, я что-то не понимаю, — рассмеялся Даниил, — что означает это число?

— Ваша земная жизнь завершится после того, как Вы произнёсете это количество слов, точнее, уже на... — женщина на секунду задумалась, как бы считая что-то про себя. — На девять слов меньше, которые вы только что произнесли.

— Что за чепуха! — Даниил вскочил с кресла. — Как вы можете знать, сколько слов мне осталось?

— Я не знаю механизм приходящей информации, она просто приходит, — тихо ответила хозяйка дома, терпеливо наблюдая за реакцией гостя.

Он сделал несколько шагов до двери и обратно и снова сел. Вдруг какая-то новая мысль поразила его, и он воскликнул:

— Послушайте, но ведь тогда я могу стать бессмертным? Я замолчу — и всё!

Гадалка спокойно кивнула, как будто ждала этого вопроса:

— У вас, действительно, есть шанс прожить очень долго, но всё-таки не вечно. Если вы «онемеете», вы доживёте до глубокой старости, может, до ста лет, но... вы смертны, как и все люди в этом мире.

Даниил хотел было что-то спросить, но наткнулся на предупреждающий жест поднятой руки.

— Я знаю, что Вы хотите мне возразить: где же тогда логика в моём предсказании? — Голос женщины звучал убедительно и ровно: — Не ищите её. Я не смогу объяснить вам всё до конца. Я сказала то, что услышала, а дальше — думайте сами. Мне почему-то кажется, что онеметь у вас не получится, но, возможно, вам имеет смысл подумать над тем, чтобы постараться разумно, равномерно распределить количество произносимых слов на будущие годы.

Даниил долго молчал, пытаясь осмыслить услышанное. Нет, он не был болтливым человеком, скорее даже наоборот, но необходимость каждый день считать количество произнесённых слов привела его в полное уныние. Однако через секунду ещё одна идея пришла ему в голову, и он неуверенно произнёс:

— Тогда у меня один выход — завести себе блокнотики и общаться с миром письменно...

Гадалка отрицательно покачала головой:

— Вынуждена Вас огорчить, написанные слова тоже считаются. — Но их, по крайней мере, легче считать, — добавила она, пытаясь его хоть как-то утешить.

Наступила долгая пауза.

— Мне нужно всё это обдумать, — произнёс, наконец, Даниил.

— Да, конечно, обдумайте, время у вас есть.

— Можно, я снова приду к Вам через пару месяцев?

— Можно, но лучше зайдите через год.

— Хорошо. Если только я не истрачу к тому времени отпущенный мне запас слов.

2.

Даниил пришёл к гадалке намного раньше, через пять месяцев. Это был странный период в его жизни. Он очень хотел забыть предсказание, как дурной сон, и ему это почти удалось с помощью некоторых друзей-скептиков, которым он всё рассказал.

— Ты бы ещё в сумасшедший дом пошёл за предсказаниями! — возмутился один из них.

«В самом деле, — думал Даниил, — возникает вполне банальный, даже смешной вопрос: почему я должен ей верить... Ведь это полная чушь. Чушь!..»

Его жена Нина, с которой он прожил почти двадцать лет, узнав о предсказании, отнеслась к нему с философским юмором: «Ну что ж, по крайней мере, меньше будем ругаться!» — сказала она. Но по её словам он так и не понял, верит она во всё это или нет.

Он не стал разговаривать меньше, но иногда ловил себя на мысли, что некоторые слова в речи вполне можно было опустить, особенно, если эти слова не несут действительно нужной информации. Даниил стал задумываться о лаконичности, и всё чаще, оказываясь в дружеских компаниях, предпочитал отмалчиваться, хотя раньше с удовольствием принимал участие в общем разговоре.

— Да не верю я в эту ерунду, — оправдывался он перед друзьями, — просто устал.

И действительно, он всё чаще выглядел уставшим, а на лице стала проявляться какая-то размытость, словно время постепенно стирало его черты, оставляя немое бледное пятно. Это тревожило его друзей, привыкших видеть в нём если не лидера, то уж по крайней мере не бесцветную посредственность. Даниил и не был ею, но постоянные размышления над странным предсказанием привели к тому, что между ним

и миром возникла прозрачная стена, приглушавшая все звуки жизни с той стороны. И эта стена становилась всё толще и всё менее прозрачной.

Догадывался ли он об этом? Вероятно, да, потому что это возрастающее отчуждение стало беспокоить и его. Однажды он поймал себя на мысли, что не понимает, о чём ему говорит жена. Ничего особенного в её словах не было, она просто просила его купить на обратном пути с работы некоторые продукты. Но у него вдруг возникло странное чувство, что она говорит с ним на каком-то иностранном языке, который он учил ещё в школе и с тех пор, конечно же, забыл. И чтобы постичь смысл нехитрых слов, потребовалось немалое усилие. Тогда Даниил понял, что с этим нужно что-то делать.

Он отпросился с работы и отправился к Анне Фёдоровне — так звали гадалку.

— Я уже давно не занимаюсь этим и никого не принимаю, — тихим, чуть хрипловатым голосом сказала она ему по телефону. — Но Вас я обещала принять, приходите...

Дверь открыла незнакомая молодая женщина и молча провела Даниила в спальню к гадалке, которая сидела обложенная подушками в своей постели, высохшая, бледная и постаревшая за эти полгода лет на пятнадцать. На столике, возле кровати, лежали лекарства. Шторы были приспущены. В комнате, погружённой в полумрак, висел одуряющий запах сердечных капель.

Даниил был потрясён увиденным и не знал, с чего начать. В какой-то момент ему захотелось извиниться за беспокойство и уйти. Но Анна Фёдоровна жестом попросила его присесть и сама начала разговор.

— Я знаю, зачем Вы пришли, — сказала она, — и, к сожалению, не смогу сказать Вам ничего нового, кроме того, что уже сказала в прошлый раз.

— То есть, предсказание не изменилось? — спросил Даниил.

Анна Фёдоровна прикрыла глаза, как будто ей было тяжело не только говорить, но и смотреть. Даниил растерянно оглянулся, почувствовав за спиной чей-то взгляд. В дверях, прислонившись плечом к косяку, стояла женщина, впустившая его в квартиру, и выжидательно смотрела на него. Даниил понял, что ему пора уходить.

— Извините, что я Вас потревожил, — сказал он, обращаясь к гадалке, — поправляйтесь!

Она открыла глаза и слабо улыбнулась.

— Осталось сто тридцать шесть тысяч двести одиннадцать слов, — едва слышно произнесла больная женщина. — Вы истратили за эти месяцы почти четверть вашего запаса.

Эти слова поразили Даниила, как молния. То, что казалось ему всего лишь абстрактной, размытой перспективой, скрытой густым туманом будущего, вдруг приобрело чёткие черты жёсткой реальности, а туман рассеялся, обнажив близость неизбежного. Неужели он истратил так много всего за несколько месяцев? Такими темпами он протянет не больше двух лет. А ведь уже после первой встречи он так старался экономить слова!..

Мягко дотронувшись до руки Анны Фёдоровны, он тихо сказал:

— Простите, что я не поверил вам сразу... Точнее, сомневался.

— А сейчас разве не сомневаетесь? — По её губам скользнула понимающая улыбка. — Всё нормально, я и не ждала другого, потому что поняла сразу, что Вам нелегко будет принять это странное предсказание.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил Даниил.

— Не думаю, но всё равно спасибо. Простите, мне должны делать укол.

— Да-да, понимаю. Я вас ещё обязательно навещу, Анна Фёдоровна.

— Попробуйте, но боюсь, что *мой* запас слов уже совсем скоро иссякнет.

Даниил растерянно начал лепетать дежурные утешения: «Нет, нет, вы поправитесь, я знаю!» Но Анна Фёдоровна жестом мягко остановила его:

— Не произносите лишних слов, даже если вы мне не верите...

3.

После этого посещения Даниил перешёл на письменное общение. Следуя примеру Бетховена, чью музыку он начал слушать заново и открыл в ней бездну нового, он завёл себе «разговорную» тетрадь. И достиг этим сразу двух целей: во-первых, сам процесс писания поневоле заставляет экономить слова; а во-вторых, — что, конечно, было более важной причииной, — теперь без труда можно подсчитывать слова, потраченные за день. Каждый вечер, перед сном, Даниил аккуратно записывал жизненно важную цифру.

Нина наблюдала за всем этим с возрастающей тревогой. Сначала она подумала, что муж просто решил от скуки поиграть в немого, и даже отчасти стала подыгрывать ему. Но когда прошла неделя, а Даниил по-прежнему не произнёс ни одного слова, Нина встревожилась. И, улучив за ужином момент, внушительно строго сказала:

— Ты заигрался, дорогой. Остановись! Мне надоел этот детский сад.

Даниил отложил нож и вилку, задумался на несколько секунд и вдруг чётко и медленно произнёс:

— Это не игра. Это степень приближения к свободе.

Затем встал, прошёл в свою комнату и записал в счётном блокноте: «+8».

На следующий день Нина пошла на приём к психоаналитику, которого ей порекомендовала двоюродная сестра, когда-то проходившая у него лечение. Психиатр, полноватый пожилой мужчина с блестящей лысиной, выслушал её, задал несколько вопросов, а потом кивнул, показывая тем самым, что ситуация ясна.

— Скорее всего, у Вашего мужа один из видов эскапизма. Таким образом он пытается убежать от жизни. Либо это обычная логофобия. Я не могу сказать точнее, для этого мне нужно увидеть пациента.

Нина вздохнула:

— Я попробую его привести, хотя сильно сомневаюсь, что у меня это получится. Но что же мне делать сейчас? Как реагировать?

— Я думаю, пока Вам лучше включиться в игру и сделать вид, что всё нормально. Возможно, у него со временем это пройдёт.

Нина пожала плечами:

— Не похоже... Впрочем, боюсь, что у меня всё равно нет выбора.

Как Нина и предполагала, идти к психоаналитку Даниил наотрез отказался. На все уговоры он ответил в блокноте всего одной фразой, жирно подчеркнув её дважды: «Я пока ещё живой человек...»

— Я тоже живой человек! — сорвалась на крик жена и, хлопнув дверью, ушла к соседке.

Однако время шло, и Нина почти привыкла к «небольшой причуде мужа», как она говорила, не очень убедительно успокаивая встревоженных друзей и родственников. И всё-таки его молчание давило на неё, с каждым днём ей становилось всё труднее удерживаться на скользком краю оправдания своей жизни с ним. Она пыталась привлечь к помощи их взрослого сына, жившего отдельно со своей подругой. Но сын, придя в один из воскресных дней на обед к родителям, только пожал плечами, а на вопрос матери, что он об этом думает, ответил с вялым безразличием: «Ну а я что могу поделать? Не обращай внимания, это у него возрастное...»

Между тем, Даниил всё больше отдалялся от мира, обрывая одну связь за другой и погружаясь в непроницаемые глубины своей рефлексии по поводу случившегося. Он записался сразу в несколько библиотек, накупил в букинистических магазинах труды средневековых философов и почему-то вспомнил школьное увлечение геометрией.

Он уволился из института и устроился в театр простым гардеробщиком потому, что эта работа не требовала произнесения слов. Где-то там, за тяжёлыми дубовыми дверями, бурлили сценические страсти, зал взрывался восторженными апплодисментами, а Даниил сидел на старом стуле, положив школьную тетрадку на стойку гардероба, вычерчивал в ней геометрические узоры разной сложности. Его собственная жизнь стала казаться ему одним из таких узоров, и хотелось найти единственно правильный многогранник, который, при всей своей холодной абстрагированности и безличной лаконичности, смог бы включить в себя все грани жизни Даниила и при этом безошибочно угадать сложные угловые отношения между ними. Это была странная и, вероятно, бесплодная борьба с формой, но не с формулами, которые всегда как бы вспыхивали вокруг острыми искорками растворимой в пространстве правды, вспыхивали в надежде на воплощение и гасли, устав от ожидания. В другой тетради он начал вести дневник, который назвал «Бритва Оккама», с аккуратностью математика фиксируя на каждой странице количество написанных слов.

А время, равнодушное к этим его играм с пространством и цифрами, текло мимо, спокойно огибая, и лишь иногда сглаживая острые углы мучительной борьбы со словами, когда приходилось тщательно отбирать самые точные из них и отбиваться от всех остальных, пытавшихся обрести своё зыбкое право на жизнь в его дневнике. Постепенно для Даниила каждое написанное слово стало обретать совсем иные значения, прогибаясь под тяжестью смыслов, которыми он пытался его нагрузить.

Через несколько лет он обрёл, наконец, лаконичность, к которой так сильно стремился, и стал обходиться примерно полсотней слов в месяц, чтобы выразить свои наиболее важные мысли и состояния. К тому времени он уже был один, потому что Нина ушла, оставив ему, как в плохом фильме, записку на столе. Прочитав её, Даниил усмехнулся и спокойно отметил про себя, что она могла бы быть в три раза короче. Он знал, что рано или поздно это случится, и был удивлён не уходу жены, а скорее тому, что она ушла так поздно, выжидая какого-то возврата к прошлому, пусть иллюзорного, хотя давно уже было понятно, что стремительное соскальзывание в холодную бездну отчуждения превратилось в необратимый процесс. «Живи и дальше со своим молчанием, занимайся любовью со своими словами и будь счастлив, если сможешь, — писала Нина в записке, — тебе ведь никто не нужен, ты вечный слуга своего одиночества...»

В тот вечер, сидя на работе и слушая, как из зала доносится высокий голос ведущей актрисы театра, Даниил написал в своём дневнике: «Искусство — это дверь в вечность, а одиночество — ключ от этой двери».

4.

Прошло ещё несколько лет, наполненных книгами, тишиной и всё большим сближением с танцующими тенями времени. Отпущенный запас слов медленно приближался к своему концу, но Даниила это больше не пугало. Он рассчитал, что если понизит свой лимит до 25–30 слов в месяц, то проживёт ещё года три, а ему этого было вполне достаточно для завершения всего того, что он наметил. Его записи становились ещё более отточенными, а плотность смыслов в них возросла до такой степени, что ему самому иногда страшно было перечитывать их, словно сознание входило в орбиту чёрной экзистенциальной дыры и могло быть поглощено ею в любое мгновение, стоит только на секунду остановиться. В то же время, он ощущал в себе всё больше света внутри, победно проникающего сквозь огромные паузы между его редкими записями.

Иногда он писал короткие стихи, в большинстве случаев очень похожие на хокку. В его дневнике теперь всё чаще встречались рисунки, а не слова. Так, постепенно, он научился рисовать, приобрёл кисти и краски и стал писать картины.

Он по-прежнему жил один. Пару раз его навестила Нина, и он был искренне рад её видеть. Она сидела на кухне, пила чай и спокойно рассказывала ему, как обрёла настоящее счастье с другим мужчиной, который каждый день дарит ей простую теплоту тихой непретенциозной любви. И Даниил был искренне рад за неё — она видела это по его глазам. А уходя, не удержалась и уже у порога спросила:

— Неужели ты меня действительно никогда не любил?

Он мягко улыбнулся и произнёс:

— Я и сейчас тебя люблю, даже больше, чем прежде.

Нина бросила недоверчивый взгляд и тихо сказала:

— Зачем ты тратишь слова? Наверное, у тебя их осталось совсем мало?

Даниил обнял её на прощание, а Нина быстро вышла из квартиры, чтобы не расплакаться.

Однажды утром Даниил проснулся, взглянул на солнечные зайчики на стене, которые гонялись друг за другом, и вспомнил, что после вчерашней записи, оказавшейся длиннее обычного, у него осталось в запасе всего три слова. И вдруг он почувствовал себя таким свободным, каким не чувствовал ещё никогда. Теперь не нужно будет ничего считать! Вокруг расстилалось бескрайнее пространство его молчания. В то же время оно в любую минуту было готово свернуться в комочек у его ног. Всё зависело теперь только от него, и Даниилу показалось, что он, наконец-то, загнал время в его собственную ловушку.

Три слова, три небольших колышка на сухом песке вечности. Ничего не стоило выдернуть их, и песок моментально засыплет их следы...

Даниил подумал: «Сколько вариантов я перебрал раньше, сколько раз я думал об этих словах, но так ничего и не выбрал». Каждый раз, когда он пытался уловить подспудное звучание последних слов, они ускользали от него, расплывались, распадались на отдельные звуки и незаметно переходили друг в друга, плотно смыкая ряды и не позволяя проскользнуть даже небольшому смыслу.

Он стоял на кухне у окна и смотрел то на кофеварку с варившимся кофе, то на улицу, где местный пенсионер-алкоголик кормил бездомную собаку остатками мокрого хлеба. И тут Даниила осенило: возможно, вся суть этой истории со словами всего лишь в том, что он должен был найти *самые правильные*, самые бесспорные по точности слова для своего ухода, а значит, он не умрёт, пока не найдёт их. «Но я их обязательно найду, когда-нибудь найду» — подумал он, как будто этим он мог продлить, а не закончить свою жизнь.

Кофе забулькал и выскочил на свободу. Собака лизнула шершавую ладонь старика и побежала по своим делам. А Даниил почувствовал такой прилив радости и жажды жить, какие не испытывал очень давно. Ему захотелось окунуться в людскую толпу, раствориться в ней, смотреть на красивые лица женщин, на улыбки детей, на толстых тёток, продающих мороженое и цветы, на что угодно, только бы быть в этом потоке жизни, неудержимо несущимся вперёд, бурлящим неожиданностями, и таким полновесным, таким подлинным в своей естественности и простоте.

Был тёплый весенний день, солнце купалось в людской благодарности, и каждая деталь мира казалась одним сплошным обещанием. Даниил шёл по улице, читал вывески и вдруг с радостью отметил, что механизм подсчёта слов, который работал в нём всегда с необычайной точностью, остановился, умер, оставил его бедный мозг, перегруженный цифрами и ассоциациями, и он почувствовал себя по-настоящему счастливым. А три таинственных слова, надев белые маски беззвучия, плыли где-то рядом, и Даниил ощущал их прохладное мятное дыхание, но это только обостряло его ощущение безграничного принятия мира, а его широкие шаги по изумрудно-свежей траве времени становились лёгкими, парящими, как будто он действительно готовился взлететь в любую секунду.

5.

С этого дня Даниил вышел из своего затворничества. Он стал ходить в гости, встречаться с друзьями и общаться с родственниками, жадно вслушиваясь в разговоры людей, — ему вдруг стало казаться, что, возможно, таким образом он найдёт нужные слова. Его самый близкий друг, который был в курсе ситуации и знал, что Даниилу осталось *прожить три слова* — Даниил показал это на пальцах, — сразу всё понял и сказал, что, на его взгляд, самый лучший вариант ухода — это произнести: «Господи, спасибо за всё!» Даниил усмехнулся и показал пальцем на циферблат часов, на цифру «четыре».

— Ну, конечно, — сказал друг, — неужели ты всерьёз думаешь, что Бог будет придираться к одному слову?! Тем более, когда это слово благодарности...

Даниил, конечно, давно уже размышлял над этим вариантом и сам, но эти слова казались ему слишком банальным решением. «Должно быть что-то другое, что-то более точное и неожиданное, — думал он. — Впрочем, теперь мне торопиться некуда...» Теперь каждый новый день казался ему незаслуженным подарком. Он продолжал работать, встречаться с друзьями, и по его поведению никто не мог бы сказать, что этот спокойный, далеко не молодой человек живёт в ожидании своих последних слов, что он может в любую минуту произнести любые три слова, и жизнь его закончится.

Даниил уже давно не боялся смерти, но и не видел смысла приближать её искусственно. Он просто знал, что нужные слова придут сами, и он сразу их узнает и произнесёт, когда настанет время. И тогда эти три слова не просто попадут в точку, но сами станут той точкой, пройдя через которую он окунётся в иное пространство, свободное от слов, времени и земной математики...

* * *

Однажды Даниила пригласил в гости один из его двоюродных братьев, живший в красивом двухэтажном доме за городом.

Даниил вышел в сад насладиться тёплым летним вечером с огромной жёлтой луной. Недалеко от дорожки, в свете фонаря, за деревянным столом сидела девочка лет двенадцати и делала домашнее задание. Это была Аня, дочка хозяина дома. Зная общительность и любопытство дочери, родители предупредили её, что дядя Даниил не может говорить, поскольку он немой — такова была официальная версия для тех, кто не знал истинной причины его молчания. Тем не менее, увлечённая решением задачи по геометрии, девочка забыла о предупреждении:

— Вы случайно не помните, чему равна площадь круга?

Даниил помедлил одну секунду и спокойно произнёс, чётко выделяя каждое слово:

— Пи эр квадрат.

— Большое спасибо...

Он посмотрел на фиолетовое небо и улыбнулся... Часы на руке показывали без трёх минут восемь.

ВИКТОР АНЮТИН

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

О красоте российской земли, её людей, их вере в светлое, вере в любовь, добро, справедливость, вере в то, что всё будет хорошо, о красоте самой жизни с её заботами о хлебе насущном, с посадкой и копкой картофеля, с убогостью существования, но такого родного, близкого, тёплого в бесконечных просторах холодного космоса...

Живопись для меня — это возможность размышлений о жизни, о её смысле, о времени настоящем и прошлом, возможность изобразить всплывшее в памяти, остановить мгновение на холсте. Все мои работы написаны на основе пережитого мною. Я не пишу о том, чего не чувствую. Импульс идёт от действительности, источником вдохновения является сама жизнь. Живопись — это сплав души художника с реальностью.

Основные темы работ, появившиеся в первые годы после вуза, не умирают во мне, превратившись в этапы или периоды. Я возвращаюсь к ним, написав, что-то новое или варьирую-проигрываю, как джазовый музыкант, любимые мотивы снова и снова, то с грустью, то с радостью.

Деревенский цикл — это «сны о прошлом», уходящем, «догорающем», прекрасном. Это пейзажи убогих российских деревушек, дорог с лужами, детей, бегущих по кромке реки или едущих на лошадях под пенье жаворонка, с восторгом смотрящих в окно на удивительно красивый мир с ожиданием прекрасной жизни впереди, пастухов, собирающих стадо поутру, старух, догорающих в этом мире в лучах заката, несущих свою последнюю вязанку соломы с обочины дороги. Это пейзажи о яблочных зимах.

Вернувшись с войны отец посадил сад, деревья у дороги и дома. Сад вырос, выросли и деревья, став «Валюшиной аллей». Красоту и запах первых плодов память хранит всю жизнь.

Пишу о настоящем, о городе, о людях в них, о широких улицах, свежем ветре с Камы, о широко шагающих, красивых, стройных, всегда молодых челнинцах, то идущих на праздник, то с тревогой всматривающихся в будущее, в эпоху постоянных реформ и катаклизмов, ищущих контакта с природой и находящих его в ощущении единства со всем миром.

День уходит, но остаётся картина на холсте, как эмоциональный документ о его неповторимой красоте в безмолвии вселенной.

Привет из Челнов (Автопортрет с рейкой). 2010 г. Х., м. 60×75

День ушел. 1995 г. Х., м. 95×95

Виктор Валентинович АНЮТИН

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан; член международной ассоциации изобразительных искусств АИАП Юнеско; член Союза художников СССР, России и Татарстана; участник всесоюзных, российских, зональных, международных и зарубежных выставок; лауреат II Всероссийского симпозиума по современной живописи 2007 (г. Елабуга).

Окончил Рязанское художественное училище (1970 г.) и Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское, 1979г.). Работы художника Виктора Анютина находятся в галереях и музеях России и Татарстана, в частных коллекциях России, Европы и Америки. Они отмечены особой гармонией, лиризмом, музыкальностью, прихотливой игрой формы и цвета.

Девочка с вертушкой. 1991 г. Х., м. 95×95

Переход. 1989 г. Х., м. 135×135

Привет! Привет! 2005 г. Х., м. 70×87

Весна. 2003 г. Х., м. 80×90

Песня жаворонка. 2004 г. Х., м. 60×80

В Марьино. 2004 г. Х., м. 70×87

Сирень. 2000 г. Х., м. 75×65

Валюшина аллея. 1995 г. Х., м. 75×65

Пришла зима. 2000 г. Х., м. 60×90

Первый снег. 2000 г. Х., м. 78×88

Поиски майских жуков. Фрагмент.1988 г. Х., м. 125×122

Полет сальто-мортале. 2010 г. Х., м. 80×90

Девочка на лесенке. 2010 г. Х. м. 80×90

Август. 1995 г. Х. м., 65×75

Цветы полей 1997 г. Х. м. 65×75

Отречение Петра. Настенная роспись храма
Воскресения Христова. 2007 г., г.Нижнекамск.

Марьино и космос. 1989 г. Х., м. 120×100

НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН

ЗАГАДОЧНАЯ РУССКАЯ ДУША

Сами по себе эти слова — уже загадка. Почему-то не говорят о загадочности немецкой, датской, голландской, швейцарской души — нет, только о русской (или славянской). Почему? Не говорят и о загадочной душе монгола, китайца, индуса, японца — а ведь Восток вообще сплошная загадка. В чём дело? Конечно, китаец и индус — они и внешне иные, чем европеец. А вот русские — вроде бы и такие же, да не такие... Даже внешность русского человека удивляла иностранцев. Вот, например, что писал французский эмигрант маркиз Астольф де Кюстин, путешествовавший по России в 1839 году:

«Народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы... отличаются светлым цветом волос и яркой краской лиц, в особенности же совершенством своего профиля, напоминающего греческие статуи. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму, с северной голубоватой окраской, и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства. Рот, украшенный шелковистой, золотисто-рыжей бородой, в правильном разрезе открывает ряд белоснежных зубов, имеющих иногда остроконечную форму зубов тигра или зубьев пилы, но большей частью совершенно ровных. Платье этих людей также оригинально. Оно состоит либо из какой-то греческой туники, перепоясанной яркоцветными кожаными кушаками, либо из длиннополой персидской одежды, либо из короткого русского овчинного тулупа, мехом внутрь или наружу соответственно температуре воздуха».

Конечно, заезжий маркиз, говоря о «народе русском» и «чисто славянской расе», не знал о некоторых различиях между великороссами, малороссами и белорусами — для него все они были на одно лицо. Не знал он и о том, что российские народы, не относящиеся к славянам — карелы, зыряне, пермяки, удмурты, мордва, — тоже не всегда внешне отличаются от русских. Так же, как и многие волжские татары. Но как он мог увидеть в зимнем Петербурге русского мужика, одетого в «греческую тунику» или «длиннополую персидскую одежду»? Или у него были собственные представления о греческих и персидских одеяниях?

ХОЛОДНЫЕ, ХИТРЫЕ, ОСТРОУМНЫЕ ЧЕСТОЛЮБЦЫ?

Что же касается особенностей национального характера, то этот французский вельможа прежде всего обратил внимание на такую черту русского человека, как насмешливость. Для него это было особенно важно, потому что он, как всякий сноб, не переносил шуток и насмешек по своему адресу:

«Выходя поспешно из кареты, чтобы не потерять из виду тех, с которыми я должен был войти во дворец, я едва почувствовал, что зацепился шпорой о подножку. Представьте же себе моё положение, когда я минуту спустя, при первом же шаге по великолепной лестнице, заметил, что я потерял шпору и вместе с ней — что ещё ужаснее — оторвался каблук, к которому шпора была прикреплена. Я был, таким образом, наполовину без обуви. Это злоключение, происшедшее как раз в тот момент, когда я должен был впервые предстать пред человеком столь же, по рассказам, педантичным в мелочах, сколь и могущественным, показалось мне истинным несчастьем. Русские насмешливы, и мысль послужить объектом для их шуток была для меня невыносима...

Русские не только склонны к насмешке, они холодны, хитры, остроумны и малоделикатны, как все честолюбцы. Они особенно недоверчивы к иностранцам, суждений которых опасаются, так как считают, что мы не очень благожелательно к ним относимся. Это заранее делает их враждебно к нам настроенными, хотя внешне они кажутся вежливыми и гостеприимными».

В НАРОДЕ ЭТОМ ЕСТЬ ЧТО-ТО ИСПОЛИНСКОЕ...

Маркиз де Кюстин, судя по его запискам, был человеком довольно поверхностным. Его более серьёзно мыслящая и внимательная соотечественница, известная писательница баронесса Жермена де Сталь, путешествуя по России в 1812 году, вынесла совсем другие впечатления о людях и условиях, в которых они живут: «Повсюду в Европе резка противоположность богатства и нищеты, в России же ни то, ни другое не выделяется. Народ не беден, а знать способна, когда это необходимо, вести такой же образ жизни, какой ведёт народ. С одной стороны, суровые лишения, с другой — изысканные удовольствия отличают эту страну. Сами вельможи, в палатах которых вы найдёте всё, что есть блестящего и роскошного во всех странах и у всех народов, питаются в пути гораздо хуже французского поселянина и способны переносить не только на войне, но и во многих житейских случаях физическое существование очень стеснённое. Суровость климата, болота, леса и пустыни, покрывающие значительную часть страны, заставляют человека бороться с природой. Фрукты и цветы произрастают лишь в оранжереях, возделывание овощей не распространено, виноградников совсем не встречаешь. Обстановка жизни, в которой находится французский крестьянин, возможна в России лишь при больших затратах. Необходимое можно получить только в роскоши; отсюда происходит, что когда роскошь невозможна, отказываются даже от необходимого.

Нет в России совсем того, что англичане называют «комфортом», а мы, французы, просто довольством, Ничто не в состоянии удовлетворить воображение русского вельможи; но когда поэзии богатства нет, они пьют квас, спят на полу и едут день и ночь в открытой повозке, не сожалея о роскоши, к которой, казалось, они так привыкли. Они любят в жизни её величие и пышность более, чем тихие радости, которые она может дать. Они, подобно людям Востока, выказывают необычайное гостепри-

имство иноземцу; его осыпают подарками, а сами часто пренебрегают обыкновенными удобствами личной жизни. Всем этим надо объяснять то мужество, с которым русские перенесли пожар Москвы, соединённый со столькими жертвами...

В народе этом есть что-то исполинское, обычными мерами его не измерить. Я не хочу этим сказать, что там нет ни истинного величия, ни постоянства, но отвага, пылкое воображение русских не знают предела; у них всё более колоссально, чем соразмерно, во всём более смелости, чем благоразумия; и если они не достигают цели, которую себе поставили, то это потому, что они перешли её. Русские дают вам и берут от вас, следуя непосредственным чувствам своим, великодушию или хитрости: и то, и другое развито в этом народе...

Любопытно отметить, как проявляется в России общественное самосознание. Слава победоносности, которую доставили этому народу бесчисленные успехи его войск, горделивое самомнение знати и способность самопожертвования, которая так сильна в народе, вера, влияние которой велико и могуче, ненависть к иноземцам, которую старался искоренить Пётр I, желая сделать страну просвещённой, но которая всё же осталась в крови русских и пробуждается при всяком случае, — все это, вместе взятое, делает народ могучим...

Надо хорошо вглядеться в этот народ, чтобы узнать его: мне пришлось наблюдать его при обстоятельствах, в которых он представился весь, в пору несчастий и воодушевления, время самое удобное для наблюдения. Не лишним будет повторить, что народ этот создан из противоположностей поразительно резких. Быть может, совмещающиеся в нём европейская культура и азиатский характер тому причина. При встрече русские так ласковы, что с первых же дней чувствуешь себя с ними другом, каким, пожалуй, не почувствуешь с иным через десять лет. Молчаливость русских совершенно особенная: они молчат тогда, как предмет их живо занимает. Впрочем, иногда они очень разговорчивы; но разговор их не больше как любезность: в нем не выражают они ни своих чувств, ни своих мнений.

Часто сравнивали их с французами; но я думаю, что это сравнение в высшей степени ошибочно. Гибкость их природы делает русских способными подражать во всём. Сообразно с обстоятельствами они могут держать себя как англичане, французы, немцы, но никогда они не перестают быть русскими, т. е. пылкими и в то же время осторожными, более способными к страсти, чем к дружбе, более гордыми, чем мягкими, более склонными к набожности, чем к добродетели, более храбрыми, чем рыцарски-отважными, и такими страстными в своих желаниях, что никакие препятствия не в силах удержать их порыва».

ВЗГЛЯД РУССКОГО ИСТОРИКА

Всё, что писали о русском народе иностранцы, было, несомненно, известно замечательному историку В. О. Ключевскому. Он и рассматривал национальный характер соотечественников с учётом природы и истории России. При этом Ключеский употреблял слово «великоросс» достаточно условно, учитывая, что даже во внешности его отразились черты других племён, явно не славянские. В разделе «Психология великоросса» он пишет: «Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеётся над самыми осторожными расчётами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчётливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадёжное и нерасчётливое решение,

противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *авось*.

В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии.

С другой стороны, свойствами края определился порядок расселения великороссов. Жизнь удалёнными друг от друга, уединёнными деревнями при недостатке общения естественно не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая чёрная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда ещё не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьётся некоторого успеха и привлечёт внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своём величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума. Словом, великоросс лучше великорусского общества».

Очень точен вывод историка о том, что русскому человеку более свойственно обсуждать уже пройденное и сделанное, чем планировать и загадывать наперёд. «Это уменье и есть то, что мы называем *задним умом.* Поговорка *русский человек задним умом крепок* вполне принадлежит великороссу. Но задний ум не то же, что *задняя мысль.* Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идёт к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идёт, оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь *лбом стены не прошибёшь, и только вороны прямо летают,* говорят великорусские пословицы. Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского просёлка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу».

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

«Загадочная русская душа» занимала мысли нашего знаменитого соотечественника, долгое время проживавшего за рубежом — художника, философа и путеше-

ственника Николая Константиновича Рериха. Потомок обрусевших немцев заинтересовался содержанием слова «подвиг» и обратил внимание на то, что это понятие в принятом нами смысле ие встречается больше ни у одного народа:

«Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «Указ» и «Совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить ещё одно слово — непереводимое, многозначительное русское слово «Подвиг». Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдётся что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению. Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» — это не совсем то: «доблесть» — его не исчерпывает; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование» — не достигает цели; «достижение» — имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжатому, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперёд, — это «подвиг»! Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс — это и дало России её великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создаёт и накопляет добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берёт на себя тяжкую ношу и несёт её добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетённому — вот характерные черты героя... «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «Указ» и «Совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «Подвиг».

Приведённые здесь впечатления относятся к первой половине XIX века. Рерих писал столетием позже. А вот мнение о русских конца XX века, которое высказал известный итальянский писатель, обозреватель газеты «Ла Стампа» Джульетто Кьеза (с ним автору этих строк довелось беседовать в 2000 году на Международной конференции по тематике, связанной с отношениями людей разных рас и национальностей). На вопрос, правда ли, что у русских с итальянцами гораздо больше сходства, чем с другими европейцами и тем более американцами, Кьеза ответил:

«Очень известный итальянский журналист Индро Монтанелли сказал как-то: «Сходство между итальянским и русским народами настолько велико, что мне даже кажется: русский народ — это трагическая версия итальянского, а итальянский — комическая версия русского». Остроумная фраза, и очень похоже на правду. Конечно же, мы разные. Но возникает вопрос: почему наши культуры так взаимно импонируют нашим народам? Почему итальянская музыка всегда так нравится русским и русская музыка — итальянцам? А наше и ваше кино? Почему все культурные элементы нашей жизни сильно отразились друг в друге?

Может быть, этому есть исторические причины. Например, тот факт недавней истории, что в Италии была самая большая в Европе коммунистическая партия, ко-

торая способствовала распространению произведений искусства, как-то созвучных советскому мировоззрению. Возьмите хотя бы неореализм итальянского кино... Это был мост между нашими культурами, нашими народами. Но всё, по-моему, имеет ещё более глубокие исторические корни. Кремль был построен итальянским архитектором Фиоравенти. Петербургские архитектурные ансамбли тоже связаны с именами итальянских архитекторов — Кваренги, Растрелли... Это ведь огромный вклад одной культуры в другую. Есть и психологические моменты. Италия, как и Россия, всегда имела большие проблемы в связи с разделением на богатых и бедных. У нас Юг отсталый, бедный по сравнению с Севером. Отсюда проблема перераспределения средств. У итальянцев, как и у русских, обострённое чувство социальной справедливости. Потому и нашли такую почву в наших странах коммунистические идеи. Наши проблемы гармонизации и конфликтов внутри общества во многом похожи на ваши — учитывая, конечно, масштабы. Разница в том, что Италия мононациональна, а Россия многонациональна.

Особенно похожи на итальянцев южные украинцы. У них даже встречаются фамилии итальянского типа. И этому есть историческое объяснение. Там, возможно, проживают и отдалённые потомки средневековых итальянцев. До формирования в единое государство итальянцы имели крупный и сильный флот. Широко были известны генуэзские и венецианские навигаторы. Было много колоний, в том числе и на Чёрном море, в Крыму, вблизи нынешней Украины. Колонии были и в Северной Африке, но там из-за слишком большой разницы цивилизаций они не оставили такого культурного наследия. На Чёрном море средневековые итальянцы нашли более мягкий приём местного населения, в отличие от исламского в Африке. Они были восприняты не как завоеватели, а как гости. Значит, возможны были и смешанные браки.

У наших с вами народов налицо взаимная положительная комплиментарность. Даже когда Италия была вовлечена фашистами в войну против СССР, наши военные вели себя иначе, нежели немцы. И воевали плохо, в отличие от немцев и русских... Мы, кстати, всегда плохо воевали. Итальянцы — не военный народ. Не римляне, да? Так вот, наша литература переполнена воспоминаниями об отношениях с русскими и вообще советскими людьми во второй мировой войне. Фильмы есть об этом. У итальянцев не хватает такой твёрдой, холодной жестокости, как у немцев, видящих мир чёрно-белым. У такого видения мира есть свои плюсы и минусы, но сейчас речь не об этом. Мы предпочитаем договориться. Не любим обострять ситуацию. Политика Италии всегда этим отличается, что не всегда хорошо. У русских тоже есть склонность к компромиссам. Мы понимаем вас и вашу политику лучше, чем французы и немцы. Не говоря уж об американцах и англичанах, которые, по-моему, вообще её не понимают».

Те наши фронтовики, которым приходилось в ходе Великой Отечественной войны противостоять итальянским частям, рассказывают, что они тоже относились к итальянцам иначе, чем к немцам и другим европейским оккупантам. Бойцы видели в них не столько врагов, сколько жертв немецкой военной машины. Даже сочувствовали им.

Известно высказывание одного итальянского автора, что американцы живут, чтобы работать, а итальянцы и русские работают, чтобы жить. Джульетто Кьеза уточнил:

«Это так. Но в этом смысле вы лучше итальянцев. Я знаю другое высказывание, принадлежащее немецкому театральному режиссёру. Он говорит: «У меня в России всегда складывается впечатление, как будто у русских впереди больше времени». Остроумно, да... Есть у русских с итальянцами и другие общие качества. У наших и ваших людей очень высокая индивидуальность. Мы с вами не так стандартны, как те же американцы».

В ходе беседы итальянский писатель неоднократно давал понять, что в его понимании русские — это не только великороссы или даже восточные славяне:

«Ясно, что народы время от времени, в силу разных причин, перемещаются по Земле. Как мы уже говорили, те же генуэзцы и венецианцы побывали в Причерноморье, а ваши народы — славяне, племена Сибири и других восточных районов приходили на Апеннинский полуостров во времена падения Римской империи. Происходило и смешение народов, взаимное проникновение элементов разных культур. Я помню, в 1981 году был в Грузии с делегацией молодых распространителей газеты «Унита». В одной горной деревне нас пригласили на пир. Великолепное грузинское пиршество, с песнями, танцами... Так вот, когда начались танцы, мои молодые коллеги, парни из Сардинии, смотрели с открытыми ртами: «Откуда здесь знают сардинские танцы?»... Когда они сами пошли танцевать, удивлялись уже грузины. Кто-то прошёл давно там или здесь! И надолго оставил свой след. То же и в отношении русских и итальянцев. Поколения людей уходят, а следы остаются... Главное, чтобы это были добрые следы!»

НЕТ НИ ЭЛЛИНА, НИ ИУДЕЯ, НИ ВАРВАРА, НИ СКИФА...

Наши и зарубежные авторы, пишущие о «загадочной русской душе», вкладывают в эти слова разное содержание. Остановимся на одной стороне этой «загадки» — отношении русского человека к людям других национальностей. Да, одна из несомненных загадок — это феноменальная этническая терпимость русских (и вообще восточных славян). «Всемирность» — так называл это качество Ф. М. Достоевский. Именно этническая терпимость позволила русским землепроходцам — стрельцам, казакам и торговцам — с ничтожно малыми силами пройти за короткое время Сибирь и Дальний Восток. Потому, наверное, и рассуждают западные (и в первую очередь американские) историки и психологи о загадке русской души, что не могут себе представить — как это можно без массового уничтожения местного населения и вообще без вражды к нему освоить громадные пространства Азии?

Но мало сказать, что русские относились к соседним народам «без вражды». Русские поселенцы в Сибири — купцы, служилые люди, военные и штатские чиновники, духовенство, беглые крестьяне — в массе своей относились к местным жителям как к своим, охотно создавали межэтнические семьи. Об этом писал ещё в середине XIX века А. С. Хомяков: «Русский смотрит на все народы, замежёванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих, и даже сибиряки на своих вечерних беседах часто употребляют язык кочевых соседей своих якутов и бурят. Лихой казак Кавказа берёт жену из аула чеченского, крестьянин женится на татарке или мордовке, и Россия называет своею славою и радостью правнука негра Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже браке на белоликой дочери прачки немецкой или английского мясника».

Неравенство в той же Сибири было, как и в России, в основном, сословным, а не этническим. А если этническое и было, то отнюдь не в пользу русских. Как следует из документов XVII века, русские купцы платили пошлину 10 процентов от стоимости товара, а бухарцы и кавказцы — только 5. Последние облагали русских торговцев данью и при неуплате устраивали «наезды» — при попустительстве купленной полиции. Такое вот отношение российских властей к своим подданным — хуже, чем к иноземцам — всегда удивляло и радовало последних. Для народа России власть извечно — мачеха. В этом, кстати, ещё одна загадка русской души. Как отмечал Г. П. Фе-

дотов, русские (именно великороссы) отличаются от других (и даже славян) тем, что не любят быть начальниками и — не любят начальство... И поэтому в России, как нигде, большинство высшего руководства (а в армии — даже низшего) представлено людьми нерусскими и «не совсем русскими»...

Европейцам непонятен интерес русских к чужой истории, её деятелям. «Странные вы люди — уважаете Черчилля, Рузвельта, де Голля... какое вам до них дело?» — писал английский журналист. Но интерес русского человека к людям других рас и культур имеет свои особенности. Книги и фильмы о завоевании Африки или Америки европейцами по-разному показывают взаимоотношения пришельцев с неграми и индейцами. Но неизменно одно — русский читатель и зритель в большинстве сочувствует не так называемым «белым братьям», но — чернокожим и краснокожим аборигенам.

Вспомним русского учёного, потомка запорожцев Н. Н. Миклухо-Маклая. Менее года прожил он у папуасов Новой Гвинеи, но память о нём, перешедшая в обожествление, в «культ Маклая», жива до сих пор. Это разве случайно? И случайно ли, что на фоне обширной литературы на тему «белый человек и туземцы» (Д. Фенимор Купер, Майн Рид, Д. Лондон, Р. Хаггард и другие) в русской литературе тема отношений с «инородцами» не получила развития и представлена разве что произведениями В. К. Арсеньева («Дерсу Узала»), М. М. Пришвина («Корень жизни», «Чёрный араб») да ещё, пожалуй, Н. С. Лескова («На краю света») и В. Г. Короленко («Сон Макара»). Но как представлена! Вместо свирепых каннибалов и кровожадных охотников за скальпами — таёжный житель, нанаец Дерсу Узала, который даже о животных говорит, употребляя слово «люди», или тунгус-язычник, поразивший воображение православного миссионера своим подлинно христианским отношением к ближнему (тому же миссионеру).

Уже упоминавшийся маркиз де Кюстин, который побывал в России при Николае I, писал, что его раздражала и пугала такая черта русских, как насмешливость. Да уж! Это мы умеем... А что касается нашего юмора, насмешливости, умения видеть смешное в грустном и мрачном, этого «смеха сквозь невидимые миру слезы» — не эти ли качества помогают русскому народу держаться, не сдаваться и выживать?

Многих удивляет сочувствие русских к пленным, побеждённым... «Но тому, О Господи, и силы, И победы сладкий час даруй, Кто поверженному скажет: — Милый, На, прими мой братский поцелуй...» Это — строки стихотворения Николая Гумилёва, поэта-воина. Много ли мы знаем случаев, чтобы российский или советский военнопленный в Германии имел друзей среди местного населения? Обратных же примеров множество. Военнопленные первой мировой войны (немцы, австрийцы, мадьяры) жили в Сибири в лагерях, свободно перемещаясь по городу, заводили друзей и подруг, женились.

А может, и вся-то загадочность русской души — в естественном, органичном, а не формально-догматическом принятии христианского учения о том, что «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа...»? И ещё — в нежелании другому того, чего себе не желаешь? Всего-то... Как просто!

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ

ОБ ЭТОМ... НУ, САМИ ЗНАЕТЕ, О ЧЁМ

Из книги «Созерцание руин»

Однажды в Орле, административной столице славного литературного края, случилось некое культурное событие, публикой принятое неоднозначно, а прессой деликатно незамеченное. В рамках *польского сезона* в театре «Свободное пространство» к одной из премьер был приурочен вернисаж польской эротической карикатуры. В фойе театра были экспонированы... скажем: скабрезные (удобное старинное словцо) рисунки — из тех, что детям до 16 смотреть не рекомендуется. Ну прелесть что такое... Зрители, если они стыдливо не прятали глаза, могли получить двойное удовольствие: непосредственно от восприятия остроумных шаржей на нашу интимную жизнь и опосредованно от наблюдения за реакцией друг друга.

Эта реакция, мягко говоря, была неоднозначной. Сами по себе эротические сюжеты, конечно, удивить или смутить никого не могли. За последние годы такого насмотрелись... Отчего же на этой милой выставке люди испытывали странную неловкость? Публика постарше была явно смущена, видимо, из прежнего опыта не умея совместить фривольную игривость с серьезным искусством, храмом коего является театр. Люди помоложе, чьё эротическое образование предшествовало половому созреванию, впадали в недоумение — что ж в сексе смешного? Мне подумалось, что эта выставка стала своего рода тестом на здоровое отношение к эротике, который мы не прошли.

Вероятно, та тонкая нежная насмешка, та неуловимо сладкая меланхолическая ирония, что имманентна высокой эротике, бездарно и безнадежно утрачена нами — то ли в годы идеологического угнетения полового чувства, то ли в ходе сексуальной революции. Потеряно взаимное доверие, установившееся в гендерных отношениях как компромисс между чувственностью и социальностью. Это подвижное равновесие эгоцентрических интересов, счастливое исключение двоих из общего правила, пусть всего лишь на несколько прекрасных мгновений — единственный залог и гарант мира в бессмысленной и беспощадной борьбе полов. Другой надежды на счастье у нас нет.

В античной философии Эрос, бог любви, больше, чем бог — это одно из первоначал. Эрос и Логос, словно живая и мёртвая вода, превращают Хаос в Космос. И Эрос, жизненный порыв, при сотворении мира важнее Логоса, всеобщего закона. И в то же время Эрос, злой проказник в образе крылатого юноши, в мифологическую эпоху

не оставляет своим коварным попечением никого из смертных на земле и бессмертных на небе. Разжалованный христианством в блудного беса, он возьмёт своё (да и чужого прихватит!) с началом Возрождения, а уж Век Просвещения, потакавший его прихотям, войдёт в историю как *галантный век*. Талейран, знаменитый выходец из той эротической эпохи, сказал, итожа свой богатый жизненный опыт, что тот, кто не застал её хотя бы краешком, не знает, что такое радость жизни...

Ну да что нам до былых парижских волокит, — нам надо бы хоть как-то, хоть что-то про себя понять... Большинство из нас, демографически доминирующее в составе общества — выходцы из эпохи развитого социализма. В СССР, как известно, секса не было. (Социалистическое лицемерие в сексуальном плане унаследовало опыт буржуазного ханжества, оправдывающего плотскую любовь только общественной необходимостью; так в викторианскую эпоху мать наставляла дочь на пороге спальни: закрой глаза и думай об Англии.) Высокий моральный облик советского человека никак не соотносился с его житейской сексуальной неприкаянностью и неприхотливостью. Советская эпоха, смертельно серьёзная и патологически идеалистичная, вытравила эротику из социалистического реализма — как незаконный и нежеланный плод случайного совокупления естества и искусства. Мы были как те анекдотические лесорубы, что в лесу говорят о бабах, а с бабами о лесозаготовках. Репрессированная эротика одичала, прячась по кустам и баракам. Запрещённая в печатном слове, она отводила душу, выражаясь нецензурно по заборам и сортирам. Изъеденный цинизмом советский эрос потерял крылья — и уже не разил в сердце лёгкой оперённой стрелой, а подстерегал в подворотне и бил ножом в пах. Ох и зла была та любовь...

Но — гони природу в дверь, она влезет в окно. Языковый пуризм так обострил нашу чуткость к слову, что скрытая в подтексте (и потому пронесённая контрабандой мимо бдительной цензуры) скупая эротика Хемингуэя сформировала любовную этику целого поколения. Всё наше воспитанное школьной литературой ханжество не нашло вразумительного ответа на одну сдавленную страстью реплику Кэтрин, героини романа «Прощай, оружие!»: *милый, ты достаёшь мне до самого сердца*... Утрата литературной наивности в русском логоцентрическом контексте была важнее для эмоционального созревания подростков, чем потеря физической невинности. Мы уходили от подростковых комплексов советской литературы через бунинские «Тёмные аллеи». Мы шли в правильном направлении. Но зашли слишком далеко.

Сексуальная революция, освободившая из-под гнёта предрассудков подавленные естественные желания, заодно выпустила на волю зверя, прирученного, но не укрощённого культурой. То, что Лев Толстой называл *животное человека*. Отменить все условности в обществе всё равно, что отключить системы безопасности на ядерном реакторе — так рванёт, что вокруг только крысы выживут. Иллюзии человека на свой счёт суть неизбежное и необходимое условие его существования. В мире без иллюзий слишком много страха и вранья. В мире без условностей слишком много секса и слишком мало любви. Так у нас и стало. Голая правда пола проституирует на плазменной панели телевизоров, и в сутенёрах у неё невежество и убожество.

Добросовестный ребяческий разврат, поставленный ныне на коммерческую основу, столь же чужд здоровой эротике, как и предшествующий тотальный зажим чувственности. И то, и другое — извращение природы человека и поражение его великой надежды на себя. В той тайне, из которой исходит эрос, значимо умолчание, крепко обещание и властно воображение.

Один из самых эротичных текстов в мире — «Песнь песней». Эта мерцающая капля росы, каким-то чудом просочившаяся из райского сада в корпус книг, составляющих Священное Писание, словно волшебным семенем оплодотворила последую-

щую культуру. *Оглянись, оглянись, Суламита; оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя... Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностию! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви её; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих как от яблоков...*

В любой культурной традиции эротическая специфика глубже философских выводов выражает её суть. Так в сказках «Тысяча и одной ночи» ностальгическая нега Востока по райской безмятежности соткалась в плотский идеал: *пупок ее вмещал две унции масла...* Я не знаю, много ли это, но представляю, как это эротично, и растревоженное воображение утешается наркотической грёзой, где пылкая и нежная гурия танцует для меня танец живота, чтобы забыл я о своих треволнениях и тревогах... И совсем иначе волнует японская дзэнская недосказанность; самая эрогенная зона гейши — голая шея. Посмотрите, в каком изысканном повороте со спины соблазняют зрителя красавицы на гравюрах Утамаро, открывая нескромному взору самое сокровенное — нежный стебель шеи между тяжестью высокой прически и приспущенным воротом кимоно... Будь я дзэнским монахом!.. я бы недолго им пробыл.

А вот античная эротичность, давшая толчок всей нашей культуре, сама по себе довольно бедна. В ней много страсти и ярости, но нет семантической сложности изысканной игры. (Наука страсти нежной — достижение и достояние позднего времени.) Неуёмные желания богов давали древним грекам дурные примеры. А уж жадные до всего земного римляне в безобразных оргиях истощили эрос до полной импотенции. Наверное, это была одна из существенных причин успеха христианства, благочестивой аскезой излечившего западную культуру от роковых последствий половых излишеств.

Наша эпоха, если забыть о техническом прогрессе, подозрительно похожа на период упадка Римской империи. И вырождение эротики в порнографию, пожалуй, один из самых несомненных симптомов этого опасного сходства.

Массовое распутство не свидетельствует об избытке жизненных сил нации, но выказывает нравственное бессилие общественных отношений. (Сексуальные девиации свойственны больным организмам; так в анамнезе туберкулёзного процесса врачи отмечают повышенную похотливость.) Гипертрофированная половая озабоченность неизбежно истощает эмоциональную сферу человека (и общества в целом), развращает воображение и извращает эротическую традицию. Чему мы все свидетели. Или соучастники. Свидетелей от соучастников отличает чувство неловкости, заставляющее отводить глаза от силиконовых титек, которые бесстыжая *мисс Раша* назойливо выставляет напоказ, провоцируя в массах эдипов комплекс и вытесняя из общественного сознания детские воспоминания о *Родине-матери...*

Главное отличие эротики от порнографии — чувство меры. В экономике желания дефолт чувственности так же страшен и опасен, как дефицит. Основной инстинкт, словно чудище из сказки, от полноценного поцелуя превращается из отвратного монстра в нежного любовника, но от изощренного разврата легко возвращается назад, в скотское состояние.

Эротика, любовная игра природы и культуры, сладкий обморок рассудка и потаённая надежда тела, есть счастливое свойство рода человеческого. Она таится во всём, что живо. Включая, конечно, словесность. Скрытый трепет, пробегая по тексту от слова к слову, превращает статью в эссе. То есть нечто очень личное...

ИРИНА МИГАЧЁВА

* * *

Миллисекунды и миллиметры.
Инструментальная вязкая грусть.
Кожа суха от мороза и ветра,
А все ж на простуду никак не нарвусь.

Днём — снегопад и отчаянье — вечером,
Скука. И чайник уныл, как всегда.
Время как доктор — бесплатно не лечит,
А то, что залечит — совсем не беда.

Эра тоски и приятного холода.
Бунин. Раскрытым лежит «Господин…»
Мир философии снежного города
Каждому чем-то необходим.

КОРОТКИЕ МЫСЛИ.

1.

Ай, не кричите! Пусть мои ошибки
Прижгут солёным гордость. Мой упрёк
Достанется лишь мне в простой попытке
Перешагнуть через порог.

2.

Широким росчерком по белому листу –
Так ставят крест на всем былом
и пережитом.
Лису все знают по пушистому хвосту,
А бабку — по разбитому корыту.

3.

Возможно всё. Спонтанность — мой конёк.
Я верю в исправление ошибок.
А время, как на кактусе цветок,
Кода-то в будущем потребует улыбок.

* * *

Мне не холодно, правда, не холодно.
Греет снег, греет город и ночь.
Фонари темноту делят поровну
И стараются мрак превозмочь.

Прочь от комнат, от слухов и сплетён.
Вырвусь в город — пройтись перед сном.
Я спрошу — и трамвай мне ответит.
Каждый куст мне отвесит поклон.

В этом городе нет одиночества.
Он — твой спутник везде и во всём.
Воздавай ему должные почести
В отношении тысячи к трём.

* * *

Срывая ногти, сдирая кожу,
Взберусь на гору
И осмотрюсь.
Направо — тучи.
Налево — тучи.
Решусь. Зажмурюсь.
Шагну вперёд.

Сухое горло. Хмельная ясность.
Ворвётся солнце.
И я взорвусь.
Направо — полдень.
Налево — полночь.
Я в середине.
Стою, смеюсь.

Глаза шальные. И в них — упрямость.
Спущусь на землю
И поклонюсь.
Направо — папе.
Налево — маме.
Глаза открою.
Жить научусь.

АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ

ДОЖДЬ

Утро. Проснулся.
В голове мысли, что на улице жарко.
В жару нос совать на улицу — не моё.
Задумался...
Вдруг слышу стук...
В душе появилась надежда на дождь.
Прислушался:
На самом деле шум дождя!
Шум самого настоящего дождя!
Шум дождя — это шум жизни!

О, как я долго этого ждал!
Дождь с утра — это восхитительно!
Ощущение прохлады, ощущение свежести!
Вдыхаешь полной грудью
И чувствуешь чистую прозрачность
Девственного воздуха!
Эта свежесть — начало новой жизни!

Выходишь на улицу
Специально без зонта.
Поднимаешь голову вверх,
Закрываешь глаза,
Вытягиваешь руки,
И чувствуешь...

Сотни капель дождя
Вонзаются в твоё тело.
Сначала тебе холодно,
Но потом холод сменяется
Ощущением свободы!

Ты мокнешь, но уходить не хочется...
Ты так долго ждал этого момента:
Когда небо и земля соприкоснутся.
И ты, выйдя на улицу, ловишь этот момент —
Момент соприкосновения!

Ты понимаешь, как это замечательно!
Быть мокрым, но счастливым...
К этому стремятся немногие.
Но те, кто стремится,— они счастливы!
Это счастье переполняет твою душу,
Твои эмоции выходят из-под контроля,
Ты позволяешь им овладеть собой!

Ты кричишь, кружишься, смеёшься, бегаешь!
Это всё и есть твоя радость!
Набегавшись, упадёшь на траву:
В твоём теле царит усталость —
Усталость счастья...
Ты лежишь и ни о чём не думаешь.
Ты просто счастлив.
Счастлив оттого, что ты под дождём...

Но вот дождь заканчивается...
Всё хорошее когда-нибудь заканчивается...
Ты идёшь домой мокрый до нитки!
Тебе всё равно, о чём думают
Мимо проходящие люди.
Тебе всё равно, что скажут дома...
Твою душу переполняет счастье.
И немного грустно,
Потому что кончился дождь...

* * *

Жизнь капли дождя — это
Путь.
Путь от небес до земли...
Он может быть длиннее,
Может быть короче...
Все зависит от Бога,
Как он захочет...
Как он направит ветер,
Как высоко расположит тучи...

Жизнь человека — это тоже путь.
Путь от земли до небес...
У каждого этот путь свой,
Но всё зависит от Бога,
Как он направит ветер,
Как высоко расположит тучи...

МИХАИЛ ЧЕНЦОВ

ЧЕРНОВИКИ ЮНОСТИ

Раскаты грома удалые
Звенят над пристанью стихов.
И мокнут горы черновые
Моих ребяческих трудов.

Сверкает молния шальная,
Испепеляя серость фраз.
И мысль уставшая, глухая
Ложится в самый дерзкий паз.

Необъяснимая тревога –
И клякса кинулась в бега.
У нас с тобой одна дорога
И на двоих одна строка.

Черновики — остатки счастья.
Я в них творю любимый мир!
Я сам король своих напастей,
Я сам слуга и сам мессир!

РАССВЕТ

Пушистый дым легко струится.
Локомотив средь поля мчится.
Сопит уставший пассажир,
А я в окно смотрю на мир.

Укутан лес небесной манной.
Мне стук колёс — милейший друг.
И упоённый сей нирваной,
Я размыкаю чёрный круг.

Мне путешествие отрадно!
Вновь восхваляю небеса.
Случайность или чудеса?
В купе умеренно прохладно.
Светлеет жизни полоса!

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Нирвана покоя –
секунда в тиши.
Проблема изгоя –
годы в глуши.

Абстракция века –
рисунки слонов.
Следы человека –
гибель китов.

Любовь мировая:
сеть — Интернет.
Совесть людская –
записи нет.

ИЗДАНО В РОССИИ

Гамира Гадельшина. *След белого барса. Казань, 2011. — 288 с.*

Автор — член союзов журналистов РФ и РТ, заслуженный работник культуры Татарстана, призёр многих журналистских конкурсов, автор нескольких документальных и публицистических книг. Нынешняя — вторая в серии «Татарский мир». Белый барс «сошёл» к нам с герба Республики Татарстан. Священное животное тюркских народов почитали и волжские булгары, и поныне у татарского народа он остаётся символом независимости, силы и мужества. След белого барса проходит в тех краях Российской Федерации и за её пределами, где живут представители татарского этноса — второй по численности народности России. Существует ли ныне большой народ на земле, представителей которого не раскидало по ней волею судеб? Вряд ли. И татары — не исключение. О том, как живут они — вблизи или вдали от исторической родины — рассказывает в своей книге Г. Гадельшина. Вместе с ней с соплеменниками встречаются юные артисты известного вокально-хореографического ансамбля «Мирас» (наследие), чья программа «являет собой своеобразный срез татарской певческой культуры — от народных напевов и эстрады до оперных арий».

Миссия дружбы и единства встречает самый искренний отклик в Башкортостане, Пермском крае, республиках Поволжья, на Владимирщине, в Оренбуржье, в Ивановской и Тюменской областях, на Северном Кавказе, в Турции, Германии. Алмания — так звучит по-татарски название этой страны. Жизнь татарской общины отражается в берлинском журнале «Ал ТаБаш», литературный перевод говорит о татарском начале в Германии, а печатается издание ещё на немецком и русском языках. Поначалу татарские центры начали формироваться в Берлине и Франкфурте-на-Майне, не зная друг о друге. Но в 2004-м они провели совместный Сабантуй в Берлине, на который приехали татары из других городов. Объединительное движение вышло на новый уровень, в нём стали участвовать представители других народностей. Главной же движущей силой остаётся татарская интеллигенция Германии, вокруг которой собирается постепенно вся татарская диаспора.

Г. Гадельшина тепло рассказывает о людях, с кем довелось встретиться в поездках с миссией доброй воли, об истории, природе страны или края — внимательный глаз журналиста ничего не упускает из виду. А порой и приоткрывает занавес, как, например, в главе о татарах Туркменистана — самой закрытой страны на постсоветском пространстве. Автор бывала в Ашхабаде 30 тому назад и совсем недавно. Сравнение — в пользу нынешнего. Газ, электричество, вода, коммунальные услуги — бесплатно, средняя зарплата учителя около 250 долларов (как у нас), имеющий машину бесплатно получает в месяц 120 литров бензина. Нет пьяных, беспризорников, нищих, о пивном алкоголизме подростков здесь и не слышали, на улицах спокойно в любое время дня и ночи. Многое объединяет туркмен и татар — близкий язык, одна религия, многие исторические документы говорят о тесных

контактах их предков. Но сегодня туркменские татары пока ещё разобщены. Объединение — впереди. И первой ступенькой к этому стал приезд детского ансамбля «Мирас», который дал для соплеменников два концерта на лучшей сцене столицы и ещё один — в большом дворе дома муллы Габдуллы Хова Кихматуллинна, вокруг которого собралась мусульманская община татар. И снова шёл заинтересованный разговор о том, чем живёт сегодня татарский мир, о желании быть вместе.

Умная, познавательная книга Гамиры Гадельшиной, безусловно, привлечёт широкий круг читателей.

Николай Рачков. *Другое измеренье. Стихи. Санкт-Петербург, 2011. — 147 с.*

В предисловии к новому сборнику говорится: «Имя Николая Рачкова за последние годы стало одним из самых известных в современной отечественной поэзии. Его книги «Средь туманов и трав», «Была и будет», «Рябиновая Русь», «Золотой венец», «Ивы над омутом», «Летящие в пламени» пришли на рубеже веков к всероссийскому читателю, чтобы напомнить ему о Родине, о жизни, о любви, о русской истории, об уходящей деревне, о смысле бытия в этом прекрасном, яростном, и трагическом мире. В новый сборник «Другое измеренье» вошли стихи, написанные за последние два года.

В одном из них читаем: «Да, поэту надо очень много./Но помимо прочего всего/Надо — чтобы искорка от Бога,/Только чтобы точно от Него…» Н. Рачков этой искоркой не обделён. В его стихах она разгорается костром любви к родным местам и святыням, боли — за обманутый народ; горит нежгучим пламенем в строках о природе. Эта искорка питает поэта, и они вместе лепят запоминающиеся образы. «Словно синие кони у нас на снегу/В марте синие тени». «Молча стоит при дороге/С думой о вечном изба…» «Дайте мне излечиться/Первым лучом зари!/Этому не научиться,/Это — внутри, внутри…» «Даже старая яблоня/Лебедью белой плывёт…» А вот так видит поэт современника учителя: «Он верит, что на свете,/Не доллар и не газ,/Всего дороже — дети,/В них — продолженье нас./Борясь за человека,/За свет в его душе,/Стоит под дулом века/Один на рубеже». Во всех своих сборниках Н. Рачков остаётся верен теме Родины. Тема близка ему, потому что сумел полюбить «Эту церковь в маленьком селенье,/Эти волны грустного жнивья,/Этот мир,/где Пушкин и Есенин/Слушали под вербой соловья». А на обложке книги на лоскуте бересты рисунок — изгородь, берёзы, изба…

Владимир Ермаков. *Созерцание руин. Орёл, 2011. — 296*

Представлять автора или не надо? Внимательный читатель журнала и без этого комментария уже определился: он знает Владимира Ермакова, знает как поэта, эссеиста, писателя и философа — по тем публикациям в «Аргамаке», которые он, читатель, конечно же, отметил. Начиная с эссе о нашей интеллигенции — этого обруганного и оплёванного «парадоксального сословия», которому «Безответная любовь к народу выходила «боком»; его и сегодня «гложет не зависть к успеху, а тоска по смыслу». Затем был остроумный современный глоссарий (словарь диалектных выражений), и тут читатель наверняка разделил сарказм автора, поскольку этих словечек (пастиш, перформанс и др.) нет у нас в провинции: русскими обходимся — в отличие от столичных культуртрегеров (простите, организаторов культурного пространства), плюющихся ими как шелухой от семечек. В других работах В. Ермакова говорилось о кризисе гуманизма, о том, что сближает и разделяет Украину и Россию; наконец, какой сегодня видится автору Гиперборея — это в подборке стихов. Словом, читатель ждёт новых встреч, и вот — только что вы-

шедшая книга В. Ермакова «Созерцание руин» из стихов и эссе последних лет. Как сказано в предисловии, они составляют «философскую рефлексию поэта на злобу дня». Читая эту книгу, вы будете удивляться, соглашаться или спорить, ведь мы привыкли говорить себе: надо быть оптимистом! Однако автор утверждает, что пессимизм продуктивнее: «готовится к худшему, и потому его дух крепче». Так же интересен разговор о семье, которая в кризисе, рушится, но оказывается, что это — самая аристократическая форма жизни; что именно семейный уклад по генетическому коду «из поколения в поколение продаёт ум, честь и совесть»... А как жить? Когда цинизм становится негласной идеологией, когда украсть легче, чем заработать? А человек человеку — кто? Волк или хуже волка? И эти, и многие другие вопросы автор в своих эссе задаёт себе и, может быть, читателю: ответы на них где-то определённы, где-то — размышления. Иной раз автор говорит: не знаю, и звучит это как приглашение к сотворчеству. О многом узнает читатель. О том, как правил Римом император Веспасиан, равнодушный к славе и почестям — «с редким среди властителей умением и здравым смыслом». О том, соответствуют ли имена вещей их сущности; о смысле и сознании, других решаемых философией вопросах. Созерцание руин в том же ключе. «Они зарастают травой... Природа совершает работу над ошибками цивилизации... А в стороне от прежних развалин уже заложен котлован нового проекта. Может быть, в этот раз нашим замыслам суждена лучшая участь».

Отчий дом. Литературно-художественный и культурно-просветительный альманах для семейного чтения. *Самара, 2011. — 96 с.*

Это второй номер журнала, читателей и авторов которого поздравляет О. Волков — глава администрации города Новокуйбышевска Самарской области, где готовится журнал, а его составителем и редактором является одна из наиболее талантливых поэтесс современности Диана Кан. Её вступительная статья и открывает выпуск. «Наш альманах призван на своих страницах объединить разные поколения в рамках одной семьи. Ребёнок, взяв наш журнал, найдёт в нём интересное для себя, заглянув в нашу «Детскую». Не говоря уже о том, что родители могут смело оставить альманах «Отчий дом» где угодно без опасения, что ребёнок прочтёт в нём что-то сомнительное с точки зрения нравственности и культуры. Если наш альманах попадёт в руки матери почтенного семейства, она, конечно, предпочтёт начать с рубрики «Литературная кухня». Людям, неравнодушным к прошлому нашей страны, наверняка придётся по вкусу «Изба-читальня» и рубрика «Отечество». А тот, кому узки региональные литературные рамки, наверняка заглянет в нашу «Гостиную», где собраны писатели Новокуйбышевска — разные по возрастам, профессиям, конфессиям, но единые в любви к русскому живому слову. Живому слову, которое объединяет — семью, поколение, страну...»

Такова концепция журнала. Статья Дианы Кан называется: «Всё на русском языке». Статья не только представляет читателю этот выпуск, здесь главное в другом — она написана в защиту русского языка и русской культуры, переживающих трудные времена. Эти же слова — «Всё на русском языке» — крупно напечатаны на обложке журнала, где и его название «Отчий дом». Надо сказать, заданное правило выдержано: никаких вывертов, никаких сомнительных опытов, встречающихся порой и в серьёзных журналах, например, стихи куском — без предложений, знаков препинания. Что за нужда? Эпатаж или что иное? Обидно, что иногда такой «кусок» по мысли-то интересен...

Отвечает «Отчий дом» и направлению — к семейному чтению. Всё здесь недлинно, ясно, просто и как-то... душевно, что ли. Этому способствует оформление журнала. Множество фотографий. Вот поэтесса Лилия Егорова, педагог по профессии, давний член новокуйбышевского литературного объединения «Отчий дом». Представлена несколькими стихотворениями и тремя фотографиями — у себя в саду, у микрофона на празднике, с маленьким внуком. И правда, словно семейный альбом листаешь. Наверное, вот таким и должен быть

журнал для семейного чтения. Тут и литература, и познавательная информация, и милые лица. И на обложке красота рукотворная — окна в разных наличниках. Тепла тебе, «Отчий дом»!

Нина Зверева. Школа тележурналиста. *Нижний Новгород, 2009. — 272 с.*

Эта книга — учебник для тележурналистов. И написана она специалистом, знающим дело изнутри. Н. Зверева работала на Горьковском ТВ, была собственным корреспондентом программы «Вести», стала лауреатом национальной премии «ТЭФИ», организовала школу-студию «Практика», написала первый учебник «Школа регионального тележурналиста». Эта книга — его второе издание, переработанное с учётом современных требований; оно дополнено новыми главами — о рейтингах и зрителе, о работе в команде с оператором и т.д. Словом, здесь есть всё о деятельности современного тележурналиста — какие личные качества ему необходимы, от чего зависит эффективная работа в эфире, что такое новости, сюжет, интервью, ток-шоу; наконец, о ведущем, как особой профессии. Написано интересно, живо, читается легко; несомненно, книга привлечёт внимание не только журналистов, поскольку учит одному из главных аспектов бытия — общению.

Автограф. Литературный альманах. Стихи, проза, статьи литераторов Железногорья. Выпуск шестой. *Железногорск, 2011. — 236 с.*

Пять лет назад в городе Железногорске Курской области начинающие и уже имеющие опыт литераторы объединились в творческий клуб «Автограф». За это время издали более десяти книг стихов и прозы, двое приняты в Союз писателей России, 15 авторов — в Курский Союз литераторов; клуб проводит литературные праздники, встречи с читателями. И что важно, как подчёркивает редколлегия альманаха, клуб культивирует «бережное отношение к русскому слову, к художественной литературе». Основное содержание этого номера, посвящённого юбилею клуба, естественно, составили стихи и проза клубников. Вот подборка стихов В. Шилова. О чём они? «Прощание с детством»: «На всё наплюю и уеду В заманчивый город Париж». Много там разных прелестей, и всё же: «А ночью в отеле приснится Дорог серебристая нить… Пора мне домой торопиться, Картошку на даче садить!». Вот «Диалог с дроздами», клюющими вишню на даче у хозяина, пытающегося их усовестить. « — Причём здесь совесть, если ты Бесклювый и бескрылый? И ты не ровня нам. Катись, На всех здесь ягод мало… Как это нынешнюю жизнь || Опять… напоминало!». Стихотворение «Белая зависть» посвящено Б. Окуджаве («Хоть листай словари толстенные, А получится не булатово»), «Опровержение» — о том, что рукописи всё-таки горят. Из других авторов также можно многое процитировать. В прозе здесь — рассказы, путешествия, зарисовки с натуры, миниатюры. Одна из них в подборке Н. Попова называется «Штраф за оскорбление». Дело происходит после войны. Марфа впервые приехала в столицу торговать мясом. Наверное, думая, что так положено, обратилась к милиционеру, мол, товарищ Мильтон, как проехать к рынку. Тот оскорбился и оштрафовал её на три рубля. У неё десятка, а у того сдачи нет. Ей ждать некогда, когда ещё кто-нибудь нарвётся, и она нашла выход: «Ещё два раза «мильтон», а на рубль — сволочь».

Рассказы Г. Александрова «Жильё-быльё», М. Мороза «Падевый мёд», Г. Аристакесяна «Ухнуло в глубинах предрассветья» и другие привлекают достоверностью; они о современниках, об эгоистической морали нынешнего века, позволяющей и за счёт родного деда поживиться, и у церковной ограды поступить неправедно. Есть в журнале гости из других областей, есть образцы настоящей поэзии — С. Гудзенко, И. Шкляревский, Н. Зиновьев,— широко известные имена.

Александров Г. Н. Последний звонок. Рассказы. *Курск, 2011. — 264 с.*

Известному курскому писателю Геннадию Александрову нет нужды придумывать ни искусственных героев, ни искусственных обстоятельств. На этой земле он родился, вырос, здесь живёт и работает. Его книги — как художественные, так и краеведческие — о курской земле, её людях. О том же и нынешний сборник рассказов. Откуда название? Автор поясняет так: «Это последний звонок об умиряющих селениях, об уходящей Руси, об исчезающих богатырях и приходящих им на смену «мелких бесах» современности. Верю, что ещё остались читатели, которых волнуют эти темы». Не то, что остались, они были и есть во множестве. Но, к сожалению, не распространяется у нас региональная литература. А герои Александрова так узнаваемы… Пахарь Иван из одноимённого рассказа сыщется в сотнях деревень, таких же заглохших, где мужиков-то не остаётся, разве те, что намертво прикручены пуповиной к земле, как вот этот Иван с его конём Гордым. Где-то ругнётся, а всё равно выпашет огороды просящим старухам. Потому что всё это — изработавшиеся женщины, трудяга конь (скотина всегда в хозяина!), старая черёмуха, ждущий внимания цветник, щёлкнувший соловей — всё это его жизнь, и он за неё в ответе. Хоть самому-то высоких слов и в голову не придёт, просто по-иному нéкак.

Рассказы Александрова — не просто картинки с натуры. Их герои даны в развитии. В нештатных ситуациях в них просыпается то, что затолкано вглубь обстоятельствами, карьерой, женой, наконец. Таков помощник депутата Калябин из рассказа «Малая нужда», претерпевший унижение и произвол, который в конце концов говорит: «Пошли вы все к чертям» и поступает по душе, да оказывается, и по совести. Таков редактор районки Прохоров из рассказа «Последний звонок», решивший съездить в деревню, где учительствовал после института, на похороны бывшей своей квартирной хозяйки. Он настолько приспособился, кого надо похвалить, об остром умолчать, что сам называет себя чеховским Ионычем. Он участвует в похоронах, сидит за поминальным столом с деревенскими, с трудом узнаёт их — деградирующих; видит, как рушится всё; видит, что стало с его школой, и решает: «За всё Никольское напишу… Год буду жить здесь, а правду Россия узнает!»

Правду-то Россия, чай, знает, да ошеломлённая, молчит.

Пушкинский съезд. Литературно-художественный альманах. *Харьков, 2010. — 114 с.*

Этот журнал — гость нашей рубрики: он издаётся на Украине. Но сказать о нём следует, ведь этот номер посвящён памяти замечательного русского поэта Бориса Чичибабина. Точнее — рассказывает о фестивале его имени, который состоялся здесь вот уже в девятый раз. Как это часто случается с большим талантом, у Бориса Алексеевича была нелёгкая судьба. После войны осуждён, впоследствии реабилитирован; руководил литературной студией, которою закрыли по идеологическим соображениям; по той же причине исключён из Союза писателей; четыре сборника шестидесятых годов изуродованы цензурой, 20 лет не печатался, а в 1990-м за книгу «Колокол» удостоен Государственной премии СССР. Теперь его поэзия имеет свободный доступ к читателю, книги издаются в Москве и Киеве, а в 1993-м (за год до ухода из жизни) Борису Чичибабину присуждена премия имени академика А.Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя». На харьковщине чтут память известного земляка, здесь работает Чичибабинский центр, проходят чтения, фестивали современной поэзии, на которые съезжаются гости из разных городов России. В этот раз харьковчане слушали стихи питерских поэтов Д. Кантова, А. Пурина, А. Леонтьева, профессора Московского Литературного института Е. Рейна, также хозяев фестиваля И. Евсы, С. Жадана, И. Риссенберга, многих других. И, конечно, звучали незабвенные строки Бориса Чичибабина, певца свободы духа и патриота русской земли. «О, какая пора б для

души не настала/и какая б судьба ни взошла на порог,/в мирозданье, где было такое начало —/Пушкин, Лермонтов, Гоголь,— там выживет Бог».

Живое слово. Литературный альманах. *Нижний Новгород, 2011. — 110 с.*
В этом году состоялся шестой международный мультимедийный фестиваль «Живое слово». В него вошли три литературных интернет-конкурса: международный — «Верность родному слову», всероссийский — «Живые истории» и поэтический — «Душа и слово». В оргкомитет фестиваля было прислано более 700 конкурсных работ из 30 стран мира и 640 городов России. Альманах представляет произведения финалистов трёх названных конкурсов. Открывает его В. Веретенникова из латвийского города Даугавпилс «Зюйдвестка капитана Озерского». Сюжет как нельзя более современен. В библиотеке проходит инвентаризация. В процессе выявляются взгляды на литературу здешних библиотекарш. Молодая поддерживает новую заведующую, которая обещает списать треть фонда — «всяческих Чернышевских, Вересаевых, Станюковичей, Ефремовых, Симоновых, которых так и так давно уже никто не читает!» Эта мысль кажется возмутительной пожилой библиотекарше. Разгорается спор. А тем временем другой герой рассказал школьник Димка занят своими мальчишескими делами, попутно нянчась с младшим братом. А одно из его дел — это заглянуть на городскую свалку, которая находится неподалёку от хуторка, где и проживают с родителями братья. Потому как именно здесь, на свалке, Димка находит немало интересных и полезных вещей. И вот в очередной раз явившись на свой Клондайк, мальчик натыкается на коробки с книгами. Станюкович… «Морские рассказы»… Уселся поудобнее, полистал и… углубился в чтение. Ну а дальше было то, что и должно случиться: книги свалки будут плавно «перетекать» в небогатый дом на хуторе за городом. Вот вам жёсткая изнанка «культурной революции» И такая человеческая и… обнадёживающая.

А. Голдобин печатается в изданиях Ижевска. Его рассказ «Серко» — маленький кусочек жизни, обыденный на первый взгляд, симптоматичный, психологически выдержанный. Дед ищет внука, который, оказывается, залез на «телеграф» — самую высокую сосну в округе, чтобы поговорить с бросившей его матерью, и сидит там уже несколько часов, совершенно одурев от страха. Дед усаживается под сосной, демонстрируя полное спокойствие, и подсказывает внуку каждое движение. Спуск длится долго, и герои идут домой. Они столько пережили, что решают бабке ничего не рассказывать… Трудно определить, то ли это рассказы, то ли житейские истории, но дело в другом: они не оставляют читателя равнодушным, а это главное.

Наталья ПЕРВОВА

СМЕХОТЕРАПИЯ

МАРИНА САЛЬТИНА

ЭКСКУРСИЯ

— Мам, тебя в школу вызывают, — как бы между прочим сообщил Лёшка.

— Зачем? Ты что-то натворил? — насторожилась Люся.

Лёшка мялся и молчал.

— Колись, партизан, — сказала Люся. — Только меня вызывают?

— Нет, — вздохнул Лёшка, — всех родителей.

— Да что случилось-то? — забеспокоилась Люся.

— Ну, мы это... экскурсию сорвали, — признался Лёшка.

— Ничего себе! Давай с этого места подробнее, — потребовала Люся.

Пришлось Лёшке признаваться. Повели их на экскурсию в музей.

— В какой? — уточнила Люся.

— Ну, в этот, искусственный.

— Не искусственный, а изобразительных искусств, — поправила Люся. — Помнишь, мы с тобой там были?

Люся засмеялась, а Лёшка сконфузился. История давняя, но мама с сыном её хорошо помнили.

Лёшка тогда был маленький. Он увидел «Давида» Микеланджело, обалдел, всплеснул руками, присел даже и рот раскрыл.

А потом завопил:

— Мама! Он без трусов!

Люся попыталась утихомирить сына. Но он обежал статую и завопил ещё громче:

— Мама! У него там попа!

На них косились. Люся сгорала со стыда.

К ним подошла строгая смотрительница зала:

— Женщина, или уймите своего ребёнка, или покиньте музей.

Ребёнок униматься не желал, поэтому им пришлось музей покинуть.

Люся совсем сгорела со стыда.

...— Ты что? Опять кричал около «Давида»? — спросила она сына.

— Мам! Я уже большой, — возразил Лёшка.

Люся сделала строгое лицо:

— Рассказывай, что вы там натворили. Давай уже, не тяни.

— Ну, пришли мы в музей, — начал Лёшка, — и эта энциклопедия на ножках стала рассказывать...

— Кто на ножках? — переспросила Люся.

— Ну, тётенька, которая экскурсию вела.

Люся кивнула:

— Так что было дальше?

Лёшка продолжил:

— И стала она рассказывать. Вот, говорит, были такие художники: Микеланджело, Рафаэль, Леонардо, Донателло. А мы все стали смеяться. И сорвали экскурсию.

И Лёшка засмеялся.

— А что смешного? — не поняла Люся.

Лёшка удивлённо уставился на мать:

— Мам! Ты что? Это же черепашки ниндзя.

ЗАБОТА

Баба Клава вернулась из магазина сердитая, потирая ногу.

— Ну что, Клава, как пошопилась? — галантно осведомился сосед Володька.

— А како тако твоё дело до моей жопы? — проворчала баба Клава. — Да и не её я збрушила, а ногу. Вот таперь опять фальшит.

— Как же ты её зашибла-то? — посочувствовал сосед.

— Дак дырки жа в тротуваре, — всё ещё сердилась баба Клава. — Особливо околи агентства неожиданности. И пошто они там? Ну, всё расковыряли!

— Ой, Клава, золото моё самоварное! — хмыкнул сосед. — И зачем тебе было агентство недвижимости? Чего ты там забыла? А плитки эти для слепых кладут.

— Каки таки плитки для слепых? — не поняла баба Клава.

Володька охотно пояснил, что плитки кладут для того, чтобы слепые своей палочкой нащупали по рифлёной поверхности, куда им идти.

Баба Клава усомнилась:

— Ты сурьёзно ай как? Дак как жа они поймут? Плитки лежат рядком, да полоски-то в разны стороны. И лежат они в ямках кое-как. Я вот зряча, а и то скопытнулась. Куда жа им, бедолагам, понять?

— Ой, Клава, — вздохнул Володька, — это забота о народе. Отцы города дали распоряжение, а таджики наклали эти плитки как попало. Им не всё равно? Для людей старались!

— Ага, забота, ага, для людей, — проворчала баба Клава. — Прежние-то отцы вот тожа заботились. Тока игде они таперь? И игде наши деньги? А у новых, видать, родня эти плитки делат. Вот и надо их куды-то пристроить. Хучь в ямки побросать. Бардак, прости, Господи!

Они помолчали.

Но бабу Клаву мучило любопытство:

— Володя! А вот чо за слово про жопу ты меня спросил?

Сосед захохотал:

— Клава, ангидрид ты мой суперфосфатный! Это новомодное нынче слово. «Шоп» — значит магазин по-иностранному. А «пошопиться» — это просто пойти по магазинам.

Баба Клава удивилась:

— А старых слов нам уже не хватат?

Володька только развёл руками.

Баба Клава продолжала расспрашивать:

— И хто так по-собачьи говорит?

— Все, — ответил сосед, — даже экскурсоводы. Так прямо и говорят, идите, дескать, пошопьтесь.

Баба Клава расстроилась:

— Да каки таки новы слова — без поллитры не поймёшь.

— А у тебя есть? — с надеждой спросил Володька.

Баба Клава внимательно посмотрела на соседа:

— Ланно, возьми мой портмонет. От пеньзии деньги пока ишшо есть. И мне на компресс сгодится. Иди, пожопься.

Володька закатился от смеха.

— И чо смеёсси? — проворчала баба Клава. — Тока под ноги гляи. А то навернёсси на заботу об слепых.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих! — весело прокричал Володька и умчался в магазин.

Пошопиться.

САЛЮТ

Рина бежала по пустому тёмному бульвару. Вокруг грохотало. Но салют был невидим из-за мрачных коробок домов. А Рине так хотелось посмотреть этот салют.

Навстречу торопливой походкой шёл парень-кавказец, опасливо втянув голову в плечи.

Поравнявшись с Риной, он шёпотом спросил:

— Девушка, почему так стреляют?

— Это салют. 50 лет, как Гагарин полетел в космос, — ответила Рина.

Парень перевёл дух, распрямился и пошёл дальше спокойно.

Рина добежала до конца бульвара, но салют уже закончился.

Можно было не торопиться...

Рина помнила потрясающий день 12 апреля 1961 года! Первый человек в космосе! И этот человек — советский лётчик-космонавт Юрий Гагарин! Наверное, такое счастье страна испытала только в мае 1945 года.

Те, у кого были телевизоры (а были они тогда не у всех), смотрели, как улыбающийся Гагарин шёл по красной ковровой дорожке, и у него развязался шнурок. И все боялись, что он споткнётся.

Рина помнила страшный день 1968 года, когда Гагарин погиб. Рина плакала. Да и не одна она. Тогда ещё официально не объявляли национального траура, но вся страна скорбела.

Обидно, что салют увидеть не удалось.

Но ещё обидней были появившиеся в Интернете перепечатки из западных газет, что Гагарин в космос не летал. Якобы всё это инсценировали американские спецслужбы для поддержания пошатнувшегося престижа Хрущёва. И будто бы от стыда за незаслуженную славу Гагарин начал пить и в нетрезвом виде болтать лишнее. Поэтому его убрали наши спецслужбы.

Интересно, где же он сказал своё знаменитое «Поехали!»? Сидя в студии перед камерой?

На западных аукционах стали появляться то советские ракеты, то скафандры космонавтов, то ещё что-то космическое.

Писали, что в Нью-Йорке на торгах Bohams был продан за 242 тысячи долларов скафандр Алексея Леонова, в котором он в 1975 году совершил полёт в качестве командира «Союза-19». Тогда впервые в космосе прошла стыковка двух кораблей — «Союза» и американского «Аполлона».

Интересно, откуда в Америке появился советский скафандр? Ведь не космонавты же торгуют скафандрами и всеми достижениями нашей космонавтики?

Почему-то Рина вспомнила на празднике в детском саду о советском ребёнке. Провозглашались лозунги, что в Советском Союзе — всё самое лучшее в мире. И ребёнок заплакал: «Хочу в Советский Союз!». Этот анекдот рассказывали, предварительно оглянувшись по сторонам.

Рина вынула сигарету, щёлкнула зажигалкой «с запахом яблока», которую ей подарили как американскую. Но она оказалась китайской. Обещанный запах выветрился очень быстро.

Было обидно за державу, которая всё, что принадлежало народу, продала в частные руки. За державу, которая распродавала нефть, газ, лес, достижения космонавтики, а взамен позволяла хоронить у себя иностранные радиоактивные отходы и покупала иноземную жратву и такие вот ерундовые зажигалки. За державу, которая не уважает своих ветеранов. Державу, где за бутылку водки можно купить орден Красной Звезды...

Рина стояла одна на тёмном бульваре и думала о том, что мы потеряли.

Ну что ж, салют из всех орудий в память о стране, которой нет.

Рина ещё раз щёлкнула китайской зажигалкой.

Воняло горелым пластиком.

Зажигалка полетела в урну.

Наши авторы

стр. 224 АНЮТИН Виктор Валентинович родился в 1950 году в деревне Марьино-Заречное Касимовского района Рязанской области. Окончил Рязанское художественное училище (1970 г.) и Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское, 1979 г.). С 1979 года работал в художественном фонде города Набережные Челны художником-проектировщиком, художником-монументалистом. Принимал участие в создании росписей церкви Косьмы и Дамиана (1990–1992, Набережные Челны, село Орловка), церкви Казанской Божией матери (2005–2006) и центральных стен храма Воскресения Христова (2007–2008, города Нижнекамска). В настоящее время преподаёт академический рисунок на кафедре дизайна в ИНЭКА.

стр. 217 АХМЕДОВ Баходыр (Бах) родился в Ташкенте в 1967 г. Закончил физический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1990 г.) и аспирантуру физфака МГУ (1994 г.). Кандидат физико-математических наук.

Стихи и проза Б. Ахмедова публиковались в литературных журналах и альманахах в Узбекистане, России, Великобритании и Израиле, а также в антологии современной поэзии Узбекистана «Анор» (Москва, 2009). В октябре 2007 года занял первое место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В сентябре 2008 г. принимал участие в 6-м Ташкентском фестивале поэзии.

В настоящее время работает зав.отделом поэзии журнала «Звезда Востока» и в Институте химии и физики полимеров АН Узбекистана.

стр. 182 БУДАРИН Сергей Сергеевич родился в 1990 году. Студент Самарского государственного технического университета (факультет автоматики и информационных технологий). Стихи печатались в альманахах «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), коллективном сборнике «Мечта Надежды» (Самара), литературно-художественном журнале «Русское эхо» (Самара), журнале «Молодёжная волна» (Самара), альманахе «Гостиный двор» (Оренбург) и т.д.

стр. 102 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В. С. Розова). В 1987 году в Казанском тюзе поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде.

С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидящая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском тюзе к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова,.Там же через год сыграли премьеру комедии «Полёты в параллельных мирах».

Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). В 2010-м под его редакцией издали альманах «Галерея», посвящённый 75-летию казанского поэта Виля Мустафина.

Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана.

стр. 51 ГАНЕЕВА Илиса Гайсиевна родилась в 1953 году в Башкортостане. Журналист, автор книги «Последнее столетие в женских судьбах». Работает в телерадиокомпании «Татарстан — Новый век».

стр. 67 ГОФМАН Владимир Николаевич родился в г. Городце Горьковской (ныне Нижегородской области). Закончил авиатехникум, истфилфак университета им. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию.

С 1984 по 1996 годы жил в Набережных Челнах, работал редактором газет «Камские зори», «Вести КамАЗа», «Дюжина», «Отчий край», активно посещал занятия литобъединения «Орфей». В Набережных Челнах в его биографии произошёл важный этап — журналист решил стать священнослужителем, к чему стремился едва ли не с самого детства.

Ныне отец Владимир — священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы, а также трёх пьес для детей (две — в соавторстве). Лауреат премии им. Бориса Корнилова (поэзия, 1983), Эдурда Касимова (публицистика, 1990), литературных премий «Нижний Новгород» (2003) и «Болдинская осень».

стр. 225 ДОРОЖКИН Николай Яковлевич родился в городе Моршанске Кемеровской области в 1935 году. Окончил физико-технический факультет Томского Государственного университета. Работает в Централь-

ном НИИ машиностроения (г. Королёв). Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, действительный член Российской академии космонавтики. Автор книг стихов, прозы, публицистики. Стихи Н.Я. Дорожкина публиковались в журналах «Юность», «Техника молодёжи», в газетах «Московский литератор» и «День литературы», научно-популярные статьи выходили в «Независимой газете», в журналах «Терра-инкогнита», «Знак вопроса», «Чудеса и приключения», «Наука и религия» и других. Член Союза писателей России.

стр. 233 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

Книги и публикации В.А. Ермакова были отмечены положительными аннотациями в центральной прессе (EX LIBRIS НГ, «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», журналы «КУЛЬТ ЛИЧНОСТЕЙ» и «КОНТИНЕНТ») и поддержаны видными литературными критиками В.Я. Курбатовым и Л.А. Аннинским. Его стихи включены в хрестоматию «ПИСАТЕЛИ ОРЛОВСКОГО КРАЯ. XX ВЕК» (ОГУ 2000) и) и в антологию «РУССКАЯ ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК» М., «Вече», 2010; отдельные стихотворения и ряд эссе переведены на финский, польский и английский языки.

стр. 22 КАН Диана Елисеевна — член Союза писателей России, поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Обречённые на славу», а также множества публикаций в центральных и региональных изданиях России. Дважды лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наш современник». Лауреат всероссийской литературной премии «Традиция». Лауреат всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия». Живёт в городе Новокуйбышевск Самарской области.

стр. 214 КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась в 1964 году в городе Волжском Волгоградской области. В начале семидесятых вместе с родителями приехала в Набережные Челны, где и окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и факультет педагогики и психологии педагогического института.

С 2000 года сотрудничает с Татарстанским отделением Союза российских писателей как редактор, журналист и организатор литературно-музыкальных встреч.

Ольга — автор двух поэтических книг «По воле небес» и «Раскачивая маятник судьбы», двух песенных альбомов «Любовь пою» и «Ты услышишь», художественно-документальной книги «Одноклассники. Письма в будущее».

Лауреат XIII республиканского конкурса «Бәллүр каләм — Хрустальное перо» 2010 года. Член Союза российских писателей. Слушательница Высших литературных курсов.

стр. 37 ЛАРИОНОВА Татьяна Петровна родилась 2 июля 1955 года в Казани. Окончила Казанский государственный университет и Казанский государственный медицинский институт. С 1972 г. — старшая пионервожатая казанской средней школы №82, организатор внеклассной и внешкольной работы; в 1983 - 1991 гг. — инструктор, заместитель заведующего, заведующая отделом пропаганды и агитации, второй секретарь Приволжского райкома партии Казани; в 1991 - 2001 гг. — заведующая отделом изучения и реализации проблем молодёжи и социальной защиты, начальник отдела социальной защиты малоимущих слоёв населения, начальник управления социальной защиты населения в администрации г.Казани; в 2001 - 2006 гг. — начальник управления социальной защиты Министерства социальной защиты РТ в Казани. С ноября 2006 года — государственный советник при Президенте Республики Татарстан по социальным вопросам; с 10 марта 2010 г. — исполнительный директор некоммерческой организации «Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры РТ».

Кандидат социологических наук.

стр. 30 ЛЕЙФЕР Александр Эрахмиэлович родился 27 декабря 1943 года в Омске. Окончил отделение журналистики Казанского государственного университета. В течение многих лет работал в средствах массовой информации. Один из инициаторов создания в Омске литературного музея им. Ф. М. Достоевского. Печатался во многих журналах, альма-

нахах и коллективных сборниках, выходивших в Москве, Омске, Красноярске. Автор книг «Сибири не изменю!.. Страницы одной жизни» (о Петре Драверте. Новосибирск, «Прошлое в настоящем. Очерки» (Омск), «... Буду всегда жива. Документальное повествование о Валентине Бархатовой и её друзьях» (Омск), «Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках» (Омск), «Вокруг Достоевского» и другие очерки» (Омск). В 1992 году принят в Союз российских писателей. При основании Омского отделения Союза российских писателей (1993 г.) был избран его председателем. Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 3 ЛОМОНО́СОВ Михаи́л Васи́льевич (8 (19) ноября 1711, деревня Мишанинская, Россия — 4 (15) апреля 1765, Санкт-Петербург, Российская империя) — первый русский учёный-естествоиспытатель мирового значения, энциклопедист, химик и физик; он вошёл в науку как первый химик, который дал физической химии определение, весьма близкое к современному, и предначертал обширную программу физико-химических исследований; его молекулярно-кинетическая теория тепла во многом предвосхитила современное представление о строении материи,— многие фундаментальные законы, в числе которых одно из начал термодинамики; заложил основы науки о стекле. Астроном, приборостроитель, географ, металлург, геолог, поэт, утвердил основания современного русского литературного языка, художник, историк, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики. Разработал проект Московского университета, впоследствии названного в его честь. Открыл наличие атмосферы у планеты Венера. Действительный член Академии наук и художеств (адъюнкт физического класса с 1742, профессор химии с 1745).

стр. 201 ЛУКОШИН Олег родился в 1974 году в Горьковской области, с 1976 года живёт в Нижнекамске. Окончил факультет иностранных языков Елабужского государственного педагогического института, работает корреспондентом в газете «Нижнекамская правда». Печатался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Бельские просторы» (Уфа), «Слова» (Смоленск), «FloriДа» (США), автор книги «Капитализм» (Москва, «АСТ», 2010). Финалист литературных премий «Национальный бестселлер» (2010), «Нонконформизм» (2011), лауреат премии журнала «Урал» за крупную прозу (2010).

стр. 236 МИГАЧЁВА Ирина родилась 10 февраля 1990 года в Набережных Челнах. В 1995 году переехала с семьёй в посёлок Уруссу, который расположен на юго-востоке Республики Татарстан. Там в 2007 году оканчивает среднюю школу, после чего поступает в Набережночелнинский пединститут и возвращается в родной город.

Стихи начала писать в 14 лет. Сейчас Ирина является студенткой 5 курса филологического факультета НИСПТРа.

стр. 237 НАЗАРОВ Алексей Николаевич родился в Набережных Челнах. В 2011 году окончил среднюю школу 5. В 2011 году на Всероссийском фестивале детских и юношеских и молодёжных СМИ «МедиаПоколение» награждён дипломом первой степени. В этом же году на втором открытом Республиканском творческом конкурсе «Пушкинские чтения» награждён дипломом второй степени. Студент факультета зарубежной филологии филиала Казанского федерального университета города Набережные Челны.

стр. 244 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей. Член Союза российских писателей.

стр. 61 ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился 10 марта 1953 года в якутском посёлке Жатай. Работал начальником лесоучастка, старшим прорабом, председателем улусного объединения «Сельхозхимия», директором совхоза «Нюйский», начальником сельхозуправления, заместителем главы администрации Ленского улуса, консультантом в аппарате Правительства Республика Саха (Якутия).

Первые стихи опубликовал в 1968 году в районной газете «Ленский коммунист». Автор поэтических книг «Откровение дней», «Цветы любви», «Грозовые крылья» и других. Печатался в журналах «Полярная звезда», «Москва», «Смена», «Наш современник» и ряде других изданий. На его стихи написано более 200 песен, баллад и романсов.

И. Переверзин — лауреат премий журнала «Наш современник» и еженедельника «Литературная Россия», Большой литературной премии России, а также премии «Имперская культура».

В настоящее время живёт в Москве, работает председателем Международного сообщества писательских союзов (МСПС) и пред-

седателем Международного Литературного фонда.

стр. 55 ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович — поэт, критик, прозаик, журналист, переводчик; член Международной Ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной Федерации журналистов; действительный член Петровской Академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России. В настоящее время работает советником председателя Комитета по телекоммуникациям и СМИ города Москвы.

Родился 12 мая 1954 года в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литфонда России. Окончил заочно Литературный институт им. А.М. Горького. Автор 16 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран.

Член редсоветов журналов «Всерусскій Соборъ» (С.-Пб), «Север» (Петрозаводск), «Донбасс» (Донецк), «Роман-журнал, XXI век» (Москва), «Десна» (Брянск), «Бийский вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), «Сура» (Пенза), редколлегии альманаха «День поэзии» и других изданий.

Участник выездного Пленума Союза писателей России в Чечне, Конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и нескольких Всемирных Русских Народных Соборов. Был руководителем ряда совещаний молодых писателей, творческих семинаров, литературных фестивалей и мастер-классов.

стр. 206 САБИРОВ Рустем Раисович родился в 1951 году. Живёт в Казани. Автор четырёх книг — «Прощание с ангелом», Странные истории», «Конец Лабиринта», «Беглец». Лауреат литературных премий имени Державина и имени Горького.

стр. 245 САЛЬТИНА Марина Генриховна родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина и режиссёрский факультет ГИТИСа им. А.В. Луначарского (курс профессора М.О. Кнебель). Режиссер-постановщик, актриса, педагог, писатель. Доцент кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Член Союза театральных деятелей и Московского объединения Союза литераторов России. Рассказы публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», газете «Нойес лебен». Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы» и другие рассказы» и «Поезда на Монтеррей» (издательство «Голос-Пресс»). Живёт в Москве.

стр. 190 СМИРНОВ Александр родился в 1986 году в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Кандидат физико-математических наук.

Печататься начал в 2007 году. Имеется около 70 публикаций в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Юность», «Нива», «Журнал Поэтов», «Черновик», «Русский міръ», «Второй Петербург», «Жемчужина», «Введенская сторона», «Знание-сила: Фантастика», «Очевидное и невероятное», «Экология и жизнь» и др.).

стр. 32 СПЕРАНСКИЙ Виталий Владимирович родился в Комсомольске-на-Амуре в 1946 году. Учился в Уфимском энергетическом техникуме. Служил в Группе советских войск в Германии. В 1968 году участвовал в боевых действиях в Чехословакии. В 1970 году приехал в Набережные Челны на строительство КамАза. Работал слесарем, водителем самосвала, инкассатором, электромонтёром, водителем по перегону новых автомобилей «КамАЗ», завхозом и водителем школьного автобуса. Женат. Есть дети и внуки. Пенсионер. Живёт в селе Костенеево.

стр. 28 СУВОРОВ Виктор Семенович родился 9 апреля 1953 года в селе Новошешминск Чистопольского района Республики Татарстан. Свою трудовую деятельность начал в 1970 году на Чистопольском часовом заводе слесарем-сборщиком. Срочную воинскую службу проходил в Западной группе советских войск в Германии. После увольнения в запас работал токарем, старшим техникомпланировщиком, инженером-диспетчером на Уральском автомобильном заводе в Свердловске (ныне Екатеринбург). Там же закончил исторический факультет Уральского государственного университета, а в 1995 году — экономический факультет Московской коммерческой академии. В 1979 году Виктор Суворов приехал в Набережные Челны, на КамАЗ. В системе профессионального образования трудится более 25 лет. В 1989 году на конкурсной основе избран директором Торгово-кулинарного училища № 117.

Статус возглавляемого Суворовым училища неуклонно рос: 1992 год — коммерческий лицей, 1997 год — Торгово-технологический колледж, 2004 год — Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт. Не останавливается в своём совершенствовании и ректор НГТТИ. В 1999 году В.С. Суворов успешно защитил кандидатскую диссертацию, осенью 2005 года докторскую.

Много лет он возглавлял Совет директоров учебных заведений профессионального образования республики и города. Имеет почётные звания: «Заслуженный учитель РТ», «Директор года — 96», «Директор года — 97». «Почётный гражданин города Набережные Челны».

В 2003 году награждён нагрудным знаком «За заслуги в образовании». В 2005 году ему вручена медаль «К 1000-летию Казани».

Имеет более 60-ти научных статей, монографий, учебных пособий в области управления качеством профессионального образования.

стр. 194 УЧАРОВ Эдуард родился в г. Тольятти в 1978 г. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Его стихи неоднократно публиковались в региональных и московских журналах. Своими поэтическими подборками Эдуард Учаров, представлен и в интернет-изданиях России, Финляндии, США, а также в интернете.

Удостоен грамоты в литературно-поэтическом конкурсе «Малая родина», дипломов в рамках конкурса «Политическая поэзия современности» и литературного конкурса «Дебют года».

В 2010 г. Эдуард Учаров вошёл в шорт-лист международного поэтического конкурса «Согласование времён» (Германия), шорт-лист международного литературного конкурса «Национальное возрождение Руси» (Проект Хронос), а также московским литературным журналом «Контрабанда» выдвинут на соискание независимой поэтической премии «П».

стр. 35 ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна родилась в 1960 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля и факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института (1981).

Писать стихи начала в школьные года. Автор нескольких поэтических книг и соавтор книги переводов на татарском и русском языках «Два родника родной земли» (2007).

Стихи Веры Хамидуллиной публиковались в журналах «Мир без границ», «Интер-клуб», «Идель», «Казань», в альманахе «Дом творчества». Участница, призёр и дипломант международных поэтических интернет-конкурсов, в том числе конкурса переводов «Наследники Лозинского».

Живёт в Набережных Челнах, руководит туристической фирмой.

стр. 52 ХАРИСОВ Ренат Магсумович (РЕНАТ ХАРИС) — народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском, чувашском языках, в том числе — избранных произведений в 7 томах. Родился в 1941 году в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответсекретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры, главным редактором газеты «Татарстан хэбэрлэре», литературного журнала «Казан утлары», заместителем Председателя Госсовета (парламента) Татарстана, народным депутатом парламента республики трёх созывов. Им написано более четырёх десятков поэм, некоторые из которых стали операми, балетами, ораториями, кантатами, теле- и радиоспектаклями. На стихи поэта композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и т.д. создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра. За создание либретто балета «Сказание о Йусуфе», а именно за развитие традиций национального эпоса в современных условиях диалога культур, ему присуждена Государственная премия Российской Федерации за 2005 год. Он является лауреатом Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая, Республиканской премии молодёжи Татарстана имени М. Джалиля, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Чувашии и Каракалпакии (Узбекистан). Является секретарём Союза писателей России, членом Геральдического совета при Президенте Татарстана, членом редколлегий журналов «Наш современник», «Татарстан», «Исторической газеты» (Москва), членом Главной редколлегии Татарской Энциклопедии.

ЧЕНЦОВ Михаил Михайлович родился в 1993 году. Проживает в Елабуге, заканчивает среднюю школу № 9.

Уважаемые читатели!

В № 2(7) литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» за 2011 год допущена серьёзная техническая ошибка. Автором трёх стихотворений на страницах 137-138 является не Ольга Бедная, а Ольга Журавлёва. Редакция приносит свои извинения Ольге Сергеевне Бедной и Ольге Владиславовне Журавлёвой. Готовы искоренить свою вину последующими публикациями этих талантливых поэтесс.

Содержание

НАСЛЕДИЕ. К 300-ЛЕТИЮ М. В. ЛОМОНОСОВА

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ
ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ 3

БОРИС ТАРАСОВ
МАРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ УНИВЕРСАЛИСТСКОГО ГЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА 5

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

СВЕТЛАНА АНИНА
«СИЯНИЕ РОССИИ», ОЧИЩАЮЩЕЕ И ПРОСВЕТЛЯЮЩЕЕ 9

ЭЛЕОНОРА ФАЙЗУЛЛИНА, ЮЛИЯ АБДУЛЛИНА
АКСАКОВСКИЙ ЛИСТОПАД 12

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
«Я ПОСЕТИЛ РОДИМЫЕ МЕСТА...» 16

ДИАНА КАН
ОБ АЛЬМАНАХЕ «ГОСТИНЫЙ ДВОР» 20

СЕРГЕЙ БУДАРИН
ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ ТРАМПЛИН 22

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН
«ОСЕНИНЫ» В ДОМЕ АКСЁНОВА 24

СВЕТЛАНА КОЛИНА
ГОД БЕЗ ДИАСА ВАЛЕЕВА 26

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

НА ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

БОЛГАР И СВИЯЖСК — НАШИ СВЯТЫНИ. *Интервью с исполнительным директором республиканского фонда «Возрождение» Т. П. Ларионовой* 37

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ: МЕДИЦИНА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

ИЛИСА ГАНЕЕВА
ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ 47

2011 — ГОД ТУКАЯ

РЕНАТ ХАРИС
В СЕМЬЮ ВСЕЛЕННОЙ 52

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ
ПРЕОДОЛЕНЬЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ 55

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН
ВСЁ НА ЗЕМЛЕ ДОСТОЙНО СЛОВА 61

ИМЯ В ПРОЗЕ

ВЛАДИМИР ГОФМАН
ВОВКА ТЕРЁШКИН И ДРУГИЕ 67

ИМЯ В ПОЭЗИИ

СЕРГЕЙ МАКАРОВ
ПОЗДНЕЦВЕТ 90

КАЗАНСКАЯ ТРИЛОГИЯ
АЛЕКСАНДР ВОРОНИН
НЕВИДИМКИ 102
СТИХИ И ПРОЗА МОЛОДЫХ
СЕРГЕЙ БУДАРИН
ПЕРЕД ИКОНОЙ НЕБЕС 182
АЛЕКСАНДР СМИРНОВ
В ЧУЖОМ ГОРОДЕ 190
ЭДУАРД УЧАРОВ
ПО ВЕЧЕРАМ 194
ОЛЕГ ЛУКОШИН
ЖЕНЩИНА ТЫСЯЧИ МУЖЧИН....201
СУИЦИДНИКИ....203
СОВРЕМЕННЫЙЦ РАССКАЗ
РУСТЕМ САБИРОВ
ПОСЁЛОК ШУГАН....206
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
ЯНТАРНАЯ БУСИНА 214
БАХ АХМЕДОВ
ПРОЖИТЬ ТРИ СЛОВА 217
ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!
ВИКТОР АНЮТИН
СВЕТ НЕБЕСНЫЙ И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ 224
НЕФОРМАТ
НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН
ЗАГАДОЧНАЯ РУССКАЯ ДУША....225
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ
ОБ ЭТОМ... НУ, САМИ ЗНАЕТЕ, О ЧЁМ 233
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»
ИРИНА МИГАЧЁВА....236
АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ....237
МИХАИЛ ЧЕНЦОВ....238
ИЗДАНО В РОССИИ
НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА....236
СМЕХОТЕРАПИЯ
МАРИНА САЛЬТИНА
ЭКСКУРСИЯ....245
ЗАБОТА 246
САЛЮТ 247
НАШИ АВТОРЫ 249

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ: МЕДИЦИНА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ВИКТОР АНЮТИН. СВЕТ НЕБЕСНЫЙ И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель
ОАО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Союз писателей
Республики Татарстан
420012, г. Казань, ул. Муштари, 14.
Тел.: (8-843) 236-97-91

Подписано в печать 21.11.2011 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.
Заказ Р1803

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел. (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

ВИКТОР АНЮТИН. «ЗИМНЕЕ УТРО» 2000 г. Х. м., 50х70

ВИКТОР АНЮТИН. РОМАШКИ. 2002 г. Х. м., 70Х87